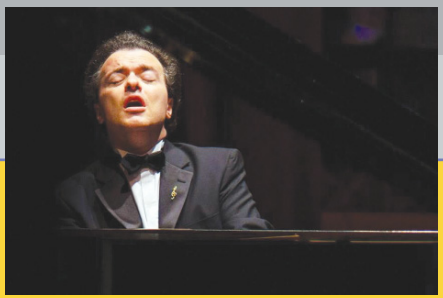
Одесский альманах

№86

III / 2021

ДЕРИБАСОВСКАЯ / РИШЕЛЬЕВСКАЯ



PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (86), 2021
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга,
Михаил Пойзнер, Алена Яворская
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД №21 от 20.01.2003 г.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Тираж 100 экз.
Заказ № _____

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (86), 2021
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга,
Михайло Пойзнер, Олена Яворська
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «ТакиБук»
Україна Одеса ФОП Карпенков О.І.
Свідоцтво ОД №21 від 20.01.2003 р.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Наклад 100 прим.
Замовлення № _____

© АО «ПЛАСКЕ», 2021
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2021

От редакции

И дольше века длится год… У Чингиза Айтматова, чей роман мы цитируем, – «день», но смысл тот же. В экстремальной ситуации, когда над твоей родиной, твоим городом, над твоими родными и друзьями нависает смертельная опасность, время как бы замедляет свой вечный ход…

Так было с нами все 12 месяцев, что минули со 2 сентября 2020 г., когда Одесса отмечала 226 год своей биографии. И в те дни вышел 82 номер нашего альманаха.

…Уже тогда мы испытывали тревогу, меняли планы, болели тем недугом, который сравним с древними зловещими напастями наших далеких предков. Но в полной мере демон-вирус показал себя через несколько месяцев. С удивительной прозорливостью зла он выбрал из нашего круга тех, без кого альманах, говоря по правде, мог и вообще не состояться, во всяком случае – не выдержал бы уровня, заданного более 20 лет назад. Речь идет и о нашем незабвенном товарище Олеге Губаре, и о Михаиле Жванецком, и о наших авторах и читателях, которых сейчас, когда вышел 86 номер, уже нет с нами.

Если вы регулярно читаете на наших страницах главы из «Путеводителя по пушкинской Одессе», то наверняка уже заметили, что под нынешней публикацией нет привычной сноски «Продолжение следует». Это означает: главный труд Олега Губаря вышел отдельным двухтомным изданием и стал в один ряд с работами всемирно известных пушкинистов всех времен и народов.

Олег Губарь остается членом редколлегии альманаха, которая пополнилась с этого номера еще двумя нашим авторами и друзьями, сотрудником Литературного музея Аленой Яворской и почетным гражданином Одессы профессором Михаилом Пойзнером.

Не прерывается и еще одна традиция, которой мы гордимся: и в этом номере – монологи Михаила Жванецкого, на сей раз они содержат «Простые вещи», которые стоит не только запомнить, но и передать дальше, из поколения в поколение. Как обещала нам Наталья Жванецкая, и в последующие номера альманаха нам дано право включать монологи писателя, считавшего себя постоянным автором нашего издания.

В эти дни на Аллее звезд у оперного театра пантеон выдающихся одесситов (и не обязательно по рождению – по вкладу в сокровищницу города) пополнился еще пятью славными фамилиями: наш город хотя и молод – всего 227 лет, но с каждым годом с наступлением юбилейных дат перед членами историко-топонимической комиссии Одесского горисполкома стоит нелегкий выбор – столь велик список достойных претендентов на звезду.

И еще одна традиция продолжается сегодня. К нынешнему Дню города АО «ПЛАСКЕ» и Литературный музей выпустили очередной Одесский календарь – на сей раз рассказывающий об улице Базарной. И, как всегда, наш альманах в каждом номере года представлял фрагменты биографии этой улицы, связанной с именами Валентина Катаева и Эдуарда Багрицкого, Владимира Жаботинского и Леонида Пастернака…

Важно, что в трудный, во многом трагический год подтвердилась репутация Одессы, где в сложной, порой кажущейся тупиковой ситуации проявляется то, что нынче по-научному называется синергией – сложением сил, дающим поразительный эффект. Пример тому – проведение в условиях пандемии и карантина всех намеченных в «мирное время» международных фестивалей.

Сенсацией в мире высокой музыки стал седьмой фестиваль «Odessa classics» (Алексей Ботвинов), новаторские произведения исполнялись на «Двух днях и двух ночах новой музыки» (Кармелла Цепколенко), международную аудиторию собрал под эгидой ЮНЕСКО фестиваль «Музыка и слово». Оригинальные проекты представили Художественный музей и Музей современного искусства Одессы… Подробнее хочется остановиться на выставке в МСИО личной коллекции создателя музея мецената Вадима Мороховского. Продолжая традиции просвещенного меценатства, Мороховский возвращает в наш город произведения мастеров, эмигрировавших из Одессы после октябрьского переворота 1917-1920 годов или погибших в Одессе в годы фашистской оккупации, или переставших заниматься подлинным искусством в силу эстетиче-

ского сопротивления советской власти – как, к примеру, живописец и график Михаил Жук, ушедший в изготовление керамики.

В дни, когда этот номер сдавался в типографию, в Одессе проходил масштабный книжный фестиваль «Зеленая волна», шла подготовка к Международному кинофестивалю и к Джазовому памяти Юрия Кузнецова… И это еще, как говорится, не весь список.

Когда шла подготовка к фестивалю «Зеленая волна», и начали отбирать для участия в конкурсе книги, изданные в Одессе за прошедший год, еще и еще раз стало понятно, сколь продуктивен он был для одесских писателей, исследователей и краеведов. Мы радуемся, что среди них множество постоянных авторов нашего альманаха, участников студии «Зеленая лампа» при Всемирном клубе одесситов. Это и коллективный роман-буриме «Исчезла!», написанный 13 прозаиками: уже третий роман студийцев, поддержанный газетой «Вечерняя Одесса», где он публиковался глава за главой 13 недель. Это новый роман Анны Михалевсой, изданный в Киеве издательством «Радуга». Как и публицистическая книга прозы Виктории Коритнянской – это антивоенные произведения, отрицающие войну как способ решения проблем в цивилизованном мире.

Книги стихов вышли у Юлии Мельник, Ольги Ильницкой, Славы Китика. Ждем новые книги Таи Найденко и Влады Ильинской. О том, на каком серьезном витке развития одесская современная поэзия, можно судить и по публикациям в нашем альманахе. Мы бы рекомендовали внимательно читать и стихи Тины Арсеньевой и Ирины Беньковской, в которых есть и строки памяти Олега Губаря. Порадовали нас и переводы из украинской поэзии Татьяны Мартыновой. В следующем номере альманаха планируем публиковать ее оригинальные стихи, а в этом показываем ее тончайшие переводы поэта-диссидента Василя Стуса, не потерявшие публицистического накала и в наши дни.

Обязательно отметим и книги наших новых членов редколлегии. Алена Яворская, собрав свои лучшие эссе (многие из них публиковались в альманахе), издала сборник «42 истории о… или Это было, было в Одессе», а Михаил Пойзнер на основе своей коллекции сделал альбом – рассказ «Еврейские истории», где становление Государства Израиль соседствует с материалами по истории синагог в Украине и подвигами воинов-евреев в Великой Отечественной войне.

Надеемся, все эти книги найдут своего благодарного читателя, как и публикации в этом номере альманаха. А здесь мы публикуем

неосуществленный киносценарий Олега Губаря и Ирины Хургиной об истории Одессы. Он был написан в конце 80-х, уже принят в производство, начаты съемки – но распад СССР положил конец этому замыслу. Центральному телевидению оказалось уже не до одесских приключений.

И еще одной публикацией гордимся. Потери последнего года огромны. Мы называли Михаила Жванецкого, не забываем об Аркадии Львове, Николае Голощапове, Александре Дорошенко, Ефиме Ярошевском. У Ярошевского буквально за несколько дней до смерти вышла книга, включившая его «Провинциальный роман-с» и «Записки на салфетках». Но и в ту итоговую книгу не попал фантасмагорический рассказ, оставшийся с 80-х годов в рукописи. Жена Ефима Яковлевича прислала его в наш альманах и мы – насмеявшись – даем возможность посмеяться блестящей шутке писателя.

Но, признаемся, что если не главный, то важный повод для оптимизма дал нам конкурс, итоги которого публикуются под опять же традиционной рубрикой «Первые шаги». Нынешней весной школьники писали работы под девизом «А в Одесі акація цвіте…». Работы лауреатов публикуются в этом номере, а молодые акации – символ нашого города – будут высажены в первые дни сентября.

И пусть этот одесский год длится ровно столько, сколько значится в календаре, и одним из эпиграфов к нему станет стихотворение Юрия Михайлика:

Дорогая, ты знаешь, на глинистом берегу
до сих пор под утренним ветром дрожат оливы.
Серебристые узкие листья небрежны и торопливы –
ты прочтешь их попозже. А я уже не смогу.

На холодном песке – ты же помнишь, как он горяч, –
утихая, уляжется траурной темной каймою
все, что грозною ночью добудет и выловит море,
принесет и оставит – добычу для наших удач.

Это груды ракушек, медуз голубая слюда
и рыбачьи шары, и зеленые нити агара,
и стеклянные капли из августа и от загара…
Ибо море не знает, что мы не вернемся сюда.

Михаил Жванецкий

Терпим, видим, понимаем

Жизнь наша обустроена опытным путем.

Этот умен и талантлив.

Мы терпим… Терпим!!!

Этот красив и капризен.

Терпим!

Эта глупа и прекрасна.

Терпим, терпим!

Этот суетливый, всем преданный, но стойкий, небольшой и оловянный.

Дружим. Любим. Терпим!

Тот не может выразить полмысли.

Нету. Не мыслит он вообще.

Терпим, видим, понимаем.

Этому кто-то сказал, что он поэт.

Влезает со стихами среди еды.

Терпим, терпим, вдруг поймет.

Тот приволок петарды, стреляет фейерверком, самоутверждается путем огня.

Терпим, дергаемся, понимаем.

Эта одна, но беременна всегда.

Любой анализ показывает беременность.

Не говорит, от кого, и не рожает…

Ну что ж, терпим, видим, понимаем.

Тот просто подошел к чужой жене: «Какие у вас прекрасные волосы, хорошо бы их посмотреть ночью».

Терпим, слышим, понимаем.

Этот в сорок пять лет пишет: «Мама, забери меня отсюда…»

Как он туда попал?

Как старуха его заберет?

Терпим, дружим, продолжаем.

Тот в военные пошел.

Требует жертв, просит нас гордиться армией, плачет: «Как воевать на такой зарплате?»

Ну не воюй, мерзавец! Не хочет, надо ему…

Терпим, терпим, продолжаем.

Тот, в трусах, с двумя тетками ходит в киоск за пивом. В амбразуру жалуется: «Я что ли не даю на расходы?.. А, Дуся? Ну ты же меня знаешь».

Да все его знают, слышат, видят, гонят, кормят, одевают.

Две женщины его домой зовут…

На какие он дает расходы?

Он весь – одни убытки.

Но терпим…

И он из людей.

А этого спросишь: «Воду дали?» – отвечает так подробно, что можно повеситься. Лишние слова ведрами выносим.

Выносим, дружим, выливаем.

А тот заорал вдруг: «Чужих терпеть не будем! Из своих терпеть будем только хороших. Только очень хороших».

Хотя очень хорошие не могут бороться с плохими.

С плохими борются тоже плохие.

Так что и плохих надо терпеть для борьбы с ужасными.

Терпим, зубы искрошили, ногти изгрызли…

Терпим!

Чтоб жизнь на земле не кончалась.

Простые вещи

И после того как не понял сложного и не осуществил, начинаешь открывать простые вещи.

Что спать на воздухе лучше.

Что жить среди зелени лучше.

Что надо поднять упавшего.

Что надо впустить в дом переночевать.

Что надо угостить каждого, кто вошел.

Что надо принести, если попросят.

Что надо заплатить первым.

Что надо сварить бульон для больного, даже чужого.

Что надо не раздражаться на раздражение.

Землю надо любить. Воду надо любить.

Чистый воздух надо любить.

Детей надо захотеть.

Бросить все лишнее. Выбросить хлам.

Остаться с одной женщиной.

Смеяться, если смешно. Громко.

Плакать, если больно. Тихо.

Оскорбить может только плохой человек. Хороший уйдет от твоей обиды.

Надо восстановить свой род и посмотреть, кто там был, чтобы знать откуда.

Не стесняться ходить к врачам.

Ходить на могилы.

Смерть есть смерть.

И до нее какое-то время.

Юрий Михайлик

Самое новое

Ефиму Аглицкому

Перелетная геометрия – эстетика прямых углов.
Для летящих внизу событий полагается много слов.
Но когда самолет снижается, в молочном дыму тормозя,
удержи свою речь в гортани – нам говорить нельзя.
Мы утрачиваем право на слово каждый раз, когда самолет
в молоко, в облако, в яблоко – напросвет, увы, напролет…
Что там снизу – жара иль стужа, облако, яблоко, молоко?
Мы не смеем судить снаружи, слишком мы от них далеко.
И когда мы вернемся в подробности, в сумрак, в лунные пузыри,
мы поймем, молоко и яблоко, что нельзя судить изнутри.
Слишком больно, кроваво, оплавлено, и еще горит надо мной –
непонятной, облако – яблоко, золотой цыганской луной.

* * *

И век тяжел, и веки тяжелы,
и вязок воздух.
Степные пустоглазые орлы
недвижны в гнездах.
Короткий край крыла, укол, урок,
трава подмокла –
последнее, что видел мой сурок.
И флейта смолкла.

* * *

Колонны дорических сосен,
и – календарю вопреки –
еще не осмелилась осень
коснуться забытой реки.
Темны и спокойны глубины,
таинственной жизни темней,
большие рубины рябины
плывут, не качнувшись, по ней.
Сосновые кроны в покое,
ни шороха, ни ветерка,
и тихо скользят над рекою,
и снова по ней – облака.
Свеченье легко и прощенье,
и наши долги и грехи
прощально несет по теченью
осенняя нежность реки.

Иронические строки

* * *

Девичья строка золотая
Вся в лексике новых времен.
Гусары смутились, читая.
И конский состав удивлен.

* * *

Я против вселенских прогнозов
И против системы «гланаз».
Но личная жизнь паровозов
Достойна внимательных глаз.

* * *

Читать эти строчки неловко,
А вслух и публично – втройне.

Но в качестве татуировки
Они пригодятся вполне.

* * *

Люблю язык новейших книг.
И с тихой завистью на них
Глядит из глубины веков
Иван Семенович Барков.

* * *

Золотая лихорадка. Ждет машина у дверей.
Недостатки, неполадки, время кончилось – скорей.

Споры, сборы, сказки, были – вековечная игра,
что сложили, что забыли, нету времени – пора.

Там дорога, как отрада, сладкой тягою в груди –
звездопады, камнепады, водопады впереди.

Там знакомый, но рисковый серпантинчик грозовой,
там и коршун тростниковый низко ходит над травой,

там пятнистые олени имитируют испуг,
там полуночные тени бродят с севера на юг,

там базальтовые глыбы нависают над водой,
независимые рыбы мирно плавают с тобой.

Золотая лихорадка – наши лучшие года,
только жаждою богатства не болели никогда,

Ветер, плотный и упругий, путь один и жизнь одна,
и в глазах твоей подруги нежность, радость, тишина.

Мы придем к своим заботам – льготы, квоты, доктора,
будет бедная тойота бить копытом у двора.

Дальний гул автомобиля. И в последней тихой мгле –
что ж мы все-таки забыли? Что забыли на земле…

* * *

Дорогая, ты знаешь, на глинистом берегу
до сих пор под утренним ветром дрожат оливы.
Серебристые узкие листья небрежны и торопливы –
ты прочтешь их попозже. А я уже не смогу.

На холодном песке – ты же помнишь, как он горяч, –
утихая, уляжется траурной темной каймою
все, что грозною ночью добудет и выловит море,
принесет и оставит – добычу для наших удач.

Это груды ракушек, медуз голубая слюда
и рыбачьи шары, и зеленые нити агара,
и стеклянные капли из августа и от загара…
Ибо море не знает, что мы не вернемся сюда.

Роман-с

В тридцать два румба курс разделив
и кратчайший согнув в дугу,
он прошел насквозь Магелланов пролив
и вдевает в ухо серьгу.

А в ближайшей таверне совьют шипцы
золотую крутую нить.
Если он на суше отдаст концы –
его будет на что хоронить.

Он ни в жизнь не хотел поменять судьбу,
дебошир, гуляка, ходок –
пусть другим проденут серьгу в губу
и приладят к ней поводок…

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

История, краеведение

16 Олег Губарь
Путеводитель по пушкинской Одессе

36 Андрей Добролюбский
«Будь счастлив!»

51 Валерий Базаров
Запятая на дороге в бесконечность

64 Ирина Ковшарь
Одесско-тульские связи

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Потоцкая

София Константиновна Потоцкая (1760-1822), в первом браке – графиня де Витт. Происходила из семьи константинопольских греков (фанариотов), преуспела в мифотворчестве, так что девичья ее фамилия остается под вопросом – возможно, Глявоне. Характеристики: от константинопольской куртизанки до выдающейся красоты и ума светской дамы, каковой увлекались венценосцы и многочисленные нобли: в их числе упоминают Фридриха II, Иосифа II, графа Прованского (Людовика XVIII), графа д'Артуа (Карла X), Станислава Августа, герцога де Линя, Потемкина и проч.

Принято считать, что Потоцкая занималась политическим шпионажем и провокациями в пользу России. Ее имя носит известный парк в Умани. От брака с фантастически богатым шляхтичем Станиславом-Феликсом Потоцким-Щенсным София родила трех сыновей – Александра (1798), Мечислава (1800), Болеслава (1805), и двух дочерей-красавиц: Софья (1801-1875) была замужем за графом П.Д. Киселёвым, начальником штаба 2-й армии, а Ольга (1802-1861) – за графом Л.А. Нарышкиным, двоюродным братом М.С. Воронцова. Не исключено, что кто-то из этих детей на самом деле родился от ее связи со старшим сыном супруга от предыдущего брака, Ежи (Юрием) Феликсом Потоцким (1776-1810), азартным карточным игроком, гулякой и выпивохой.

Присутствие Потоцких в Одессе фиксируется, по крайней мере, с 1800 года. Появление здесь графини Софьи связано с отъездом

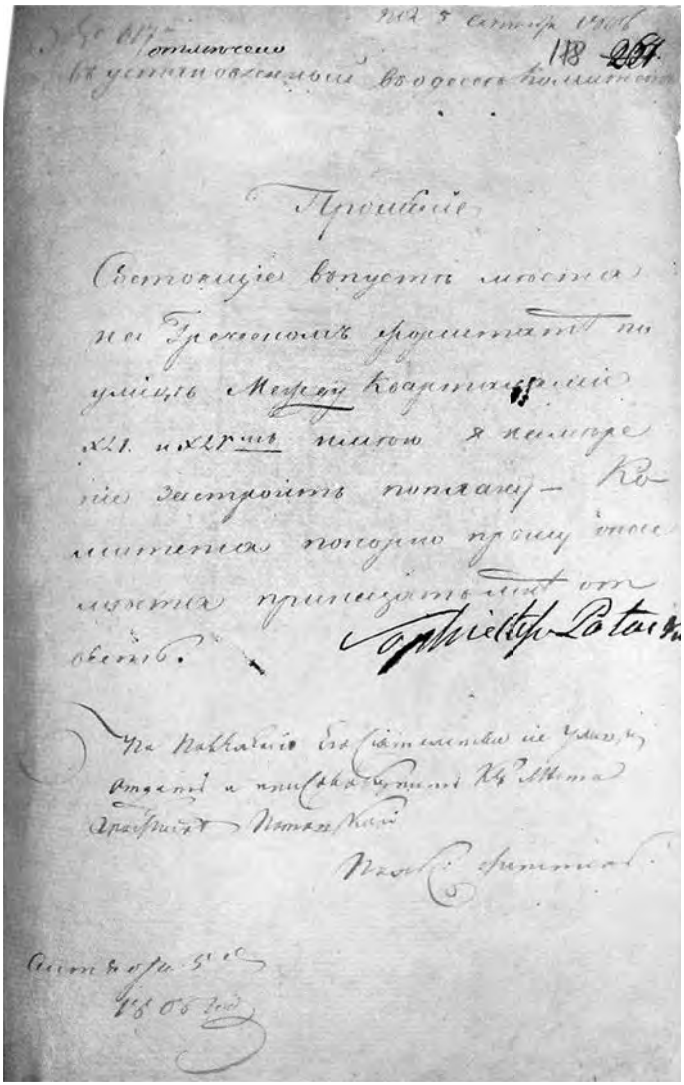
* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-85.

любовника-пасынка в Европу, где тот и скончался от многокрасочного букета заболеваний, включающих туберкулез и сифилис.

Представленный читательскому вниманию документ с автографом легендарной Софии более чем любопытен. 5 сентября 1808 года графиня просит Строительный комитет об отводе ей под застройку территории «на Греческом форштате по улице между кварталами XLIX и LV». В ту пору это был выходящий к приморскому обрыву первый квартал будущей улицы Конной. Спрашивается, кто из застройщиков мог осмелиться на столь, без малейшего преувеличения, нахальное, наглое прошение? Почему наглое? Да потому что это означало ни больше ни меньше, как существенное изменение высочайше утвержденного (1803) городского плана, а именно застройку улицы. Немыслимо, и тем не менее герцог Ришелье своею властью санкционировал этот отвод – что и отмечено прямо на прошении Потоцкой.[1] То есть, как принято говорить, в принципе все равны, но есть такие, кто равнее прочих. Отвод явно был согласован с Дюком еще до того, как графиня официально обратилась в Комитет. Сохранилась обширная частная переписка Потоцкой и Ришелье 1807-1818 годов.[2]

Поэтому теперь улица Конная начинается не от моря, а от Софиевской, кстати, названной так одесситами в память о неординарной и «прекрасной фанариотке». Конная стартует от ее особняка, позднее многократно достраивавшегося, однако вполне сохранившего классический первозданный фасад в центральной части главного здания. Проектировал его, очевидно, Франческо Фраполли – тогдашний штатный городской архитектор. Весной 1824 года здесь числится два дома и сад графини Потоцкой, оцененные в 150.000 рублей, – пожалуй, самая дорогая в то время частная недвижимость Одессы.[3] Почему два дома, ведь речь идет не о доме со службами? Потому что к этому времени был построен еще один дом, план и фасад на который был утвержден в Строительном комитете и выдан графине Потоцкой (выходит, она была еще жива) 11 мая 1822 года.[4] Участок и строения запечатлены на прилагаемом плане Г.И. Торичелли второй половины 1820-х, из которого видно, что на сегодняшний день в перестроенном виде сохранились и кое-какие хозяйственные постройки.

О том, насколько активничала здесь графиня осенью 1808 года, уже в начале строительства, свидетельствует тот факт, что в это



Прошение графини Софии Потоцкой об отводе мест под застройку меж двумя кварталами с резолюцией Ферстера, ссылающегося на распоряжение герцога Ришелье. 5 сентября 1808 г.

время в одесской Свято-Николаевской соборной церкви обвенчали 12 пар ее крепостных людей, да еще у одной пары родился ребенок. При этом в качестве свидетелей (поручителей) упоминаются два ее одесских комиссионера-поляка.[5] То есть она использовала в качестве строителей своих крестьян – крепких, молодых.

Вопреки сложившимся стереотипам, на определенном этапе присутствие крепостных (дворовых) людей фиксируется в Одессе довольно часто. В числе хозяев, например, известные в региональной истории личности и семейства: Алтести, Дофине, Миллер, Курдимановы, Шереметьевы, полицмейстеры Лесли и Достанич, Феликс де Рибас, Керстич, Россет, Лигда, Погонато, Вейс, Селеховы, Телесницкий, Демидовы, Скаржинские, Кирьяковы, Акацатовы, Шостак, Карузо, Ольховский, протоиерей Куницкий, генерал-майор Хитрово, одесский комендант Силин, графиня Маргоцкая, граф Сен-При, граф Браницкий, Казначеевы, граф Гурьев, князь Трубецкой, граф Кушелев и другие, преобладают польские шляхтичи.

На протяжении ряда лет София Потоцкая периодически жила в Одессе, вплоть до 1820-го: в это время она выясняла территориальные отношения с одним из соседей по другому принадлежавшему

Вид на бывший дом Софии Потоцкой со стороны улицы Конной. Снимок автора начала 2010-х гг.

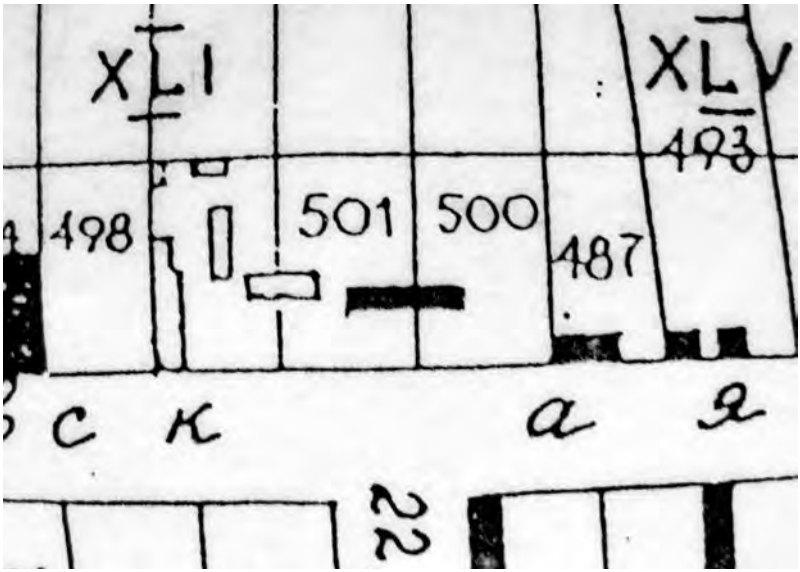
ей участку.[6] Как я уже говорил, синхронно здесь жила и Ольга Станиславовна, которая в 1821-м также сопровождала мать в последней ее поездке – из Петербурга за рубеж, для поправки здоровья. С 1808 года графиня София владела и другой недвижимостью в Одессе, в частности, садовым участком площадью в 50 десятин (!), примыкавшим к Водяной балке близ пудреной фабрики Пишона. В течение шести лет этот образцовый сад обустраивался отцом известного думца отставным ротмистром Иосифом Чижевичем, и в сентябре 1814-го графине выдали полноценные владельческие документы.[7] В годы администраторства Ришелье из имений Потоцких в Одессу доставлялись саженцы тополей для высадки вдоль главных улиц.[8]

После кончины Софии дома и сад напротив Конной улицы унаследовал ее сын Александр, который по-родственному уступил часть места своей сестре, Ольге Нарышкиной, ибо та затеяла рядом грандиозное строительство на территории, приобретенной у купца Католикова. Это соседство привело к путанице: поскольку Ольга – урожденная Потоцкая, постольку ее дворец стали величать дворцом Потоцких, хотя на самом деле оный находится там, где и был построен почти на два десятилетия ранее. К слову, Александр Потоцкий, участник «польской смуты» 1831 года, как и ряд других шляхтичей, потерял всю свою одесскую недвижимость, и таким образом она стала казенной.

Сын Софии Болеслав (см. ниже) застроил № 1 и 2 на Приморском бульваре: первый – жилым домом (1825), а второй – хлебным магазином (амбаром), из-за чего начались конфликты с соседями, утомленными бесконечной ездой возчиков в последний. В конечном итоге Потоцкого обязали (1832) перестроить магазин в жилое здание, что он и сделал не позже 1835 года, а затем продал княгине Голицыной.

Хотя все говорят о том, что София якобы ничего не оставила скандально обокравшему ее сыну Мечиславу, это не соответствует фактам. Так, в архивных делах Одесского строительного комитета упоминаются доставшиеся ему от умершей матери постройки на четной стороне улицы Торговой, в самом ее начале. При этом в 1829 году наследник возвел здесь весьма солидный дом и отдельно магазин (хлебный амбар) по проекту архитектора Боффо.[9]

Недавно мои друзья приобрели на аукционе в Лондоне виньетку с изображением молодой графини Софии – прелестную



План строениям, находящимся на участке, перешедшем к Александру Потоцкому, и смежным местам Турчаниновой. 1827-1828 гг.

миниатюру на фарфоре, которая практически один к одному воспроизводит хрестоматийный портрет неизвестного, но явно выдающегося живописца. Бережно вертя этот раритет в руках, призадумался: а ведь из рельефных персонажей, каковых представляю в данной книге, Потоцкую знают куда больше других, несмотря на. Снова подкрепляется давнее мое наблюдение: если вам нечем гордиться, гордитесь хотя бы древностью профессии.

* * *

Болеслав Станиславович (*Феликсович*) *Потоцкий* (1805-1893), граф, сын С.К. Потоцкой (см. выше) и С.-Ф. Потоцкого-Щенсного, родился в Тульчине, военную службу начал в 1821-м юнкером в 1-м Украинском уланском полку; в 1823-м корнет; в 1824-м переведен в Кавалергардский полк; в 1827-м уволен в отставку в чине поручика. 27 ноября 1828-м зачислен в Департамент уделов с присвоением чина титулярного советника, а 6 декабря пожалован камер-

юнкером. В 1834-м уволен в отставку по собственному прошению; через два года – на службе в министерстве народного просвещения.

Известен как один из выдающихся деятелей народного образования, учредил на свои средства гимназию в Немирове; в 1839 году за значительные пожертвования в пользу учебных заведений пожалован в камергеры и избран почетным попечителем Немировской гимназии; в 1854-м церемониймейстер, в 1856-м действительный статский советник, в 1861-м – гофмейстер. В 1866-м вышел в отставку по собственному прошению, но через месяц вновь определен в то же министерство; в 1874-м – обер-шенк, то есть придворный чин второго класса, приравнивался к кравчему, формально – заведующий винными погребами и поставщик вин.

С 1825 года был женат на Марии Александровне Салтыковой (1806-1845), дочери члена Государственного совета, князя Александра Николаевича Салтыкова и Натальи Юрьевны, урожденной графини Головкиной (потомство ее братьев именовалось графами Салтыковыми-Головкиными); имел от нее дочь Марию (01.08.1839 – 18.03.1882), вышедшую замуж за Григория Сергеевича Строганова (16.06.1829 – 1911), графа, полковника, флигель-адъютанта, в должности шталмейстера (16.04.1872), сына крупного государственного деятеля, собирателя произведений искусства, мецената С.Г. Строганова. Григорий Строганов получил в приданое имение Потоцких в Немирове, как отец и брат, был выдающимся коллекционером, занимался благотворительностью.

Болеслав Потоцкий с дочерьми Марией и Софией.
Художник Генрих Гольпейн, 1849 г.

Имеющаяся в литературе и Интернете информация о Болеславе Потоцком и его близких вообще довольно скудна и противоречива. Поэтому ниже делюсь тем, что на данный момент удалось нарыть в фондах Государственного архива Одесской области и других источниках.

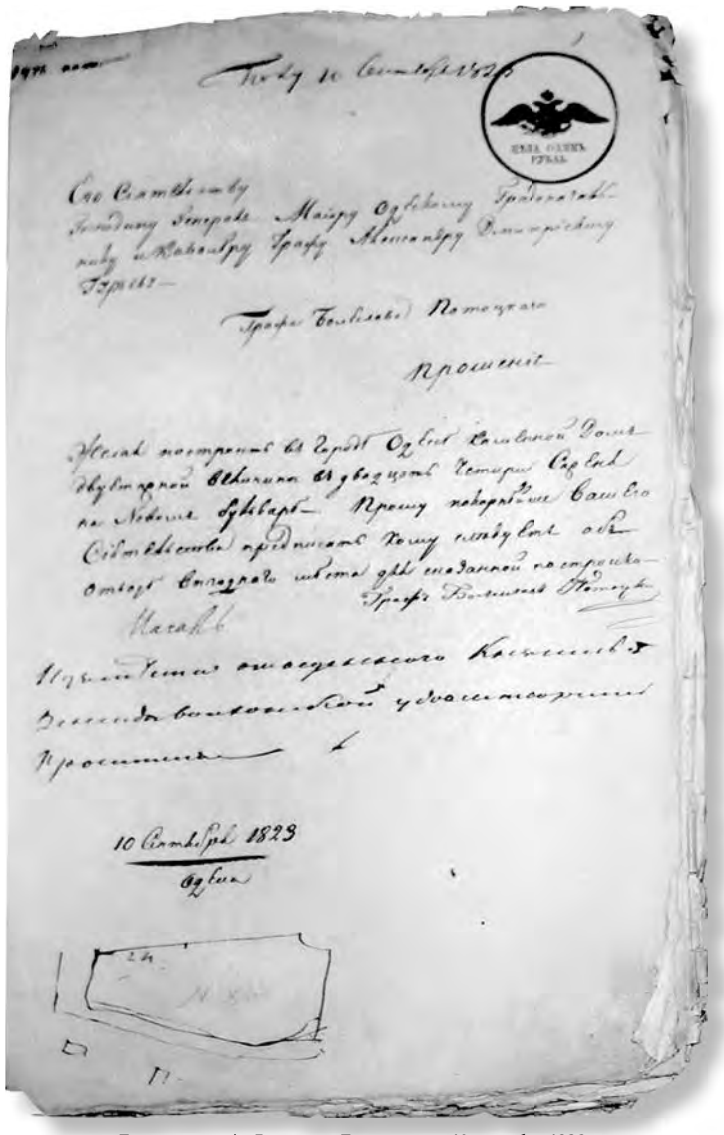
Мария Потоцкая (играет на мандолине) с сестрой Софьей Шуваловой.
Портрет работы Ореста Кипренского

Я не зря говорю о противоречивости дошедших до нас сведений: даже в таком солидном издании, как роскошный фолиант, выпущенный одесским муниципалитетом к 100-летию города, сообщается абсолютно недостоверная информация о Болеславе. Мол, он соорудил в 1819 году дворец Потоцких по Софиевской улице, а после польского восстания 1831 года эту недвижимость конфисковали и передали военному ведомству.[10] Ничего подобного: несовершеннолетний в ту пору Болеслав никак не мог распоряжаться имуществом дееспособной матери. Но если бы вдруг он и владел этими постройками позднее, то ни в коем случае не потерял бы их в связи с польскими событиями – как верноподданный государственный служащий на хорошем счету, не имеющий к мятежу ни малейшего отношения. На самом деле после кончины Софии Потоцкой дворец принадлежал его старшему брату Александру, который действительно участвовал в восстании, потерял все свое имущество и много лет скрывался за границей.

Реально же Болеслав Потоцкий имеет прямое отношение к другим значимым историко-архитектурным объектам, прежде всего, к сооружению зданий на Приморском бульваре, № 1 и 2. Здесь мы и прилагаем в качестве иллюстрации соответствующий документ с автографом. Об отводе места в 24 сажени под каменный двухэтажный дом на Новом бульваре он просил 10 сентября 1823 года. Архитектор Ф. Боффо составил на местности план просимого места и подал в Строительный комитет 8 октября. Эскиз этого плана мы видим прямо на прошении, что само по себе случай довольно редкий: здесь изображен и формирующийся Воронцовский переулок с отдельными строениями.

15 ноября Комитет отвел графу это место (часть мест, отведенных ранее «княгине Зенеиде Волконской») на два года без права передачи в другие руки.[11] Таким образом, дом должен был быть готов не позднее 15 ноября 1825 года, но, как видно из публикации «Отечественных записок», построен даже несколько ранее и упоминается в числе лучших зданий Одессы. Архивные материалы запечатлели довольно любопытный сюжет, связанный с обстоятельствами застройки.

Из городского плана, составленного известным зодчим Джорджо Торичелли во второй половине 1820-х годов, видно, что все фасадные места в этом квартале бульвара уже застроены. Однако не все было так просто. Оказывается, Потоцкий в 1825 году получил еще и смежное место, то есть нынешний дом № 2, которое застроил не домом, а магазином, чем создал всем неудобства, ибо сюда постоянно свозилось зерно, мельтешили чернорабочие, так называемые *лопатники*, пересыпавшие зерно для просушки, сновали возчики и проч. В конце 1831 года последовали жалобы, конфликты, и владелец обязался перестроить магазин в жилой дом. Летом следующего года с доверенного лица хозяина, одесского 1-й гильдии купца Игнатия Антоновича Младецкого, была взята подписка, запрещающая пользоваться магазином как складским местом. Магазин действительно перестроили не позже 16 ноября 1835 года, а 21 января 1836-го последовала резолюция Комитета на выдачу открытого листа. Затем этот дом был продан княгине Голицыной, урожденной Нарышкиной.



Прошение графа Болеслава Потоцкого от 10 сентября 1823 г.
с наброском плана левой части бульвара и Воронцовского переулка

Большая часть каменного забора перед бывшим особняком Софии Потоцкой давно находится под землей в результате значительных отсыпок грунта по ходу нивелирования Софиевской улицы и устройства Нарышкинского спуска. Снимок Виталия Абрамова, 2019 г.

Параллельное наличие в течение ряда лет двух смежных домов Потоцкого часто приводит к путанице. Даже в таком довольно серьезном издании, как «Одесская старина» (1869), значится, что дом № 1 перешел от графа А. Потоцкого (снова путают Александра и Болеслава) прямиком к Маразли, а дом № 2 – от Льва Нарышкина к князю Голицыну.

Говоря об Одессе и этой ветви Потоцких, можно прибавить, что Болеслав в разные годы доставлял в наш город продукцию собственных пивоваренных и винокуренных заводов. Его зять Г.С. Строганов поставил эту отрасль на новые технологические рельсы (1872). Внучка, княгиня М.Г. Щербатова, позаботилась о дальнейшей модернизации (1885) завода в Немирове. Изготовленный на этом предприятии спирт экспортировался через Одессу в малоазийские страны и Северную Африку, по крайней мере, с 1887 года. Так своим чередом шло становление раскрученной ныне торговой марки. Я нисколько не агитирую. Напротив: пьянству – бой, не последний, но решительный.

* * *

Принимая во внимание близость Пушкина к аристократическому польскому обществу Одессы, можно предполагать, что он бывал в особняке Потоцких на Софиевской. Кроме того, мог наблюдать ход строительства дома Болеслава на Приморском бульваре.

Дом Турчаниновой

Места полковничьей дочери девицы *Анны Турчаниновой* примыкали к местам графини Потоцкой со стороны Торговой улицы. Они относительно узкой полосой протягивались от проезжей части Софиевской, по красной линии которой стоял приличный двухэтажный дом, к приморскому обрыву, где значительно расширялись. Участок под застройку ей отвели 27 августа 1804-го. 18 декабря 1807-го Турчанинова сообщила Строительному комитету об утере документов на право застройки, и ей выдали дубликат.[12] 3 сентября 1808-го ОСК объяснялся с ее поверенным: Турчанинова в течение трех лет так и не приступила к застройке мест, ссылаясь на болезни; если не построится в короткое время, места отнимут и передадут в другие руки.[13]

Совершенно очевидно, что реакция последовала незамедлительно, ибо мы знаем, что летом 1810-го ее двухэтажный дом уже какое-то время находился в эксплуатации. На этот счет есть весьма четкое и подробное свидетельство князя И.М. Долгорукова, который в этом доме останавливался. По Херсонскому тракту он приехал прямо к «госпоже Турчаниновой, девице», знакомой его сестре «по соседству деревень». Сестра снабдила князя рекомендательным письмом к Турчаниновой. «Она очень охотно нас приняла, отдала нам в доме своем лучшие комнаты верхнего этажа: он построен в два жилья на горе, которой подошву омывает Черное море. Вид с балкона наполнен прелести».[14] Из этого следует, что, помимо двухэтажного здания, было и другое – жилой флигель, что подтверждается более поздними архивными документами (см. ниже).

«Госпожа Турчанинова писывала стихи, – продолжает Долгорукий, – и достойна быть известною в отечестве своем по редким ее дарованиям и учености; обширная память ее исчерпала все источники словесности. Иностранные языки, даже и академические, как то греческий и латинский, ей не незнакомы. Она пишет прекрасно, изъясняется просто и вразумительно, обращение ее не смешано с педантизмом, который и в мужчинах ученых так несносен, что ж в женщинах? Она любит иногда пошутить. Беседа ее занимательна (…) Чтоб довершить портрет такой поистине необыкновенной девушки, я скажу еще, что она до того привязана

к строгому уединению, что зачинала скучать в Одессе от двух или трех только знакомств, ею в течение нескольких лет там приобретенных, и называла уже это рассеянностью. Чтоб далее уехать от людей, она готовилась, дождавшись спокойного времени, сесть на корабль, объехать Грецию и берегами Средиземного моря приближиться к Италии (…) У ней мы расположились, и были гостеприимно обласканы. Узнав Одессу, увидел я, что ее дом в наилучшей части города, хотя почти вне оного, потому что в нем, хотя и с маленьким холодом в ненастное время, однако есть тень и убежище от зноя, чего в других домах никакой ценой достать не можно. Он, впрочем, очень хорошо прибран; я нашел для охотника до чтения прекрасную, не огромную, но прямо отборную библиотеку; любитель живописи постоял бы с удовольствием пред некоторыми картинами; словом, в доме госпожи Турчаниновой образованный человек найдет все то, что может действовать на ум, глаза и сердце, и я сохраню в памяти моей навсегда пользу и прелесть ее беседы».[15]

В этом сообщении как раз и отражены основные причины особой привлекательности Софиевской улицы.

Выше упоминал о том, что до конца 1810-х эта улица простиралась лишь до перекрестка с Конной. Отсюда начинался склон, занятый обширной виноградной плантацией и садом грека *Эммануила Попова*.[16] В 1819-м эта плантация была прорезана спуском, позднее получившим название Нарышкинского, поскольку начинался он как раз от дворца Нарышкиных (см. ниже). К этому времени места и недвижимость Турчаниновой раздробились. Одно из двух жилых строений, явно меньшее, то есть одноэтажный флигель, числится уже не за Турчаниновой, а за Турчаниновым. За каким?

Полагаю, за одним из сыновей покойного питейного откупщика дворянина Ивана Семеновича Турчанинова, Александром Турчаниновым. Этот сюжет мною подробно рассмотрен в отдельной публикации.[17] Здесь отмечу только, что воспитывался он в Одесской коммерческой гимназии, затем в Ришельевском лицее на казенный кошт, продемонстрировал выдающиеся успехи и был на казенный же счет отправлен на учебу в столицу в корпус инженеров путей сообщения, вернувшись оттуда, как и положено, в чине X класса, то есть коллежского секретаря. В пушкинское время дом его имеет оценку 3.000 рублей.[18]

Дома Католикова и Нарышкиных

Предыстория Одесского художественного музея

Она переплетается с историей планировки и поэтапной застройки соседних кварталов Греческого форштата (3-й части) Одессы. Согласно высочайше утвержденному в 1803 году генеральному плану города, территория на высоком плато, ныне занимаемая музеем, к застройке вообще не предназначалась.[19] В частные руки передавались только находившиеся внизу участки береговой зоны и прилегающих склонов.

Юная Одесса остро нуждалась в строительном лесе, который доставлялся издалека – сплавлялся по рекам, прежде всего, по Днепру до Херсона, а затем вдоль черноморских берегов, и складировался на Пересыпе (изначально название функционировало лишь в мужском роде), в пределах так называемой Лесной пристани. И вот этот самый Пересып начинался не от нынешнего моста, а значительно выше, как раз от пляжа под Художественным музеем. А правее, в направлении Военной балки, находился Купальный берег, где позднее были устроены первые частные купальни, но это отдельная тема.

Обширный участок, на котором ныне расположен Одесский художественный музей, первым обустраивал *Мартин* (*Мартын*) *Васильевич Католиков* (*Каталиков*) – одесский купец 2-й гильдии, лесоторговец, домовладелец, один из представителей мощной в ту пору старообрядческой общины.[20] Мало того, есть основания утверждать: принадлежавшие ему архаичные постройки частично сохранились в комплексе современных зданий музея по красной линии улицы Софиевской.

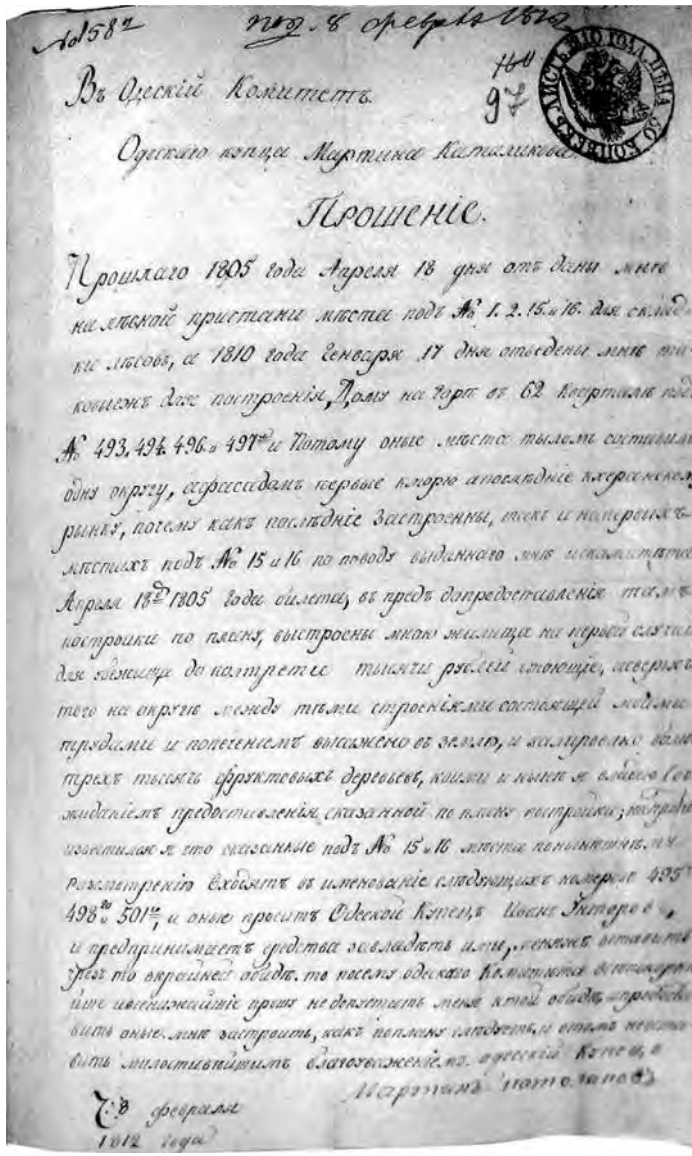
Как видно из прилагаемого документа, 18 апреля 1805 года Католиков получил места для складирования леса у моря, а 17 января 1810-го – и «на горе».[21] Внизу он построил временные сооружения, а наверху, по будущей Софиевской улице – капитальные, и весь приморский склон насадил фруктовым садом. 8 февраля 1812 года Католиков жалуется на другого лесоторговца, купца Ивана Унтурова, претендующего на часть мест при Лесной пристани. Сюжет этой тяжбы довольно пространен, а потому здесь мы его тоже опускаем.[22]

Крыловский купец 3-й гильдии, Католиков причислялся во 2-й гильдии одесское купечество в 1806-1807 годах, уже имея солидный капитал и недвижимость в городе.[23] Согласно архивным документам, он поставлял лес в основном для строительства разных сооружений в Одесской крепости и оборонительных казарм,[24] располагавшихся примерно по будущей второй черте порто-франко. Был он и одним из первых застройщиков Нового базара, на котором промышлял уже не только лесом. 24 октября 1810-го получил места, а 29 апреля 1812-го завершил сооружение двух стандартных лавок.[25] Католиков состоял прихожанином Покровской единоверческой церкви, и в 1813 году участвовал в ее капитальной реконструкции.[26]

В 1819-1820 годах улица Софиевская удлинилась будущим Нарышкинским спуском до самого Пересыпа, что повысило привлекательность примыкающей к ней недвижимости,[27] в терминологии нынешних риелторов – «тихого центра». Дорогу проложили сквозь существовавший здесь с самого начала XIX века сад и виноградник грека Эммануила Попова,[28] окаймленный нынешними улицами Ольгиевской и Пастера, а равно границей участка примыкавшей к Городскому госпиталю богадельни – так называемым Лесным переулком, продолжавшемся и далее, по береговому склону.

18 июня 1823 года Католиков получил в Одесском строительном комитете свидетельство о том, что на его недвижимость нет никаких претензий,[29] после чего продал свои явно подорожавшие дома и участки графине *Ольге Станиславовне Потоцкой*, в замужестве (1824) *Нарышкиной*. Сделка, очевидно, состоялась ранее 30 апреля 1824 года, ибо при взимании налога с недвижимости, начиная с этой даты, Католиков внес лишь 1 рубль прежних недоимок.[30]

Графиня и построила в середине 1820-х дворец: владельческие документы на готовое строение «генерал-майорше» О.С. Нарышкиной выданы согласно ее прошению от 17 апреля 1828 года.[31] Нередко его ошибочно именуют дворцом Потоцких, хотя на самом деле оный расположен выше по Софиевской (ныне в этом дополненном позднее боковыми крыльями здании – ювелирная фабрика), построен матерью графини Нарышкиной – небезызвестной Софией Потоцкой, а затем принадлежал брату



№ 1582 под. 8 февраля 1812

Въ Одескій Комитетъ

Одескаго купца Мартина Каталикова

Прошеніе.

Прошлаго 1805 года Апреля 18 дня отъ дани мнѣ на лѣсной пристани мѣста подъ № 1. 2. 15. и 16. для складки лѣсовъ, а 1810 года Генваря 17 дня отведены мнѣ таковыежъ для построенія, Дому на горѣ въ 62 Кварталѣ подъ № 493. 494. 496. и 497 и Потому оные мѣста тыломъ составили одну округу, а фасадомъ первые к морю а послѣдніе к херсонскому рынку, почему какъ послѣдніе застроенны, такъ и на первыхъ мѣстахъ подъ № 15 и 16 по поводу выданнаго мнѣ и скамитета Апреля 18го 1805 года билета, въ предъ до предоставленія тамъ постройки по плану, выстроены мною жилища на первый случай для убежища до полтретія тысячи рублей стоющіе, а сверхъ того на округѣ между тѣми строеніями состоящей моими трудами и попеченіемъ высажено въ землю, и калировано болѣе трехъ тысячь фруктовыхъ деревьевъ, коими и нынѣ я владѣю Совжиданіемъ предоставленія сказанной по плану постройки; но предъявилося я что сказанные подъ № 15 и 16 мѣста по нынѣшнему разсмотренію входятъ въ именованіе слѣдующихъ номеровъ 495го 498го и 501го, и оные проситъ Одеской Купецъ Иванъ Унторовъ, и предпринимаетъ средства завладѣть ими, меняжъ оставить чрезъ то окрайней обидѣ. то посему одескаго Комитета достопокорнѣйше и всенижайшіе прошу не допустить меня к той обидѣ, а предоставить оные мнѣ застроить, какъ по плану слѣдуетъ, и о томъ не оставить милостивѣйшимъ благоуваженіемъ. одесскій Купецъ

Мартинъ Католиковъ

8 февраля 1812 года

Прошение одесского купца Мартина Католикова, поступившее в ОСК 8 февраля 1812 г.

Ольги, Александру Станиславовичу, и далее оказался в секвестре по поводу участия последнего в польском восстании.[32]

Мало кому известно, что еще в 1820 году молодая графиня Ольга довольно долго жила в особняке по Софиевской улице, построенном ее матерью в 1808-м, абонировала ложу Городском театре. 4 октября этого года ее навещал здесь упоминавшийся выше литератор Гавриил Гераков: «Утром писал письма; ездил к гр. Ольге Ст. Потоцкой, которую нашел сидевшею на берегу Черного моря в собственном саду, ибо в комнатах нет возможности быть, от тончайшей пыли. Она приняла по старому знакомству, премило; разговор с час времени утешил тоскующую мою душу. Англичанка, при ней находящаяся, порядочная, и 15-летняя гречанка из Балаклавы, которая своею красотою обратила на себя внимание; я с нею говорил по-гречески». Таким образом, Потоцкая наверняка знала владельца смежного участка и строений, Католикова, и впоследствии сговорилась с ним о покупке давно присмотренной недвижимости.[33]

При сличении серии ретроспективных генеральных планов Одессы с нынешними реалиями отчетливо видно: в состав музейного комплекса входят два архаичных строения по красной линии улицы Софиевской, замыкающие «крылья» главного корпуса. Схематично эти строения обозначены на рукописном плане Одессы, составленном летом 1822 года тайным советником Я.М. Минчиаки,[34] который привожу здесь в качестве одной из иллюстраций. Это тем более очевидно, что означенные здания несимметричны, имеют разную длину и высоту по фасаду, чего, конечно, никогда не случилось бы при формировании целостного планового архитектурного ансамбля. Таким образом, мы видим сохранившиеся по сию пору в перестроенном виде дома, возведенные Католиковым не позднее 1811 года.

И еще информация для любознательных. Двое из сыновей Католикова и его супруги Мавры учились в Одесской коммерческой гимназии: Герман – с 1806-го, а Демьян – с 1809 года. В архивных сведениях об учащихся эти «купеческие дети» охарактеризованы так: первый – «понятен, прилежен, резв», второй – «понятен, посредствен, тих».[35] В 1824 году сыновья получили участки под дома и мельницы, синхронно с Нарышкиной (1828) построились на новом месте, и в дальнейшем занимались мукомольным де-

План 1830 года, на котором отчетливо видны: усадьбы Нарышкиных, Потоцких, Турчаниновой, Городской госпиталь, сад Попова и др.

лом.[36] Архаичная фамилия Католиковых сохранилась в названии улицы на Дальних Мельницах.

Мог ли Пушкин бывать в доме Католиковых после покупки его Потоцкой-Нарышкиной? Вполне мог, ибо совершенно очевидно, что она далеко не тотчас приступила к достройке и перестройке. Нарышкины сперва обитали и принимали гостей именно в первичных строениях. Об этом, в частности, свидетельствует следующий пассаж из письма Туманского кузине Софье от 5 декабря 1824 года: «Молодая Нарышкина, бывшая Ольга Потоцкая, точно имеет с тобою сходство. Я ничего не видел очаровательнее ее лица в турецкой чалме. В голубом, как туман, прозрачном платье. Когда она танцует вальс, без стыда можно встать пред нею на колени. Прибавь к этому необыкновенную живость в речах, взглядах, улыбках, что дано Создателем прекрасной половине человека, и ты нимало не удивишься, если я тебе скажу то, что

ты сама угадываешь: то есть, что она мне очень нравится. До сих пор я не бываю еще у нее в доме, но уже приглашен несколько раз, и жду с нетерпением знакомства покороче. Сестра ее, Киселева, также здесь с мужем своим: она очень устарела или лучше – пополнела, так что становится безобразною».[37]

* * *

Сюжет о доме и заводе члена Строительного комитета военного инженера Дитерихса помещен в раздел «Топонимия», поскольку там он представляется более уместным.

* * *

Подводя итоги нашей экскурсии по Софиевской улице, отметим: помимо четко атрибутированных посещений Пушкиным дома Давыдовых, весьма вероятны посещения домов Католикова (после его покупки Ольгой Потоцкой-Нарышкиной), Вицмана, Потоцких. Строения на участках Турчаниновых он, по крайней мере, видел.

Примечания

[1] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 178, 179-180.

[2] Lettres d'Odessa du duc de Richelieu 1803-1814. – Centre international d'etude du XVIII-e siècle. – Perney-Voltaire, 2014, p. 161-219.

[3] ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 215, ч. 3, № 161.

[4] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 11, л. 2 об.

[5] Там же, ф. 37, оп. 4, д. 16, л. 20 об., 35, 35 об., 36, 37, 37 об.

[6] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 165, л. – 440-441.

[7] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 148-149.

[8] Там же, д. 258, л. 155.

[9] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 1445, л. 17.

[10] Одесса: 1797-1894. – Одесса, 1894, с. 406.

[11] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 281. – 54 л.

[12] Там же, д. 23, л. 150-152.

[13] Там же, д. 27, л. 177.

[14] И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – Москва, 1870, с. 134.

[15] Там же, с. 134-135.

[16] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 68-76.

[17] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 472-474.

[18] ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 215, л. 22-31.

[19] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22276, л. 1.

[20] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 208-211.

[21] ГАОО, ф. 4, оп. 3, д. 433, л. 59; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 97.

[22] Там же, л. 307, 308, 580, 581; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 273, л. 367-372; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 114, л. 169-182.

[23] Там же, ф. 4, оп. 1А, л. 1, 4.

[24] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 85 об; Там же, д. 259, л. 97 об. – 98.

[25] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 260-263.

[26] Там же, д. 75, л. 190.

[27] Там же, д. 145, ч. I, л. 165, 166; Там же, д. 186; Там же, оп. 5, д. 278, с. 372.

[28] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 68-76.

[29] ГАОО, ф. 2, оп. 5. – 283, л. 849-850.

[30] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215, л. 45.

[31] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 876. – 27 л.

[32] Там же, д. 27, л. 178-180; В. А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: Друк, 2001, с. 93-99.

[33] Более подробно этот сюжет рассмотрен в издании: Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 300-304.

[34] План, составленный Минчиаки, хранится в отделе редких изданий и рукописей ОННБ имени М. Горького.

[35] ГАОО, ф. 44, оп. 1, д. 15, л. 25-26.

[36] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 398. – 2 л.; Там же, д. 857. – 27 л.

[37] В.И. Туманский. Стихотворения и письма. – СПб., 1912, с. 272.

Андрей Добролюбский

«Будь счастлив!»*
غلتق / وسلوب ن /

Примерно в это же время, понимая, что в столице находиться небезопасно, Мамай вместе с семьей Бердибека бежит из Сарая в Азак, который находился на территории отцовского тумена – Крыма и Приазовья. Наверное, это было согласовано с Кутлуг-бугой.

Казалось бы, избавившись от Могул-буги и Тайдулы, Кутлуг-буге удалось решить все свои проблемы и вернуть себе пост «эмира над эмирами». Но ханская чехарда только разгоралась и оказалась ему неподконтрольной. Через некоторое время, в августе 1361 г., в результате заговора, возглавленного старшим сыном Хызра Тимур-Ходжой, «…убиен бысть кроткий и смиренный хан Хидырь с меньшим сыном своим Кутлуем от большего сына своего Темир-Ходзи».[20] И Кутлуг-буга снова остается без вожделенной должности.

Между тем в это же самое время в Гюлистане провозгласил себя ханом брат (или сын?) убитого Хызра Мюрид. Но ведь Мюриду Кутлуг-буга совершенно ни к чему – там распоряжаются враждебные ему эмиры Кок-Орды. И тогда он и обращается за помощью к Мамаю, который, при его поддержке на 11 день после убийства Хызр-хана и через неделю после начала правления Тимур-Ходжи (то есть почти сразу же после получения известия о перевороте) поднимает мятеж против него и изгоняет из Сарая. Всего пять недель продержался Тимур-ходжа у власти, потом бежал… и был убит. Тот же Муир ад-Дин Натанзи сообщает, что

* Окончание. Начало в кн. 85.

«...у него была сильная склонность к распутству и нечестию... Однажды ночью он пошел в дом одного из знатных и без всякого предисловия протянул руку к его жене. Жена, думая, что это другой посторонний, подняла крик, этот знатный, не узнав, ударил его ножом и убил». Так Тимур-Ходжа «*тую ж чашу испи, ею же напои отца своего Хидыря и брата своего меньшаго Кутлуя*».

Монета Абдуллаха

А победивший Мамай уже без какого-либо согласования с отцом провозглашает ханом малолетнего Абдуллаха, «*отрока из потомства Узбека*», и сам становится его беклярибеком.[21]

Между тем, со своей стороны, эмиры левого крыла, которых Мамай решительно не устраивал, после гибели Тимура-Ходжи призвали «*на свое царство брата хана Кок-Орды Чимтая по имени Орду-Мелик с несколькими огланами*». И в это же самое время Мюрид, сидевший в Гюлистане, готовит захват Сарая. Тогда Мамай, взвесив свои силы, снова уходит в Приазовье и в Крым. Столицу – Новый Сарай – занимает Орду-Мелик и правит весь сентябрь 1361 г. А Мюрид тем временем копит силы и готовится на него напасть.

Но не успевает этого сделать. Потому что Орду-Мелика неожиданно зарезал «*...один из неизвестных и недалеких людей... среди ночи одним ударом ножа покончил его дело. Наутро, когда эмиры узнали об этом, то по его ложному указанию казнили несколько невинных эмиров*».

А уже октябре 1361 г. совершенно внезапно и для Мюрида, и для Мамая возникает еще один претендент на престол – некто Кильдибек, который тоже выдавал себя за сына Джанибека, чудом уцелевшего в братоубийственной резне, устроенной Тоглубаем и Бердибеком.

Этот Кильдибек (по слухам, бастард Джанибека) получил тайную материальную поддержку от венецианского консула в Азаке, собрал и вооружил армию и восстал в Азаке. Его беклярибеком стал сын Тоглу-бая Яголдай (Яглы-бай), мечтавший отомстить Кутлуг-буге и Мамаю за убийство своего отца. «*Все говорили:* «*Кильдибека убил Бердибек. Как же он воскрес?!*» – тем не менее поддержали его притязания. Ибо, «*...дабы дела царства не расстроились, эмиры, согласившись (между собой), возвели на трон царства неизвестного человека под предлогом, что он Кильдибек, сын Джанибек-хана*». Никого из правивших после Джанибека ханов он законным не признавал. Кроме себя. Видимо, потому, что само его имя «Кильди + бек» истолковывается как «он [ребенок] пришел [в этот мир] правителем».[22]

Воссев на сарайский престол, Кильдибек задержался на нем сравнительно долго – до осени 1362 г. И он «*счел порукой своей жизни гибель эмиров, тайно вызывал каждого из них и заставлял заниматься покушениями друг на друга...*» и потому «*добиваяся государства Воложского, многи поби*»[23].

Рождение «Мамаевой орды». А Мамай был вынужден отступить из Сарая. Если вчувствоваться в его положение, то он, видимо, ощущал, что справиться с Кильдибеком и Мюридом одновременно ему вряд ли по силам. И той же осенью 1361 г. он вместе с бывшей ставкой Бердибека и со своей «*Ордой и царици вси съ нимъ*» перебрался на правый берег Волги, а затем проследовал до резиденции Кутлуг-буги в Крыму. Он решает не суетиться, переждать зиму, набрать силы для продолжения борьбы за «высокое место» – улуг-орун (ханский трон). Но уже в ранге беклярибека у «собственного» хана Абдуллаха. Этим он фактически отодвинул своего отца Кутлуг-бугу от дел, чем тот вряд ли был очарован.

После смерти Бердибека Мамай оставался хранителем ханской ставки (орды), то есть прежде всего семьи и личной казны Бердибека. В этом своем качестве он устраивал, видимо, всех «законных» джучидов, бившихся между собой за престол в Сарае. Возможно, это помогло ему выжить в вакханалии их кровавых разборок. Он ухитрился усидеть целым и невредимым на своем месте при дворах последовательно сменявших друг друга Кулпы,

Сражение. Миниатюра XIV в.

Навруза, Хызра. Он мог опираться на Кутлуг-бугу как правителя Крымского тумена и предводителя всех эмиров правого крыла Золотой Орды. Тогда такая поддержка отца была ему выгодна и необходима.

Сейчас же перестал в ней нуждаться. И отец стал ему помехой, поскольку формально тот сохранял все регалии и титулы старшего эмира. Поэтому он решает создать свою собственную ставку (или ставку Абдуллаха), совместив ее с былой ставкой Бердибека. И избирает для нее урочище в долинах рек Днепра и Конки, именуемое Великим Лугом (Улуг Чаир).

Это место было прекрасно защищено – низины с труднопроходимой растительностью, – идеально приспособленное как убежище, скрытое в днепровских плавнях среди бесчисленных речных проток, болот и озер. Великий Луг начинается около левого берега Днепра напротив острова Хортица, его длина по течению Днепра составлет более сотни километров, ширина – от 3 до 20 км, площадь более 1000 кв. км. С ранней весны до наступления лета значительная часть Великого Луга покрывалась водой,

за исключением отдельных участков. Ныне он почти полностью затоплен водами Каховского водохранилища. Эта местность изобиловала также удобными бродами и переправами, что весьма важно для перемещения войск. Здесь же большое количество песчаных участков – кучугуров. На одном из них – Великих Кучугурах, в центре своей новой ставки, Мамай строит несколько монументальных кирпичных зданий, в том числе и монетный двор. Город им назван Орду, или Шехр, с эпитетами аль-Муаззан («Величественный»), аль-Джедид («Новый») или Урда-Базар и пр. И при этом, будучи фактическим, а не номинальным хозяином правого крыла Золотой Орды, он также позволяет себе обустраивать собственную резиденцию в Солхате (Старый Крым) и начинает обносить ее каменными стенами.[24]

Мятеж Кутлуг-буги. Если попытаться воссоздать обусловленность и последовательность событий 1362 г., то нетрудно увидеть, что Кутлуг-бугу – старшего эмира правого крыла (на правах беклярибека) еще со времен того же Бердибека – поведение Мамая никак не устраивало. Но поделать он ничего не мог и всю зиму 1362 г. был вынужден смиренно терпеть, как Мамай оттесняет его от власти и совершенно перестает с ним считаться. Разумеется, Кутлуг-буге нужно было как-то от него избавиться.

Все могло решиться само собой, если бы удалось снова отправить Мамая из Крыма на Волгу, где он вполне может погибнуть. Лучший способ для этого – снова натравить его на Кильдибека и Мюрида. Тем более что это соответствовало чаяниям самого Мамая. Поэтому Кутлуг-буга «по-отечески» всячески и во всем содействует Мамаю в организации и снаряжении войска, обеспечивает денежную поддержку генуэзцев Кафы.

Поэтому весной 1362 г. Мамай отправляется с этим войском против Кильдибека и уже летом изгоняет его из Сарая. Разбитый Кидьдибек бежал и исчез. Его беклярибек Яголдай переметнулся к Мюриду.

Но вскоре, уже в сентябре того же года, на Мамая, захватившего Сарай, нападает Мюрид. Во время сражения с ним двоюродный брат Мамая Ильяс, сын Могул-буги, со своей конницей переметнулся на сторону Мюрида и обеспечил Мюриду победу. И он изгоняет Мамая из Сарая.

Здесь, пожалуй, при полном отсутствии источников и каких-либо внятных конкретных сведений нам снова остается лишь использование герменевтической методики. Если попытаться вчувствоваться, или войти в положение Кутлуг-буги, то очевидно, что перед ним открылась заманчивая и реальная возможность поднять мятеж против ослабленного Мамая. Другие эмиры правого крыла тоже роптали – те же Хаджибей и Дмитрий помимо своих улусов имели также тумены в самом Крыму. Естественно, именно они и составили заговор против Мамая с его Абдуллахом. Но для этого заговорщикам нужен был собственный «законный» хан. Где же его взять?

Между тем достоверно известно, что имя «исчезнувшего» Кильдибека появляется монетах Янги-Шехра (или Шехр

Конное сражение . Миниатюра XIV в.

Монеты Кутлуг-Болсун «Будь счастлив!»

ал-Джедида – «Нового города»). Это городище в Старом Орхее, в Прутско-Днестровском междуречье, в долине реки Реут, в тогдашних владениях эмира Дмитрия. Это означает, что к 1363 г. Кельдибек со своим «походным» монетным двором там очутился сразу же после битвы при Синих Водах. Значит, побежденные в ней мятежники бежали именно сюда. В это же самое время в Костештах, по соседству со Старым Орхеем, появляются монеты, которые помечены штемпелем Кутлуг-буги с легендой «Кутлуг болсун», что переводится как «Кутлуг позволяет» (*кыпчакск.* «*bolsun*» – «*позволено*», «*пусть будет*», «*да будет так*»)[25]. А это значит, что Кильдибек бежал сюда вместе с Кутлуг-бугой. Единовременное функционирование на соседних городищах монет Кидьдибека

с контрамарками Кутлуг-буги указывает на их совместное управление этой территорией после Синеводского сражения.

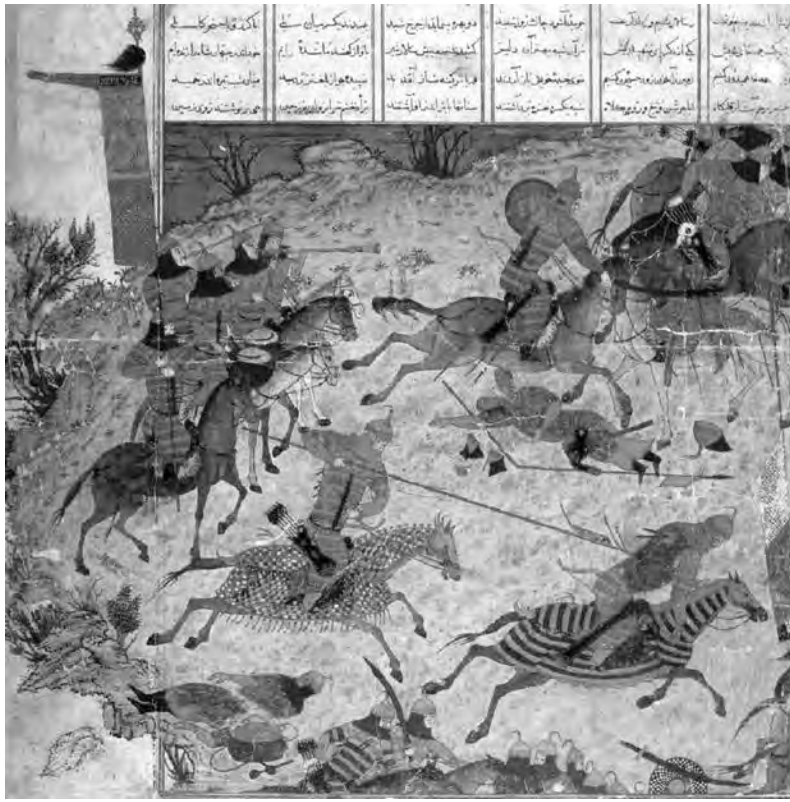
Получается, что проигравший битву Мамаю Кильдибек никуда не пропал, а бежал прямо «в объятия» Кутлуг-буги, с которым они неожиданно друг для друга оказались естественными союзниками. Ведь именно тогда Кутлуг-буге остро понадобился какой угодно, но «законный» хан. Кильдибек, не оставлявший надежду снова захватить власть, оказался идеальной кандидатурой. Таким образом, мятежники сумели обрести «законного» хана, а сам Кутлуг-буга стать его беклярибеком. Нужно только войско, чтобы расправиться с ослабленным Мамаем.

Такое войско, на которое они могли рассчитывать, – это крымские тумены самого Кутлуг-буги, а также тумены Хаджибея и Дмитрия. Не исключено, что и другие эмиры – Хаджи-Черкес и Алибек, имевшие владения в Крыму, – могли их поддерживать против Мамая.

Видимо, в отсутствие Мамая Кутлуг-Буга объявляет Кильдибека «своим» ханом и во главе крымских туменов отправляется с ним к Торговице – летней резиденции Хаджибея, которая была избрана как плацдарм для войны с Мамаем. Здесь они соединяются с войсками Хаджибея и Дмитрия. Отсюда им было удобно контролировать ситуацию и по возможности напасть на ставку Мамая в Кучугурах, которая находилась всего в трехстах километров к юго-востоку от них. У мятежников имелся и «законный» хан Кильдибек.

«...Везде по полям и в реках лежало полно татарских трупов». Судя по всему, о готовящемся мятеже Мамай узнает, будучи еще в Сарае. Это было очень опасно. И он спешно покидает Сарай, и направляется к своей ставке в Кучугурах собирать войска. Но понимает, что не в силах справиться с мятежом в одиночку. В этой ситуации он и обращается к Ольгерду – великому князю Литовскому.

Их общение, увы, никак не подтверждено документально. Однако специалисты по ордынско-литовским отношениям полагают, что «при сложившейся расстановке политических сил в западной части Ордынской державы Ольгерд и Мамай являлись естественными союзниками в борьбе против противостоявших



Преследование неприятеля. Миниатюра XIV в.

им группировок… ордынской знати Днепровского Правобережья, которая воспользовалась дестабилизацией центральной власти, чтобы образовать несколько самостоятельных владений, независимых от ханов, принимавших участие в борьбе за ордынскую столицу».[26] К сепаратизму были склонны и упоминавшиеся эмиры Крыма, где имелись их владения. Поэтому «частичное совпадение политических целей правителя Литвы и Мамая подтверждают существование определенной договоренности об их взаимодействии и сферах властвования». В этих условиях

они становились союзниками. У них была общая политическая цель – уничтожение власти легитимных Джучидов.[27]

Поэтому нельзя исключить, что Мамай после победы над Кильдибеком, предощущая свою возможную неудачу в борьбе с Мюридом, успел, будучи в Сарае, выдать осенью 1362 г. Ольгерду так называемый ярлык на пограничные с Литвой земли от имени «своего» хана Абдуллаха.[28] После этого он отправляется в свою новую ставку в Кучугурах и спешно собирает войско.

Дальнейшие действия союзников легко объяснимы. Ольгерд и Мамай каждый со своей стороны готовятся к походу против мятежников, собравшихся близ Торговицы. Матей Стрыйковский, оставивший единственное описание этого сражения, пишет, что «*Ольгерд, заключив на два года соглашение о мире с прусскими и ливонскими крестоносцами, отправился в поход в Дикие поля против татар. С ним отправились также четыре его племянника, сыновья новогрудского князя Кориата княжичи Александр, Константин, Юрий и Федор*».

Такая обстоятельная подготовка не могла быть тайной для Кутлуг-буги и его «братьев» – они ожидали противника, ибо, когда литовцы, «*…миновав Канев и Черкассы, дошли до урочища Синие Воды, то увидели в поле большую татарскую орду с тремя царьками, разделенную на три отряда. Один отряд вел султан Кутлубах, второй возглавлял Качибей-Керей, а третьим командовал султан Димейтер*».

Мамай же, со своей стороны, по договоренности с Ольгердом также выступил с войском из Великого Луга и направился к Синим Водам. И подоспел. Именно его вмешательство оказалось неожиданным, потому что, когда «*…татары с неистовым рвением начали бой, засыпав литву густым железным градом из луков…»,* он внезапно напал на «*большую татарскую орду*» своих противников с тыла. И началась паника – *«…татары начали мешаться и испуганные бежать в обширные поля… На побоище остались убиты… очень много мурз и уланов. Также везде по полям и в реках лежало полно татарских трупов».*

Таким образом, Ольгерд с Кориатовичами и Мамай разбили своих противников при полном взаимодействии. И если рассматривать Синеводское сражение «ордынскими глазами», то оно

оказывается лишь одной из бесчисленных схваток и семейных разбирательств ордынской аристократии в месиве «Замятни» – в данном случае с привлечением внешнего союзника. Мамаю это блестяще удалось сделать – он устранил конкурентов, можно сказать, чужими руками.

В результате в его безраздельном владении оказались не только сам Крымский улус, но и все степные территории Причерноморья до низовий Днестра, возможно – включительно. Пределы этой территории для первой половины 1360-х гг. с востока и запада отчетливо маркированы монетами его «личного» хана Абдуллаха.

Впрочем, к западу от Днестра, в Старом Орхее (Шехр-ал-Джедид) и в Костештах им предшествуют монеты Кильдибека. Это может означать, что Кутлуг-буга вместе Кельдибеком после поражения на Синих Водах бежали именно сюда, во владения Дмитрия, который приютил своих «братьев» по несчастью.

«Кутлуг болсун» (/ وسلوب ن / غلتق) – «Будь счастлив». Преследуя противника «*...со своими войсками до Борисфена* (*Днепра*) *и его устья, он* (*Ольгерд*) *уничтожил все укрепления татар и трех их князей Кадлубаха, Дмитрия и Качибея... войском своим уничтожил, разбил и разогнал: одних – дальше реки Танаис* (*Дон*)*, другие – дальше Тираса* (*Днестра*)*, до Добруджи до самых степей, которые Добруджською ордой называются, обрекая на изгнание»,* – пишет Станислав Сарницкий в «Описании старой и новой Польши» (1585 г.).[29]

Отступление трех побежденных князей «дальше реки Танаис» никакими иными сведениями не подтверждается. Хотя возможно, что имеется в виду возвращение «Мамаевой орды» в Кучугуры, за Днепр. Зато их бегство «дальше Тираса, до Добруджи», в пределы улуса эмира Дмитрия-Темира, подтверждается нумизматически – это, как уже говорилось, монеты Кильдибека, чеканенные в Янги-шехре (или Шехр-ал-Джедиде) в 765 г. х. (1363/1364 гг.), начало кото-

Монеты. Кильдибека

рого приходилось на 10 октября 1363 г. В том же году хиджры, кончавшемся 27 сентября 1364 г., монеты Кильдибека сменяются здесь монетами Абдуллаха.

Получается, что Кутлуг-буга вместе с Кильдибеком правили в Шехр-ал-Джедиде (с эпитетом «ал Махруса» – «Богохранимый») и его округе около одного года. Единичные экземпляры таких же монет найдены в Костештах и Белгороде.

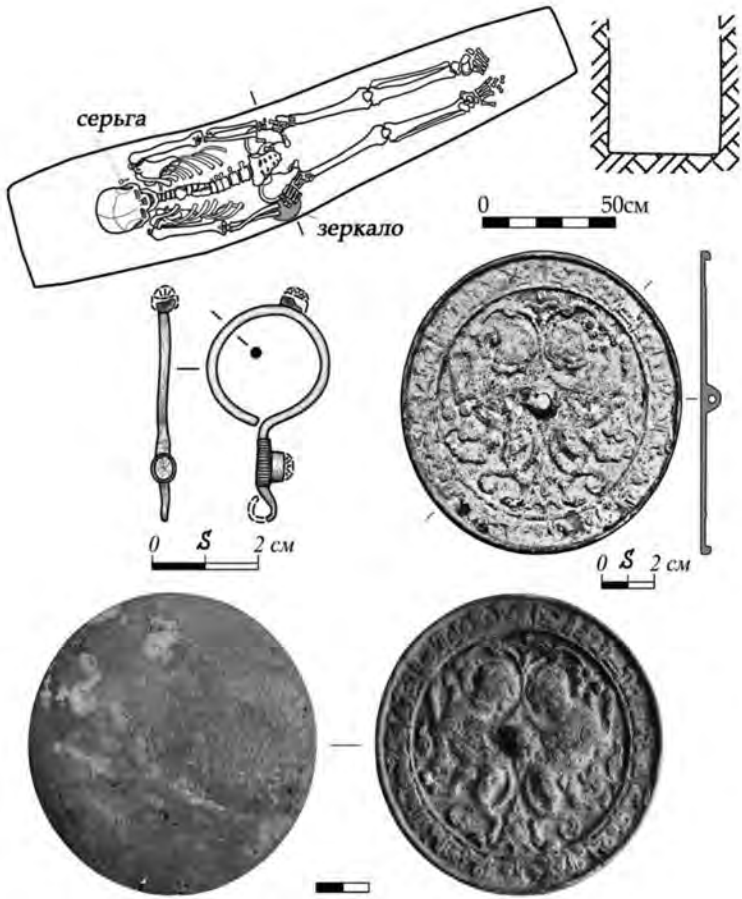
Это же означает, что Кутлуг-буга как первое лицо после своего хана Кильдибека контрамаркировал от своего имени надпечатки «*Кутлуг болсун*» на «старых» монетах ханов Токты и Узбека в самих Костештах после 1362 г., которые, видимо, стали тогда его личной ставкой. Такая резиденция ему, наверное, полагалась как беклярибеку Кильдибека. Впрочем, поскольку само имя «Кутлуг» значит «благодатный», «приносящий счастье», то такая надчеканка в смысловом переводе обозначает благопожелание «*Будь счастлив*».[30] Что конкретно имел в виду эмир Кутлуг-буга, используя именно такой штемпель, сказать трудно. Вполне возможно, что он вкладывал в него и тот, и другой смысл.

Но, скорее всего, это происходило не от хорошей жизни этих беженцев. Ведь по обычной ордынской технологии монеты чеканились на округлых заготовках, изготовленных из расплющенных обрубков медных прутов. Или же на обрезках медных листов, часто имеющих многоугольную форму, следствие обрезки. Остается предполагать, что в распоряжении Кутлуг-буги и его ремесленников просто не имелось достаточно меди. Поэтому для маркировки своим штемпелем ему пришлось использовать «старые» монеты предыдущих эмиссий.

Не в лучшем положении оказался и Ябу-городок, который вместе со своим наместником – эмиром Хаджибеем – тоже вынужден был весьма поспешно отступить к нынешнему одесскому побережью и низовьям Днестра. Его изрядно поредевшее, обнищавшее и, видимо, деморализованное население оставило здесь после себя красно-желто-ленточную «керамику нищеты», которая найдена на Ланжероне и Приморском бульваре в Одессе.

Им уже не суждено было вернуться к Торговице, и оставалось лишь и зимой, и летом кочевать вдоль черноморского побережья

от Днестра до Днепра. Судя по всему, местом летней ставки для Ябу-городка эмир Хаджибей избирает именно днестровские плавни как хорошо защищенное природой место, примыкавшее, к тому же, к владениям его «брата», эмира Дмитрия. Подтверждением тому может являться погребение второй половины XIV в.



Погребение подруги Хаджибея

у с. Глинное на Нижнем Днестре. Оно как бы маркирует новую ставку Хаджибея после Синих Вод.

Умершая молодая женщина входила, по мнению авторов публикации, «в близкий круг лиц окружения этого властителя».[31] Можно видеть, что, несмотря на плачевное положение своего Ябу-городка, Хаджибей решил достойно ее похоронить. Она вполне могла быть его женой или дочерью. И, судя по всему, любимой.

Инвентарь в погребении довольно изысканный. У левого виска умершей находилась изящная серебряная серьга в виде знака вопроса, а у правой руки – литое позолоченное зеркало, на тыльной стороне которого изображены два сфинкса. Здесь же надпись, нанесенная шрифтом «процветший куфи», которая содержит благопожелания, исполненные ритмизованной прозой – садж (араб.: أع-جس). Скорбящий эмир желает усопшей «*славы и долголетия, достоинства и великолепия, возвышения и хвалы, могущества и почета, достояния и прибытка, силы и многих благ обладателю* [этого зеркала]» в начинающейся после смерти новой, бесконечной жизни, Такие слова, имеющие довольно размытые и пересекающиеся значения, создают некий семантический орнамент, который высоко ценился средневековыми стилистами. Это характеризует Хаджибея как человека с хорошим и, пожалуй, утонченным вкусом.

Значит, дела Хаджибея после Синеводского крушения оказались не столь уж безнадежными. Судя по всему, он сумел как-то договориться со своим племянником (или сыном?) Мамаем. По-семейному. Но это уже другая история.

Примечания

[20] Цит. по: Талах В., сноска 636.

[21] Там же, сноски 637-639.

[22] Григорьев А. Золотоордынские ханы 60-70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып. VII. – Л., 1983.

[23] Талах В. Указ. соч., сноски 642-646.

[24] Григорьев А.П. Загадка крепостных стен Старого Крыма // Вестник СПбУ, сер. 2, 2003, вып. 4 (№ 26), с. 22-29.

[25] Nicolae E. 2005. Monedele de tip Costeşti-Gârla, în Simpozion de Numismatică, Chişinău, 26-28 noiembrie 2003, Comunicări, studii şi note, Editura Enciclopedică, Bucureşti.

[26] Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. – Киев: Наукова думка, 1987, с. 62.

[27] Господаренко О. Литовсько-ординські стосунки у 50-70-х рр. XIV ст. в контексті італійської політики Мамая. – Ukraina Lithuanica. Т. III. – К., 2015, с. 23-24.

[28] Шабульдо Ф.М. Чи існував ярлик Мамая на українські землі (до постановки проблеми) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. – Київ, 2005, с. 100-122.

[29] Sarnicii Stanislai. Annales siue de origine et rebus gestis Polonorum et Lituanorum libri octo 1587 и в качестве введения к анналам: Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione ejusdem veteri et novo. – 1585.

[30] Кушнер С.Б. Карпато-Днестровские земли как юго-западная периферия Золотой Орды (по данным новых монетных находок Костешского городища) // Исторический альманах Приднестровья. – Тирасполь, 2005, с. 77-82.

[31] Квитницкий М.В., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Синика В.С. Золотоордынский погребальный комплекс с зеркалом с изображением сфинксов на Нижнем Днестре // В поисках сущности. – Кишинев: Stratum, 2019, с. 275-290.

Валерий Базаров

Запятая на дороге в бесконечность

Введение

Гессены… Фамилия говорит, откуда они пришли – из Германии, Земля Гессен… А до того? Кто знает?

Начнем с Одессы. Уже из Одессы, как и многие другие еврейские семьи, они распространились по всей обитаемой планете. Их жизнь не была спокойной. Они участвовали во всех мировых конфликтах, известных с восемнадцатого по двадцать первый век. Об этой семье написано много книг, статей, мемуаров. В нашу задачу входит лишь подробное описание небольшого отрезка времени – с 1940 по 2010 год, как раз выпавшего из внимания историков, занимавшихся этой семьей, в том числе самого пытливого и внимательного из них – Валерия Юльевича Гессена. Он просто не знал о существовании этой ветви своей семьи, и она не была включена в его фундаментальный труд «Историк Юлий Гессен и его близкие». Мне же посчастливилось познакомиться и даже подружиться с представителями именно этой ветви, органично вписавшейся в ветвистое семейное древо.

Как это произошло и что в этом необыкновенного? Сначала немного генеалогии.*

* Все исторические данные о семье Гессенов до начала Второй мировой войны взяты из книги «Историк Юлий Гессен и его близкие», В.Ю. Гессен, СПб., 2004. Интересующихся подробностями отсылаю к трудам Олега Губаря, посвященным еврейским первопоселенцам Одессы, в частности: «Очерки ранней истории евреев Одессы», Олег Губарь, Одесса, 2013.

Основателем рода Гессенов в России был Исаак Гессен, родившийся в 1745 году. Его сын, Муниш Исаакович, числился мещанином в Одессе с 1795 года, а с 1808 купцом 3-й, а затем 2-й гильдии. Это корни. Дерево разрослось, и среди ветвей его был и основатель вместе с П.Н. Милюковым партии конституционных демократов, были успешные предприниматели, ученые, врачи, инженеры. Почти все они прошли революции, войны, подвалы Лубянки и лагеря. Во время Второй мировой войны некоторые члены семьи Гессен оказались на территории оккупированной или вишистской Франции. О них-то наш рассказ.

Глава I. Загадочная фотография

Занимаясь воссоединением родственников, разделенных революциями, войнами и вольными, а чаще невольными перемещениями по планете Земля, я не мог не обратить внимания, что существовало несколько еврейских и нееврейских организаций, занимавшихся активной помощью евреям, находившимся в оккупированных нацистами странах.* Разумеется, о территориях Советского Союза речь не шла. Там временной промежуток от создания гетто до расстрельного рва был слишком короток. В европейских же странах речь шла о годах, и существовала надежда вырваться из западни с помощью благотворительных организаций. Самыми известными были «Джойнт», Организация квакеров, Комитет экстренного спасения (Emergency Rescue Committee), «Хайсем» и другие. Безусловно, самым деятельным из них был «Хайсем», организация, более известная в русскоговорящей среде как ХИАС. Еще бы! Ведь мы все или почти все (эмигранты) вышли из ХИАСа. Начиная с 1880 года и до конца XX столетия четыре с половиной миллиона евреев переселились в Соединенные Штаты с помощью этой организации. К сожалению,

* Подробнее о деятельности еврейских организаций по спасению евреев на территории оккупированной Франции см. Валерий Базаров, «Времен связующая нить», Бостон, 2013 г.

направление ее деятельности настолько сильно изменилось за последние годы, что ее руководители стали стесняться еврейской составляющей в названии. Но это совсем другая история, к данной не имеющая отношения.

Изучая архивные материалы, я осознавал, как сотрудники ХИАСа помогали евреям в оккупированных европейских странах, где им грозила депортация и смерть. Далеко не всегда единоборство заканчивалось победой. Слишком много препятствий встречалось на пути, слишком много палок вставляли в колеса спасательной колесницы, иногда с самой неожиданной стороны…

Но кто же были эти люди, вступавшие в борьбу с, казалось бы, непобедимой силой зла? О них, работавших под огнем в перекрестье прицела, не было известно почти ничего. Лишь плохонькая фотография мемориальной доски, установленной на здании ХИАСа в Париже после войны, найденная мною в архиве, сообщала имена одиннадцати сотрудников ХИАСа, погибших от рук фашистов. Увы, ни доски, ни самого здания больше не существует…

Был еще снимок сотрудников ХИАСа, сделанный в Марселе в июне 1942 года. Из переписки, найденной в архиве, я узнал, что директором ХИАСа в Марселе был Владимир Шах. По звучанию явно русское имя, но никаких биографических данных у меня не было.

Но все стало стремительно меняться, когда я получил коротенькое письмо от вашингтонского журналиста по имени Питер Катель**: «Я пишу биографию своих родителей, Жака и Хелен Катель. Они работали в ХИАСе во время войны. Отец – в лагере Ле-Миль, а мать в Марселе. Там же работал муж ее сестры, Евгений Шах. Отец Евгения, Владимир Шах, был директором ХИАСа во Франции. Моя мать живет сейчас в Вашингтоне, а Эрик Шах, сын Евгения, в Париже».

** Биография семьи Катель, подробности их жизни в Америке приводятся на основе материалов доклада Питера Кателя «Jacques Katel in the Cold War», прочитанного на 15-м Международном еврейском конгрессе, Иерусалим, 2009 г.

Сотрудники ХИАСа, Марсель, 1942 год. Удалось опознать лишь некоторых из них. Многие погибли в фашистских лагерях. В самом центре первого ряда с бородкой – Владимир Шах, руководитель ХИАСа во Франции. В последнем ряду, слева от дерева, его сын и помощник Евгений Шах. Рядом с ним слева – Жак (Яков) Катель. На ряд ниже, чуть наискосок слева – его жена Хелен Гессен-Катель.

В ответ я послал Питеру фотографию, сделанную в Марселе в 1942 году. Он немедленно опознал на ней своих родителей, а также Владимира Шаха и его сына Евгения.

Это было только начало. В декабре 2005 года я поехал в Вашингтон и встретился с Хелен Катель и Эриком Шахом, приехавшим на встречу из Парижа.

Затем последовали долгие месяцы работы в архивах, встречи и переписка с историками в Америке и Франции. И вот уже не безымянные лица глядят на меня с фотографии: имена на мемориальной доске обрели лица. Не у всех, но у некоторых из них появились биографии, обозначились судьбы.

Оказалось, что работа в ХИАСе/«Хайсеме» была во многих случаях семейным делом. В мирное время к такому явлению можно было отнестись скептически, но хотя во время войны в оккупированной Франции подобная «семейственность» и означала дополнительные продуктовые талоны и зарплату, риск, связанный с выполнением поставленных задач, подсказывал, что причины

совместной работы семейных кланов были более благородны. Пятьдесят лет истории семьи Гессен-Катель-Шах убедительно доказывают, что ее члены были не просто родственниками – они были соратниками в последовательной борьбе против фашизма и коммунизма, когда было нужно, с оружием в руках, а то и словом, разящим не хуже пули.

Глава II. Ожившие фотографии

Давайте посмотрим на эту фотографию, сделанную летом 1942 года в Марселе на юге Франции. Как мы помним, в то время Франция была оккупирована не полностью, юг входил в зону, управляемую правительством Виши.

Начнем с женщины, стоящей во втором ряду пятой слева. Это Хелен Катель, дочь Бориса Гессена, прапраправнучка Исаака Гессена, одесского купца. Выше, в третьем ряду, слева возле дерева стоят два друга и близких родственника Жак (Яков) Катель, муж Хелен, и Евгений Шах, муж Журы Гессен, еще одной дочери Бориса Гессена. В первом ряду в центре сидит мужчина с бородой. Это Владимир Шах, бессменный директор ХИАСа во Франции в самые тяжелые военные годы. До революции он работал финансовым советником у Юлия и Бориса Гессенов. В ХИАСе Шах работал с 1933 года.

Борис и Юлий помогали белому движению. В середине 20-х годов Юлия удалось заманить обещаниями концессии в Россию, где его арестовали. Он умер в тюрьме. Борис перебрался с семьей во Францию, но затем оказался в Польше. Войну он пережил и умер в Варшаве в 1946 году. Семья его осталась во Франции. В Париже пересеклись пути Кателей, Гессенов и Шахов.

Жак Катель изучал юриспруденцию в Сорбонне. Попутно он стал членом троцкистской группы, в которой оказалась девушка по имени Хелен Гессен, дочь Бориса Гессена. Молодые люди сразу потянулись друг к другу. В их прошлом было много общего – интеллигентные еврейские семьи, эмиграция, сходные политические взгляды.

Первой начала работать в европейском отделении ХИАСа, главная квартира которого находилась в Париже, Хелен, близкая родственница семьи Шах. Жак присоединился значительно позже, уже после поражения Франции и демобилизации из армии, куда он вступил добровольцем сразу после начала войны.

Глава III. Работа

ХИАС закрыл свои двери в Париже 11 июня 1940 года, за четыре дня до прихода фашистов. Во время короткой остановки в Бордо произошла первая стычка с немцами. Владимир Шах прибыл туда с архивом и несколькими сотрудниками 31 июня, а 2 июля в Бордо вошли немцы. Два немецких офицера в сопровождении французского чиновника явились в гостиницу и потребовали, чтобы Шах передал им весь архив ХИАСа. Это значило бы, что в руки фашистов попали б десятки тысяч имен и адресов еврейских беженцев. Шах ответил категорическим отказом.

– ХИАС американская организация, а Германия не находится в состоянии войны с Америкой, – спокойно сказал он.

Гитлеровцы удалились, пообещав вернуться.

Надо было срочно уезжать. Владимир Шах сжигает часть документов и перебирается в неоккупированную зону Франции, в Марсель.

Переезд даже при нормальных условиях сравнивают с пожаром или наводнением. Что же сказать о переезде еврейской организации в стране, наводненной нацистами и французскими фашистами? Организации, большинство служащих которой было разбросано по разным городам, половина архива сожжена, а в кассе которой денег не было и в ближайшее время не предвиделось?

И все же осенью 1940 года ХИАС открывает двери для тех, кому нужна помощь с выездом, точнее – с бегством от приближающейся катастрофы. В эти двери хлынули потоком десятки тысяч евреев, оказавшихся в ловушке во Франции, – беженцы из Польши, Бельгии, Голландии, Эльзаса, Лотарингии, а также с оккупированной территории самой Франции. Среди тех, кто

Жак Катель интервьюирует возможных кандидатов на эмиграцию в лагере Ле-Миль (1940-1941 гг.)

обращался в ХИАС, были не только евреи. Многих беженцев интернировали в специальные лагеря, и сотрудники ХИАСа работали там, разыскивая людей, имеющих шансы на эмиграцию. Мы знаем, что одним из этих сотрудников был Жак Катель, работавший в лагере Ле-Миль. Остальные делали все, чтобы обеспечить жаждущих вырваться визами – в США, Южную Америку, Южную Африку, Китай, куда угодно, лишь бы подальше от зачумленной Европы.

Увы, желающих было гораздо больше, чем возможностей.

Но работа ХИАСа не ограничивалась поисками легальных возможностей для эмиграции. Владимир Шах установил связь с надежными подпольными группами, действовавшими в приграничных районах, и с 1942 года, когда начались крупномасштабные депортации из Франции, ХИАС переправил сотни евреев, в том числе множество еврейских детей, через испанскую и швейцарскую границы.

Кроме того, некоторые сотрудники ХИАСа непосредственно участвовали в боевых действиях партизан. Во время встречи в Вашингтоне Эрик Шах показал мне французский орден «За храбрость», которым был награжден его отец, а также удостоверение участника Сопротивления Владимира Шаха.

Работали в ХИАСе на износ – физически и психически. Хелен Катель вспоминает, что, когда Владимир Шах заболел, она и другие сотрудники должны были проводить «селекцию» (страшное слово, но, по сути, означавшее то же: налево – уезжаешь и живешь, направо – остаешься и погибаешь), отбирая тех кандидатов в эмигранты, которые удовлетворяли сложным, противоречивым и постоянно меняющимся правилам выезда из Франции и въезда в другие страны, в том числе и в США. Эти правила не допускали исключений, и даже 65 лет спустя Хелен не могла сдержать слез, рассказывая о тех, кому приходилось отказывать. Положение евреев во Франции продолжало ухудшаться. Вишисты, иногда с подачи немцев, а большей частью по своей инициативе стягивали петлю на шее евреев, в первую очередь тех, кто не имел французского гражданства. Часть сотрудников эмигрировала, в том числе Жак и Хелен Катель.

11 ноября 1942 года ХИАС переехал в департамент Коррез, в городок Брив-ла-Гайар, который был региональной столицей Сопротивления. После оккупации всей Франции легальная эмиграция стала практически невозможна, и ХИАС перешел на нелегальные операции, продолжая оказывать финансовую поддержку своим бывшим клиентам.

Прошло два года непрерывных трудов и борьбы. Жизнь семьи Шаха, как и его сотрудников, висела на волоске, который мог оборваться каждый день, каждый час.

Во время встречи в Вашингтоне я спросил у Эрика, не возникал ли вопрос об отъезде в Америку. Ведь Шаху и его семье наверняка оформили бы визы.

В ответ на мой вопрос все засмеялись, как будто они не раз его обсуждали и давно пришли к единому мнению.

– Жена Владимира Шаха ни за что не хотела уезжать из Франции и никому не позволила, очень она была своенравна, – таков был ответ.

– Не может быть, – не менее уверенно заявил я.

Все несколько опешили. Кто я такой, чтобы знать о причинах важнейшего решения лучше, чем они, члены семьи?

А я не мог поверить, чтобы такие люди, как Владимир и Евгений Шахи, могли подчиниться капризу своенравной женщины, капризу, который мог стоить жизни им всем. Нет, чтобы остаться, рискуя собой и детьми, нужна была более веская причина. Ее раскрыл сам Владимир Шах. В письме в Нью-Йорк в октябре 1944 года он писал: «…Не раз я думал о своей отставке. Но в момент, когда немцы начали беспощадное преследование моих коллег, арестовывая сотрудников и членов Совета, я посчитал, что моя отставка была бы равноценна дезертирству перед лицом врага. То же самое относится к обстоятельствам моего сына, представителя нашей организации в департаменте Коррез».

Смерть действительно ходила за ними по пятам. Шел 1944 год. Освобождение было близко, но немцы и французская милиция свирепствовали вовсю. 4 апреля был совершен налет на помещение ХИАСа в Бриве. В руки гестапо попали Марсель Мейер и Натан Крамер, единственные не французские евреи, которым разрешили работать в ХИАСе после увольнения всех остальных. Они погибли в лагерях.

Но почему ни Владимира Шаха, ни его сына Евгения не было среди арестованных?

Рассказывает Эрик Шах: «Мы жили не в самом Бриве, а в соседней деревушке Мюссак. Отец (Евгений Шах) и дед (Владимир Шах) ездили на работу автобусом. В тот день дед чувствовал себя неважно, и папа, мама и бабушка пытались уговорить его остаться. Дед был упрям и не соглашался. Пока они спорили, время шло, и когда все поняли, что деда не переубедить, оказалось, что они опоздали на автобус, которым всегда ездили на работу. Пришлось сесть на следующий, который отправлялся через полтора часа. Остановка в Бриве находилась прямо напротив дома, где помещался ХИАС. Отец с дедом уже собирались выходить, когда заметили возле дома несколько полицейских машин. Они вернулись на свои места и поехали дальше».

Минута опоздания спасла им жизнь.

После освобождения Франции Владимир Шах вернулся в Париж, где продолжал руководить европейским отделением ХИАСа до своей отставки в 1947 году. В это время ХИАС занимался помощью перемещенным лицам, причем многих из них организация смогла переправить в Эрец-Исраэль нелегально. Умер Владимир Шах в 1949 году. Его сын и помощник Евгений перешел после войны на работу в ОРТ. Он умер в 1980 году.

Глава IV. Между двух миров

Жак Катель и его жена Хелен Гессен прибыли в Нью-Йорк 16 апреля 1942 года. Жаку было 26, а Хелен – 25 лет. Но молодым людям некогда было заниматься жизнеустройством – шла война, и они знали по личному опыту, какой дьявольской силе противостоят союзники. С их знанием английского, французского, русского и немецкого языков, на которых говорили основные воюющие страны, о работе беспокоиться не приходилось. Хелен устроилась переводчицей в одно из военных ведомств, а Жака пригласили в только что созданное Бюро военной информации (WOI). В задачи бюро, среди многих, входила пропаганда на вражеской территории (призывы к сопротивлению, военные сводки). Жак, разумеется, работал во французском отделе. Можно представить, с каким чувством он садился к микрофону, – в надежде, что его услышат близкие и друзья, оставшиеся во Франции.

После войны Жак и Хелен уехали в Европу и до 1948 года работали в лагерях для перемещенных лиц, помогая их иммиграции в страны Западного полушария. Официально они находились в штате Международного комитета экстренного спасения (ERC), но на фотографии, присланной мне Питером, сыном Жака и Хелен, я узнал двух сотрудников ХИАСа, стоящих рядом с Хелен Катель. Ничего странного, если вспомнить, что с 1945 по 1954 год ХИАС играл главную роль в организации иммиграции перемещенных лиц.

Беседа с семьей Шах-Катель, Вашингтон, 2005 год. Слева направо: Питер Катель, сын Жака и Хелен Катель, Валерий Базаров, Эрик Шах, сын Евгения Шаха и Журы Гессен (сестры Хелен), Хелен Катель

В 1948 году Катели вернулись в США. Вскоре Жак стал представителем «Франс Пресс» при ООН, а Хелен на время перестала работать – у них родился первенец, Питер.

В последний период жизни Жак стал редактором журнала «Atlas, the Magazine of the World Press», издававшегося с 1961 года. В журнале печатались статьи на политические темы со всего мира, как правило, с комментариями Жака Кателя. Одновременно квартира Кателей, где подрастали Питер и его младший брат Роберт, превратилась в своего рода салон, где встречались люди, так или иначе связанные с большевистским переворотом и его последствиями. Достаточно назвать Бориса Николаевского, меньшевика, высланного Лениным в 1921 году, и Александра Бармина, разведчика, ушедшего на Запад, спасаясь от сталинских чисток. Были там и деятели компартий различных стран, исключенные из рядов за отказ строго следовать московской линии, журналисты, высланные из соцстран за «клевету на социалистический строй».

У Жака Кателя никогда не ослабевал интерес к стране, где он родился, но не потому, что его мучила ностальгия, а потому, что он видел, во что превратили ее коммунистические правители.

В 1965 году Жак Катель начал работу над книгой об убийстве Кирова. К сожалению, ему не удалось довести работу до конца. 7 мая 1965 года он скоропостижно скончался от «аневризмы сосуда мозга». Ему не было и 49 лет.

После смерти мужа Хелен осталась с двумя сыновьями, 16 и 8 лет. В течение многих лет она работала от случая к случаю, но теперь пришлось перейти на полный рабочий день. Она переводит книги с французского, помогает журналистке из журнала «Time» переводить советских писателей-диссидентов, возвращается на работу в Международный комитет экстренной помощи. До начала 90-х она еще работала переводчицей для Женского совета по вопросам беженцев и Национальной коалиции гаитянских беженцев. В гаитянах Хелен видела народ, брошенный на произвол судьбы всем миром. В центре ее внимания всегда были беззащитные люди, в каком бы уголке земли они ни обитали и к какой бы этнической группе они ни принадлежали. В Ревиц-Хаус, куда она переехала в 2005 году, она была движущей силой кампании по сбору средств в помощь пострадавшим от урагана Катрина. Даже в последний день своей жизни Хелен повезли на избирательный участок, чтобы она могла участвовать в выборах в Конгресс.

Хелен умерла 3 ноября 2010 года. Ей было 93 года. До конца жизни она сохранила острый ум, ясную память и умение наслаждаться жизнью. Никогда не забуду, как года за два до ее смерти мы с ее сыном Питером навестили Хелен в Ревиц-Хаусе, доме для… Как-то язык не поворачивается назвать элегантный особняк в отличном районе Бетесды, штат Мэриленд, домом для престарелых. Холл дома был заполнен празднично одетыми пожилыми людьми, звучал смех, на лицах читалось ожидание какого-то радостного события.

– У них вечно что-то происходит, – пояснил Питер, – сегодня после ужина будут бальные танцы.

Хелен Катель, 2009 год

Мы поднялись наверх в уютно обставленную комнату Хелен, и Питер вручил матери бутылку вина. Хелен внимательно изучила этикетку и только после того, как убедилась, что заказ был выполнен правильно, поставила ее на стол.

– Смотри, не переусердствуй в танцах, – предупредил Питер, – знаю я тебя.

Такой она и осталась у меня в памяти – красивая, со вкусом одетая женщина в предвкушении праздничного вечера. Женщина, прошедшая сквозь все потрясения двадцатого века. Женщина из поколения, не склонившего головы.

Ирина Ковшарь

Одесско-тульские связи

Опыт некрополистического исследования

Некрополистика (от *некрополь* (греч.) – *город мертвых*) – вспомогательная историческая дисциплина, главным предметом изучения которой являются кладбища, их описание, изучение и сохранение. Очень важна для историко-генеалогических (биографических) исследований.

Так определяет эту науку Wikipedia, и это определение неполное. Оно не отражает наличия эстетического, экологического, искусствоведческого, планировочно-градостроительного, богословского, нравственного аспектов изучения кладбищ.

Я – некрополист с многолетним стажем. Уже много лет занимаюсь описанием, изучением и сохранением старинных кладбищ, а также могил и надгробий в русском городе Туле. Жестокая судьба более сорока лет назад выдернула меня из любимой Одессы и зашвырнула в среднюю полосу России. Я долго тосковала, пока не открыла для себя старинного огромного, поросшего лесом Всехсвятского кладбища. Будучи искусствоведом по образованию и музейным сотрудником по профессии, чтобы хоть чем-то заменить утраченную мною красоту родного города, я занялась изучением старинных красивых резных белокаменных надгробий тульского некрополя. Отмывая, измеряя, описывая, конечно же, вычитывая имена, не могла не погрузиться и в краеведение. За 35 лет собран огромный материал. В конце 1990-х удалось создать музей «Тульский некрополь», который аккумулировал в своих коллекциях наработанное (к сожалению, несколько лет назад музей был перепрофилирован в Тульский историко-архитектурный, и некрополь стал всего лишь одним из направлений его деятельности).

Одесситов бывших не бывает. Более-менее регулярно я приезжала в родной город, навещала родных, встречалась с однокурсниками.

В один из таких приездов счастливая планида свела меня с О. Губарем, которого я уже знала по его публикациям, в том числе по масштабной книге «Первые кладбища Одессы». Естественно, я не могла не рассказать Олегу Иосифовичу о своих некрополистических занятиях, находках. В том числе рассказала и о замысловатых пересечениях судеб людей, погребенных на кладбищах как Одессы, так и Тулы. И однажды Олег предложил мне: «А может, вы напишете для альманаха о тульско-одесских кладбищенских связях? Это было бы интересно». И я задумалась.

К сожалению, думаю я долго, пишу значительно быстрее. Начала я писать эту статью в начале марта и сообщила об этом Олегу. Полагаю, он не успел прочитать моего письма… Так пусть это будет моя дань любви и уважения его памяти.

Анна Петровна Зонтаг

Русский поэт, один из основоположников романтизма в русской литературе, переводчик, литературный критик, наставник многих молодых дарований, воспитатель цесаревича (будущего Александра II), друг и душеприказчик А.С. Пушкина Василий Андреевич Жуковский (1783-1852) связан с Одессой слабо: единственный визит 27-30 августа 1837 г. не оставил сильных впечатлений, в дневнике он этот визит не описывает. Но родственные отношения с А.П. Зонтаг, его высокое мнение о ней как о литераторе, многолетняя дружба с ней и ее мужем позволяют нам выявить эту связь.

Как известно, Жуковский был незаконнорожденным сыном богатого тульского помещика А.Н. Бунина и пленной турчанки Сальхи (в крещении Елизаветы Дементьевны Турчаниновой). Шестнадцатилетняя вдова была пленена при взятии русскими войсками турецкой крепости Бендеры, а затем, по-видимому, куплена Буниным. Престарелый сластолюбец, похоже, испытывал нежные чувства и к наложнице, и к бастарду, поселил их во флигеле барского дома в своем родовом имении Мишенское Белёвского уезда Тульской губернии. Пикантность ситуации заключалась в том, что в «большом» доме на законных правах продолжала проживать жена Бунина Мария Григорьевна.

Судя по всему, она была женщиной удивительной душевности: Жуковский воспитывался вместе с ее внучкой, а своей неполнородной племянницей Анной Юшковой, которая была на два года его моложе; он получил такое же качественное домашнее воспитание, как и совершенно «законные» отпрыски семейства. Их учили математике и истории, закону Божьему и географии, иностранным языкам (обязательный набор – немецкий, французский, английский) и родному русскому; музыка, танцевание, рисование и пение были обязательными не только для девочек. Кстати, Анна имела прекрасный голос и хорошо пела. В своих мемуарах А.О. Смирнова-Россет, говоря об одной из своих тетушек, мимоходом замечает: «У Марьи Ивановны был чудный голос, вроде голоса Зонтаг…». До конца жизни Жуковский называл Анну своею «соколыбельницею». Взрослые дочери Буниных, соответственно неполнородные сестры Жуковского: Варвара (в замужестве Юшкова, мать Анны), Екатерина (Протасова) и Наталья (Вельяминова) – принимали в юном Жуковском большое участие. Небольшой фактик из биографии поэта: уже после смерти отца в 1791 году родственники определили Василия в тульский пансион и заодно добились внесения его (напоминаю: незаконнорожденного!) во 2 часть Дворянской книги Тульской губернии. Особенно хлопотало об этом семейство Юшковых, родителей «соколыбельницы». Но, очевидно, не обошлось и без Натальи Вельяминовой. Она открыто была любовницей наместника калужского и тульского Н.И. Кречетникова и, по свидетельству современников, «вертела им как хотела». В 1830-х годах ревизия выявила все нарушения при внесении Жуковского в Дворянскую книгу, но император приказал «оставить все как есть».

Но при чем тут Одесса? Отвечаю: при Анне Петровне Юшковой, друге на всю жизнь и племяннице. В 1817 году уже немолодой девушкой Анна Петровна выходит замуж за американского офицера немецкого происхождения на русской службе Егора Васильевича (Джорджа Сайкса) Зонтага (1786-1841). В связи с этим Жуковский писал Анне Петровне в одном из писем: «Милая сестра. Я возвратился на родину и первое явление перед глазами моими был Зонтаг. Увидя его, я в минуту понял, как могли вы так ско-

ро решиться за него выйти. Я сам то же бы сделал на вашем месте. Не знаю человека, которого бы можно было так скоро полюбить, как этого милого Зонтага».

Е.В. Зонтаг в 1811 году вступил в службу на русский флот в чине лейтенанта. Участвовал в событиях 1812 года, был награжден прусским орденом «Пурпурное сердце», российский орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом, чином майора. В 1814 году участвовал в бою под Реймсом и во взятии Парижа. После завершения наполеоновских войн вышел из службы, путешествовал по миру. В 1816 году в свите принца Вюртембергского вернулся в Россию и был восстановлен в русском флоте с чином капитан-лейтенанта. По пути из Петербурга в Николаев он знакомится с А.П. Юшковой, и в скором времени они женятся. Супруги живут по месту службы Егора Васильевича в Николаеве, в Крыму, но долее всего – в Одессе, где он служил командиром Одесского карантинного порта, инспектором портового карантина, чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Воронцове, избирался директором Компании Черноморского пароходства, весной-летом 1831 года исполнял обязанности одесского градоначальника. Е.В. Зонтаг был награжден российскими медалями и орденами, дослужился до чина действительного статского советника, что, согласно Табели о рангах, соответствовало чину генерала.

Судя по всему, он был не только обаятельным, но и деятельным человеком: Н.И. Гнедич, русский поэт, известный в основном как переводчик «Илиады», пишет в письме к А.П. Зонтаг: «Одесса воскресает после страстей смертных, и воскреснет, нет сомнения, к новой жизни. То-то забот и хлопот Егору Васильевичу; а ему это как коту масленица; он у вас, чаю, исхудал от бездействия навигации. Свидетельствуйте ему мое усердное почтение». Речь идет об открытии навигации после карантина, вызванного эпидемией холеры в 1830-1831 г. После выхода в отставку Зонтаг проживал в Одессе. Супругам принадлежал дом на Приморском бульваре, в будущем Воронцовском переулке, и обширный загородный хутор. Дом Зонтагов современники называли «литературным салоном Анны Петровны». Их дочь Мария Егоровна, впоследствии вышедшая замуж за австрийского консула в Одессе Людвига фон Гутмансталя, была дружна с Л.С. Пушкиным.

Скончался Егор Васильевич в 1841 году и был погребен на Старом (Первом) христианском кладбище. Могила его была уничтожена при ликвидации кладбища в 1930-х годах.

Анна Петровна тяжело переживала смерть супруга. Она покинула Одессу, вернувшись в родное Мишенское. Уже довольно известная к тому времени детская писательница, она возобновила свои литературные труды. Из-под ее пера вышли сказки и рассказы для детей, написанные простым задушевным языком, очень популярной стала «Священная история для детей, выбранная из Нового и Ветхого Завета». За эту книгу А.П. Зонтаг была, говоря современным языком, номинирована на Демидовскую премию. Также Анна Петровна много переводила с немецкого, английского и французского языков. Она делала переводы сказок Шарля Перро, Вильгельма Гауфа, многих рассказов Шмидта, Гувальда, мисс Эджворт и других. Первой начала переводить на русский язык произведения Вальтера Скотта. Жуковский всячески поощрял и поддерживал ее литературные занятия. О том, как высоко ценили современники литературный талант А.П. Зонтаг, видно из письма П.А. Плетнева к Жуковскому по поводу смерти Н.В. Гоголя: «Я жалею о нем несказанно… Теперь мой литературный мир ограничивается четырьмя лицами: двумя мужского пола и двумя женского: к первой половине принадлежите вы и Вяземский, ко второй – старушка Елагина и Зонтаг. Какое пустое место оставил в этом маленьком мире мой добрый Гоголь!».

После смерти В.А. Жуковского Анна Петровна опубликовала воспоминания о нем. Эти мемуары явились ценнейшим источником сведений о детстве и юности поэта.

Анна Петровна Зонтаг скоропостижно скончалась в 1864 году в возрасте 78 лет и была погребена на кладбище села Мишенское. В советское время кладбище было уничтожено, и, таким образом, могила ее утрачена.

Вот такая связь.

Одесский календарь

Базарная улица

70 Михаил Пойзнер
Напоминает мемориальная доска

Михаил Пойзнер

Напоминает мемориальная доска

«В этом доме в 1885-1911 годах останавливался художник, академик живописи, потомок первопоселенцев Одессы Леонид Осипович Пастернак (1862-1945)», – прочтет прохожий на мемориальной доске, которая была установлена на фасаде дома № 78 по улице Базарной и открыта 23 ноября 2012 года в присутствии двух правнуков и внучки художника.

Родоначальник семьи Леонида Пастернака – Акива Пастернак – приехал в Одессу осенью 1794 г. Его подпись стоит под уставом Одесского погребального братства, датированного 1795 г.

Семья Пастернаков пережила с городом все взлеты и падения, войны, геноцид, погромы, эпидемии и, оставаясь семьей одесситов, дала миру выдающихся людей.

Леонид Пастернак родился в одесской еврейской семье собственника постоялого двора Иосифа Пастернака. Ицхок-Лейб (Леонид) Пастернак, младший, шестой ребенок, проявил склонность к рисованию вопреки планам родителей, желавших видеть его врачом либо присяжным поверенным. Окончив Ришельевский лицей, юноша и впрямь поступил в Московский медицинский институт, и бросил его спустя два года, чтобы поступить на юридический факультет Новороссийского университета в Одессе, но оставил и этот вуз, твердо решив следовать своему призванию.

В Одессе учителем его стал скульптор Луиджи Иорини, чьи произведения сохранились только на здании Одесской думы.

Журналист и издатель М.Ф. Фрейденберг привлек Пастернака к сотрудничеству в одесских юмористических иллюстрированных журналах «Маяк» и «Пчелка». Об этом начале своей карьеры художник впоследствии вспоминал в автобиографической книге «Записи разных лет»:

«Однажды шел я по Дерибасовской и столкнулся с идущим мне навстречу Михаилом Федоровичем Фрейденбергом. «Вот кстати! Вы ведь, кажется, рисуете? Не зайдете ли ко мне на минутку?..»

«Мне надо на некоторое время уйти, а вы вот сядьте здесь – вот бумага, карандаши и… до свиданья! Я даже запру вас на ключ, чтобы вы, чего доброго, не сбежали до моего прихода…»

Фрейденберг был в восторге: «Ну, я спасен, слава Богу! Молодчина!.. Я знал! Молодец вы! Я обращался ведь к нашим двум заправским художникам – черт знает, что получалось! А ведь уже объявлено о выходе первого номера, у меня же ничего еще нет… Сам Бог послал мне вас – у нас с вами дело пойдет!» И действительно, «дело у нас пошло»! Еще будучи гимназистом-восьмиклассником, я стал заправским художественным сотрудником журнала «Маяк», а потом «Пчелка». Главным же было то, что мы искренне привязались друг к другу и стали друзьями на всю жизнь; он стал даже моим зятем, женившись на младшей сестре моей».

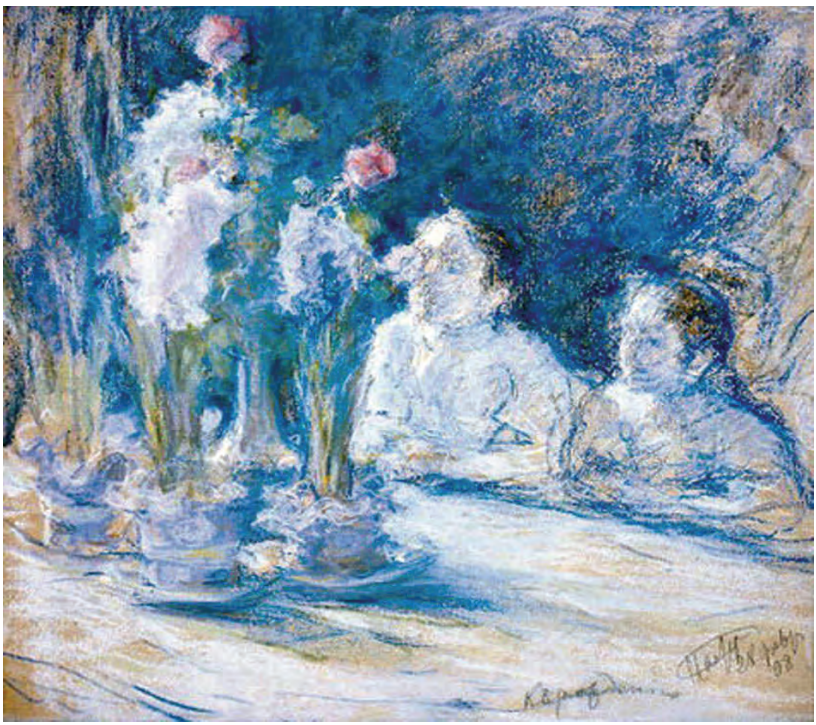
Так что в этом доме на Базарной можно было бы указать и фамилию одесского журналиста Михаила Фрейденберга.

В 1882 г. Леонид Пастернак занимался в московской школе-студии Е.С. Сорокина, а с середины 1880-х – в Мюнхенской академии художеств; брал уроки офорта у И.И. Шишкина. После приобретения картины «Письмо из дому» (еще в незавершенном виде) Павлом Третьяковым для галереи Леонид Пастернак переехал в Москву, где женился на одесситке, пианистке Розалии Кауфман. В 1890 г. у них родился сын – будущий гениальный поэт Борис Пастернак…

В 1894 г. Леонид Пастернак получает приглашение преподавать в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, но наотрез отказывается из-за недвусмысленного намека попечительского совета, что для этого нужно принять христианство.

В письме инспектору училища князю Львову художник поясняет: «…я поспешил выразить свою искреннюю радость и благодарность за лестное предложение. Вместе с тем я указал, что

Давид Фришман и Хаим Бялик. Рисунок Леонида Пастернака. 1916 г.



мое еврейское происхождение, вероятно, послужит непреодолимым препятствием. Я не был связан с традиционной еврейской обрядностью, но, глубоко веря в Бога, никогда не позволил бы себе и думать о крещении в корыстных целях…».

Леонид Пастернак в мастерской. Фото

Подобное благородство позиции было по достоинству оценено: Леонид Пастернак преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества на протяжении 25 лет. В возрасте 43 лет он был избран академиком живописи.

Жили Пастернаки в Москве, но каждое лето проводили у моря, в Одессе, так что связь с нашим городом не прерывалась.

Для истории литературы и изобразительного искусства значима дружба, возникшая между Леонидом Пастернаком и Львом Толстым. Иллюстрации Л. Пастернака к романам «Война и мир» и «Воскресение», одобренные Толстым и отмеченные медалью на Всемирной выставке в Париже 1900 года, до сих пор являются образцовыми.

Спустя много лет после смерти Толстого художник писал: «Подводя итоги прошлому, вспоминая Льва Николаевича, я спрашиваю себя, чем заслужил я счастье, дарованное мне судьбой, не только быть современником этого легендарного человека, но и знать его лично, бывать у него, беседовать с ним, рисовать и писать его… Как передать блаженство, испытанное мною, когда однажды в разговоре со мной Николай Ге заметил: «Толстой вас любит – это большое счастье».

Леонид Пастернак – автор портретов выдающихся людей: Ф. Шаляпина, Э. Верхарна, К. Бальмонта, А. Эйнштейна,

С. Рахманинова, И. Мечникова, Р. М. Рильке, М. Горького, В. Брюсова, В. Иванова и др.

«Искусство мое обладает одним преимуществом перед словом, литературой: оно – международное, и понятно на всех языках. Живопись, рисунок, пейзаж, портрет – будь он написан шведом, французом, русским или евреем – понятен всем, и нам пока не нужен особый язык, особое искусство…» – писал Леонид Осипович Пастернак.

В 1921 году Леонид Осипович и Розалия Исидоровна уехали в Германию (под предлогом необходимости лечения Розалии Исидоровны). С ними едут дочери, а сыновья Борис и Александр остаются в Москве.

В 1933 году к власти в Германии приходит Гитлер, и Пастернак с женой уезжают к двум дочерям, которые к тому времени уже жили в Англии.

Леонид Пастернак умер в Оксфорде 31 мая 1945 года. Там сейчас существует его музей.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Проза

76 **Леонид Лейдерман**
Как я стал инженером

87 **Михаил Пойзнер**
Опять расстаюсь я с тобою…

91 **Марина Линда**
Биточки из тюлечки

95 **Анна Коренева**
Два рассказа

100 **Виталия Бабущак**
Убийство

117 **Алена Жукова**
Пиросваня

Леонид Лейдерман

Как я стал инженером

С Толей С. мы учились на филфаке одесского университета – еще тогда, когда университетов в городе было всего один. Учились на заочном отделении и работали. Отучились, защитились, получили свои дипломы и разбежались каждый в свою сторону. Я – на крекинг-завод, Толя – в лабораторию в каком-то техническом НИИ. По окончании учебы оба собирались поменять профессию, но на эту тему как-то не говорили.

И вдруг – телефонный звонок: Толя предлагает мне работу.

Оказывается, в его НИИ начал издаваться специальный журнал. Для журнала нужен человек с профессиональным знанием языка, однако никого со стороны не искали, ждали Толю, пока он не окончит свой филфак. А он вдруг извещает свое начальство, что у него изменились обстоятельства, ему сделали другое предложение. И он обещает поискать кого-нибудь вместо себя.

Заканчивались шестидесятые годы. В Одессе преподавателей языка и литературы – хоть пруд пруди, найти работу – проблема из проблем, а тут человек отказывается от готового места. Что же ему такого предложили? А предложили Толе место инструктора райкома партии. И чем же это лучше? Ведь инструктор райкома все равно что Ванька-взводный в армии – всё на нем и спрос с него же… Так-то оно так, но есть нюанс: перспектива получения квартиры. А вот это уже совсем другой разговор!

На Черемушках вокруг первых заселенных домов непролазная грязь – большое строительство только-только разворачивалось. В городе – тысячные очереди на жилье. Еще тысячи только мечтают попасть в очередь. А тут – обещают квартиру. Надо соглашаться!

В Толином НИИ это еще кàк понимали, Толю отпускали и благословляли, но – хорошо бы подыскать замену. Вот он и позвонил.

Тут надо заметить, что и я, и Толя, во-первых, были активными участниками разных общественных событий и, во-вторых, лояльны к социалистической идее. И потому состояли в партии – коммунистической, естественно. При этом мы, конечно, осуждали культ личности Отца и Учителя, ждали и не дождались партийной «чистки», и все-таки – каждый сам по себе – в партию вступили. А поскольку партия – это союз восемнадцати миллионов единомышленников, то и мы едино мыслили, что квартира работнику райкома нужна скорей, чем работнику нерайкома. То есть Толе действительно светило более-менее скорое жилье. И я был этому искренне рад. Но выручить его и стать ему заменой – не мог. Потому что собирался работать в газете.

Вообще-то, я не всегда собирался работать в газете.

Когда я еще только оканчивал семилетку, было уже ясно, что за учебу в восьмом классе платить нечем (а платить тогда надо было, страна не доросла еще до обязательного среднего образования). Нужно было или идти работать, или учиться там, где за учебу не нужно платить. Вот тогда впервые встал вопрос: а кем же я хочу быть?

Не знаю, как в другие времена, но в советское время такой вопрос был вполне естественным. Страна безграничных возможностей! Кто был ничем, тот станет всем! Только учись хорошо и веди себя прилично… Правда, каждый этап нашей героической истории имел свои престижные профессии. И когда мальчики мечтали стать пограничником с овчаркой на поводке, мало кто слышал о Циолковском, а когда многие видели себя космонавтами, уже мало кто мечтал о границе на реке Амур.

Мне и моему товарищу по школе Витале Денисенко было по четырнадцать лет. В глубине души нам было досадно, что победная война с фашистами закончилась без нашего личного участия. Может быть, поэтому мы с ним решили поступать в летное спецучилище, военное, на базе семилетки, – было такое в Одессе. Мы не знали, кого, каких специалистов спецуха готовит, но что будем летать – в этом не сомневались. Был в нашем устремлении и материальный интерес. За восьмой класс надо платить,

а за училище – нет. В школу нужно иметь и обувь, и одежду, а тут форма – и зимняя, и летняя, еще и кормят.

Правда, опасались, что нам дадут от ворот поворот по здоровью (туда хлипких не берут!). И по этой причине пошли мы во взрослую поликлинику на предварительный осмотр: если здесь пройдем, то и там пройдем, а если не пройдем… Вышло, как боялись, – здесь не прошли, а выходит, и туда не пошли. А жаль. Для дома было бы выгодно. Принести в дом мы ничего не могли, так хоть сэкономить!

Один раз я заработал пятьдесят рублей. Это моя бабушка похвасталась какой-то своей подруге, что я, ее внук, круглый отличник в своем седьмом классе. А подруга ее, наоборот, поогорчалась, что ее внук совсем не отличник. И попросила мою бабушку, чтобы я с ее внуком позанимался перед экзаменами. И что она отблагодарит. «Отблагодарит» – это вызвало двоякое чувство. С одной стороны, в классе мы кому надо и так всегда помогали, за это и спасибо вроде ни к чему. С другой стороны, парень совсем даже из другой школы, я тут при чем? Позанимались мы с ним, всё он сдал благополучно, только за деньгами я постеснялся пойти – бабушке их отдали. Но гордость была: в дом деньги заработал!..

Седьмой класс позади, решил пойти учиться в машиностроительный техникум. Предложили сварочное отделение. Дома никто не возразил – специальность вроде для мальчиков. Стипендию начислили только на первый семестр, а дальше – как сессию сдадим. Но в этом техникуме я всего семестр и пробыл. Через четыре месяца меня досрочно выпустили – отчислили за подрыв авторитета классного руководителя. Вот фокус! Спасибо, не было такой статьи в уголовном кодексе – с ней я бы далеко не ушел… (Наверно, страна требовала от нас вести себя не «прилично», а – «прилежно». Чтобы наше поведение «прилегало», гладко прилегало к писаным и неписаным правилам. Без всяких там сучков и подрывов.)

На домашнем совете мое неприлежное поведение очень резко осудили и решили, что до осени, до попытки поступить в другой техникум, придется мне где-то поработать. Мол, не ценил стипендию – оцени зарплату… И определили в артель «Канцкультпром» – по культурной части. Помогал клеить настольные игры, а там и за токарный станок пустили – точить по дереву. Артель была на Заславского, бывшей Мещанской, станок настоящий, а точили

на нем ненастоящие фюзеляжи и моторчики для игрушечных самолетов. (Все-таки самолетов!) На станке можно было точить, конечно, не только это. Мой учитель, толстенький и лысый строгий человек по фамилии Нусбаум, умел точить и изящные шахматные фигурки, и, как о нем говорили, биллиардные шары! Высший пилотаж!

А я пока что забивал молотком деревянную заготовку в бабку станка, обдирал деревяшку полукруглой стамеской, а дальше уже стамеской плоской доводил цилиндр до нужных размеров. Пальцами левой руки нужно было прикрываться от коварной стружки, а она все норовила попасть в какой-нибудь глаз. Однажды таки попала! Пришлось ехать в «Скорую» на Ольгиевскую… Мне уже платили от выработки, и к концу дня я обычно знал, сколько сегодня заработал. Заработок, жаль, был небольшой. Но в дом!

Останься я там – вышел бы из меня нормальный токарь по дереву. Но считалось тогда, что если уж хорошо окончил семь классов и если могут тебя дома поддержать, то нужно где-то учиться, то есть не просто получить профессию, а – иметь специальность.

На углу Базарной, тогда – Кирова, большим рекламным щитом приглашал на учебу нефтяной техникум. Технологи, механики, строители, экономисты… Механики – вполне для мальчиков. Ушел из артели, поступил в техникум. Между прочим, богаче, чем другие теникумы, – стипендия самая большая в городе. Специальность – техник-механик по транспорту и хранению нефти и газа. Что это такое? Мы толком и не знаем. Хоть официально мы учащиеся, но считаем себя студентами, это и есть пока наша специальность. А что будет потом? Будет что будет.

Стипендия больше, чем у других, но денег, как это обычно бывает с деньгами, не хватало. Поэтому подрабатываем, где можем. В порту в ночную смену на судах готовим трюмы к погрузке, подметаем причалы, угощаемся арахисом у добрых тетенек в складах и возлегаем на тюках английской шерсти под восход солнца над обрезом моря. Ну и учимся, конечно. А на летние каникулы, кому очень надо, тоже подряжаемся на работу. Заодно знакомимся с разными другими профессиями.

С кровельщиками я заделывал раствором солнечные щели в уложенной черепице, пока на чердаке не становилось темным-темно. Красил крыши и как-то по свежей краске поехал, как

на лыжах, вниз по скату с полным ведром краски в руке. Ехал, пока не уперся ногой в бортик. И с крыши не упал, и, что немаловажно, ведро с краской не выпустил… Водосточные трубы тоже красил – с подвесной люльки. Как-то ухнула моя люлька вниз, но, к счастью, ненамного – подломилась железная пелена на краю крыши. Только и успел что испугаться…

В те годы стиральных машин еще не было, и каждая хозяйка была сама себе прачка. У прачки какой инструмент? Выварка, корыто да стиральная доска. И всё из оцинкованного железа… С оцинковщиками я окунал в ванну с расплавленным цинком стиральные доски. Однажды брызнуло на левую руку – и на пальце будто клеймо. Шрам в виде маленькой теннисной ракетки. Долго не сходил. Шрамы украшают мужчину!

Со строителями-арматурщиками вязал плиту перекрытия на молочном корпусе Привоза – до сих пор стоит! В левой руке моток отожженной проволоки, поддеваешь кончик под перекрестье железных прутьев, а кусачки в правой уже кончик подхватили, провернули, раз – откусили. Всё! Можно подвинуться дальше, под новое перекрестье… Ты вяжешь, а солнце кладет на плечи загар…

На Преображенской угол Дерибасовской, на тротуаре на большущем листе железа лопатами замешивали бетон для цементной стяжки в гастрономе. (Нас после работы позвали вниз, в подвалы, – разрешили купить по две палки московской колбасы. Куда ее, такую дорогую? А надо брать, это ж дефицит, наверху на прилавке не увидишь.)

В последние два года учебы стали проясняться контуры будущего. Производственную и преддипломную практику проходили на газопроводе «Дашава – Киев – Брянск – Москва», под Тернополем. Более-менее представили себе, на какие работы можем попасть, если распределимся на газопроводы.

Но перед окончанием техникума я женился, и это сильно повлияло на контуры будущего. При выборе назначения я уже интересовался не столько характером работы, сколько надеждой попасть в Министерство обороны. А вдруг повезет, и три года отработки засчитают за три года службы в армии! Министерство-то одно!

Изменилось и отношение к деньгам. Если раньше была забота, чтобы мои домашние меньше на меня тратились, то теперь нужно

было строить какой-то свой дом, а это уже совсем другие деньги! Вот получил назначение. Узбекистан. Карши. У военных шутка: «Бог создал три дыры – Карши, Кушку и Мары». А как в эту дыру добираться, если подъемные выплатят там, куда ты прибудешь? Что это за подъемные, когда подняться не за что? Пошел на стройку к родным арматурщикам – зарабатывать на дорогу к месту основного заработка. Выручили, признали и за две недели выплатили столько, сколько раньше платили за месяц. Видимо, как дипломированному…

Моя специальность на военном складе ГСМ относилась к инженерно-техническим и называлась «старший приемосдатчик». Но я ее тут же променял на благородную профессию слесаря-трубопроводчика: у того месячный оклад чуть не на треть больше. Мне показали кузнечный мех, какому место, наверное, в музее. Я научился надевать когти электрика и взбираться на деревянные столбы. А притирать задвижки под солнышком в пятьдесят четыре градуса? Тут уж не до загара. Местный напарник под зонтом, я под кепочкой…

Только и здесь простой арифметический расчет не оправдался, склад ГСМ получился у меня не на три года, как очень хотелось, а всего-навсего на три месяца: работа не армия, номер не прошел, профессия вышла очень уж краткосрочной. Пошел служить.

(Кстати, медицинская комиссия в армии проверяла нас на годность к летной работе. Между прочим, признала годными! Так что же врачи в нашей одесской поликлинике наврали нам когда-то с Виталей Денисенко, что мы в летчики не проходим? Или это они о родителях наших так заботились?..)

К срочной службе в армии относились тогда как к делу обязательному и, значит, неизбежному. Служба в армии – священный долг, это если с пафосом. Но было выражение и беспафосное – «воинская повинность». Дорожная повинность, воинская повинность – в общем, смысл такой, что нужно эту работу исполнить, дòлжно исполнить. А раз дòлжно, так и должен. И перед врачами на призывном пункте старались выглядеть не хуже других, здоровыми и даже бравыми. Жалобы есть? Жалоб нет!

Армия в войну – это понятно. А в мирное время срочная служба должна сделать из мальчика мужчину и дать военную специальность. Но бывает, что специальность может пригодиться и на гражданке – в гражданской жизни. Шофер. Или строитель.

А у нас специальность – пулеметчик. В гражданской жизни может пригодиться, только если гражданская война.

Но оказалось, что есть еще одна военная специальность, которая и на гражданке есть. Это журналистика. В армии есть даже выражение специальное – военкор, военный корреспондент. Приобщили и меня. Я сочинял сначала для газеты родной мотострелковой дивизии, потом для газеты родной воздушной армии. Я сочинял, а меня печатали. И не таким уж тяжелым казался ротный пулемет РП-46, заводской номер ЭГ-270.

Отвлечься в монотонной армейской жизни – это, слов нет, подарок судьбы. А краткосрочный отпуск на родину получить за свою писанину – как поощрение от политотдела? Это кому-то снилось? Когда об этом отпуске узнал замполит моей полковой школы, он был удивлен до ярости. За что отпуск? Кому? Прикомандированному от авиации, чужаку? Да еще и за его, замполита, спиной!.. Отпуск, кстати, объявили и за моей спиной тоже, но я, в отличие от замполита, не возражал.

И посетила меня тогда шальная мысль, что так может быть всегда. Что что̀ бы и где бы я ни делал на главной работе, я могу в свободное время заниматься сочинительством. Какая будет главная работа, я еще не знаю, она где-то впереди, а вот вторая специальность вроде бы уже есть.

Однако и в сочинительстве нужно чему-то обучаться. Или самообучаться. И в свободное от службы и от сочинительства время я написал письмо в Москву, в литературный институт. Письмо с просьбой познакомить меня с программой, по которой учатся студенты этого почтенного заведения. И тогда, думал я, мое самообучение сразу примет системный характер. Я буду знать, что читают студенты литинститута в Москве, сам буду читать то, что читают студенты литинститута в Москве, и буду, таким образом, знать все, что знают они… К моему удивлению, в ответ прислали не программу учебы, а условия приема в институт, о чем я вроде не просил. Но первыми удивились, видимо, они…

Тем временем служба моя подошла к концу, я допил свой последний армейский компот, меня демобилизовали, и я вернулся в Одессу. На первых порах – безработный. Подпольный. Потому что в СССР безработных нет. Как нет, соответственно, и посо-

бия по безработице. Зато есть тунеядцы, которые преследуются по закону. Так что спеши, ищи, где можно руки приложить.

Известно, что в Одессе, как в Греции, есть всё – например не только нефтяной техникум, но и целый нефтеперерабатывающий завод (тогда он назывался крекинг-заводом). Вот туда я и напросился. Принимал меня на работу главный инженер Иван Гаврилович. Показал крекинг-установку. «Смотри, – сказал он мне. – Вот стоит под навесом поршневой насос – видишь? А сейчас он сам по себе заработает – видишь? Работает. А сейчас сам по себе остановится – вот, я же сказал! Автоматика!» Здесь, мол, не только руки есть куда приложить, но и голову тоже. Туда я и пошел. Помощником оператора. А сколько платят? Об этом как-то и говорить неловко. Сколько другим, столько и мне. Тут выучиться сначала надо, чтоб суметь, чтоб не краснеть.

Ну а вторая-то специальность – сочинять! И я, побывав уже в ранге военкора, определился в школу юнкоров – при областной комсомольской газете. Правда, юнкоры в школе все великовозрастные. Видимо, смету расходов срисовали одну на всех по «Пионерской правде», а расходы потом сносили уже не по сути, а по смете. Ревизор-то будет смету смотреть, а не паспорта юнкоров! Такой, видимо, закон бюрократии: не бумагу делать под человека, а человека под бумагу… А скоро мы и на бумаге стали взрослыми, нам выдали удостоверения нештатных корреспондентов.

Что же до эрудиции через литературный институт, то чем Одесса не Москва? В университете есть заочное отделение филфака – вот вам и системное самообучение! Жена, правда, возражала. Ваши все (заводские то есть) идут в политехнический, а ты, мол, на какой-то филфак. Так это ж разные вещи! Наши идут в инженеры, а я ведь остаюсь с рабочим классом, с гегемоном. Я в газете нештатный корреспондент, я вхожу в кабинет редактора и, если к слову придется, могу сказать, что мы, рабочий класс, их, штатных журналистов, и направляем куда надо, и кормим, между прочим. И редактор только улыбается, потому что так оно и записано. А что филологический – так это ж для расширения кругозора…

Вот так все и сошлось: основная работа (специальность) есть, сочинительство для газеты (вторая специальность) есть, учеба есть.

В отличие от армии, за публикации в газете платили. И после выхода номера первая приятность – когда видишь свой материал, а вторая – когда приносишь домой нежданный-негаданный для семейного бюджета гонорар. Конечно, мои газетные заработки были редкими и, в общем-то, случайными. Да и цели такой не было – писать, чтобы жить. Цель была – жить, чтобы писать! Ведь как задумывалось? Работа плюс сочинительство. Вот как планировалось – и во что верилось!

Верилось не только мне. На заводе решали, выделять мне жилую комнату (освободилась в коммуне) или не выделять. Кто-то с сердцем сказал, что, мол, он (то есть я) закончит свою учебу на филфаке и уволится. А главный инженер Иван Гаврилович возразил – нет, мол, он (то есть я) будет, как Чехов (Антон Павлович) – и работать, и писать. Такая была у него уверенность. Однако правы были скептики.

На пятом году учебы жизнь моя стала какой-то неуютной. На заводе смены – по шесть часов, потом по восемь. Дочери уже целых девять месяцев, а места в яслях все нет. В коммуне шесть семей и в коридоре столько же кухонных шкафчиков с примусами. С такой арифметикой уже как-то не до сочинительства в свободное время. Да и где оно, свободное время?

Жизненные ценности начали заново оцениваться, пока окончательно не переоценились. В пользу будущего диплома. В том смысле, что самообразование в дипломе не нуждается, но коль скоро диплом все равно будет, то пусть послужит на семейный бюджет. Или нет? Диплом, правда, сам по себе ничего не обещал, зато – мог вселять надежды, пусть туманные…

Да, прав оказался не Иван Гаврилович, правы были скептики. Не выйдет из меня второго Антона Павловича, с завода я уйду. И уходить я буду в газету. В газету, в журналисты, которых кормит рабочий класс. Уйду в надежде, что рабочий класс прокормит меня не хуже, чем кормится сам. Уйду, потому что работать и жить, чтобы писать, не получалось. Нужно было попробовать работать и писать, чтобы жить.

Итак, в газету, а не в какой-то технический журнал, куда меня приглашает Толя С., мой товарищ по студенческим бдениям.

Положенный нам с женой летний профсоюзный отпуск мы решили провести в Саврани. Самолетом всего два часа – пять взле-

тов, пять посадок – и мы уже на месте. В салоне самолетика после небесных качелей – все запахи местной кухни, жена и дочь, что называется, спали с лица. Но ничего, всё у нас впереди, в том числе звонок в Одессу, в редакцию комсомольской газеты. Уже не областной. Газета, как и ее «юные» корреспонденты, выросла, она теперь зональная. С ней я сотрудничаю все эти годы, редактор из старых, меня знает, ему я и должен позвонить.

Из райцентра в Одессу позвонить не так-то просто. Дважды междугородка соединяла – не заставал редактора на месте. А в таком деле нельзя опоздать, ведь филологов в Одессе хоть пруд пруди…

Мы вернулись в Одессу. Но и из Одессы редактору тоже было не дозвониться. Туман относительно журналистской специальности потихоньку рассеивался. Или сгущался?

Через три месяца после разговора с моим товарищем Толей С. я сам позвонил ему и попросил узнать, нужен ли еще его техническому журналу сотрудник. Он узнал. Нужен. Но. На это место претендует дама, которая должна переехать в Одессу из Питера. Если эта дама почему-либо отпадет, то… Есть еще один парень, тоже филолог, которому тоже обещали. Так вот, если и он сойдет с дистанции, то меня найдут… Завидное место!

Меня нашли – спустя три недели томительного ожидания. При разговоре спросили, сколько мне платят на заводе, а когда я горделиво сообщил, что мой средний заработок – целых 117 рублей, меня сразу предупредили, что должность инженера, на которую меня могут взять, оценивается лишь в 105. Пока. То есть не только журналист не гегемон, но и инженер тоже не гегемон, и потому никак не может получать такую же зарплату. Правда, пока.

Но на какие (временные!) жертвы ни пойдет человек ради надежды, пусть туманной! Я согласился, и меня взяли. В отраслевой научно-технический журнал. Взяли без испытательного срока. На целых сорок лет. И назвали инженером, как когда-то хотела жена…

Я мог стать летчиком или авиатехником. Я мог сваривать трубы большого диаметра или исследовать проблемы микросварки. Я мог монтировать современные крыши – может быть, даже с установкой солнечных батарей! И мало ли что я мог… Но тысяча случайностей (или закономерностей?), и моя специальность – инженер-издатель. Я не остался гегемоном. И не стал сочинителем

в свободное от гегемонской работы время. Но зато я помогал сочинителям-инженерам! Чтобы их читали инженеры-читатели! Разве это плохо? И потом – это был мой хлеб, мне за это платили…

Сорок лет – это сорок лет. Говорят, что сорок – число смерти. Сорок лет водил Моисей народ по пустыне, чтобы умер раб в его душе. Чтобы раб умер, а родился чтоб человек свободный! То есть сорок – это и число смерти, и одновременно число жизни. Умирает одно и нарождается другое, новое… Что умирало во мне эти сорок лет, а что нарождалось?

В четырнадцать лет я задался вопросом – кем быть? Но что такое четырнадцать лет? Ничего! Младенческий возраст! Может быть, это был неправильный вопрос? Думаю, что нет! Ведь устами младенцев, как говорят, говорит истина…

И в самом деле, быть человеком – это еще и делать что-то для других, за что тебе эти другие дадут твой хлеб. А уметь сделать что-то для других – это и есть специальность. Ее надо иметь. Надо иметь специальность.

И что? Неважно, какую именно, важно – чтоб специальность?

А что же гегемон? Непостижимая мудрость? Или большое заблуждение? Разве всякий кровельщик и токарь по дереву лучше других знают, где дорога к счастью? Только потому, что они кровельщик и токарь? Разве им всем, и журналистам, и кровельщикам, не одинаково нужно здоровье или образование? Разве для врачей не нужно придумать и спроектировать прибор и инструмент? Кто кого куда ведет и кто кого кормит?

Нас учили совсем не тому. Во мне умер гегемон, якобы один кормящий всех других мудростью и хлебом. Во мне умер борец с мировым империализмом, борец с алкоголизмом, борец за урожай, за мир… Борец за мир – это кто? Мироборец? А кто же тогда миротворец? Во мне умер…

А кто же во мне родился? Не знаю. В это еще нужно всмотреться…

Михаил Пойзнер

Опять расстаюсь я с тобою…

…Иногда хочется быстро, не оглядываясь, пройти мимо этого места.

Иногда категорически отмахиваешься. Зачем вспоминать? Что прожито, то прожито. Что это дает?!

А иногда ноги не слушаются, сами ведут сюда. С другого конца города…

Сюда, на этот угол.

Вот и ты, старый знакомый – еще бельгийский электрический столб. Теперь, конечно, вид у тебя, мягко говоря, жалкий. Хочешь не хочешь, время успело тебя уже хорошо подраздеть. Металлический решетчатый ствол забыл, когда его последний раз красили. Да и проводов тоже теперь не густо. Правда, еще осталось ржавое основание с «сидениями» – с каждой из четырех сторон. Это мы тогда сидениями называли обычные ступеньки, чтобы подняться по этому железному «дяде Степе» вверх к изоляторам и проводам.

Сколько же лет мы с тобой? Так сразу не сосчитаешь…

В голове крутится еще та «долгоиграющая» пластинка.

Сколько играли на тебе в катачка и в пожара?

А как складывали на те «сидения» портфели для того, чтобы погонять в футбол три на три, на маленькие воротики из тех же портфелей? И как, смахивая пот, припадали к дворовому крану, жадно захлебываясь вкусной не фильтрованной водой. И как потом нехотя расходились по домам, чтобы, подглядывая одним глазом в телевизор, все-таки взяться за проклятые школьные уроки. Да и телевизоры были далеко не у всех.

А как собирались вокруг, чтобы уже по-взрослому из одной бутылки по кругу потянуть пару глотков алигатора (алиготе), портюхи (портвейна) или даже бецмана/биомицина («Біле міцне»), загрызая семечками, которые взяли со скидкой тут же за углом у нашей подслеповатой бабы Кили!

А как подпевали возле тебя во весь голос под семиструнку что-то наше, молдаванское. И «*Жил в Одессе парень-паренек, ездил он в Херсон за арбузами*…», и «*Виднеются в тумане огоньки*…», и «*Вот идет бригада с Дюковского сада*…». Мы пели, а ты, казалось, прислушивался…

Да и сейчас частенько снится наш район. Перед глазами и Староконный, и автовокзал, и Дюковский, и Шестой район, и 5-й трамвай… Все наше, родное.

Здесь бывало всякое. И страшное, и тоскливое, и веселое. Но здесь мы у себя дома…

Вот как-то пригласил своих и чужих на день рождения. Чужих сразу же предупредил: «По одному не расходиться. Сам всех выведу на 5-й трамвай». И что? Один все-таки не выдержал, выскочил сам. Куда?! У нас на Косвенной всегда глухая ночь… Это не Екатерининская угол Дерибасовской… Этот, сбежавший, все равно через десять минут вернулся. Вернулся, но без нового пиджака. Я тогда сразу к делу: «Одолжили» только пиджак?». В ответ: «Только пиджак, остальное – мелочь…». Мелочь – это гудок. Проще говоря, по-русски, галстук.

Теперь все стало на свои места. Что, я не знал, что кому у нас нужно?! Заскочил буквально через двор к одному хлопчику, потом к другому. Отбил назад пиджак. С галстуком – хуже. В свое оправдание намекнули: «Шото тот гудок по расцветке и вообще не подходит к такому классному клифту…». Мол, не приглашай таких, у которых нет вкуса… Время, время… Теперь ни тех своих, ни тех чужих, ни тех «со вкусом» давно нет…

Вот так.

…Ну что, дружище?

Остались мы с тобой, получается, вдвоем. Твоих-то братьев, металлических столбов, теперь раз-два и обчелся. Теперь вместо вашего брата везде современные железобетонные пики. Посмотри только, что делается на новой Колонтаевской…

С твоими ладно. А моих, наверное, и того меньше. Кто уехал, кто переехал, кто давным-давно на том свете. Мы-то с тобой помним всех. Загибай пальцы или что там у тебя…

Митя что-то внезапно умер в Сан-Франциско.

Валерчик давно в Мельбурне или Сиднее. А для меня это одно и то же.

Костю моего, ну того, с фиксой, после двоих ходок в третьей завалили где-то на пересылке. Кого-то завалили еще раньше, здесь…

А Японец после долгих лет где-то на Дальнем Востоке сейчас профессор в нашем Водном. У всех как-то по-разному…

Краем глаза вижу – кто-то до сих пор стоит по выходным на Староконном.

Кто-то до сих колымит на старенькой тачке.

А кто-то навсегда осел на Таирова и даже на Радуге (!)…

Виталика рыжего, кажется, еще в 81-м убили под Кандагаром. Все, что осталось, – только фамилия на памятнике афганцам у нас в парке Шевченко.

А что подруги? Ленка со Светкой уже давно глубокие бабушки со своими болячками. А куда денешься?! Оля вообще никогда не была замужем. Как-то обычная жизнь, которая у всех, прошла мимо. Мимо прошли и другие.

Все. Вот и вся перекличка.

Нет, нет! Про нее не забыл. Не забыл…

А что она? Теперь даже поговорить о ней не с кем. Опять получается, что только ты да я и помним.

Как раз здесь, возле тебя, она решилась сказать, что уезжает насовсем. Забыл?

Стоял еще теплый октябрь. Как обычно, шли с конечной нашей пятерки к Мастерской, на пятнадцатый трамвай. Внезапно она резко замедлила шаг, коснулась краешком губ моей щеки и прошептала, как бы извиняясь за все сразу: «А я уезжаю…». Я замер… Вроде ноги и я – сами по себе, все отдельно. Идти не получается, сказать не получается. Как-то подался вперед, как-то иду вслед за моими ногами. Промычал-промолчал… А как домой дотянул, не помню. На автомате…

Потом полетели дни, месяцы, годы. Пустые годы… Не успевал их складывать.

Сначала думал, что от этого прошлого остался только душевный рубец, а оказалось – незаживающая рана. Иногда вообще приходит в голову: «Эта жизнь, жизнь без нее, вполне может обойтись и без меня…». А что, не может?

Вот где-то прочитал, кажется, про какого-то знаменитого футболиста, кумира миллионов, но, увы, законченного наркомана: «Неважно, что он сделал со своей жизнью. Важно, что он сделал с нашей…». А если уже про меня, то, может быть, не так важно, что она уехала и все остальное. Важно, что она сделала со мной…

Да! Звонит она мне, звонит…

Я, наоборот, все чаще молю: «Только бы не позвонила… Только не сегодня… А то скажу, не выдержу… Все, что внутри накопилось. Все, чем живу и не могу жить…». И все равно, всякий раз жду этого звонка… А если сегодня кто-то, не дай Бог, подслушает наши разговоры, ничего не поймет: «Что их связывает? Кто они друг другу? Бывшие соседи? Одноклассники? А может, из одного сумасшедшего дома?!».

…Сейчас хожу по когда-то нашим с ней улицам – и Раскидайловская, и Ризовская, и Коблевская, и Ольгиевская, и Княжеская… Хожу пешком по нашему прошлому… Что ни говори, а мне досталось вчерашнее счастье.

Вот и получается, со временем все меняется, только мы с тобой на том же месте…

…Марк Бернес очень когда-то пел: «*И я улыбаюсь тебе*». Песню эту я могу слушать бесконечно, настолько точно попали в цель слова Инны Гофф. И как гармонично вписалась в эту цель музыка Яна Френкеля, не говоря уже о голосе самого Бернеса.

А цель простая и вечная – как пережить разлуку близким людям, когда их сердца бьются в унисон?!

…Взгляни на меня долгим взглядом,
Ты здесь, ты пока еще рядом…
Ты рядом, но ты далеко уже где-то,
И я улыбаюсь тебе…

«*Ты здесь, ты пока еще рядом*…», – повторяю про себя еще и еще раз.

Это и про нее, и про тебя, дружище. Про тебя, старик…

Марина Линда

Биточки из тюлечки

В этой семье меня не ждали. Не для меня растили в два сердца своего одесского мальчика его мама и бабушка. Но именно мне, «понаехавшей», было суждено продлить этот род еще двумя худосочными коренными одесситами. За это я была безоговорочно амнистирована и принята в семью. И мы, конечно же, срослись по всей плоскости корневых систем и веток. Но кое в чем я до сих пор ощущаю свою ущербность.

Одесса – это не только море. Одесса – это кухня. Большая, жаркая, сшибающая с ног смешением самых несовместимых компонентов и ароматов. Особенно летом – в сезон.

Я и кухня не очень дружны по жизни. А об одесской кухне я и вовсе не успела сложить никакого представления за те два года, которые прожила в этом городе до встречи с моим будущим мужем. И вот эта самая одесская кухня началась для меня именно с его бабушки Клавы.

Потому что еда в Одессе – это святое. В одесском доме тебя обязательно накормят, даже если ты – не очень-то желанная будущая невестка. Поэтому, знакомясь с семьей моего любимого, я безо всяких предисловий попала прямиком на пиршество, которого давно не знавал мой истомленный общежитской жизнью желудок. Бабушка Клава метала на стол куриные биточки, фаршированную рыбу, фаршированную шейку, голубчики с мизинчик, жаркое, оливьешечку, брынзу, холодчик, сопровождая все это восклицаниями:

– Ой, ну что ж вам еще подать? Так сегодня совсем нечем угостить… – и скорбно качала головой.

Я сразу заметила, как неодобрительно бабушка косится на мою худобу, и старалась очень хорошо есть. Моя будущая свекровь в это время радушно развлекала меня разговорами, но, заметив, что на шестом кусочке шейки я слегка побледнела, увела меня на балкон – «покурить с кофеечком». И хотя я никогда в жизни не курила, но то была действительно отличная идея. Так я выжила в тот трудный вечер, и смотрины были пройдены.

Следующим подарком судьбы для меня стала необходимость пожить некоторое время под одной крышей с бабушкой Клавой. В то время подарок этот казался весьма сомнительным. Мы долго и страстно скандалили по любому поводу. Но одно оставалось неоспоримым – бабушкино верховенство на кухне. Тут я даже не прикидывалась хозяйкой и честно пыталась научиться ее премудростям.

– Тюлька – чудо! – бабушка с гордостью плюхнула на стол передо мной кулек с малюсенькими рыбками. И аромат моего утреннего кофе мгновенно заволокло морским туманом. Мое летнее выходное утро, которое обещало начинаться долго и лениво распитием кофе-чая в обнимку с мужем на тенистом балконе, резко оборвалось бабушкиным возвращением с Привоза.

Я хлопала глазами, совершенно не понимая, зачем нам эта мелюзга, если в доме нет кошек. А бабушка Клава уже доставала досточку, ножик и повязывала свой ослепительно чистый передник.

– Щас будем чистить, – заверила она меня.

– А… можно я сначала просто посмотрю? – спросила я робко.

В ответ бабушка Клава одарила меня снисходительным взглядом, мол, что с нее возьмешь – приезжая. И принялась обезглавливать тюльку. Может, эти рыбки при жизни и видели в своих ночных кошмарах нечто настолько же ужасающе-виртуозное, но я такие скорости в разделке рыбы наблюдала впервые. Я смотрела на бабушку, раскрыв рот, и от этого неприкрытого восхищения мои акции на семейном рынке стремительно росли.

Спустя считанные минуты тюльки превратились в тушки. Отправив сковороду на огонь – разогреваться, бабушка смешала муку, яйца и соль.

– Во-от, а теперь берешь вот так пучочек, – и она смастерила букетик из пяти рыбок, держа их за хвостики, – и обмакиваешь в кляр. А теперь – оп! И на сковородку.

Биточек, похожий на маленький веер, тут же запузырился по краям в раскаленном подсолнечном масле. А бабушка Клава развернулась ко мне, вызывающе уперев руки в бока:

– Ну что – пробуй!

– Я?! – испугалась я.

Но куда деваться? Тюлька сама себя не пожарит. А мне ведь придется когда-то вытворять все это самостоятельно на собственной кухне. Вздохнув, я запустила руку в миску, попытавшись собрать свой рыбный «букетик». Но тюльки расползались во все стороны. Одна сразу угодила в кляр. Другая предательски выскользнула из пальцев в тот самый момент, когда я уже наконец-то собрала непослушный пучок. Она удрала от меня прямиком на сковородку, минуя всякие предисловия.

В этот момент хлопнула входная дверь и в кухню неспешной поступью усталой львицы вошла соседка:

– Тетя Клава, а я заколотила блинчики, – соседка выдержала паузу, глубоко вздохнула и, словно нехотя, продолжила: – А яйца не хватает. Одолжите яичко, тетя Клава.

Бабушка пробормотала что-то вроде: «У мужа своего одолжи яичко», – но все же полезла в холодильник, извлекла оттуда два яйца и вручила соседке:

– Держи, с походом. А то вдруг еще чего-нибудь заколотишь.

– Ой, спасибо! Микады купила. Хорошие, – в том же размеренно-минорном тоне отчиталась соседка и внезапно перешла на верхний регистр. – Нет, ну а вы видели черешню на Привозе? Это ж сплошное мясо!

– Как это? – не поняла я.

– Червивая вся, – пояснила она, глядя на меня, как на потерпевшую. Я всегда читала в ее взгляде вот это сложносочиненное выражение: «Ты, конечно, девочка красивая, но что поделать, слегка туповата». Я поспешно отвернулась к тюльке, а соседка с двумя яйцами и с невыразимым достоинством уплыла колотить свои блинчики.

Бабушка Клава глянула на мои биточки, сгрудившиеся нелепыми серыми бугорками на сковороде, и уверенно оттеснила меня от плиты своим внушительным бюстом:

– Ай! Иди играйся – не мучай рыбу!

И бросила мне на тарелку свежепожаренный биточек. Недоверчиво помедлив пару секунд, я все же откусила и моментально восхитилась тем, насколько вкус превосходил вид этого кулинарного чуда.

– Помидорку еще возьми, да с хлебушком, – улыбнулась бабушка, созерцая мой восторг.

Потом между нами было очень многое. Я научилась у нее делать зеленый борщ по-одесски, узнала секреты приготовления самого фантастического рассольника, пыталась перенимать способы закрутки помидор и приготовления икры из синеньких. Мы готовили плечом к плечу, прорастали друг в друга привычками и историями.

А потом разъехались и стали хозяйничать по отдельности. Но на праздники вся семья традиционно собиралась за столом у бабушки Клавы. Однажды, буквально выкатываясь после такого застолья, я спросила:

– Бабуль, зачем так много еды? Мы ж не съедаем это все.

Она присела напротив, вытирая руки накрахмаленным полотенцем, и ответила тихо и задумчиво:

– Ну сыты, и слава Богу! И мне за вас, худосочных, спокойнее. Только бы вы не были голодными. Только бы не знали, что такое голод…

И прибавила:

– А вот рыбу фаршированную ты так и не попробовала! Ну да я вам дам с собой.

Время, как море, слизало уже и тот дом, в котором никогда не закрывались входные двери квартир, и многих жильцов того дома. Но бабушкины биточки из тюлечки так и остались для меня непокоренной вершиной – манящей, как юность, и солнечной, как одесское лето.

Анна Коренева

Два рассказа

Уважаемые, послушайте!

– Вы свободны?

– Да. Вам куда?

– Успенская угол Канатной. Ой, нет. Я передумала.

– ?

– Давайте лучше Канатная – Пантелеймновская.

– Вы, девушки, такие непостоянные…

– В чем непостоянство? Не понимаю. Направление-то осталось прежним. А знаете, может, еще раз придется изменить адрес. Сейчас позвоню. Узнаю. Его нет… Едем как договаривались. Случайно не знаете, где в этом районе ювелирная мастерская?

– Нет. Меня это уже не интересует. Вот раньше… Представляете, у меня был крест на цепочке двести грамм золота 750-й пробы. Я его мог из противоположного угла комнаты забросить на вешалку из лосиного рога. Так и болтался. Пока однажды не обокрали квартиру. Хорошо, что в те времена зуб себе не вставил золотой.

– Боялись, что выбьют?

– Та нет. Ходил бы сейчас, как цыган, блестел бы фиксой. Вот у моего покойного кореша-бандюка была золотая коронка! С бриллиантом! И не с осколочком, а с приличным камушком! Очень красиво сверкало! Убили его в Питере… Познакомились мы с ним на Дальнем Востоке. Я остался там после службы. БАМ строил. Слышали об этой стройке века? Заработал денег тогда! На книжке было на нынешние деньги миллион! Потом машины

в Японии целыми стоянками покупали и гоняли по всему Союзу. Сколько людей тогда обогатилось, сколько жизней лишилось! Вот и друг мой получил перо.

– А что коронка с бриллиантом?

– Я на похоронах не был. Но, говорят, его подруга Нинка потом колечком с бриллиантом хвастала. А вам зачем ювелир?

* * *

– Уважяемые, пожялуста, послюшяйте! Менья зовут Карим. Не Ахмед, не Мохамед, не Али! Я – Карим. Ваш гид в автобусе.

– Уважяемые, пожялуста, не надо ко мне бьегать: «Карим, мне холодно. Карим, мне жарко». В автобусе работает кондиционер, когда за бортом выше 25.

– Уважяемые, пожялуста, послюшяйте! В автобусе есть туалет, но лучше на остановке в Дахабе. Стоит 3 фунта.

– Уважяемые, пожялуста, проснитесь! Сейчас ви сами пойдете через порт на границу с Израилем. Запишите на своих бейджиках цифру 1 – это ваш автобус. Я завтра вас тут буду ждать.

– Уважяемые, пожялуста, запомните: отвечайте на вопросы израильских пограничников без улыбки, четко и коротко. Если вас не пропустят, не волнуйтесь. Вас заберет наш автобус и отвезет обратно в отель.

* * *

Спустя пять или шесть часов. Четвертый и последний кордон. Паспортный контроль.

– Где вы работаете?

– Нигде.

– Где взяли деньги на поездку?

– У меня есть парень. Вот он. Зачем мне работать?!

– Вам с вашим парнем придется пройти дополнительное собеседование.

* * *

– Ну что ты все ляпаешь своим языком? Предупреждал же гид. Пришлось сидеть тут дольше всех, рассказывать им истории. Опыт, слава Богу, есть. Хорошо, что пропустили.

Да не кричу я на тебя. Нервы сдают. Немолодой уже. Ты вот у меня такая маленькая! Такая глупенькая! За это и люблю. И не пялился я на ту блондинку. И на дурочку в шляпе тоже. Ты, кстати, видела на Мертвом море, блондинка фотографировала ту, в шляпе. Нет. Меня не фотографировала и не снимала. Вот тебе рубаха, иди переодевайся и – в священную реку Иордан. Совершим омовение, как все паломники, хотя бы однажды побывавшие на Святой земле. Смотри, там черный падре крестит группу негров. Тебя это не должно смущать. Преодолей свои расистские предубеждения и – вперед. О господи! Ну почему же ты не пошла туда, где глубже? Выглядело, как будто приседаешь в лужу. Заметить успел и даже снять видео. Блондинка меня не отвлекала своими вопросами. Говорили исключительно о христианской морали. Не злись, мой птенчик. У меня есть для тебя маленький подарочек. Пусть эта серебряная Вифлеемская звезда напоминает тебе о нашем паломническом маршруте.

* * *

– Представляешь, милый? Думала, что потеряла твой подарок. К счастью, нет. Подвеска запуталась в волосах. Оказывается, там слабое крепление. Надо будет по возвращении к ювелиру зайти.

* * *

– Уважяемые, пожялуста, послюшяйте! Имя и фамилия Илона Свиридова! Ваш самолет в Минск улетает! Подойдите к выходу номер четыре!

– Смотри, смотри! Это же та странная девушка в шляпе, которая с нами в Израиль ездила. Ее зовут Илона. В наушниках, наверное, не слышит ничего. Надо же, и блондинка сегодня улетает! Хорошо, хоть не в одном самолете. А то голову бы точно скрутил. Не злюсь я. Разве только чуть-чуть ревную. Я принимаю тебя таким, как ты есть. С прошлым и настоящим. Потому что люблю тебя.

– Уважяемые, пожялуста, послюшяйте!..

Аэропорт

– Помнишь, когда мы с тобой познакомились, и ты узнал, что моя работа связана с постоянными перелетами, ты сказал, что будешь встречать меня в каждом аэропорту? А встречал лишь однажды, после первой недолгой разлуки. В тот день наши самолеты приземлились одновременно, и мы встретились в зале выдачи багажа. Тогда все складывалось на удивление удачно. Повсюду читались добрые знаки: рейсы не задержались, багажные ленты по соседству, твой знакомый довез нас на своем авто до отеля… Казалось, счастье будет вечно. Но прошло три дня. И мы вновь расстались. Разлука на сей раз затянулась… Ты, наверное, забыл о встречах в аэропорту. Я – нет. Продолжаю высматривать тебя среди пассажиров в залах прилета до сих пор. А наша последняя встреча произошла неожиданно для обоих в транзитной зоне у информационного табло. Пассажиры нескольких рейсов стали зрителями сцены, словно сошедшей с экрана.

(Они зафиксировали радостный момент нечаянного столкновения двух хорошо знакомых людей. До некоторых, кто сидел ближе к немного шумной парочке, доносились обрывки фраз. По ним можно было придумать историю их отношений. Эмоции встретившихся не укладывались в этикет зала ожиданий. Они громко хихикали, пили ликер из его рюкзака, закусывая поцелуями и бутербродами из ее сумки. Потом они, недолго поспорив, скрылись в туалете для инвалидов. Кульминацией действа стало объявление о начале посадки на ее рейс. Они суетились возле своих вещей, чем-то обменивались. Он ей дал книгу, она – какой-то сувенир. Потом вдруг замерли в объятиях. Мимо пробегали опаздывающие пассажиры. Посадка на рейс завершалась. И только два обнявшихся человека стояли у выхода… Тут титры.)

– Извини, что напоминаю. Но могла быть еще одна встреча. Мы договорились поужинать в итальянском ресторане. Я обещала вернуть тебе ту книгу, что ты дал мне в аэропорту. Это редкое издание с автографом писателя – одно из главных украшений твоей книжной коллекции. Я ее принесла. Ждала тебя. Но пришло лишь СМС, что по каким-то невнятным причинам ты не можешь добраться до ресторана, который, кстати, был в двух кварталах

Ожидание. Фото Анны Кореневой

от твоего отеля. Тогда исчезла я, как мне казалось. Но ты вновь появился в моей жизни эсэмэской. Новое сообщение содержало просьбу переслать по этому адресу книгу, которая так украшает твою библиотеку…

Виталия Бабущак

Убийство

Убийство. Первое, что возникает в моей голове, когда я слышу это слово, – драка, кровь из томатного сока брызжет на стены, взрыв – машина переворачивается в воздухе, пропасть, куда в финале падает злодей. Одним словом – экшн, после просмотра которого твоя жизнь кажется унылой. Ни тебе погонь, ни трупов, вываливающихся из шкафа вместо моли. В бачке унитаза только ржавая вода – и никаких признаков спрятанного там кокаина. Скука. Красивые мужчины вроде Брэда Питта не сталкиваются с тобой в узком коридоре и уж точно не едят арахисовое масло на твоей кухне. По соседству не живет тайный агент, и ни в одном из местных баров ты не встретишь соблазнительную писательницу, по совместительству серийную убийцу…

Каждое утро подъем в семь, борьба с будильником за лишних пять минут сна, затем душ, завтрак. В половине восьмого я как штык стою на остановке, ожидая, когда карета в виде видавшего миллионы пассажиров автобуса будет подана к моим ногам. А потом на работе выслушиваю остроумности коллег по поводу моего выбора средства передвижения. Вчера это выглядело так:

– Как ты думаешь, я доживу до того дня, когда ты приедешь в офис на машине? – с противной усмешкой спрашивает меня сотрудник, мужчина или мальчик, это как кому приятнее, лет тридцати с небольшим. Вечно дразнящий меня весельчак в очках с дымчатыми стеклами. Не знаю, можно ли его назвать другом, пиво мы вместе не пьем и в гости не ходим. Лучшая формулировка для наших отношений – кофейные приятели, болтаем во время кофе-брейка на работе.

– С твоим образом жизни ты и до вечера можешь не дожить, – парирую тем, что первое приходит в голову, я же ничего не знаю про его жизнь, а главное – не хочу этих знаний.

– Давай серьезно. Вот как мужик мужика тебя спрашиваю, – да, на работе у нас гендерное равенство, и назвать девушку мужиком в порядке вещей, – какого черта ты не пользуешься такси, как нормальные люди?

– Хочешь как мужик с мужиком? Хорошо. Вот скажи, какого черта ты пристаешь ко мне со своими тупыми вопросами? Я что, в твою грядку залезла? Хочу – езжу, хочу – не езжу, это мое дело, – так же «вежливо» отвечаю я.

– Эй-эй-эй! Придержи коней!

– Эй-эй-эй! Слезь с моих саней, – обрываю я его. Это нормальная форма общения в нашем коллективе, первое правило которого гласит: «Укуси первым, пока другой не отгрыз тебе хвост».

– Чтобы закрыть этот вопрос, расскажу тебе одну историю, – примирительно продолжаю я. – Был у меня один знакомый. Совсем не простой человек. Как-то после вечеринки, где мы обсуждали итальянских художников позднего Кватроченто, я задержалась у него дольше остальных. Тогда я еще ездила на такси. Машина была заказана, и пока я ее ожидала, он занялся уборкой. Ходил вокруг стола и сливал содержимое бокалов обратно в бутылки. Да, я удивилась не меньше, чем ты. И даже спросила: «Зачем?». Он улыбнулся: «Не хочу, чтобы добро пропадало». Вот и все. При желании он мог купить пару супермаркетов в нашем городе, но это не мешало ему собирать воду жизни, как называют французы алкоголь, в места постоянной дислокации.

– Ну и при чем тут маршрутка? – спросил любознательный сотрудник.

– «Чтобы добро не пропадало», – молвила я, и мы дружно пошли создавать материальные ценности, именуемые в народе *добром*.

Было время, когда я работала в большом офисе с девяти до шести с приятными людьми и маленькой зарплатой. Сейчас с точностью до наоборот. Я работаю в маленьком офисе с неприятными людьми и большой зарплатой. Я здесь исключительно из-за денег.

Когда я слышу выражение «не в деньгах счастье», мне хочется, в зависимости от ситуации, заткнуть или себе уши, или рот вещающему.

Счастье, – говорил он, –
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.

Да, это слова есенинского Черного человека, но я не расистка, а материалистка, предпочитающая десять долларов одному… Как, впрочем, и все остальные.

Поэтому сейчас я езжу на маршрутке, экономя каждую копейку, чтобы купить себе эту долбанную сваями квартиру в новом доме.

Мне двадцать семь, и, как говорит мой дедушка: «Уже наивысшая пора задуматься о замужестве и детях». Он прав, но мысли его не материализуются, и цокота копыт скачущего за мной принца я не слышу. Еще ни один рыцарь не попытался вызволить принцессу из офисного плена и поселить в своем замке. Поэтому я выбрала программу под названием «Помоги себе сам», и маршрутка заняла в ней отдельную главу, полную драматических диалогов, запахов и прикосновений.

К примеру, вчерашняя поездка приподняла мне настроение:

– Молодой человек, передайте за проезд. Нет, ну я к кому обращаюсь? – бабуля со скрипучим голосом начинает дергать свою жертву за плечо, и когда мужчина наконец-то оборачивается, она, вместо того чтобы передать деньги, отчитывает его.

– Ну что это за мода пошла?! Засунет себе в уши всякой ерунды и ничего не слышит, когда ему говорят.

– Вам куда? – спрашивает мужчина.

– Куда-куда? Туда… Только никто не забирает.

– Бабушка, я спрашиваю: где вам надо?

– А-а-а… На Ленина хочу.

– Опоздали, бабушка, на Ленина уже поздно. Разве что в Мавзолей…

– Да на Ришельевскую ей! – кричит круглощекая женщина из задней части автобуса.

– Водитель! Один Ришельевская!

Наконец-то деньги переданы. Бабушка пытается продолжить разговор, сетуя на переименование улиц и плохую погоду.

– Какая власть, такая и погода, – комментирует ее слова резко пахнущий пассажир с сумками в обеих руках.

Мужчина его шутки не слышит, так как успел надеть наушники и перенестись на чей-то концерт. Он что-то напевает себе под нос, смешно дергая головой.

Кроме того, я в очередной раз пыталась накраситься в маршрутке. Современной женщине появляться без макияжа на людях нельзя. Пассажиры маршрутки покамест к этому подвиду не относятся. Утром времени на штукатурку нет, и так благодаря работе мой сон сократился с восьми до шести часов – медленный суицид.

В наше время куда не покрути головой – везде убийство, только способы разные. Курение убивает, еда из «Макдональдса» и загазованный воздух убивают, алкоголь не отстает от остальных и тоже губит. Думала, что торты с печеньем безвредны, но и они оказались кровожадными палачами, настойчиво ведущими нас к кончине. Все норовят сократить мой срок пребывания под солнцем, да и само солнце со своим ультрафиолетом занято тем же. Как говорил дедушка, но уже не мой: «Многие знания, многие печали». И тут Соломон Давидович не ошибся. Не хочу сказать, что я сильно умная, но хотелось бы быть еще глупее.

В общем, убийство – это не только результативная часть списка семи смертных грехов, но и неотъемлемая составляющая нашей жизни. Каин, как известно, убил своего брата Авеля, а дальше пошло-поехало.

Во времена палеолита, чтобы выжить, убивали мамонтов. Борясь с холодом, убивали и убиваем тигров, зайцев и бобров, дабы греться в их шкурах. Потом прогресс и наше умственное развитие начали набирать обороты – сначала мы убивали друг друга порциями, а потом перешли к шведскому столу. Первая мировая, Вторая мировая, про Третью, если доживем, уже никто не вспомнит…

И вот мы, венец эволюции, знаем, «что такое хорошо и что такое плохо», но отказаться от убийства не можем. Даже убивая убийц, мы не сокращаем число убийц на Земле. Желание убивать никуда не делось, оно, затаившись внутри нас, терпеливо выжидает подходящего момента, накапливая количество виртуальных жертв в видеоиграх.

В видеоиграх, что так безобидно, на первый взгляд, помогают выпустить пар на работе и убежать от скучной реальности дома. Чума двадцать первого века, видеомир, и необъятное интернет-пространство, затягивающие нас все глубже с каждой секундой пребывания в нем.

Добравшись до работы, первое, что я увидела, был раскрывший свои металлические объятия ноутбук, ждавший свою жертву – меня. Да-да, я не оговорилась, он губит меня эффективнее печенья, фастфуда и загазованности вместе взятых. Цифры и буквы продолжают стоять перед моими глазами, даже когда я глаза закрываю. Компьютерные излучения плохо влияют на кожу лица, утверждают ученые, а мозги от них просто тают, как масло на сковороде, – уверенно скажу я, исходя из собственного кулинарного опыта. И это только цветочки, главное его оружие – возможность выходить в интернет-пространство, а там ягодок собирай – не хочу.

Удручающую атмосферу офиса, наполненного влипнувшими в мониторы сотрудниками, что напоминают зомби, – бледность, синяки под глазами и мычание, отмечающее перемену чисел на экране, не спасали ни купленные в подземном переходе акварели, ни заключенные в рамки мотивирующие высказывания. «Четкая цель – первый шаг к любому достижению», «Работать надо не 24 часа в сутки, а головой» или «Только дурак нуждается в порядке – гений господствует над хаосом» – цитаты, стесненные в дешевых пластиковых рамках, с жалостью смотрели на нас со стен, выкрашенных в унылый серый цвет. Дни, проведенные на работе, отличаются друг от друга только сменой индикаторов рынка и курса валют. А в общем, я сижу на том же месте, в перерыве пью кофе в окружении несменных лиц и неустанно контролирую местных криптошахтеров. Биткоин снова трясет, как ведьму перед распятием, он падает, чтобы взлететь, но, принося доходы, отбирает мой сон. Иногда, как вчера, приходится ждать

десяти утра, и только после этого спокойно идти домой. Маленькое уточнение – десяти утра по-американски. По четвергам мне звонят из Лос-Анжелеса, нет, не Ди Каприо, его бы я как раз ждала без сожалений. Звонят из главного офиса, а я отчитываюсь, отчитываюсь хорошо и на совесть, поэтому домой раньше десяти вечера не прихожу.

И вообще, четверг – это как проснуться в четыре утра: вроде спал, а вроде и нет. Сказать, что я вымоталась за вчерашний день, – не сказать ничего.

Я всегда радуюсь, покидая стены офиса. Иногда сильнее, а иногда тихо, улыбаясь где-то там, глубоко внутри, так как вынести наружу эту радость нет сил. В такие моменты вспоминаю фразу о том, что легких денег не бывает. О, да! Я это знаю точно. Взять хотя бы тот факт, что я попала на эту работу. История, пробирающая до мурашек, и эти мурашки выступают на коже не от удовольствия. Но рассказывать ее я пока не готова. Могу только заверить, что никого, кроме собственных стыда и совести, не убивала.

Так что, покидая работу, я с облегчением выдыхаю. Кусок моей жизни уходит вместе с прошедшим днем – я это осознаю. Привет завтра – больше морщин у глаз и меньше времени впереди. Но все равно возвращение домой сквозь ночной город – это «праздник, который всегда с тобой»! Я радуюсь почти так же, как радовались рабы, обретшие свободу. Вот так и живем. Вроде и у нас когда-то крепостное право отменили, но часть офисных работников об этом еще не знает.

До боли под ложечкой знакомая маршрутка и долгая дорога домой. Некоторые пытаются уснуть, но это не так легко, как кажется. Дело в том, что когда наши дороги проектировали, кто-то крепко задумался над тем, как улучшить качество и длительность жизни среднего гражданина. После долгих дискуссий и исследований было решено, что «дороги ни в коем случае не должны быть ровными! Монотонное движение склоняет человека ко сну, обездвиживает, а затем повышает вероятность засыпания за рулем, развивает атрофию мышц…».

На мытых шампунем дорогах Европы о людях не заботятся, а вот на наших инженеры поработали хорошо. Едешь – и, казалось бы, хочется спать, а тут на тебе, две-три ямы – и ты снова бодрячком.

Плюс ко всему никакой атрофии, ведь во время вождения ты не сидишь, утопая в кресле, как недолюбленный властью европейский водитель. Ты прыгаешь и куражишься всю дорогу – мышцы работают, в сон не клонит – красота! «Хвала и слава рулевому!» Хотя один недостаток все-таки есть – ходовая страдает, но сравнимо ли это со всеми выгодами? Конечно же, нет! Это так, пустячок! Вот как нас со всех сторон неустанно долюбливает власть.

После сорокаминутной аэробики в набитой маршрутке – я дома.

Дом, милый дом. Немытая с утра посуда и счета за коммунальные услуги делают мне больно, а потом я включаю новости и понимаю, что больно не мне одной. И от этого становится легче. Славянская душа, что тут скажешь? Соседская беда тешит больше, чем собственное счастье. И с этим чувством удовлетворения иду к холодильнику, чтобы порадовать себя еще больше. Вчера я всю дорогу скрашивала мечтами об этой встрече, и вот мечта сбылась. Передо мной он, белый красавчик с морозным дыханием.

– Ну что тут у нас? – пытаюсь завязать диалог с моим другом, у которого так часто дрожит душа.

– Так-так, на горизонте виднеется бутылка с обезжиренным йогуртом, это уже хорошо. А тут что? – я пытаюсь снять крышку с кастрюли. – М-м-м… вчерашний борщик!

И тут вспоминаю шутку: «Любите вчерашний борщ – приходите завтра!» – и хохочу на всю квартиру.

– Сейчас мы проверим, насколько ты вчерашний!

Я иду за ложкой, а потом засовываю ее прямо в кастрюлю, чтобы продегустировать борщ. В такие моменты я ощущаю всю прелесть холостяцкой жизни.

Борщ оказался совсем «вчерашним», потому решила порадовать себя конфетами и сериалом, чтобы не радовать унитаз проведенной с ним ночью.

Может, кто-то и говорит, что конфеты на ночь глядя – плохо. Но плохо – это когда свободный человек весь день в офисе сидит, а сладости – это очень даже неплохо. Умирать здоровым – это почти то же самое, что и больным. Поверьте, результат один и тот же – четыре доски и маленький участок без права покидания территории. Некоторым везет немного больше – они получают джекпот в виде фарфоровой вазы и кочевания с ветром

в образе пыли. Но так или иначе каждому путешествию, сколько бы оно ни длилось, неизбежно приходит конец.

Так что сладости – легкое поощрение себя собой же в выматывающем странствии под названием «житие мое». Живу как могу. И спится мне хорошо, несмотря на полный желудок. Никаких кошмаров. Кошмары начинаются как раз на голодный – мудрость, основанная на опыте.

Сериалы на ночь смотрю не потому, что я их люблю. Люблю я совсем другие вещи, но мне нравится засыпать под тихое бормотание со вкусом шоколада на губах. А для этого идеально подходят сериалы. У каждого не меньше трех сезонов, что является плюсом, так как расставания – это не мой конек. Легкая грусть, неотъемлемая эмоция во время просмотра последних серий. За время, проведенное у экрана, я сживаюсь с героями, привыкаю к их лицам. Что говорить, иногда кажется, что смазливый любовник Габриель Солис из сериала «Отчаянные домохозяйки» частично и мой.

Приходя с работы, первым делом включаю компьютер, чтобы услышать родной голос.

– Привет соседи! Ну, что нового? – они не отвечают мне сразу, или вообще не мне, но меня это не смущает, и разговор продолжается.

Сегодня я не буду включать сериал, мне нужно что-то более родное и нежное, чтобы погрузиться в объятья Морфея.

«Москва слезам не верит» – идеальный кандидат. А вот по поводу слез – им не верит не только Москва. В наше время слезам не верят даже дети.

Фильм хороший, про название вообще молчу. Прочитав его, можно и фильм не смотреть, а сразу поддаться катарсису. Недаром он «Оскар» получил, там любят такое.

Кстати, проследила тенденцию – если вы хотите, чтобы ваш фильм победил, следуйте инструкции: берете одного плохого героя и одного хорошего, но обязательно с наивной мечтой и желанием спасти весь мир. Потом кладете туда пару афроамериканцев, китайца, японца, и не надо их путать, дорогие мои, у китайца глаза более узкие. Дальше нужен герой из сексуальных меньшинств или больной ребенок.

Раскройте зрителю драму их жизни, покажите, что мир напрасно так жесток, ведь в конце все должно быть хорошо. Любовь и человеческое взаимопонимание преодолевают все. В кино, конечно. Голливудском зачастую. У нас все гораздо мрачнее, причем как в кино, так и в жизни.

Стрелка на часах переваливает за двенадцать, фильм почти закончился, про конфеты я вообще забыла. Потихоньку погружаюсь в сон. Мысли расплываются, проваливаюсь. Тело ослабевает, томная пелена сна накрывает меня.

Перед глазами пляж, я – голубоглазая блондинка с бюстом четвертого размера и талией, как у Софи Лорен. И не говорите, что мы во сне видим себя такими, как в жизни, – худой брюнеткой с греческим носом: у меня все по-другому. Сон на то и сон, чтобы хоть там все было, как не на самом деле. Итак, песок белый, океан цвета лазури. Оглядываюсь по сторонам и замечаю приближающегося ко мне сексуального спасателя с пляжа Малибу или Джеймса Бонда, неважно. Важно, что он красив, сложен как Аполлон, и ему нужна я. Пытаюсь идти ему навстречу. Ступни вязнут в теплом песке, на шее выступает испарина, и капля пота катится вниз по полной груди к солнечному сплетению. Я уже чувствую на своих губах жар его поцелуя с соленым привкусом океана. Низким грудным голосом он что-то говорит мне, но я не слышу. Подхожу ближе, пытаюсь читать по его пухлым влажным губам, но не могу сосредоточиться. Между нами расстояние меньше, чем между унитазом и биде, он тянет свою руку к моему лицу, волосам, океан шумит все громче и громче.

– Повтори, я ничего не слышу! – кричу я, а он вместо этого со всей дури хлопает меня ладонью по лбу, да так, что в ушах начинает звенеть. Потом еще раз, еще, и тут я просыпаюсь. Надо мной кружит комар, издающий звук пикирующего истребителя.

– Твою дивизию! – медленно убираю свою руку со лба и пытаюсь зажечь свет, чтобы убить его.

– Да что же такое!

Несмотря на то, что я проснулась и в здравом уме, комар нагло продолжает попытки меня укусить.

– Вот зараза! – одной рукой я машу над лицом, стараясь его отогнать, а второй шарю по стенке в поисках включателя. – Мерзкий же

ты москит, такое свидание испортить! Может, оно было бы лучшим в моей жизни! – первая и не самая умная мысль в моей голове. Но так уж я устроена, люблю иронизировать, а особенно над собой.

Наконец-то мне удалось включить лампу.

– Сейчас я тебе покажу кузькину мать! – говорю ему, осматриваясь, чтобы вычислить, где он затаился.

– Должно быть, ты на потолке засел. Сейчас ты свое получишь.

Я присматриваюсь к потолку, но, увы, никого там не вижу.

– На потолке нет, значит, на стене сидишь, выжидая!

Но и на стенах никого нет. Просто полтергейст какой-то, а не комар! Я немного смутилась, а потом еще раз внимательно, насколько это возможно в три часа ночи, осмотрела потолок и стены, но тщетно. Конечно, какая-то вероятность, что он мне приснился, есть, но такие сны – это громкое бип-предупреждение о том, что крыша потихоньку начала сдвигаться с несущих стен.

– Так, давай оценивать ситуацию объективно, – говорю я сама с собой, что некоторые тоже считают симптомом сумасшествия. Но я придерживаюсь другой теории.

У людей, которые говорят сами с собой, уровень интеллекта гораздо выше, чем у тех, кто молчит. Все гении вели дискуссии и споры со своим внутренним «я». А чем я хуже? Может, я тоже гений, но пока не признанный. И ключевое слово в этом предложении – «пока».

Ну и пока меня не признали, есть время свести факты и понять, откуда этот зверь прилетел или каким ветром его занесло в наши края.

Я открывала окно: как вариант – он оттуда, хотя нет, тогда на улице моросило, было довольно ветрено, а комары и ветер – это как гей и традиционно ориентированный, отношения, конечно, возможны, но вероятность сводится к нулю. А событие с нулевой вероятностью – это что? Это не что иное, как чудо, дамы и господа. А теперь вопрос на засыпку: чудеса бывают в реальной жизни? Нет, дорогие мои, только в сказках или в кино, что, по сути своей, та же сказка. Так что с улицы комар просочиться не мог, уже хотя бы потому, что он не жидкий.

– Это жидкость формы не имеет, а комар очень даже сформированный, – как отрезала я.

Тогда откуда?

Я разочарованно от безуспешной охоты ковыляю к кровати, продолжая перебирать варианты. Залезаю под еще теплое одеяло, выключаю свет и пытаюсь уснуть. Комар не подает никаких признаков жизни, но мысли о нем все еще крутятся в моей голове.

– А может, я его убила, когда во сне по лбу себе дала, а жужжание, которое слышала после, – это как фантомные боли. Когда человек теряет часть конечности, но все равно ее чувствует, словно она при нем. Часть тела может зудеть, болеть, ныть, и человек по инерции тянется ее потрогать, почесать – а там ничего нет. Страшно. Так, а ну-ка, плохие мысли прочь! Спать, спать, спать! Я снова погружаюсь в долгожданный сон, но откуда ни возьмись появился он. Так же неожиданно, как в детском стишке про Муху-Цокотуху:

Вдруг откуда-то летит
Маленький Комарик,
И в руке его горит
Маленький фонарик.

Только этот комарик отнюдь не маленький, и прилетел он не спасать меня, а кровушки моей напиться.

– Ну сколько можно! Ты такими темпами меня до белого каления доведешь! – кричу я ему о своих познаниях в металлургии. – Вчера не выспалась, сегодня снова веселая ночь. Где женская солидарность, а? Слыхала о такой, дамочка? – обращаюсь я к комару. Это я так говорю – комар, а на самом деле это комариха. Спросите, откуда я знаю? Под хвост заглядывала, пока он меня кусал. Шучу. Просто кусаются только женские особи, мужчины-комары спокойные, как кобели после кастрации. А этим кровушки пить хочется.

– Вот, брала бы пример с людей, – говорю я комару. – Нам, женщинам, ведь тоже иногда крови хочется, но мы же не кидаемся на животных, как бешеные, и не высасываем их кровь. Для этого мы заводим мужа. Понимаешь меня? – я смотрю по сторонам, пытаясь поймать ее.

– Понимаешь намек? – не могу сказать, что комары неуловимые, но они реально быстрые: пока я хлопну в ладоши, чтобы задавить его там, он уже в другом конце комнаты.

– А я тебе кто? Сват, брат? Так что давай, лети отсюда! – я пытаюсь договориться с комаром. Нормальная? Просто очень хочется спать. Завтра работа. Снова прокладывать путь к мечте сквозь тернии. По моим расчетам, в лучшем случае я выдвинусь на рынок недвижимости как покупатель к следующему году, а по худшим – так вообще через года полтора соберу нужную сумму. А ремонт…

Но я честно готова сносить все, только бы уже иметь свой личный уголок, свою крепость. Знаете, как говорится, дома даже стены лечат. Конечно, я не уверена на все сто, что, гоняя комара в своей квартире, я была бы намного счастливее, но я так хочу иметь эти стены, быть уверенной в своем завтра, а не ждать, когда арендодатель скажет мне: «Выметайся, у меня дочь замуж собирается и будет здесь жить».

Хочу иметь свою кровать, свой чайник, свой унитаз – не самый дешевый с плохим сливом, для квартирантов, а свой, нормальный. Я хочу возвращаться домой, в свой дом, где все будет так, как я хочу. Куда я смогу позвать родителей или друзей с ночевкой, так как кроватей хватит на всех, и никому не придется спать на полу. Хочу по утрам заваривать кофе в своей турке. Поить им близких и громко смеяться, рассказывая разные истории, не боясь, что сосед пожалуется хозяину квартиры, и меня будут отчитывать. Потому что хозяином буду я. Я не буду бояться заболеть или потерять работу, или уехать в слишком длинное путешествие, потому что мне будет куда вернуться. А потом я рискну все бросить и жить так, как мне захочется, делать только то, что будет приносить мне удовольствие.

Но если я сегодня хотя бы полтора часа не посплю, если этот комар не сдохнет, то до будущего я могу и не дожить.

И в моей больничной карте причиной смерти укажут стабильное недосыпание и нервный срыв на почве маниакальной жажды убийства. Если бы у тебя, комарик, как в стихе, на ножке был фонарик, вычислить тебя было бы гораздо проще. Но в моем случае я могу ориентироваться только на звук.

В тот момент я решила перейти к радикальному наступлению и направилась в ванную за полотенцем.

– Ты даже моргнуть не успеешь, как я из тебя отбивную сделаю, – погрозила я комару.

Я уже говорила, что все мы любим убивать. И в тот момент я была уверена в этом больше, чем когда-либо. Бывало, мне хотелось убить своего коллегу, ну я вам о нем уже говорила. Прямо хотелось со всей силы ему в лицо влепить, да так, чтобы стереть его неувядающую улыбку раз и навсегда. Зачем? Не знаю, зачастую это желание возникало после непонятных придирок ко мне. Он жужжал надо мной, точно как этот комар.

– Слушай, когда ты собираешься себе бойфренда завести? Годы-то идут!

– Сразу после того, как ты мозгами начнешь пользоваться.

– Не затронуло, – перебил он. – Это ты такая злая, потому что недолюбленная.

– А ты что, психотерапевтом подрабатываешь? – нервно спрашиваю, реально затронутая. – Или, как говорила моя бабушка, «когда у людей нет личной жизни, они начинают лезть в твою».

– Умная женщина твоя бабушка. У меня выходные свободные – может, познакомишь?

– Она для тебя слишком старая, – как мне казалось, остро подмечаю я, тихонько хихикая.

– Ты для меня тоже старая, но я уже почти смирился, – с мерзкой, хотя, если по-честному, то даже очень обаятельной улыбкой подкалывает он.

– Да пошел ты! Дурак! – не удержалась я. Вот и наступил тот самый момент, когда жажда убить или хотя бы заехать в лицо так сильна, что лучшим решением было просто уйти, чтобы не доводить дело до греха или себя до слез.

А касательно комара – его я убью с удовольствием! Поскольку в Красной книге он пока не числится, от государства мне ничего не будет. Общество по защите прав комаров еще не создали, так что вперед и с песней!

Я везде включила свет, надела очки вместо снайперского прицела и зажала в руке полотенце.

Сон. Какой сон? У нас тут ночное сафари. Я прыгала с кровати на диван, с дивана на стол и била полотенцем по потолку. Гонялась за ним из угла в угол. Как бешеная кошка теряет самообладание от валерьянки, так я потеряла голову от желания убить.

Тогда главным был даже не сон, не работа или мечта, что гнала меня вперед. Убить – вот чего мне хотелось больше всего.

Вы слышали про пирамиду Абрахама Маслоу? Кстати, тоже наш, родители из Киева переехали в США, где он из еврейского мальчика, сына бондаря Самуила, стал американским психологом и основателем гуманистической психологии. А все потому, что не было у него комара, спал хорошо, вот и придумал «Пирамиду человеческих потребностей». Все очень логично: сначала человек жаждет удовлетворить свои физиологические потребности – кушать, спать, ну и прочее; потом он задумывается о безопасности, ему нужен дом и постоянство – моя тема, затем социальные потребности, за ними престижные – типа признание, успех, и наконец-то духовные. Так вот, я верю в нее, как верю в то, что от хлеба полнеют. И убить комара – это моя физиологическая потребность, основной инстинкт, жажда самосохранения – называйте как хотите! Сон для меня ценнее чьей-то жизни. Вот как-то так…

– Вот так-то! Да! Да! А что я говорила? Что? Допрыгался? Допрыгался, козлик, обломали тебе рога!? Знай, с кем связываешься! – я кричала и прыгала на кровати, держа за крыло дохлого комара.

– Убила! Убила я тебя! – я держала его как трофей, заслуженный в поте лица, и говорила с ним, как только победитель может говорить с поверженным.

– Ну говорила я тебе, что убью, говорила? Предупреждала, что не получится моей крови попить? Не на ту напал!

Тут с потолка донесся громкий стук, образующийся от ударения с приложением дополнительных усилий тяжелым предметом об пол. Проснулся сосед сверху – мгновенно поняла я.

Быстро спустившись с небес на землю, я закрыла рот, прекратив шуметь. Затем тихонько слезла с кровати, открыла окно и эффектно выбросила труп комара на улицу.

– Лети, лети, лепесток, через запад на восток, – я самодовольно улыбнулась и пошла мыть руки.

– Твою мать! – это было последнее слово, сказанное мною после того, как я увидела часы, и до того, как легла в кровать.

То, что я увидела на часах, подействовало на меня, как жменя валерьянки на пару с таблеткой успокоительного и мелатонина, запитые стаканом водки. На часах высвечивались цифры 05:40,

а в семь я должна проснуться в здравом уме и дееспособном теле. Совесть меня не мучила, и я заснула почти сразу, как только добралась до постели.

Полтора часа пролетели быстро, бестолково и с привкусом недосыпа во рту.

Будильник весело пропел мне доброе утро, но, увы, таковым оно не являлось. Какое еще доброе утро, когда комар всю ночь испоганил?

День начался с того, что я почистила зубы кремом для рук. Затем пять минут бранилась сама с собой в ванной. После чего, кинув случайный взгляд в зеркало, получила легкий испуг и решила замазать темные круги под глазами тональным кремом, но те пробивались сквозь него, словно подснежники весной, синея, как губы на морозе.

– Ну и ладно, – пробормотала я, накинула куртку, зажала в зубах кусок сыра, чтобы по дороге перекусить, и уже собралась открывать дверь, как зазвонил мобильник.

На экране светился неизвестный номер. Первая мысль: что могло случиться, ведь рабочий день еще не начался? Я вытянула сыр изо рта и положила его назад на тарелку.

– Алло! – ответила я.

– Квартира 44? – спросил меня женский голос.

– А что? – поинтересовалась я.

– Девушка, такси на месте. Синяя «Toyota», номер 1232.

– Вы ошиблись номером. Я не заказывала машину.

– Ваш муж заказывал и оплатил поездку онлайн.

– Спасибо за информацию, но кто заказывал, тот пусть и едет. До свидания, – и я повесила трубку.

Это еще что такое? Что за приколы? Какой еще муж?

Научились разводить людей. То из банка звонят в семь утра, мол, в целях безопасности им срочно номер твоей карты надо знать. Ага. А потом ищи ветер в поле вместе со своими деньгами. Мало так зарабатывают, теперь такси придумали. Они что, людей похищать надумали или кошельки забирать?

Я бежала через двор к остановке, обдумывая новый развод доверчивых граждан. А может, они, и правда, отвезут на работу, а за это время квартиру почистят? Чем не вариант?

Пока я добежала, автобус успел отчалить. Так всегда. Успеть увидеть его задницу, и не более. И хоть бы один из пассажиров сказал водителю, что там вон девушка добегает. Никто и звука не испустит. А ведь сто процентов видят, что я бегу. Что за люди поехали?

Тут я увидела знакомый автомобиль. «А он что тут делает?» – подумала я.

– Эй, ненормальная, доброе утро! – опустив стекло, кричит мне водитель.

– А ты в курсе, что здесь нельзя останавливается? – узнав голос своего кофейного приятеля, ответила я.

– Не умничай, а побыстрее запрыгивай в машину, – улыбаясь, уже чуть тише говорит он.

Я быстренько побежала к машине, открыла дверцу и, не успев умоститься на сидении рядом с водителем, продолжила разговор:

– Привет! А ты что здесь делаешь?

– За тобой приехал, – смеясь, ответил он.

– Ага, – недоверчиво кивнула я головой, – еще скажи, что соскучился.

– Знаешь, мне нравятся дурочки, но сейчас ты ведешь себя, как дура, – с легким укором сказал он мне. – Почему в такси не села?

И тут я на секунду зависла. «Может, я реально дура?» – прокрутилось в моей голове. Получается, он мне такси заказал?

– Боюсь привыкнуть, – поумничала я.

– Как я и ожидал. Тогда придется привыкнуть ко мне…

Он смотрел на меня и улыбался. Почти так же, как на работе, но тут, в машине, мне не хотелось ему за это врезать. Мне хотелось…

– Вот твой кофе, – указал он на бумажный стакан в подставке возле меня. – Двойной эспрессо, как любишь.

Я улыбнулась и потянулась за стаканом, но он перехватил мою руку своей, сильной и теплой.

– Не сейчас, выпьешь, когда приедем, а пока у тебя есть полчаса, чтобы вздремнуть, а то смотреть больно.

– Ты собрался меня каждый день возить? – усомнилась я. – Дел нет?

– Есть, но кто-то же должен о тебе заботиться, – сказал он, смотря мне в глаза.

Если вы думаете, что я начала кричать «Останови машину!» или выпрыгивать на ходу и бежать вслед за маршруткой, то нет.

Я опустила спинку кресла, закрыла глаза и попыталась доспать ушедшую ночь. Мотор монотонно шумел, в салоне пахло свежезаваренным кофе, а в голове роились воспоминания, вырванные кусочки моей будничности, о которых я рассказывала вам, переосмысливая. Зачем? Чтобы увидеть возможности, которых не замечала раньше, и осознать ошибки, мнившие себя правыми.

Рядом со мной сидит не принц, а обычный мужчина. Мужчина, а не мальчик. Он не срывает звёзды с небосвода, не раскидывается заезженными фразами. Он делает то, чего ожидает от мужчины каждая женщина, – заботится о ней.

Поэтому завтра и через неделю я выберу его вместо наполненного автобуса. Не потому, что он мне нравится, хотя и обратного утверждать не могу. Женщины любят не блондинов и не брюнетов, не толстых и не подтянутых, не высоких или коротышек, женщины любят тех, кто печется о них.

Да, я дам ему шанс, а заодно и себе. Не потому, что меня легко увлечь, – я крепкий орешек, хорошо знающий, что люди, которые хотят чего-то достичь, должны иметь четкий план и твердо следовать ему. Но еще я знаю: чтобы стать по-настоящему успешным, нужно вовремя менять свои планы и при этом быть счастливым, уметь договариваться с собой и не бояться бить в лицо первым, а если надо – и убить. Убивать свои привычки, которые, как ночной комар, мешают прожить ту жизнь, к которой ты стремишься.

Когда тебе захочется сделать какую-то глупость, сказать дерзость только потому, что ты считаешь это правильным, задай себе вопрос: «Ты хочешь быть правой или счастливой?».

И если ты выбираешь последнее – убивай то, что мешает тебе, без тени сомнения. Все мы убийцы. Вопрос только в том, кого в итоге мы убьем – себя или свои слабости.

P. S. Via est vita.

Алена Жукова

Пиросваня

Памяти Юрия Коваля

Лодка стояла на морском причале и была не какой-то там легкой плоскодонной шаландой, а широким рыбацким баркасом с мотором от старого «Запорожца». Владелец ее, дядя Ваня, семидесятипятилетний рыбак, в прошлом кочегар, а по жизни художник, был бессменным капитаном и хозяином этой лодки. Звалась лодка «Надя», как и жена, с которой Иван прожил больше полувека. Обе они, жена и лодка, потихоньку скрипели, жалуясь на возраст, но были еще на полном ходу. Хоть «Надя»-вторая родилась на четверть века позже Нади-первой, для лодки это был уже закат. Краска на крутых лодочных бедрах отслаивалась волной, а черные буквы имени пузырились и лопались от жаркого солнца. Ивану приходилось освежать осыпавшуюся краску, и он был доволен, что когда-то не поддался уговорам жены и не записал лодку на имя «Надежда», а то пришлось бы еще с тремя буквами возиться. Обводя надпись твердой рукой и никогда не пользуясь для этого трафаретом, он часто думал о том, что его жена Надя никакая не Надежда. Всю жизнь, считай, прожили, и никаких надежд – как скаженная была, так и осталась, но то, что недавно вытворила, – ни в какие ворота. Раньше даже нравилось – каждый день театр: то комедию на голубом глазу ломает, то драму с трагедией, а теперь, что называется, вышла на большую сцену. Восьмой десяток пошел, а все туда же: гитару в руки, розу в декольте – и хоть кол на голове теши. Наверное, если бы сын Мишка не умер во младенчестве, или бог еще детей дал, угомонилась бы, да вот не беременела больше. Зато сестра ее младшая, Мила, наверстала – двух парней зараз родила, а те тоже близнецов нарожали.

Теперь весь этот кагал на лодке катаем. И хорошо, что родичей много, – все свои. Чужому только дай отхапать, а тут – хозяйство целое, все денег стоит: и место на причале, и курень, и снасти… Милкина семья все лето при лодке, только муж ее Славка никакой не рыбак. Что за мужик – ни рыба ни мясо! Да откуда ж Милке было мужа хорошего взять с такой фигурой? Они с Надькой – как неродные. Мила моложе будет лет так на двенадцать, но старуха старухою и толщины необъятной, а вот Надюха и сейчас фигуристая, юркая. И лодка тоже – вся в нее, ход легкий, веселый. Известное дело, как назовешь, так и поплывет, но в последнее время что-то мотор барахлит. Может, пора на покой…

Но мысли о покое каждый год откладывались на неопределенный срок. Завтра Иван опять выйдет в море, ставрида идет, а Наденька будет стоять на берегу в своей широкополой белой шляпе и махать вслед платочком. Только она одна это делает, никто из женщин не машет им вслед – они машут вениками в куренях. Хорошие, правильные женщины – молодые и старые, красивые и хозяйственные – они готовят еду, кормят детей, купаются, загорают. А к вечеру, когда вернутся с уловом, Надюша встретит у самой воды. Закатное солнце ударит в глаза, но Иван заметит ее платочек и плавно причалит, шершаво врезаясь в песок. Она погладит «Надю» по мокрым, как у взмыленной лошади, бокам и, пока мужчины будут выносить на берег снасти и рыбу, начнет напевать себе что-то под нос, словно укачивая лодку, обессиленную и отяжелевшую, слегка подрагивающую на тихой волне. Набегут с ведрами рыбачки, и полетит вокруг перламутровая чешуя. Надюша снимет шляпу и, подвязавшись платочком, весело запоет. А как без песен рыбу чистить? Без песен тоскливо. Скрипит лебедка в такт, втягивая по мокрым бревнышкам на берег отяжелевшую «Надю». Женщины варят уху, накрывают на столы. Скоро все усядутся, будут с шумом втягивать в себя горячую юшку, пить водочку и обсуждать сегодняшний улов. Потом настанет время дядиваниных баек, но только после того, как детей отведут в курени и уложат спать на жесткие матрацы, пропахшие морскими водорослями и керосином. На дверные проемы куреней опустится посеревшая марля, обсиженная мухами, а дети, стараясь разглядеть и подслушать взрослых, будут бороться со сном, но мар-

левый туман их усыпит, и они не услышат историю, которую дядя Ваня припас на сегодня. Он мог, конечно, рассказать ее еще вчера, но ждал, когда настоится, как наливочка, которую Надя принесла к столу.

– Ну что, хряпнем. Никого больше не ждем. Ляля собиралась подойти, но не знаю, появится или нет после Надькиной гастроли. Ой, девка тяжелая, с перцем! А про нее как раз есть что сегодня сказать. Я-то думал, она сама за себя скажет, так нет! Обещала прямо с вокзала сюда, как проводит этого московского хлопца, ну помните, того, что с нами на бычка ходил. Интересный мужик – знаменитость. Гляньте, Надька аж вспотела. Как только об нем речь, так ей прямо дурно.

Надя шлепнула мокрой тряпкой по столу, прибив муху.

– Ты, Ваня, думай, что говоришь. Ляльку обидел, да и перед писателем – дурак дураком. Вот едет сейчас он в свою Москву и думает: «Какой этот Ваня поц, я ему и то, и се, а он мазню свою пожалел, испугался, что продешевит!».

– Не, он так не думает. И слов таких похабных не знает. Он – писатель, культура. А ты – вредитель, даже слово есть такое – вандал, я его в энциклопедии вычитал. Это те, кто культуру уничтожают. Ты, Надя, Славику плесни наливочки.

Надя, покраснев, размотала бинт на бутылочном горлышке и разлила в стопки темно-вишневую тягучую жидкость.

– Славик, стопку подними, на свет посмотри. Цвет какой, а! Пробуй давай. Вкус тоже что надо, но цвет! Я вот что вам скажу: в природе нет чистого цвета – все намешано. Вот трава – она какая? Да не зеленая! В ней знаете, сколько зеленого – совсем мало. Там и неаполитанский желтый, и охра, и умбра жженая…

– Иван, чего пристал, давай выпьем уже, – кисло заметил Славик. – Уехал твой художник.

– Писатель, – поправила Надя.

– Писатель-художник, – уточнил дядя Ваня.

– Неважно. Перед кем выпендриваешься? Надя, налей мне беленькой, не закрашенной, – протянул стакан Славик, отставив наливку в сторону.

Все сидящие за столом, а их было шестеро, чокнулись, седьмым подошел Боцман, который тихо сел неподалеку, но ему

не налили, поскольку кобелям не наливают. Боцман, интеллигентно подождав, пока люди выпьют, подал голос и получил кусочек колбаски. Улегшись в тени стола, чихнул от забившейся в нос пыли и задремал. Он был сторожем на причале, а не в галерее. Живопись его не интересовала так же, как родню, сидящую за столом. Но Иван гнул свою линию.

– Я вот новое полотно пишу. Решился на Айвазовского. Так вам не передать, что в той воде творится, сколько цвета намешано. Надь, чего кривишься? А давай-ка я тебя с нашей лодкой в «Девятый вал» впишу. Глаза вылупила, волосы торчком – тебе даже позировать не надо. Ладно, шучу. А ты не огрызайся, стыд имей. Ну вот скажи, с какого бодуна москвичу приспичило мои картины скупать, если они мазня?

– Ладно брехать, не собирался он их скупать, – скривилась Надя, – он выставку тебе предлагал.

– Кто брешет? Да, выставку предлагал, а еще спрашивал, почем продам. Да если бы я их продал, то мы б не на лодке, а на катере катались. Эх, родичи, скучно с вами, а у москвича было что ни слово, то наживочка для разговора. А разговор какой получался – песня! Вот наша старушка и попалась. Ну что, я неправ? А, Надюха?

– Да оставь ты ее в покое, – встала на защиту сестры Мила. – Лучше скажи, как он вообще у вас оказался.

– Его к нам наша Лялька привела, моей двоюродной сестры Дуси внучка. Эта внучка-байстрючка еще недавно по причалу в одних трусах бегала, а теперь – цаца такая, куда там – не подступишься. Она на киностудии работает. Вот на той киностудии и захотели снять кино. Про что бы вы думали? Та не догадаетесь. Писатель придумал, что можно построить лодку, самую легкую в мире. Он мне свою книгу подарил, я открыл и, чтоб с места не встать, все про меня: и золотой зуб, и тельняшка. Вы почитайте, почитайте. Мы с писателем этим, вообще, похожи – картины пишем, рыбачим, разные истории сочиняем. Видный мужик, скажу вам, но хитрован еще тот.

– А ты не хитрован? – усмехнулась Мила. И все за столом: ее муж Славик, два сына-близнеца Костя и Витя, Надя и даже Боцман – подали голоса, зацокали языками, мол, уж большего хитрована, чем ты, дядя Ваня, найти трудно.

– Да, Милка, я тоже хитрый. Но не в этом дело, мне такая слава не нужна. Я же не блядь какая на мосту стоять.

Славик, поднесший стакан ко рту, поперхнулся. Мила в недоумении уставилась на дядю Ваню, а потом, скосив глаза в Надину сторону, изогнула брови домиком, выражая крайнее удивление.

– Нет, ну как вам это нравится? Ну кто он после этого? – завелась Надя. – Писатель предложил ему выставку в Москве на Кузнецком Мосту. Я у нашей Ляльки узнавала, что это за мост такой. Оказывается, это место, где у художников выставки проходят, а он даже не поинтересовался, что и как. Обидел писателя, Ляльку, не дал свою маз… картины, прости господи.

– Я тебе вот что скажу, Надька, не морочь людям голову и за него не решай, обиделся или нет. Уже наделала делов. От, ты бы имела бледный вид, если бы я ему правду сказал про картину. Ты же втюрилась в него, как соплячка. Он, конечно, мужик видный, в самом соку, но ты ж ему в мамки годишься, если не в бабки. Тебе ручку из вежливости целовали и подпевали тебе из вежливости, а ты сомлела и глазками – зырк-зырк, и губки бантиком, так, где ж тот бантик? Теперь заместо него попка куриная. А слышала, как он сам на гитаре играет и поет? Душа прямо сразу из организма выскакивает.

Надя открыла рот, чтобы по достоинству ответить на мужнино хамство, но дружный хохот за столом заглушил ее ругательства.

– Надюха, хорош цапаться, – продолжил довольный собой Иван, видя, что градус жениного гнева нарастает. – Ты тоже ему понравилась, с художественной точки зрения, конечно. «Нет на вас, Надежда Степановна, Гойи!» – говорит. Да не еврей он, Славик! Все тебе евреи мерещатся, при чем здесь гойка! Художник был такой – Гойя, картина «Обнаженная Маха» называется. Там баба голая, лицом – вылитая Надька, но хуже. Я эту Маху тоже напишу, только подправлю чуток, чтобы сходство усилить. Славик, а чего это твоя половина ржет? Мила, сейчас лопнешь. Я вам сейчас одну картину покажу, которая этого москвича прямо наповал убила, сразу попросил продать, большие деньги давал, а я сказал, что Надю не продаю, предлагал ему «Ленина в Горках», так он не взял, сказал, что за это так дадут – мало

не покажется. Вы наливайте, я сейчас вынесу. Складирую работы в курене, готовлю выставку на причале.

За столом поднялся шум. Боцман истерично залаял со сна в унисон женскому визгу.

– Ну чего вы хай подняли, бабоньки? – попытался успокоить женщин Иван. – Какой позор? Это живопись, темнота вы, бескультурье. При чем тут Надя голая? Там дамы другой комплекции, они богини мифологические, а то, что лицом на Надьку смахивают, так это прием такой художественный. Короче, хотите посмотреть? Не хотите? А вот Славик аж вспотел. Несу.

Пока Иван перебирал в ящиках свернутые в тугие свитки холсты, родственники возбужденно расспрашивали Надю, действительно ли этот московский писатель-художник собирался скупить у Ивана весь этот ужас, и что, собственно, Надя натворила. Она было открыла рот, как из куреня вышел дядя Ваня с перекинутым через плечо то ли ковром, то ли бревном.

– Ну вот, черт, большая очень. Витька, Котя, подержите, разверну полотно. Размер почти как у оригинала. Ну как? Чего языки проглотили? Милка, ну посмейся, что ли… Это шедевр знаменитый, «Даная» называется.

Хорошо, что в этот момент Славик уже поставил стопку на стол, иначе бы точно мимо рта промахнулся. Милка ойкнула и закрыла глаза руками.

– Я, конечно, тут кое-что поменял, – объяснил обалдевшей публике дядя Ваня, – вместо той, со шнобелем, написал Надькино лицо. А вы на руки посмотрите: вот эти часики золотые и колечко с рубином в семьдесят девятом подарил на золотую свадьбу. И маникюр, и педикюр красненьким, все, как Надя любит. Красота, а? Чего онемели? Знаю, натурализма много. Художники говорят – плохо, когда натуралистично, нет полета фантазии, но против правды не попрешь – жены фигуру как свои пять пальцев знаю. У моей – телеса с крутым рельефом и волос, где надо, побольше. А за портьерой кто прячется, узнали? Так это ж я! Дамочка Зевса ждет, а я притаился и тоже жду, но с дрыном. Вот так бы ты, Надька, ждала бы хахаля, а я – тут как тут. Сильная вещь получилась, москвичу очень понравилась, а некоторые темные необразованные женщины за-

прещают ее в доме держать. Но – дулю тебе. Сказал, выставку на причале сделаю, значит, так и будет.

Схватив со стола нож, Надя кинулась на холст. Ее перехватили, отобрали нож, усадили на место, но Надя продолжала колотиться, как яичко в крутом кипятке.

– Уйду от тебя куда глаза глядят, ирод проклятый, – голосила она нараспев. – И не держи, а все картины твои поганые на кусочки порежу или сожгу.

– Тогда и меня жги, – опустился на стул Ваня и дрожащими руками начал сматывать полотно.

За столом повисла тяжелая театральная пауза. Мила успокаивала сестру, а Славик, плеснув еще по чуток каждому, вроде как на дурачка, перевел разговор из культурологической плоскости в материальную.

– Дядя Ваня, тебе ж никто никогда копейки за картины не давал. Чего же ты так фраернулся… Так почем москвич брал?

– Он спросил цену, я и говорю: «Гамузом продам за тыщу, но где Надя, не продается». Он аж свистнул и говорит: «Ты, дядя Ваня, настоящий художник, бескомпромиссный, но без твоей Нади…».

– Нет, не так он сказал, – перебила пришедшая в себя Надя. – «Без твоей красавицы супруги они мне неинтересны». Он только со мной картины хотел.

Ваня посмотрел на жену и покрутил у виска.

– Щас! Надо быть даже не на всю голову больной, а просто еле-еле шевелить мозгом, чтобы подумать такое. Ну на что ты ему нужна? Вот я вам скажу, родичи дорогие, за что меня обида давит: вам же плевать, с чего это я вдруг стал картины писать, а писатель спросил. И я ему как на духу рассказал, что все со сцыкухи этой началось, – и дядя Ваня исподлобья глянул на заплаканную жену. – Захотелось мне изобразить, причем в полный рост, пацанку, что за нашей котельной жила. Выходит днем белье развешивать, а платье намокнет – и через него все тело видать. Фигура такая – глаза свернешь! А рисовать до этого никогда не пробовал, не знал, что и как. Пошел в магазин, накупил всего – кисточек, красок и книжку «Руководство для начинающих художников». Ни черта у меня не получалось, но тут мы с Надюхой познакомились поближе – ей шестнадцать стукнуло.

Она мне свое фото подарила, и сразу дело пошло. По сто раз копировал, руку так набил, что мог с закрытыми глазами ее нарисовать, но только лицо, ничего другого из головы не выходило. Стал календари иллюстрированные, по клеточкам перерисовывать. Та кому ж это надо? Решил, что так не пойдет, что надо картины улучшать, осовременивать. Попробовал Надино лицо разным дамочкам пририсовывать, шикарно стало получаться. И что заметил: как только Надя захандрит или, не дай бог, сляжет, стоит ее вписать в картину какую, так силы тут же возвращаются. Вот спрашивается вопрос: с чего это на восьмом десятке она такая молодуха? Имею что ответить, так вы ж не поверите! А я вам говорю: это потому, что могу ее изобразить только такой, как на той фотке, когда ей шестнадцать.

Все посмотрели на тетю Надю, словно впервые увидели. Она смущенно улыбнулась и как-то легко, по-девичьи, откинула завиток, упавший на глаза. Близнецы Витя и Котя хмыкнули, Мила поджала губы, а Славик согласно кивнул головой.

– Потому и не продам картины эти, – сказал я тогда писателю. – Они не только мои, но и Надькины тоже. Но ты у нее их не проси, она все отдаст и сразу помрет, я точно знаю, – закончил Иван торжественно.

– А он что на это? – спросил потрясенный Славик.

– Попросил его портрет написать для общего оздоровления и омоложения.

– А ты?

– А я согласился, но еще раз напомнил, что из головы не умею и с натуры тоже, вот если бы фото… Тогда он членский билет писательской организации показывает, а там его фотка три на четыре, и говорит: «Напиши меня, дядя Ваня, за столом, полным еды и питья. Разносолов там всяких не надо, главное – чтобы колбаска, хлебушек и огурчики соленые». Он не задаром просил: кругом-бегом рублей тридцать обещал. Вот только фотка маленькая была и черно-белая, но я выкрутился, увеличил и раскрасил. Еще зуб золотой дорисовал, как в его книжке. Там написано, что мечтал он о таком с детства.

Надя не выдержала и встряла в рассказ, нарушив его плавное течение.

– Ну что ты мелешь! Это ж не картина, а уродство какое-то! Карикатура поганая! От представьте себе: стол кривой, на нем бутылка кривая, а на бутылке наклейка «Столичная», которую с поллитровки отодрал. Колбаса на кучу говна похожа, хлеб – на кирпич, а огурцы на крокодилов. И над всем этим висит в рамке морда писателя! И какая! Красная и здоровенная, как помидор «бычье сердце», только очень несвежий.

– Так, может, писатель такой и есть? – спросил Славик, но Милка на него шикнула.

– Ты че, рехнулся, вы же вместе квасили после рыбалки, не помнишь? Мужик такой интересный, навроде артиста.

Дядя Ваня возмутился:

– Ой, и эта туда же! Славик, гляди, как все бабы за него горой! А показать всем гостям твои художества? – не унимался Ваня. – Сейчас принесу. Там в холсте вместо писателя – дырка. Спасибо Наденьке, учудила, ножничками маникюрными покоцала. Куда дела портрет, признавайся!

– В мусорку выбросила. Нет чтобы человеку руки пририсовать, а ты одну голову в рамку – спасибо, не черную!

– В красную, как на Доске почета, а без рамки работа незаконченно смотрелась, – резонно заметил дядя Ваня. – А что же ты, Надя, людям не рассказываешь, как расстроился писатель, когда картину не получил? Ты, Надя, напортачила, а фасон держишь. А еще он золотые слова сказал: «Нет на земле лучших людей, чем художники». Хотелось ему ответить, что есть у этих людей лютые враги – их жены, но сдержался. Боялся тебя выдать. Так и уехал он ни с чем.

– Эх, дядя Ваня, упустил ты свою удачу, – разочаровано заметил Славик. – Бабки не срубил, от славы отказался и с портретом, видать, промахнулся. Женщины – они видят, если что во внешности не так. Может, Надя не зря ножничками поработала, хотела тебя от позора спасти. А представь: увидел бы писатель себя уродом, еще обиделся бы…

– Кто бы обиделся? Да он бы смеялся до слез, – раздался откуда-то с краю звонкий голос, и перед уже не очень трезвой и загрустившей компанией нарисовалась симпатичная молодая женщина. Она поцеловала Надю, пообнималась с Милой

и ее семейством, потрепала Боцмана за ушами, а он, как настоящий мужик, бросился под юбку. Наконец Ляля подошла к дяде Ване и протянула ему руку.

– Хочу поздороваться с художником, который отказался от денег и славы ради любви.

Дядя Ваня, обалдев, готов был пожать ее руку, но потом, словно обжегшись, отдернул свою.

– Ты чего, Лялька, какой любви? Это про Надьку, что ли? Да холера она! Так бы и бежала за этим писателем-художником до самой Москвы – что я, дурной, не вижу? Теперь ты знаешь, что на самом деле с картиной этой клятой случилось.

– Да знала я. Мне тетя Надя рассказала и даже показала твой шедевр. Если честно, клёво получилось, писателю бы понравилось, жаль, что так все вышло. А ты всерьез думаешь, что твои картины молодость возвращают?

Дядя Ваня посмотрел на темнеющее небо, простреленное кое-где звездной шрапнелью, потом на море, теряющее краски, и загадочно улыбнулся.

– Та не знаю, спроси у Надьки.

– Эх, дорогой мой дядька, – обняла его Ляля, – а ведь мог бы прославиться не хуже Пиросмани. Был такой художник-примитивист.

– Как ты сказала? Примитивист! Это я, что ли, примитивный? Сейчас как на тебя обижусь! И Пиросваня твой задрипанный меня не колышет.

– Точно – ПиросВаня! Отлично! Это ж надо, классно звучит! Ладно, не обижайся, читай книжки про великих художников, как про себя самого. Если хочешь знать, ты от них ничем не отличаешься. Вы, художники, вообще, все одинаковые по факту рождения. Тебе привет от нашего московского друга – он доволен поездкой, потому что встретил тебя и Надю, а вот с фильмом, скорее всего, ничего не выйдет. Жаль, что с портретом такая лажа получилась, не помешала бы нашему писателю твоя магия.

Вечер быстро превратился в теплую душную ночь. Ляля осталась ночевать на причале, об этом у них с Надей было договорено заранее. Когда все улеглись, им наконец удалось уединиться и пошептаться о писателе. Парфюмерные ароматы ночных цве-

тов, вытеснившие напрочь запахи моря и рыбы, прибавили романтики Надиным любовным признаниям, и Ляле в какой-то момент перестало быть смешно. Ей стало жалко Надю, нервно и нежно разглаживающую на коленях вынутый из бюстгальтера огрызок холста с уродливым писателем.

– Это ж надо, такое придумать – влюбилась! А я просто, ну… подумала, что нашему Мише было бы сейчас столько лет, как писателю…

– Ладно заливать, – улыбнулась Ляля. – Влюбилась, влюбилась, чего врать. Все в него влюбляются.

– И ты? – Надя трагически приложила руку к сердцу.

– Я что, по-твоему, дура? Во-первых, он женат, во-вторых, знаменитость. Знаешь, сколько вокруг него таких, как я, вьется?

– Лялечка, девонька, а как же это у тебя получается? Сказала себе – не влюбляйся, и не влюбляешься. По мне, так это все равно что приказать: «Не потей!» – а ведь все равно потеешь. Это ж какую силу воли надо иметь!

– При чем тут воля? Голову на плечах надо иметь. Просто с годами умнеешь и… – тут Ляля осеклась и посмотрела Наде в лицо. На нем застыло выражение блаженной мечтательности. – Я хотела сказать, – поправила Ляля, – с годами все как-то спокойнее. У меня после двадцати пяти как пелена с глаз упала, а ты прям как шестнадцатилетняя – слезы, страдания, я даже тебе чуточку завидую. Может, Ваня тебя и вправду заколдовал?

– Слушай его больше.

– Кто его знает. Мой тебе совет – отдай Ване этот кусочек холста, пусть приклеит, или всю картину перерисует, а я в Москву повезу, а вдруг она и вправду – лечебная.

– Ну Лялька, – покачала головой Надя, – мудреная ты девка. Что городишь – сама не знаешь. Не буду ничего отдавать! И знаешь, что скажу – если он эту выставку позорную устроит, я везде свое лицо вырежу.

Ляля обняла Надю и тихо попросила: «Пожалуйста, очень тебя прошу, не делай этого».

– Смотри, смотри – звезда упала, – ойкнула Надя. – А я не успела загадать!

– А если бы успела, загадала бы про него?

– А про кого же? Только бы еще раз встретиться…

Обе они приклеились взглядами к небу в ожидании новой звезды-самоубийцы. Где-то там сиял Орион – любимое созвездие писателя. Ляле хотелось его найти и показать Наде, но ее познаний в астрономии не хватило. Устав глазеть на небо, они пошли спать, так и не дождавшись Надиной звезды и не загадав желания.

А звезды продолжали падать – в августе это было частым явлением. Засыпая, Ляля думала о том, что будет с Надей, Ваней и писателем через год, два, десять… Она была еще очень молода и мысли о смерти не допускала, а если и допускала, то успокаивала себя тем, что «рукописи не горят», как и картины, ноты, фильмы. Ей казалось, что есть изнанка мира, где все, что создано воображением, обретает плоть и живет вечно. Там лежат обнаженные Махи и Данаи, сидят «Ленины в Горках» и даже писатель-художник с золотым зубом на портрете 3×4. Там крутят фильмы и звучит музыка, и где-то там навстречу вечности уже плывет его лодка – самая легкая лодка в мире.

Поэзия

130 Ирина Беньковская
Дактиль, амфибрахий и анапест

136 Татьяна Мартынова
Переводы с украинского

140 Семен Вайнблат
Время

Ирина Беньковская

Дактиль, амфибрахий и анапест

* * *

Выноси-спасай свое добро,
скарб, бечевкой схваченный крест-накрест, –
золото, железо, серебро
(дактиль, амфибрахий и анапест).

Только далеко не унести –
прошлое не удержать в горсти,
письма рассыпаются из связки;
а у самой бездны на краю
песню безутешную свою
тянут пикты в боевой раскраске.

Их рубахи ветхие пестры,
и чадят высокие костры,
голоса надтреснутые стройны,
выноси-спасай свое добро,

и когда поют они – в лугах,
ульях, муравейниках, стогах
вспыхивают маленькие войны;
сводит спазмом руку у писца,
спорынья лелеет червеца.

Привыкай, – поют они, – к земле,
к нищенской похлебке на столе,

отвыкай от имени и речи;
торный путь нащупывай во мгле,
плащ пеньковый примеряй на плечи;

а когда на площадь поведут –
не пытайся вырваться из пут,
не упрямься, пропускай удары –
чтобы стлался вой из-под земли,
чтобы сердце отыскать могли
дротиком малютки-медовары.

Ганс мой еж

Что за чудный лес на пути. Пойдешь
со мной? Говорю тебе – не пойду.
Там на дереве – еж, черный страшный еж;
знай сидит себе на суку, играет в свою дуду.

Этот еж-волынщик в суконном камзоле, верхом
на подкованном петухе – высоко сидит,
далеко глядит, ничего не видит. Прижмется безгубым ртом
к костяной трубе – сразу слышится стук копыт:

с дальних пастбищ на голос стекаются, торопясь,
крутолобые, серые, черные, пегие – им не видать конца;
мимо стылых домов, уходящих по ставни в грязь,
мимо мертвых застав, где столетьями ждут гонца.

Онемел монастырский колокол. Мрут от голода города.
Корабельной смолой крепостной заливают ров.
Ганс мой еж, да умножатся вечно хмельные твои стада –
это буйное море ослиных, свиных голов.

Но когда настанет великий праздник, когда засверкает нож
(Ганс мой еж!),

и свирепую радость выплеснет через край –
хоть два дня скачи, хоть криком кричи,
этот смертный визг догонит меня в ночи,
как коня ни гони, как уши ни зажимай.

* * *

Ночь на убыль, месяц – в рост;
мерзни, мерзни, волчий хвост,
бей копытом, волчья сыть;
выйти в ночь – убиту быть:
кануть в прорубь, захлебнуться,
тихой рыбой обернуться
под тяжелым тусклым льдом.
Но всего страшнее – дом:
усмехаются портреты,
не дотянешь до рассвета
в тесном круге меловом.
Баю-баю, мир бессонный,
месяц краденый, картонный,
страх, упрятанный в фольгу;
след овечий на снегу.

* * *

Отравлен хлеб, разграблен дом,
чума возьмет свое.
Гори Антоновым огнем,
постылое житье!

Дробись, зерно, мелись, мука,
растапливайся, печь;
ликуй в гортани мясника,
придуманная речь.

Всходи на порченых хлебах,
на сукровице и бобах;

медвяной падью запеклось
безумье на губах.

* * *

Вот стрела негромкая пропела
незатейливым вечерним горном;
глянь – червонно-красные на черном,
молча скачут всадники Учелло.

Чалые, гнедые, вороные –
алые на черном небосклоне;
реют наконечники стальные,
и беззвучно всхрапывают кони.

Не печалься – это ли не радость,
не пугайся, это ли не слава?
Слева неба на вершок осталось,
конница во тьме заходит справа.

Сумерки оливкового сада.
Кровь не смоет, время не рассудит.
Больше ничего уже не надо,
больше ничего уже не будет.

* * *

Предпоследняя свобода,
сумрачный осенний бред;
под эмалевыми сводами
вдруг выключили свет.

Сумерки негромко тлеют,
душу скручивая в жгут.
Одевайся потеплее –
нас уже три года ждут.

Вот последние строенья,
вот билет в один конец,
дым над логом; чье-то пенье
(кто не слушал – молодец);

мимо пашен разоренных
молча движется во тьму
вереница пеших, конных,
неоплаканных, бессонных,
к вечности приговоренных,
не подсудных никому.

* * *

Долго ли, коротко ли брели –
увидели дом на краю земли;
пообжились, сыграли в «умри-воскресни»;
не запирали на ночь ворот –
может быть, кто-нибудь, да придет
слушать беззвучные, долгие наши песни.

Вот он, рай, залетейский край;
штора колышется; не замай,
дай подойти – но за окном ни звука;
утром выглянешь из окна –
обступает сумеречная страна,
немая, как сон, просторная, как разлука.

Только и дел, что терять слова,
глядеть, как незримые жернова
перетирают в пыль имена и лица;
по половицам катать клубок,
сыпать в спичечный коробок
просо, золу, золотой песок –
да в зеркалах двоиться.

* * *

О. Г.

белый круг горизонта
солнце над солончаком
вечный день, белый день
не грусти уже ни о ком

путь далек лежит
свет да свет кругом, твердь да твердь
никогда не стемнеет уже –
ни к чему темнеть

вдох, мгновение, выдох
птица над головой
видно точку вдали
будто кто-то идет
живой

Татьяна Мартынова

Переводы с украинского

Василь Стус

* * *

Верстаю шлях – по вимерлій пустелі,
де мертвому мені нема життя,
за обріями спогаду – оселі,
ті, до котрих немає вороття.
А все ж – бреду, з нізвідки до нікуди,
а все ще сподіваюся, що там,
де кубляться зґвалтовані іуди,
мале є місце і моїм братам.
Побачити б хоч назирці, впівока
і закропити спраглий погляд свій.

Василий Стус

* * *

Верстаю путь по вымершей пустыне,
Где, мертвому, нет жизни для меня.
За горизонтом памяти – отныне
Селенья, что являются во снах.
Возврата нет, а все бреду – откуда
Я – в никуда, надеясь все ж найти
Места братàм, где ныне лишь иудам
Есть место. Все хочу в конце пути
Увидеть, ну хоть мельком, хоть вполглаза,
И увлажнить сухой суровый взгляд.

Зміїться путь – вся тьмяна, вся глибока,
і хоч сказися, хоч збожеволій.
Бо вже не я – лише жива жарина
горить в мені. Лиш нею я живу.
То пропікає душу Україна –
та, за котрою погляд марно рву.
Та є вона – за міражів товщею,
там, крізь синь-кригу світиться вона –
моєю тугою, моєю маячнею
сумно-весела, весело-сумна.
Тож дай мені – дійти і не зотліти,
дійти – і не зотліти – дай мені!
Дозволь мені, мій вечоровий світе,
упасти зерням в рідній борозні.

* * *

Верни до мене, пам'яте моя,
нехай на серце ляже ваготою
моя земля з рахманною журбою.
Хай сходить співом горло солов'я
в гаю нічному. Пам'яте, верни
із чебреця, із липня жаротою.
Хай яблука останнього достою
в мої, червонобокі, виснуть сни.

Змеится путь – все темень, все зараза.
И хоть взбесись – не повернуть назад.
Ведь я уже не я. Горю незримо
Горящим углем, только им живу.
То – прожигает душу Украина.
И вперясь вдаль, глаза и сердце рву.
Да, есть она. Она – за миражами
Колеблется, за слоем льда горит!
Моей мечтой, надеждой и страданьем
То грустно-весела, то весело грустит.
Лишь бы дойти и не испепелиться!..
Дойти и не сгореть… Дай донести тебе
Зерно свое, что в борозде светиться
Должно в вечернем свете и судьбе.

* * *

Вернись, вернись, все памятное мне.
Почую нà сердце земли родимой тяжесть.
Она тоской неясной, жалобой во сне
И пеньем соловья в лугу наляжет,
Надвинется волною чабреца,
Июля жаром, яблочной прохладой!
Верни же, память, память без конца,
Те – краснобокие… А больше – и не надо…

Нехай Дніпра уроча течія
бодай у сні у маячні струмує,
і я гукну. І край мене почує.
Верни до мене, пам'яте моя.

* * *

В мені уже народжується бог,
і напівпам'ятний, напівзабутий,
немов і не в мені, а скраю смерті,
куди живому зась – мій внук і прадід –
пережидає, заки я помру.
Я з ним удвох живу. Удвох існую,
коли нікого. І гримить біда,
мов канонада. Він опорятунок,
я ж білоусто мовлю: порятуй,
мій господи. Опорятуй на мить,
а далі я, оговтаний, врятую
себе самого сам. Самого – сам.
Він хоче поза мене вийти. Прагне
рятуючи донищити мене,
аби на протязі, на буряних вітрах
я вийшов сам із себе, наче шабля
виходить з піхов. Хоче вийти геть,
щоб згасла свічка болю. Щоби тьма

И пусть Днипро торжественно течет,
Хоть и во сны безумные впадая…
Зову тебя, и край мне отвечает.
Вернись же, память, знаешь, кто зовет.

* * *

Неодолимое, как бог, рождается во мне.
Полузабытое, его я смутно помню.
И даже – не во мне. А в смертной тишине,
Где внук мой, прадеды…
Где неподвижны волны,
И входа нет живому, лишь – во сне.
А я вдвоем остался с богом – тут.
С ним существую. И когда придут
За мной… – Иль никому не буду нужен,
С бедой гремящею и со смертельной стужей,
Бог появляется. Когда зовут.
Спасенье в нем, я побелевшим ртом
Зову: «Спаси, Господь мой, – в ту минуту,
А дальше уж я сам!» Но – вижу: он как будто –
Не бог, а рок. Все хочет – своего…
Я не могу понять его.
Он за спиной, и вроде бы таков,
Что помогает. Только… убивает.

впокорення мене порятувала
інобуттям. Іножиттям. Найменням
уже невласним: ось він, той загал,
яким кермує той шалений бог,
котрий в мені воліє народитись
(а я ще тую свічку посвічу,
аби мені не смеркло передчасно,
просвітлої дороги свічка чорна –
неначе перемога крадькома).

Иль ждет, что на скрещении ветров
Из мира сам уйду. Как меч из ножен.
Как сабля острая. Но это невозможно.
Меня – покинуть? Чтоб погас мой свет,
Свеча страданья? Тьму, а не рассвет
Мне предлагает, чтоб я покорился.
Мол, тьма спасает – инобытием.
Иною жизнью, с именем не нашим…
Вон та толпа, иди, там будет краше!..
Безумный бог, а я еще святил
Свечу свою, чтоб жизнь моя продлилась
Для светлого… «Неодолимое! Уйди.
Не победишь исподтишка, поторопилось!»

Семен Вайнблат

Время

Венок сонетов

Посвящается Инне

1.

Умеем ли мгновенья мы ценить,
Иль к ним порой относимся беспечно?
Известно нам, что время бесконечно,
Так стоит ли секундой дорожить?!

Как плачем мы, пытаясь возвратить
Богатства, что потеряны навечно!
А коль к себе бываем бессердечны,
Слезинки даже не хотим пролить.

Необъяснимо тают жизни дни,
По молодости их не замечаем.
Мы гордым самомнением полны
И дружеским советам не внимаем.

Ни с чем секунд значенье не сравнимо,
Они летят вперед неудержимо!

2.

Они летят вперед неудержимо –
Минуты, что приносят счастье нам.
Ты можешь убедиться в этом сам,
Когда любовь твоя неугасима,

Когда она без пафоса, без грима
Дает возможность любящим сердцам
Найти свой мир – надежды светлый храм,
Ту радость, что вовек неистребима.

Минуты, обожженные бедой,
Душой и телом нашими владеют,
Они нас жалят, как осиный рой,
И кажутся в десятки раз длиннее.

А те, что сердцу столь необходимы,
Довольно часто пролетают мимо.

3.

Довольно часто пролетают мимо
Часы, что так бесценны и важны,
И, несомненно, позарез нужны
Для дела, что и славно, и любимо,

Значением своим неизмеримо…
Но в это время мы погружены
В никчемные свои, по сути, сны.
А то, что унеслось, – неповторимо.

Себя мы утешаем – не беда,
Ведь завтра можно сделать все неспешно.
Два-три часа? Да это ерунда!
Задуманное выполним успешно…

Но шквал желаний нам не укротить,
И невозможно их остановить.

4.

И невозможно их остановить –
Часы, в которых жаворонка пенье,

Предутреннего ветра дуновенье,
Стремленье жить с мечтою и творить.

Безмерно мы должны благодарить
Судьбу, что нам дарует, без сомненья,
Возвышенные чувства наслажденья –
Растить детей, иметь друзей, любить.

Но начинаем наше утро с гонки:
Когда хотим еще хоть час поспать,
Будильник рвет ушные перепонки,
Сигналя нам, что надобно вставать!

Как ни желали б мы повременить –
Мгновенье ни на йоту не продлить.

5.

Мгновенье ни на йоту не продлить –
Таков закон божественной природы.
И никогда ни моды, ни невзгоды
Не смогут смену лет притормозить.

Кто сердцем смел, обязан посвятить
Судьбою предначертанные годы
Борьбе за то, чтоб каждый вдох свободы
Никто не смог отнять иль запретить.

День – это наша жизнь в миниатюре.
Всё в мире – пятьдесят на пятьдесят.
Проходят штили – налетают бури,
И нескончаем этот вечный ряд.

День к сумеркам спешит неуловимо,
И красота его непостижима.

6.

И красота его непостижима –
Серпастый месяц светел, как янтарь,
Он ярок вечерами, как фонарь,
И связь его с Землей нерасторжима –

Ведь с давних пор от нас неотделимы
Расчеты фаз, что бытовали встарь.
Среди других был лунный календарь,
И это – факт реальный, а не мнимый.

На свете много есть календарей,
Один из них в веках неувядаем.
Он с древности дожил до наших дней,
И по нему счет лет ведет Израиль.

Традиций череда – несокрушима,
Она, как купина, неопалима.

7.

Она, как купина, неопалима –
Та красота, что вовсе не чужда
Мгновениям, к которым иногда
Мы тянемся душой необъяснимо.

Дожить до ста – для многих допустимо:
Нужны покой, полезная еда,
Кристальный воздух, горная вода,
Целебный сон, ничем не восполнимый…

Возможно так прожить и больше лет
В глухой пещере, никого не видеть,
Когда закатом кажется рассвет,
Когда устал любить иль ненавидеть…

Коль с человечеством прервется нить,
Ее вовек ничем не заменить.

8.

Ее вовек ничем не заменить –
Безумной тяги к жизни долгосрочной,
Здоровой, созидательной и прочной.
И эта жажда побуждает жить.

Конечно, многих может тяготить
Быт пресный, монотонный, худосочный.
Его маршрут и зыбкий, и неточный
Вперед без цели позволяет плыть.

Ни тихий ход, ни бурное теченье
Дороги к совершенству не найдут.
Лишь творчества счастливые мгновенья
На высший пьедестал возводят труд.

Всему – давно известно – свой черед…
У времени стремителен полет!

9.

У времени стремителен полет.
И краток он для нас, и быстротечен.
Как ни крути – загадочен и вечен
И жизней, и смертей круговорот.

Наверно, вряд ли кто-нибудь поймет
Гипотезу, что мир наш бесконечен,
В нем – бешеный каскад противоречий,
Находок радость и ошибок гнет.

Но с давних пор природой нам дано
Желание постичь смысл нашей жизни,

В простор Вселенной прорубив окно,
Усвоить четко суть исконных истин.

Но часто в лабиринтах мы блуждаем,
Когда проникнуть в тайну тайн желаем.

10.

Когда проникнуть в тайну тайн желаем –
Не сосчитать препятствий на пути,
Но к цели нужно до конца идти,
И мы опасных троп не избегаем.

И, несмотря на все препоны, знаем,
Как сложно непосильный груз нести
И наугад без компаса брести,
Но мы перед стеной не отступаем.

И скептиков слова звучат все глуше,
Когда мы слышим подсознанья зов.
Проникнув в наши трепетные души,
Он к совершенству нас вести готов.

А время и торопит, и влечет,
Оно нас ни мгновения не ждет.

11.

«Оно нас ни мгновения не ждет», –
О вдохновенье говорят поэты.
Из их баллад, поэм иль триолетов
Нам многое известно наперед.

То прошлое их в глубь веков зовет,
То будущего грезятся приметы,
И мудрых предсказаний силуэты
Даруют им и славу, и почет.

Но, как опята, не растут таланты.
И современных «гениев» нам жаль.
Ведь многие поэты, музыканты
На сотни лет запомнятся едва ль…

Прогресс в познанье жизни нескончаем…
Хоть разорвись – за ним не поспеваем.

12.

Хоть разорвись – за ним не поспеваем, –
За временем, чей ход неумолим,
Терзает мысль, что не в ладах мы с ним,
Его секретов недопонимаем

И, к сожаленью, им не управляем.
Не разобравшись в сути, мы ворчим.
То сдерживаем шаг, то вновь спешим
И… прежние ошибки повторяем.

Кто в мир явился – точно должен знать
Закон, который нам диктует время.
Есть время жить и время умирать,
И не брюзжать, что давит жизни бремя.

Брюзжанье раздражает, утомляет,
Но медленно оно в пространстве тает.

13.

Но медленно оно в пространстве тает –
Волнение, с которым человек
Рассвета ждет с надеждой на успех,
Когда больным и слабым помогает.

Конечно, в жизни всякое бывает:
Часы с кукушкой замедляют бег,

Опаздывает поезд как на грех,
А обыватель время обвиняет.

На зеркало не следует пенять –
Такой упрек нелеп и безрассуден,
Нет смысла в чем-то время порицать,
Ведь виновато не оно, а люди.

За годом год бесследно исчезает
Для тех, кто ничего не созидает.

14.

Для тех, кто ничего не созидает,
Не светит путеводная звезда.
Протрет глаза бездельник, как всегда:
Поест, попьет и снова засыпает.

А тот, кто ощущает боль, страдает,
Не укоряет время никогда.
Он в ногу с ним шагает сквозь года
И горести свои превозмогает.

Известна фраза: «Время лечит нас!»
Однако след от раны остается.
А счастья луч, чтоб вовсе не угас,
Хранить должны, покуда сердце бьется.

Весьма уместно у себя спросить:
Умеем ли мгновенья мы ценить?

15.

Умеем ли мгновенья мы ценить?
Они летят вперед неудержимо.
Довольно часто пролетают мимо,
И невозможно их остановить.

Мгновенье ни на йоту не продлить –
И красота его непостижима.
Она, как купина, неопалима,
Ее вовек ничем не заменить.

У времени стремителен полет,
Когда проникнуть в тайну тайн желаем.
Оно нас ни мгновения не ждет,
Хоть разорвись – за ним не поспеваем.

Но медленно оно в пространстве тает
Для тех, кто ничего не созидает.

Первые шаги

150 **Феликс Кохрихт**
«А в Одесі акація цвіте…»

157 **Анатолий Горбатюк**
Памяти Аркадия Креймера посвящается…

Конкурс

«А в Одесі акація цвіте...»

Когда я пою о любви без предела,
О людях, умеющих верить и ждать,
О гроздьях душистых
Акации белой,
Тебе я спешу свою песню отдать!

Многие города нашей планеты ассоциируются с деревьями, ставшими их символами. В нашей стране это Киев с каштановыми аллеями и Одесса, в которой по весне зацветает акация.

Акация – любимое дерево не только одесситов, но и жителей нашего края, где ей посвящены легенды, народные предания, стихи, песни. Слова из той, что поет Тоня, молодая морячка, героиня легендарной оперетты «Белая акация», мы вынесли в первые строки этой публикации, рассказывающей об итогах конкурса. который в минувшем мае был объявлен Департаментом образования и науки Одесского горисполкома при участии альманаха «Дерибасовская – Ришельевская». Он проходил под девизом «А в Одесі акація цвіте…».

Учащиеся школ Одессы прислали множество работ, проявив не только интерес к теме, но и знание истории родных мест, эрудицию в вопросах природоведения, литературы и искусства.

Согласно методике и традициям подобных творческих конкурсов, подведение итогов проходило поэтапно. Сначала члены жюри, опытные педагоги, отобрали работы для длинного списка претендентов на призовые места, а затем члены редколлегии альманаха составили короткий список, из которого и выбрали учащихся, занявших три первых, лауреатских места.

Ими стали:

Первое место – **София Мейлицева**, Одесская гимназия № 4. За отображение истории появления в Одессе первых насаждений акации и ее благотворной роли в жизни многих поколений.

Второе место – **Дмитрий Яковец,** Одесская СШ № 111. За лирическое стихотворение, отражающее роль акации в зарождении высокого чувства между молодыми людьми – в будущем дедушки и бабушки. Димы.

Третье место – **Варвара Осипова,** Одесский лицей № 9. За знание художественной литературы и обращение для раскрытия темы к произведениям Александра Куприна и Ивана Бунина.

Победители конкурса получат призы, учрежденные депутатом Одесского горсовета Александром Иваницким.

Президент АО «ПЛАСКЕ» Олег Платонов и редколлегия альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» передадут в библиотеки школ, где учатся победители, подборки номеров альманаха, содержащих материалы по истории нашего города и края.

Работы трех лауреатов публикуются в 86 номере альманаха, посвященном Дню города, который выйдет ко 2 сентября. В этот день в Одессе будут высажены молодые деревца, из которых со временем вырастут прекрасные высокие акации – символ нашего города.

Феликс Кохрихт

Софія Мейліцева

«Витає в повітрі терпкий аромат...»

Весна цього року йшла до нас тихо, неспішним кроком. І раптом у травні якось несподівано заграла усіма яскравими фарбами, нагадавши, що скоро все ж таки літо.

Ось уже бузок почав розливати свої солодкі аромати, на каштанах запалали квіткові свічки. Але картина щастя, яке переповнює душу одесита, ще далека до свого завершення. Ось-ось, ще трохи – і настане той кульмінаційний момент, коли розумієш: я мешканець найблагословеннішого міста! А чому? Тому що зовсім скоро вулицями попливе аромат, який сповнить серця вірою в життя, бажанням бачити в усьому прекрасне. Цей аромат настільки

неповторний, що здається: ти опиняєшся в якомусь чарівному світі. І все це – білі грона акації.

Зазвичай акація починає розквітати наприкінці травня – на початку червня. І хоча насолоджуватися цим явищем можна недовго, десь тиждень, воно обов'язково стане незабутнім. Бо це стовідсотковий запах Одеси.

Нашому місту пощастило мати талановитого та творчого градоначальника – Дюка де Рішельє, який мріяв створити у безводному степу оазис, де б легко дихалось. В Італії він побачив прекрасне дерево, яке полонило його уяву. За власні кошти у Відні він закупив саджанці цього чуда, а потім безкоштовно роздавав кожному, хто обіцяв посадити дерево.

Кажуть, що перші акації з'явилися під Одесою у маєтку графа Розумовського у XVIII столітті.

Акаціям теж сподобалась Одеса – і вони пишно розрослися на вулицях і у дворах, ставши одним із символів нашого міста. П'янкий аромат їх підкорив не тільки серця місцевих жителів. І. Дунаєвський, потрапивши під її чари, написав оперету «Біла акація», пісня з якої стала гімном нашої перлини біля моря. Фрагмент цієї мелодії грають куранти на будівлі мерії.

Наша красуня Одеса на карті виглядає маленькою плямочкою, але вона така рідна для всіх одеситів! А що може бути найдорожчим того місця, де ти народився, де ти насолоджуєшся безмежним морем та неповторним ароматом, який накриває все місто під час цвітіння акації? Її запашні грона з'являються в усіх районах Одеси, звисають гірляндами та зводять з розуму. Навіть письменник О. Купрін, назавжди зачарований нашим містом, застерігав: не приїжджати до Одеси наприкінці травня, бо, раз удихнувши цей аромат, можна закохатись і накоїти купу дурниць.

Моє маленьке серце теж сповнене любов'ю до нашого міста, а весна надихає жити, робити щось прекрасне. І ллються з душі рядки:

Кожного травня,
Наприкінці,
Трапляється диво
В рідному місті:

Біленькі та жовті
Цвітуть квіточки –
Звисають з акації
Грона хмілисті.

Витає в повітрі
Терпкий аромат,
Закохує в себе,
В Одесу, в життя!
Хто пахощі ці
Вдихнув хоч би раз,
Не втратить ніколи
Це відчуття!

Повернеться знову
Обов'язково!
Не зможе забути
Це місто, це море!
Залишиться в серці
Акації цвіт.
І посмішки щирі
Та наш колорит!

Дмитро Яковець

«Два серця в любові поєднались…»

А в Одесі акація цвіте…
Мила, зупинись,
Загляну в твої очі –
Запахи акацієвої ночі
У полон взяли нас, як колись.

Ти ішла назустріч – ні, летіла,
Як хмаринка біла з букетиком в руках.
А букетик такий білий-білий
Рідної Одеси сіяв запах.

– Це тобі, солдате! Усміхнись!
Виживи, живи! Буду чекати!
День і ніч тебе я буду виглядати
Тільки з перемогою вернись!

А в Одесі акація цвіте…
Пам’ятаєш, милий, тої ночі
Розлучила нас війна на довгі дні і ночі
І в любові поєднала два серця.

А в Одесі акація цвіте…
Перемога! Я живий! Я повернувсь!
І до ніг акація упала…
Два серця в любові поєднались –
Це мої прабабуся й прадідусь.

Варвара Осіпова

«Символ багатства та кохання…»

А в Одесі акація цвіте…

Акація – символ Одеси, багатства та кохання. Її подарував морському місту Дюк де Рішельє.

Відтоді у травні наше місто наповнюється духмяним ароматом, що заражає все хворобою кохання. Нема порятунку від маленьких білих квітів. Вони заповнюють собою повітря, змушуючи перехожих чхати від квіткового пилу та закохуватися, наче в перший раз. Навіть місцевих жителів, у яких є певний імунітет, ця частина весни нагороджує коханням, ніжним і водночас палким, як квіти троянди. Проте квіти не можуть цвісти вічно, тож з оцвітанням троянди в'януть несподівані почуття.

Перед ароматом не встояв і відомий письменник І.О. Бунін. Про роман відомого письменника з одеситкою Ганною Цакні можна дізнатися з його листів. Поет, який вперше опинився в Одесі у травні, зустрів дівчину та через три дні після знайомства взяв її за дружину. В одному зі своїх листів він зізнавався, що сам не розуміє, як вони одружилися: «Про те, як я зізнався, як я робив пропозицію матері та як нас одружили, я нічого не пам'ятаю. В мене була гарячка у 60 градусів. Безглузда маячня, хронічна слинотеча, а на обличчі – ідіотська посмішка». Цей шлюб тривав недовго, бо тільки одцвіла акація, то й прозрів письменник.

У схожій ситуації опинився головний герой твору О.І. Купріна «Біла акація». Навесні він приїхав до Одеси та закохався у дочку власниці їдальні. Одружившись, він побачив її недоліки. З часом недоліків стало настільки багато, що він почав скаржитися своєму другові, звинувачуючи у всіх своїх проблемах акацію.

Подібні історії проживають у кожному подвір'ї, нагадуючи нам, що навесні наше місто перетвориться на Париж, проте із запахом акації…

У час, коли акації цвітуть,
Над містом наче янгол процвітає,
І всіх людей, що мріями живуть,
Цей Божий охоронець окриляє.
Радійте, люди, раю на землі,
Що з року в рік в Одесі розквітає,
І вогник щастя у своїй душі
Нехай жаданим вогнищем палає!

Памяти Аркадия Креймера посвящается…

Аркадий Евсеевич Креймер – заместитель директора Всемирного клуба одесситов и просто великолепный человек, главной слабостью которого (если это можно вообще назвать слабостью) была просветительская работа со школьниками старших классов. Главная тема – история нашего удивительного города… В этом месте я задумался, потому что Аркадий любил Одессу не меньше, чем ее юных обитателей. Сегодня и не сосчитать, сколько классов из разных школ города посетило Всемирный клуб одесситов, где их ждал Аркадий Евсеевич с очередным захватывающим рассказом об Одессе. По прошествии времени еще сильнее ощущаешь огромную важность работы, проводившейся Аркадием с одесскими школьниками…

И вдруг все это прекратилось в 2014-м году, когда внезапно Креймера не стало. Осиротел наш клуб, в котором Аркаша (так мы его называли) был искренней и доброй душой коллектива. Возник вопрос: каким образом можно продлить человеческую память об ушедшем удивительном одессите? Повесить на фасадной стене клуба мемориальную доску? Мол, здесь трудился заместитель директора ВКО… Что можно поместить на белоснежном куске мрамора?..

Не вспомнить уже, кто первый сказал, что лучшим памятником Аркадию будет ежегодный литературный конкурс среди старшеклассников города по знанию истории Одессы. Согласились все, хоть у многих (у меня, в том числе) мелькнуло в голове: «Какой там «ежегодный»?! В наше удивительное время хоть бы один конкурс провести».

Как же мы, сомневавшиеся, ошиблись! В июне 2021 года с успехом прошел 6-й (!) общегородской литературный конкурс памяти Аркадия Креймера (из-за мерзкой пандемии прошлый год пришлось пропустить).

Следует отметить заслугу и одесской мэрии, и преподавателей, и старшеклассников в том, что именно в Одессе ежегодно проводится такое необычное мероприятие, не просто способствующее развитию подрастающего поколения, но и воспитывающее в нем любовь к родному прекрасному городу. И как в этой связи

ни заметить, что вдова А.Е. Креймера Нина Ивановна Бондаренко, работающая преподавателем Ланжероновского колледжа, сумела представить конкурсной комиссии четыре работы своих учеников. Всего же в этом году комиссия рассмотрела 18 конкурсных работ из разных школ города, авторы лучших были награждены денежными премиями и ценными подарками.

С удовольствием называю победителей с существенной оговоркой: все работы были исполнены на высоком уровне, и определить победителей было крайне сложно. Итак…

I место – Юлия Фисалович (Юридический лицей) за работу о Валентине Катаеве.

II место – Кирилл Ковалджи (НВК № 49) за работу «Колорит одесских театров».

II место – Игорь Ковалев (Ланжероновский лицей) за работу «Путешествие по крепостному предместью».

III место – Юлия Перлишина (школа № 122) за работу «Жизненный путь Якова Бардаха».

III место – Анастасия Луковецкая и Дарья Федорова (школа № 92) за работу «Приморский бульвар сквозь время».

III место – Александра Мосьпак и Анастасия Санникова (школа № 111) за работу «Прогулка улочками старой Слободки».

Анатолий Горбатюк,
член Президентского совета Всемирного клуба одесситов

От редакции. Работы победителей конкурса будут опубликованы в 87 номере альманаха.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Искусство – жизнь – искусство

160 **Вадим Чирков**
Мои одесситы

175 **Павел Козленко**
Судьба режиссера

186 **Евгений Табачников**
Как рождались песни

192 **Феликс Кохрихт**
Танго Алексея Ботвинова

202 **Евгений Деменок**
Письма родителей к Соне Делоне

230 **Леонид Авербух**
Одесские музы поэтов

251 **Ирина Озёрная**
Цирк навсегда

264 **Сергей Луговцев**
Вся власть – сонетам!

Вадим Чирков

Мои одесситы*

И было так…

…И было так. Компания – поэты, акробаты: Валера Вассерман, Валя Барков, Алик Умецкий, Рудос, мастер спорта по гимнастике, Владька Спивак, фехтовальщик, борец классического стиля и что-то непонятное начинающий (это я), еще и еще кто-то… Может, был в этой компании и Юрий Михайлик, тогда начинающий и никому не известный стихотворец. Может быть, забрел, нюхом чуя, что здесь говорят о стихах, Игорь Павлов, будущий первый поэт Одессы…

Сначала здесь весело распивали в чьем-то доме самое дешевое молдавское вино «Вин де масе» (столовое) – «Вино в массы» в одесском переводе, читали новые стихи, оценивали их, спорили… Валера (сначала Вассерман, потом Кузнецов) играл на гитаре и пел ужасным голосом никому еще не известную песню на свою мелодию – он сочинял музыку.

Потом, по традиции (конечно, она сохранилась в Одессе), всей компанией отправлялись к морю, на Ланжерон, где плиты и шары. Там, стоя в воде по пояс, начинали акробатику. Валера выжимал стойку на кистях Рудоса (вытянутые вверх руки), сначала угол, потом выходил из угла в силовую стойку. После начинались сальто с рук Рудоса или Валеры. По берегу и воде шастал луч пограничного прожектора и высвечивал на мгновения взлетающие вверх молодые мускулистые тела, белый взрыв воды, слышались крики, смех. А бывало, море в эти ночи фосфорилось, светились

* Окончание. Начало в кн. 85.

облитые светлячками тела спортсменов, и всё тогда было сказочно красиво, как в ожившем древнегреческом мифе.

Вино – стихи – гитара – ночь – море – молодость… И дружба, сильная тогда, как любовь. Ко мне возвращались мои восемнадцать.

Рудос

У Рудольфа Ольшевского более 20 стихотворных сборников, часть вышла в Москве. В каждой книжке была его фотография. Мой рассказ – о самом первом обнародованном его фото.

Оно было помещено на доске-плакате «Они позорят наш город» в Соборном парке в Одессе. В то время по улицам наших городов расхаживали так называемые комсомольские патрули и зорко следили за всем, что, с их точки зрения, нарушало общественный порядок. Порядок нарушала, прежде всего, молодежная мода. То молодежь носила брюки клеши, то брюки-дудочки. Комсомольцы задерживали клешников, отводили их в свой штаб, расположенный обычно в подвале домоуправления, строго и осуждающе на них смотрели, читали блистающие правотой нотации, а потом… вырезали большими ножницами клин в клешах. У дудочников («дудки» бывали так узки (о мода!), что надевать из приходилось, намылив предварительно пятки) брюки распарывали и в таком виде их носителей выпускали на улицу. Некоторых «нарушителей» фотографировали, чтобы вывесить их фото на доске позора. Так было, ребята, такое интересное мы переживали время.

Общесоюзный сатирический журнал «Крокодил» работал тогда на уровне этих комсомольских патрулей, высмеивая стиляг, – сколько было карикатур, сколько было написано стихов по их адресу!

В Одессе было еще вот что. Моряки, побывав в загранке, привозили оттуда всяческие – у нас экзотические – шмотки и втридорога ими торговали. Джинсы, рубашки, куртки, даже носки. Рудос – имею право назвать его так: был с ним дружен много лет, да и так его прозывали в Одессе – каким-то образом достал куртку из, кажется, Гонконга, во всю ее спину был вышит яркий-яркий скалящийся тигр. И носился в этой куртке по Дерибасовской и улице Советской Армии, где жил, привлекая к себе чуть ли не все взгляды –

а что еще нужно 16-17-летнему юнцу! Впрочем, известен он был не только курткой: Рудик писал тогда стихи и читал их каждому новому знакомому, завлекая его в первый попавшийся подъезд.

Тогда в моде был Ив Монтан, песенки его знали и напевали все. И Рудик сделал одесским его шансон «Парижские бульвары»: «Как я люблю в вечерний час / По нашей Дерибасовской пройтись хотя бы раз, / Там много пищи есть для глаз – / Одесские бродяги, планакеши и стиляги…».

Картинка!

Планакеши и стиляги в наше время нужно уже переводить. Планакеш – курильщик плана, планчика, анаши-марихуаны; стиляга – супермодно одетый молодой человек: длинный пиджак джерси, южноамериканский галстук, брюки-дудочки с высокими манжетами, кок на голове, туфли на «бутербродах». Стиляг отлавливали на улицах, как сбежавших из клеток шимпанзе, и отводили в подвал.

Понятно, что и яркую куртку Рудоса заметил патруль. Его перехватили на бегу, и он оказался перед строгими взглядами комсомольского штаба.

К фотографии стиляги Рудольфа Гольдфельда (настоящая фамилия поэта), наклеенной на доске позора в центре Одессы, Рудик приводил всех своих друзей и приятелей, чтобы похвастаться «дебютом». Под ней был помещен комсомольский текст, вот его кусочек: «На наш вопрос, почему он ходит по городу в такой попугайской куртке явно зарубежного происхождения, хулиган Р. Гольдфельд нагло ответил: «Потому что она мне нравится!» Каков!.. Спрашивается, чего хорошего мы можем ждать от такого любителя прозападного тлетворного образа жизни?!».

Ольшевский написал много хороших стихов, над одним из них я, помню, услыхав строчку, прослезился.

Просто покалякать о том о сем с Рудиком было сложно: он в любую встречу обрушивал на меня свои последние стихи. Впрочем, он всегда и со всеми этим занимался. Таковы многие поэты.

И все же иногда удавалось отвлечь Р. от декламации – но речь и тогда шла о стихах. Как-то я заговорил о Светлове: вспомнилась то ли его шутка, то ли его строчка. Р. ответил на это имя категорично и свысока: комсомольский поэт! Он их не признавал.

Тут я скажу, что нелюбовь к комсомольским поэтам – Безыменскому, Светлову («Комсомол – ты мое начальство! Обожаю тебя и боюсь!..»), Жарову, Уткину – привили ему московские мэтры, которые, наезжая в Кишинев, гостевали у него.

Ладно.

Была у меня с Р. очередная встреча у него дома. Я выслушал очередную порцию последних стихов, назвал понравившиеся образы и предложил на пробу некие четыре строчки. Он согласился, и я прочитал:

…В вечность поплывет мое лицо,
Ни на что, ни на кого не глядя,
Чей-то мальчик выйдет на крыльцо,
– До свиданья! – крикнет. – До свиданья, дядя!

– Ох ты! – сказал Рудька. – Это кто?

– Светлов, – ответил я. – Последняя строфа стихотворения.

Рудос умер как поэт, в небольшом зале Бостона, на сцене у микрофона, читая стихи. Вдруг повалился… Инсульт. Гипертония доконала его.

И вот одно из последних стихотворений Ольшевского.

Одиночество

И спокойней живется, и проще,
Приближается возраст беды.
Пустота опадающей рощи,
Одиночество стылой воды.
Что случилось с травой придорожной,
С рыбой, выбравшей тень камыша?
И во мне, и во всем осторожней
И отчаянней стала душа.
И легко одному, и тревожно.
Ветер. Солнечный свет. Синева.
Время необитаемо. Можно
Забывать постепенно слова.

С точки зрения с-техни-спихни…

День был и солнечный, и безветренный, но с какой-то мерзостью, с какой-то подляной за пазухой. Да, да, было в этом дне еще что-то кроме температуры, атмосферного давления и влажности (магнитной бури не обещали, я проверил по компьютеру). Еще что-то бывает, кажется, в дне, какая-то химия, какое-то вкрапление – и ты, в него, в этот день, помещенный, как сухарик в стакан чая, размокаешь и разнюниваешься.

Хотя вполне возможно, что вся эта мерзкая химия произошла в моем собственном внутреннем растворе, подогретом, как известно, до 36,8 градусов.

Ну-ка попробуем ее одолеть. Вот что у меня есть в запасе для этого.

Жил-был в Одессе обыкновенный одессит Валера Кузнецов, в миру Вассерман, суржик, полукровка то есть. Акробат-спортсмен (мастер спорта). Цирковой акробат-эксцентрик (два года мотался с цирком по Союзу). Матрос на сухогрузе, за сачковитость снятый в Порт-Саиде, откуда был отправлен за счет пароходства домой. Некоторое время анашист (анаша – «травка», дурь). Ресторанный тапер. Композитор-песенник, пишущий музыку на слова непризнанных одесских поэтов. Дрессировщик львов и медведей в зоопарке (один медведь вышел из подчинения, дрессировщики его забили и съели; я случайно попал на пирушку и впервые отведал медвежатины). Парусник, владелец парусного дубка, избороздил на нем Черное море; потом дубок за нарушение правил судовой роли у разгильдяя от природы Кузнецова-Вассермана отняли пограничники. Валера, заболев парусами, в наше время стал наемным капитаном яхт у «новых русских». (Все это в одном человеке!) Просидел полтора года заключенным в тюрьме в Сиракузах за «попытку провоза мигрантов» (мигрантами занимался, естественно, «новый», но винил, естественно, своего капитана, суд разобрался в ситуации – и Валера уже на свободе, в родимой Одессе).

В свои лучшие времена кипучий Валера был знатоком трех жаргонов: староодесского (Молдаванка, Пересыпь), музыкантов-лабухов и планакешей, он из трех сделал один, яркий, как праздничный салют, и послушать этого талантливого человека (бородатый, в тельнике, сидит на корме дубка, в одной руке рум-

пель, в другой шкот от фока, чуть что ржет, широчайше раскрывая пасть…), послушать его приезжали литераторы из Москвы и Ленинграда, и ничего лучшего за свою жизнь они, сидя на банке в дубке, не видывали и не слыхивали.

– С точки зрения с-техни-спихни-с-толкалогической… – начинал, гнусавя по-наркомански, Валера свои рассказы о каком-то из своих приключений…

Откуда столько всего в человеке? От одной лишь сшибки русской и еврейской кровей? Есть у меня предположение, есть…

Валерин дом в Одессе стоял почти рядом с улицей Красной Армии (в старину и ныне Преображенской), напротив сильно разбитого в войну Дома офицеров. Сколько я его помню, здание не ремонтировали (не было, видимо, таких средств), окна его были заколочены, и само оно обнесено забором. Валера чему-то кстати рассказал мне, что после войны они, пацаны, пробирались внутрь и лазили там, находя интересные для себя вещи вроде ржавого нагана или даже маузера. Проникли в полузасыпанный обломками камня подвал и обнаружили там остатки военного музея. А среди оставшихся в целости экспонатов музея увидели пыльную стеклянную банку, плотно закупоренную и опечатанную. В бутыли плескалась какая-то жидкость и что-то там неопределенное плавало… Пацаны прочитали наклейку: «Сердце бессмертного героя Гражданской войны А.Я. Пархоменко». Открыли – пахнуло спиртом…

Я, услышав это, слегка обмер.

– Ну и что вы с сердцем сделали?

– Выбросили, – ответил безмятежный тогда Валера, – а спирт выпили.

А теперь скажите мне: если бы вы, зная неуемный, атакующий все и вся характер Валеры и ломая голову над отгадкой его, характера, начала, над его потаенными глубинами, услыхали вовремя эту историю – разве б не подумали случайной мыслью, что настойка на сердце отважного кавалериста раз и навсегда опьянила жизнь нашего одессита?

Друг его с детства, поэт N, опубликовавший с дюжину книжек там и сям, говоря о Валере, посетовал как-то, что безусловно талантливый этот человек не состоялся. Я думаю, что поэт этот, проведший жизнь над листом бумаги, многое упустил,

а уж Валера-то жил как хотел, и кайфы он ловил, ходя, к примеру, под парусом на своем дубке и переживая с лихой командой страшнейшие штормы, а после, пьянствуя на берегу в поселке Новый Свет, – во сто крат большие.

И влюблен он был, будучи уже женатым (кто не грешен, бросьте в него – или в меня – камень), в одну верхнюю акробатку, которая лепила в свете лунного луча мостик на перевернутой шлюпке, а он, сидя на песке, смотрел, очарованный.

И песни его исполнялись на эстраде.

И Высоцкому он аккомпанировал в ресторане.

И плакал над второй частью 23 концерта Моцарта.

И выбирал в жизни только то, что было ему «в цвет», а на другое – плевал, за что Станислав Рассадин, тоже внимавший Валериным перлам, сказал о нем: «Это человек, который сделал из своих хобби профессию».

Вспомнил я, слава богу, Валеру, бородатого, в тельнике, сидящего на корме дубка, ржущего чему-то, Валеру, неудержимо атакующего всякую сулящую ему радость вещь, и понял, что с его помощью родилось во мне уже не настроение, а *настромление* – дивное это слово, однажды мной услышанное, состоит из *настроения* и *устремления*. И вспомнил я совсем уж развеселые моменты жизни Вассермана-Кузнецова.

Сценка, картинка и балет

Валера играл на фортепиано и на гитаре и сочинял музыку на стихи – и к нему толпой валили поэты. И домой, и в бывшую синагогу, где при советской власти сделали спортзал и где Валера репетировал с напарником будущий цирковой номер.

Напарник Валеры был тоже интересен. Его звали Виля Гиличинский. Крупный тридцатилетний мужик. Он отсидел шесть лет в лагере за групповой грабеж и вышел оттуда с прозвищем Пантера и неплохим знанием английского языка, потому что его соседом по нарам был английский шпион. Виля курил планчик и иногда ширялся на малине на Мясоедовской (после – Шолом-Алейхема). Валера тогда тоже покуривал, на этом они и сошлись.

У Валеры было золотое сердце, он задумал спасти Вилю от наркомании и решил приспособить к делу. Бывший эквилибрист сочинил цирковой номер, где будет задействован и Виля Пантера, тоже играющий на гитаре.

Они этот номер репетировали уже с неделю, я заглянул тогда в спортзал, проведать Валеру. Оба, помню, были в трениках с обвисшими коленями и майках; в перерывах, сидя на матах, Валера читал стихи одесских поэтов и говорил кому-то: «С точки зрения с-техни-спихни-с-толкалогической, образов у тебя в стихах нет».

А Виля покрикивал им из своего уголочка: «We live in the country of the slaves! Откуда, салажата, произошло всенародное слово «хавать»? Где вам знать, сосунки! Я вам про это скажу! От английского глагола «to have». Вот учит меня сосед-диверсант с нижней шконки: скажи, мол, «I have my dinner». Я говорю: «Ну, это… хэв я, значит, мою баланду. Хэв или хав? Непонятно…» «I have! – он сердится. – Пишется по-русски хавэ! И какая баланда? Dinner! – он кричит. – Dinner! Dinner!» Я ему в ответ: «Хавэ, а я что говорю? Хаваю, если по-русски. А на обед у нас не стейк, пентагоновский ты хмырь, не диннер, а как раз баланда В общем, все лажа, ребятишки, главное – не забыть вовремя зашабить!»

Этого номера так никто и не видел – только я, он был уникален, но в первобытном своем варианте, а не в том, каким он бы выглядел в цирке. В цирке он бы выглядел просто: шикарные костюмы, отрепетированные до блеска движения, продажа…

Зрелищем я должен поделиться.

Номер я увидел такой… Партнеры стояли голова в голову: то есть Валера держался в стойке на голове на макушке (через бублик) напарника и балансировал ногами. Верхнего поддерживала лонжа (на конце лонжи висела, тоже болтая ногами, беременная его жена Валюха), но все равно от Валериной тяжести планакеша. Вилю перекосило – скажем, как резиновую куклу…

Вилина рожа, и без того дьявольская, разъехалась, как пластилиновая, и ходила вдобавок от непривычного

напряжения ходуном, а глазами он ворочал, будто его поджаривали на костре. Валеру на таком шатком нижнем, понятно, мотало.

Мало того, оба циркача держали гитары, били кое-как по струнам и пели гнусавыми, как полагалось тогдашним наркоманам, голосами первую попавшуюся по руку песню, наверняка Вилину:

Когда я чалился на зоне,
Где ветер режет, как монгол…

Минута… другая… Я тогда понял, что второго такого зрелища за свою жизнь больше не увижу.

Это было, верно, то, что должно было стать цирковым номером, и были бы аплодисменты… но что делать – наверно, искусство (книжные страницы, холсты художников, скульптуры, даже музыка) иногда так и рождается – в страшных и порой уродливых муках, у которых нет даже свидетелей.

Минута… другая… Валюха не выдержала и отпустила конец лонжи – пирамида посыпалась: Валера рухнул на пол, держа гитару над собой, Виля сел… Помотал головой.

– Вы что, ребята, – сказал, – это же slave's work! Пора хватануть дури, есть у меня заначенный баш.

Циркового номера у этой пары не получилось – Виля зачастил на малину на Мясоедовской, где снабжали дурью, и спортивную форму окончательно потерял, Валюха родила, начались пеленки…

Это сценка, но есть и картинка. На этот раз героем ее будет тот же Виля, Пантера.

На Дерибасовскую он часто выходил франтом. То он был в наряде гусара, только без сабли. То появлялся в костюме пушкинского Онегина. Денди с Невского проспекта, он шествовал важно, время от времени поднимая руку в лайковой перчатке к боливару или плутовски подмигивая кому-то из знакомых… И дань восхищения взглядами и жестами – выражусь пышно – щедро падала к его стопам! Дерибасовскую трудно удивить, но на этот раз она и пялилась на франта

во все глаза и дивилась: откуда, мол, такая роскошь у бывшего зека и безработного наркомана?

Отгадку знали не все, но она была проста. Мать Вили Пантеры работала костюмершей в оперном, сын наряжался у нее. Под клятву – зуб даю! – что к ночи костюм вернет, он наряжался и выходил «в свет».

Некоторое время Виля, снимая лавры на Дерибасовской, костюмы все-таки возвращал, но однажды оставил очередной на малине по случаю ломки за дозу ширева, и его лафа кончилась. Он снова стал заурядным анашистом.

…Однажды мы встретились с ним в оперном. Должен был начаться балет «Пер Гюнт», я похаживал в круговом вестибюле театра и заметил дьявольскую рожу Пантеры, высунувшуюся из мужского туалета. Он вовсю сигналил мне глазами (огромные белки), подзывая к себе. Я зашел, Виля обкурил меня солидной дозой планчика… и никогда больше я не видел более потрясающего балета, где Сольвейг, волшебная Ирина Михайличенко, творила чудеса каждым своим движением, а Эдвард Григ казался мне лучшим композитором мира! Ту музыку – всю! – я помню до сих пор… Как и дьявольскую рожу Вили Пантеры, выглядывавшую из мужского туалета.

Вот пояснение словечек в тексте, может быть, не знакомых читателю.

Суржик – человек смешанных кровей. Планакеш – курильщик анаши, планчика. Шабить – курить «травку». Ширяться – колоться наркотиком. Продажа – раскланивание циркового артиста после окончания номера. Бублик – сшитый в форме бублика матерчатый, туго набитый ватой «буфер» на голове нижнего акробата. Лонжа – страховочный и тренировочный пояс у гимнастов и циркачей. Баш – одноразовая порция анаши, скатанной в шарик. Дурь – анаша. На Мясоедовской была хата, хаза, где можно было получить любой наркотик или ширануться.

…А последним приключением эксцентричного Валеры стало то, что он начал писать замечательные рассказы и публиковать их под фамилией Кузнецов. Вот и приходится судить о человеке «с точки зрения с-техни-спихни-с-толкалогической»!

Капельное орошение

Мне везло на необычных и замечательных в чем-то людей – то я их находил-выбирал, то они меня. Должно быть, и я им подходил: они не стеснялись показаться мне в своей необычности.

«Вселенная знает, как будет лучше. Рано или поздно она сведет нас с нужными людьми и разведет с ненужными». Будда.

Я, тренер по вольной борьбе в обществе «Динамо», поселился тогда у моего ученика. Шестнадцатилетний юнец жил в двухкомнатной квартире один, и вот почему. Отец его, часовой мастер, был расстрелян как валютчик (переводил советские деньги в доллары), мать как соучастницу преступления надолго посадили, бабушка умерла, когда в дом пришли с обыском. Стены квартиры были везде просверлены – органы искали бриллианты. Газ был отключен за неуплату…

Даня Шахов жил через три дома от моего «хозяина», соседи были знакомы, как-то общались. Мой ученик, встретив Шахова, рассказал, что у него живет его тренер. Даня, сам занимавшийся года три назад борьбой, решил со мной познакомиться. Мы встретились и законтачили. Связывало нас на то время две вещи – общий год рождения и принадлежность к одному виду спорта. Нет, ежели честно, – три. Бабы. Даня был небольшого роста, очкарик, картавил, да и не красавец; ясно, что волновало ум: женский ответ на его, Шахова, приближение, на его картавость. Очень скоро мы с ним углубились в бесконечную тему отношений полов…

Как-то, по-соседски зайдя ко мне, он увидел на моем столе стопку бумаги и рукописный текст на первом листе. Прочитал. Поднял на меня остекленный очками взгляд.

– Вот это лишнее, – показал на первый объемистый абзац. – Начинать лучше с этой строки, – показал ее. И тут же переключился – начался тот, близкий нам обоим, двадцатисемилетним, разговор.

Шахов говорил и говорил, а я не мог дождаться, когда он уйдет: мне нужно было побыстрей понять, почему первый абзац лишний, и что там за строка, с которой нужно начинать рассказ.

После рассказ был опубликован, он начинался отмеченной Даней строкой: «Наша батарея стоит над обрывом, четыре 130-мм пушки»…

Шахов слыл в городе абстракционистом. Так его звали в горкоме партии, в том отделе, который отвечал за воспитание подрастающего поколения. Сам себя, впрочем, он видел драматургом.

Что такое абстракционист в то время? К нему тогда ходили все начинающие поэты, художники, сценаристы, прозаики. Они приносили свои работы и показывали Шахову. Даня читал тексты или смотрел на картину – и вот он поднимал на поэта ледяные очки и говорил… Нет, он не говорил, он чеканил, как чеканят монету:

– Ну и что?

Это значило, что в работе нет ничего нового, оригинального, а искусство, он говорил потом, оно как физика: в нем можно только открывать. Его «Ну и что?» плюс ледяные очки знала вся Одесса…

Или он говорил:

– А что?.. Это… – тут Даня снимал очки и протирал глаза.

Шахов был тогда самый большой культурный авторитет в Одессе. Его вызывали в горком и спрашивали:

– На что вы толкаете молодежь? На какие такие открытия? На тлетворный западный абстракционизьм?

Тогда в партийных кругах было модно произносить это слово с мягким знаком – как Хрущев.

Даня Шахов картавил. Он отвечал:

– Какой абстъакционизм? Ъебята ищут! Одни находят, дъугие нет. Я им помогаю опъеделиться.

– Вы бы лучше помогали нам, – говорили в горкоме. – Хотя мы уже давно и навсегда определились. А их и так найдут…

Случилось наконец и со мной – я написал первое стихотворение. Кому показать? Даньке! Я осмелился и прочитал ему стих. Авторитет выслушал до конца, поднял на меня глаза за ледышками очков (стекла могли быть холодными и теплыми) и произнес то знаменитое, чем он часто оценивал приносимые ему работы:

– Ну и что?

Трам-тарарам! Я что-то невнятное забормотал, бумагу со стихотворением поскорей спрятал (потом выбросил), перевел разговор на никчемную бытовуху. Краткая оценка моего дебюта

показалась мне исчерпывающей. За всю свою жизнь я написал, может быть, всего пяток стихотворений, и то с оглядкой на Данькино – нет, скорее, на главное в творчестве мерило: «Ну и что?».

И вот в стране произошло наконец то, чего все ждали и не могли дождаться, и даже не верили, что дождутся: коммунисты кончились. Они и так сильно задержались. В последнее время их знали только через анекдоты.

И новой власти оказался нужен наш Даня Шахов! Ей вдруг понадобился абстракционист! Для связи с молодежью. Кто еще поймет молодежь, наверно, думали они, как не абстракционист, и кого еще будет слушать молодежь, как не абстракциониста!

На этот раз власть не ошиблась. Через какое-то время прежде гонимый Шахов уже ведал всякими шоу, устраивал концерты, приглашал знаменитостей. Он ведал телевизионной компанией! Он завел собственное дело! Нынешняя власть вставала, когда он входил к ней в кабинет.

– Давид Маркович, – спрашивала власть, – а как мы проведем в Одессе этот праздник?

Давид Маркович садился и рассказывал, а начальство только кивало.

У Дани Шахова есть фотография, где он снят с патриархом Алексием! Они жмут друг другу руки. «Кто это рядом с Шаховым?» – спрашивали в Одессе.

Как-то Дан привел меня в литобъединение, что располагалось в доме, где жил когда-то Пушкин, на втором этаже. Я увидел пишущую Одессу, молодых людей нашего с Данькой возраста, которые читали с кафедры свои стихи и рассказы, другие поднимались на нее разбирать и критиковать услышанное.

Помню, какой гул пронесся по помещению, когда один из взобравшихся на кафедру начал свой рассказ фразой: «В комнате царил таинственный полумрак…».

И помню воцарившееся в аудитории зачарованное молчание, когда один парень из порта, исподлобья глянув на аудиторию (зубастые одесситы, только что безжалостно осмеявшие коллегу), повел рассказ так:

– Лошадь была.

Пауза, взгляд в зал.

– Белая…

Снова пауза.

– Суставы ног у нее были уже опухшие, и копыта потрескались, короче – пожила. Поработала.

Пауза, зал насторожился, слушая.

– Ходила лошадь уже трудно… Но была у нее радость – жеребенок. Тоже белый…

Одесситы осторожно переглядываются, но молчание абсолютное: простые слова, новый ритм прозы.

Скажу, чем занимался в отношении меня, недавнего матроса и спортсмена, Даня Шахов, – капельным, похоже, орошением. Этот термин я применяю, вспоминая школу, какую я получал в Одессе.

Следующий – запомнившийся – шаг моего друга был еще интереснее – он купил мне билет на концерт блиставшего тогда Вячеслава Сомова, читавшего в тот год так называемую «западноевропейскую поэзию», к которой относились Витезслав Незвал, Альберти, Пабло Неруда, Лорка…

…Он вышел на сцену быстрым шагом, с каким-то вызовом в каждом движении, с опасным, как мне показалось, блеском глаз; сейчас его можно объяснить: это был вызов тогдашней цензуре, не допускавшей мировой поэзии в советские залы.

– Огромен этот дом – отсутствие мое… – звучала строка Пабло Неруды, заставляя замирать сердца от безмерности образа.

Потом по просьбе публики Сомов прочитал есенинское «Письмо к женщине», и я понял, что совершенно не знаю этого стихотворения, что слышу его впервые, хотя читал «Письмо…» не раз и не два.

Прошло проверочное время, Шахов понял, что со мной можно откровенничать не только «о бабах». И однажды, движимый уж не знаю какой мыслью, он рассказал…

…Что был он в 1950 году летом по каким-то делам в России, сидел, семнадцатилетний юнец, на вокзальных ступеньках в небольшом городке (пусть будет Серпухов), ждал поезда, который опаздывал вот уже на два часа. Всего пять лет после окончания

войны, виды вокруг – аховые. Обшарпанные, со следами пуль и снарядов стены вокзала, огромная лужа на площади, в ней отражается разрушенная, без куполов, снесенных войной, покосившаяся церковь, домишки по обе стороны храма, безногий инвалид в рванине катит на коляске с колесиками-подшипниками прямо перед ним… Неумолчное тарахтение вокзального радио прерывается торжественным голосом диктора:

– …новая работа И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», опубликованная в сегодняшнем номере газеты «Правда», – очередной ценнейший вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма, в диалектический и исторический материализм. И.В. Сталин, гениально обобщая всю историю развития общества… дает законченное понятие о надстройке… о классах и классовой борьбе… В своей работе вождь подверг сокрушительной критике «новое учение о языке» академика Николая Марра, которое на протяжении двух десятилетий господствовало в СССР, и поставил точку в дискуссии относительно марризма…

Слова диктора прямо накладывались на то, что видел перед собой Даня, на лужу перед ним, на разрушенную церковь и бедные домишки, на безногого, катившего ниоткуда в никуда…

– И я вдруг подумал тогда, – говорил мне Даня, – неожиданно подумал, меня как стукнуло: что в этом нелепом мире я должен быть умным, очень умным…

Павел Козленко

Судьба режиссера

Наконец-то я выбрал время и прочитал подаренный Михаилом Пойзнером двухтомник «Зеленый фургон» и весь Александр Козачинский». Проделана огромная работа. Письма, рукописи, фотографии, документы и много всего интересного и уникального. А ведь первый фильм по одноименному роману Козачинского «Зеленый фургон» был снят в 1959 г. в Одессе режиссером Генрихом Габаем, человеком сложной судьбы. И мало кто знает, что он в годы Второй мировой войны был тяжело ранен и попал в немецкий плен при освобождении города Балты и территории Одесской области от нацистов.

Генрих Габай. Афины. 1927 г.

Родился будущий режиссер 6 октября 1924 года в Афинах, где его отец Саул Давидович работал в торгпредстве СССР. Здесь же и прошли детские годы Генриха, или, как его называли близкие, Генички.

После возвращения в Москву семья проживала в доме № 77 по ул. Осипенко, отец работал в школе. К началу войны Генрих успел окончить десять классов, и все эти годы

Генрих Габай с родителями

увлекался спортом. В июле 1941 года отца призвали в ополчение, а Генрих поступил в летную школу. Уже через пять дней после начала войны в СССР был создан Совет по эвакуации, который определял порядок перемещения на восток фабрик, заводов, театров и вузов, а также населения. С августа 1941 по январь 1942 года основной поток эвакуированного населения, в том числе и из Москвы, был направлен в Казахстан. Саул Давидович Габай с женой и сыном оказался в эвакуации в Алма-Ате. Первым на фронт в начале 1942 г. ушел Саул Давидович. Он прослужил до февраля 1946 г., получил медаль «За оборону Кавказа» и дошел до Японии. После войны проживал в Баку, где и умер 31 июля 1973 г.

Генриха призвали в армию 17 октября 1942 года воздушным стрелком-радистом. О мужестве и героизме Генриха Сауловича мы узнаем из рапорта командира 160 гвардейского бомбардировочного авиационного полка 8-й гвардейской бомбардировочной авиационной Черкасской Краснознаменной дивизии гвардии полковника Лущева:

«За период пребывания на фронтах Отечественной войны в составе экипажа самолета Пе-2, произвел 17 успешных боевых вылетов на уничтожение живой силы и техники противника, 6 из них на разведку войск противника и «охоту». При выполнении боевых заданий показал себя отличным специалистом связи и бесстрашным воздушным бойцом.

30.11.1943 года в составе экипажа-разведчика тов. Габай первый раз полетел на боевое задание в район Черкассы. При подходе к цели экипаж был атакован 10-ю истребителями противника

типа Ме-109. Тов. Габай не растерялся, а смело и решительно отражал атаки до тех пор, пока самолет скрылся в облака.

20.03.1944 года, выполняя боевое задание в экипаже разведчика, был атакован 2 истребителями типа Ме-109. Храбро и мужественно отражая атаки, тов. Габай метким огнем своего пулемета подбил один из них, тем самым предотвратил последующие атаки и дал возможность экипажу спокойно выполнить задание.

25.03.1944 года, выполняя боевое задание в экипаже «охотника» в районе Балта (г. Балта Одесской области), самолет был атакован 3-мя истребителями противника типа ФВ-190. Тов. Габай, смело и решительно отражая атаки, метким огнем своего пулемета сбил одного истребителя. 2 других истребителя продолжали атаковать самолет и тяжело ранили тов. Габай (выбит левый глаз и более 5 ранений в руки и ноги). Воспользовавшись отсутствием противодействия с борта «охотника», 2-а других истребителя подбили самолет «охотника», и летчик, видя безнадежность тянуть на свою территорию ввиду большого расстояния от линии

В начале войны

В 1945 г.

фронта, приземлился на фюзеляж на территории противника. Экипаж попал в немецкий плен.

За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецкими захватчиками, за 17 успешных боевых вылетов, из них 6 на разведку, за сбитый истребитель противника достоин награждения орденом Отечественной войны 1 степени».

Но первую степень не дадут. Генерал-майор авиации Полбин решил, что ордена Отечественной войны 2 степени достаточно, и наложил резолюцию: «Согласен. Награждаю орденом Отечественной войны 2 ст.».

Генрих Саулович Габай находился в немецком госпитале для военнопленных, и после выздоровления ему удалось бежать. Вернувшись в расположение советских воинских частей, он не попал в штрафбат по состоянию здоровья. А 25 января 1945 года был комиссован из армии по инвалидности и отправлен по месту предвоенной прописки в Москву в распоряжение Мосгорвоенкомата.

Мать Генриха умерла очень рано, и его большим другом и советчиком была родная тетя Рахиль.

В 1946 г. он поступил на режиссерский факультете ВГИКа (мастерская И.А. Савченко). Курс Габая считается одним из наиболее успешных за всю историю вуза. В режиссерской мастерской Игоря Савченко Габай учился вместе с Сергеем Параджановым, Марленом Хуциевым, Григорием Мелик-Авакяном, Юрием Озеровым, Александром Аловым, Владимиром Наумовым, Феликсом Миронером, Алексеем Кореневым – будущими мэтрами советского кино. Во время учебы работал ассистентом режиссера на Киевской киностудии, где Игорь Савченко снимал «Тараса Шевченко», работал на Одесской киностудии (1950-е годы) и «Мосфильме» (1960-1970-е годы).

В период работы на Одесской киностудии Генрих Саулович в игровом кино дебютировал фильмом «Капитан «Старой черепахи» по одноименной повести Льва Линькова, а по сценарию Григория Колтунова снял первую экранизацию романа А. Козачинского «Зеленый фургон». По опросу журнала «Советский экран» этот фильм вошел в пятерку лучших художественных фильмов 1960 года.

Генрих Габай на Одесской киностудии. 1950-е годы

Директор Музея кино Одесского отделения СК Украины Вадим Костроменко вспоминал: «Был такой режиссер – Генрих Саулович Габай, в прошлом фронтовой летчик. За три дня до освобождения Одессы его сбили немцы. Генрих успел выпрыгнуть с парашютом и приземлился на окраине города… В результате того ранения он потерял глаз и вынужден был, как пират, носить черную повязку, но это не мешало ему пользоваться сумасшедшим успехом у девчонок. Окончил ВГИК, приехал в Одессу и стал снимать свою первую самостоятельную картину – «Зеленый фургон». Мы все тогда жили в общежитии, тесно общались, показывали друг другу отснятый материал и видели, что у Гены, как мы его по-свойски называли, получается потрясающее кино. Наконец фильм был закончен. Худсовет киностудии принял его на ура. А дальше предстояло показывать картину в Министерстве культуры. Но так совпало, что как раз в это время министр культуры отдыхал в Одессе. И его пригласили на просмотр фильма, чем, кстати, он был очень недоволен. Фамилию называть не буду, ведь у этого человека наверняка есть дети, внуки. Так вот, приехал он на просмотр очень раздраженный, злой. Сел в зале, а мы все, в том числе и Гена, стоим под дверью. Слышим, музыка стихла, выходит министр и говорит: «Кіна нема. Хто дозволив сміятися над першими роками радянської міліції?!». Директор в ужасе (если картину не примут, расходы на нее не окупятся, и студия сядет на просрочку), побежал за министром и стал его умолять: «Пожалуйста, скажите: что нужно исправить?». Тот милостиво согласился внести поправки и потом в течение пяти дней приезжал на студию в пижаме (!), садился в монтажной и давал указания: «Це викинути, а це скоротити». В конце концов акт приемки фильма он подписал, но распорядился: выпустить картину малым тиражом и демонстрировать только в клубах, а Габаю – запретить работать режиссером в Украине».

Генрих Саулович вернулся в Москву, в 1962 году женился на дочери актера Сергея Мартинсона Анне. Девушка работала художником-декоратором в театре и художником по костюмам в театре и кино («Мосфильм»). Была художником в фильмах «Ка-

Генрих Габай с дочерьми. Москва

ток и скрипка» Тарковского и «Пес Барбос и необычный кросс» Гайдая, а также в фильмах режиссера Габая. В семье родилась двойня: дочери Екатерина и Татьяна. Семья проживала возле станции метро Аэропорт. В московской квартире Генриха Сауловича бывали Александр Галич, Сергей Параджанов, Владимир Наумов и Эльдар Рязанов.

На Московской киностудии Габай снял фильмы «49 дней» (1962), «Именем революции» (1963), «Лебедев против Лебедева» (1965), «Мотря» (1969), а также 11 новелл для сатирического киножурнала «Фитиль». Перед отъездом успел поставить еще два полнометражных фильма – «Время счастливых находок» по Фазилю Искандеру и «Без трех минут ровно».

Благодаря Евгению Берковичу (издатель журналов «Семь искусств», «Заметки по еврейской истории» и др.) я познакомился с семьей Генриха Габая.

На съемках фильма «Зеленый фургон». Одесса. 1959.

Александр Баршай в статье «Габай – Баршай – Мартинсон» писал: «Долгое время чиновники в Госкино считали фамилию Габай украинской и позволяли режиссеру относительно спокойно работать. Но когда поняли, что их «обманули», Генриха стали прижимать и давить так, что он вынужден был подать документы на выезд в Израиль. И тогда все его фильмы сняли с проката, на имя наложили табу, а самого мастера напрочь лишили какой-либо творческой работы». Последний фильм Генриха Габая, «Без трех минут ровно», вышел в год отъезда из СССР.

В одном из своих интервью Владимир Баршай, сын Анны Мартинсон от первого брака, вспоминал: «Родители сначала поехали в Израиль, потому что в первые годы эмиграции практически все ехали в Израиль. В Израиле Генрих снял документальный фильм для русской духовной миссии,

На съемках фильма «Время счастливых находок». 1969 г. Г. Габай и народный артист Грузинской ССР Георгий Гегечкори

На съемках фильма «49 дней». 1962 г. В главной роли – Владимир Буяновский

но в целом они быстро поняли, что в Израиле с их профессиями себя применить будет довольно сложно. Несколько месяцев спустя они решили ехать в Америку... Приехав в Америку, мы оказались никем, мы никого не знали, родителям приходилось начинать с нуля. Одна из моих сестер стала медсестрой, другая – фотографом... В глубине души у них (Генриха и Анны) все же было некоторое сожаление. Были те, кто на Западе хорошо устраивались, работали

На съемках фильма «Время счастливых находок». 1969 г.

Генрих Габай с женой Татьяной Мартинсон. Нью-Йорк

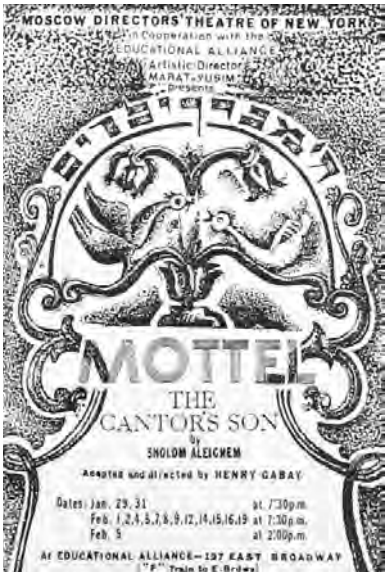
Генрих Саулович с братьями. Нью-Йорк

по профессии, процветали. Но среди творческой интеллигенции их возраста и круга это были скорее единицы. Для большинства отъезд все же означал конец карьеры, часто очень успешной».

В Америку из Израиля Генрих с семьей отправился через Грецию. Он хотел посетить Афины, город, где прошло его детство.

В Америке карьера Генриха Сауловича как талантливого режиссера не сложилась. Эмиграция не принесла ему ни достатка, ни былой славы. Он, конечно, что-то снимал, но это было разово. Проживал он с семьей в Нью-Йорке, в районе Куинс. Хорошо зная английский, преподавал историю искусств в Свято-Сергиевской русской гимназии, где епископом был его приятель. Соседом Генриха Габая по дому был русский писатель и публицист Сергей Довлатов.

В Нью-Йорке проживают два его родных брата – Юрий, по профессии музыкант, и Владимир, по профессии врач. Очень много интересных фактов из биографии Генриха Габая мне рассказал Юрий: «Геничка был замечательный, добрый человек. Мы все его любили, в его доме всегда собиралась интеллигенция. Он очень дружил с Сергеем Параджановым и всегда за него переживал. Участвовал в разного рода протестах ради освобождения своего одногруппника по ВГИКу. В октябре 1988 г. Сергей Иосифович, прибыв в Нью-Йорк в качестве почетного гостя кинофестиваля, был у Генички дома в гостях».



Афиша спектакля «Мотл, сын кантора» по роману Шолом-Алейхема. Постановщик и директор Г. Габай. Нью-Йорк

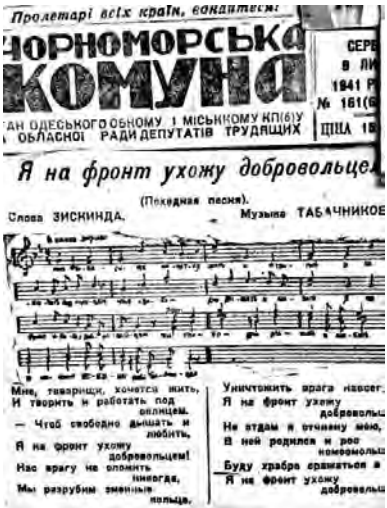
Последние месяцы Генрих Саулович сильно болел – обнаружили онкологическое заболевание. Он умер 20 ноября 2003 г. в Нью-Йорке. Дочери живут в Калифорнии и Флориде. Юрий Саулович Габай и дочка Генриха Габая Татьяна прислали мне очень много интересных фотографий из семейного альбома, посвященных режиссеру.

Анна Сергеевна Мартинсон умерла 26 ноября 2012 г. в Рослине, штат Нью Йорк.

«Когда у нас в музее появится много места (я надеюсь, что это все-таки случится!), – говорил В. Костроменко, – я обязательно сделаю отдельный стенд, посвященный Генриху Габаю. А у стенда хотел бы положить пижаму, о которую будут вытирать ноги все входящие, как владелец той, министерской пижамы вытер ноги о его судьбу».

Евгений Табачников

Как рождались песни


Пролетарі всіх країн, єднайтеся!

ЧОРНОМОРСЬКА КОМУНА

ОБЛАСНОЇ РАДИ ДЕПУТАТІВ ТРУДЯЩИХ

Я на фронт ухожу добровольцем

(Походная песня).

Слова ЗИСКИНДА. Музыка ТАБАЧНИКОВ

Мне, товарищи, хочется жить,
И творить и работать под солнцем.
— Чтоб свободно дышать и любить,
Я на фронт ухожу добровольцем!
Нас врагу не сломить никогда,
Мы разрубим змеиные кольца.

Уничтожить врага навсег
Я на фронт ухожу добровольц
Не отдам я отчизну мою,
В ней родился и рос комсомольц
Буду храбро сражаться в
Я на фронт ухожу добровольц

В первый месяц обороны Одессы композитор М. Табачников создал военную песню, нужную как воздух, написанную вместе с поэтом Я. Зискиндом – другом еще по совместной творческой деятельности на одесской киностудии, где Модест заведовал музыкальной частью. Песню назвали очень просто: «Я на фронт ухожу добровольцем». Отец тоже в первые дни войны ушел на фронт добровольцем… А песню тут же напечатали – 9 июля 1941 года в газете «Чорноморська комуна». Проникновенные строки Я. Зискинда «Мне, товарищи, хочется жить и творить, / И работать под солнцем. / Чтоб свободно дышать и любить, / Я на фронт ухожу добровольцем» были понятны каждому… Позднее поэт и композитор создали несколько популярных песен, среди которых можно выделить «Матросскую гитару» и «Нет, не забудет солдат».

Вернемся к первым месяцам войны, обороне Одессы и отступлению. Композитор был направлен в действующую армию, попал в октябре 1941 года в станице Каменской Ростовской области

И. Френкель и М. Табачников. Ворошиловград. Южный фронт

в штаб политуправления Южного фронта и редакцию газеты «Во славу Родины». Здесь были написаны одни из лучших песен Табачникова – «Давай закурим» (стихи И. Френкеля) и «Одессит Мишка» (стихи В. Дыховичного).

Майор Френкель служил в редакции фронтовой газеты «Во славу Родины», а 28-летний композитор майор Модест Табачников руководил музыкальным ансамблем песни и пляски 2-й гвардейской армии. На репетиции концерта для руководства штаба Южного фронта ответственный за литературно-постановочную часть Илья Френкель предложил новое стихотворение и спросил, возможно ли положить его на музыку. «У меня всегда в запасе было несколько мелодий, и я ответил, что уже есть несколько написанных музыкальных миниатюр и что можно попробовать соединить со стихами одну из них. Проиграв на аккордеоне несколько сочиненных мелодий, нашел вариант, в котором музыка легко соединилась с текстом. При этом попросил поэта непременно упомянуть родную Одессу. Так появилась строчка: «Снова нас Одесса встретит как хозяев, / Звезды черноморья будут нам сиять»… А на следующий день родилась одна

из самых популярных фронтовых песен. Она впервые прозвучала в новогоднюю ночь, с 31 декабря 1941 года на 1 января 1942-го.

А стихотворение «Одессит Мишка» сначала появилось в журнале, так как Владимир Абрамович Дыховичный в 41-м оказался среди моряков – правда, на Северном флоте, где писал и исполнял стихи и прозу, входя в различные фронтовые бригады.

«Стихи мне попали, – рассказывал Модест Табачников, – совершенно случайно. Кто-то из корреспондентов дал почитать свежий номер журнала, и в нем я увидел строки: «Ты одессит, Мишка, а это значит…», а мелодия уже была написана, и появилась песня, сразу ставшая популярной на Южном фронте. Она была о том, что Одесса снова станет нашей, и в нее войдет «усталый батальон…» – это в 41-м году, в 42-м и даже в 43-м году трудно было даже представить… А песня заставляла поверить и сражаться за победу, за Родину».

Эти две песни отца стали быстро набирать популярность не только на Южном фронте, но и во всех наших сражающихся частях. Их пели на передовой и в тылу.

Но вернемся в трудному для нашей армии 1942 году… Летом, после поражения наших войск под Харьковом и сдачи Ростова, Южный фронт подвергся расформированию. Сохранился документ, где на бланке Главного политуправления Красной армии приказано работнику ПУ фронта интенданту 2-го ранга композитору Табачникову направиться в резерв. А вскоре по предложению писателя Владимира Полякова Модест уже в июне, получив новое назначение, начал сочинять музыку для первого спектакля «Веселого десанта», бродячего фронтового театра. Коллектив «Веселого десанта» состоял сначала из девяти актеров. Деятельное участие в его организации приняли журналисты и писатели фронтовой газеты «Во славу Родины».

Отец стал по совместительству концертмейстером и заведующим музыкальной частью «Веселого десанта». Он писал песни, которые тут же подхватывались, передавались на слух и быстро распространялись по стране. Это известные «Одессит Мишка», «Давай закурим», «Песня о Москве», «Песня о Севастополе», «Казачья кириченковская», «Песня о разведчике Балиеве», «Я верю, я жду, я тоскую» и другие. Пока это было возможно, на машине-полуторке, которая имелась в распоряжении «Веселого десанта», возили пианино,

и Табачников сам аккомпанировал артистам. Когда во время одной из переправ с громоздким инструментом пришлось расстаться, Табачников вооружился гитарой и трофейным аккордеоном. Позднее музыкальная часть была усилена профессиональным баянистом и двумя бойцами, игравшими на балалайках и гитарах.

Эмблемой театра предложили сделать раскрытые парашюты, которые приземлялись в самых разных местах: сегодня – у кавалеристов, завтра – у летчиков или в госпиталях. Театр завоевал популярность, его восторгом встречали бойцы на передовой. Концерты с пародиями, песенками, анекдотами, смешными лекциями ждали в частях.

Модест Табачников написал в воспоминаниях: «Я еще много дорог прошел с армией и много увидел, многое запомнил. но одним из ярких воспоминаний у меня о тех военных днях остался наш маленький театрик «Веселый десант», созданный молодыми московскими артистами, ленинградским писателем и композитором-одесситом».

А как же сложилась дальше судьба самых удачных и любимых слушателями песен Модеста Табачникова?

21 февраля 1943 года песня «Давай закурим» впервые прозвучала в исполнении Клавдии Шульженко в ее театрализованной программе «Города-герои» на сцене Московского театра сатиры. И в дальнейшем песня стала всенародно любимой.

А «Мишка-одессит», или «Ты одессит, Мишка», исполнил Леонид Утесов в ноябре 1942 года в киноальманахе «Концерт фронту», посвященном 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Режиссер М. Слуцкий, а сценарный план – А. Каплер. Они среди самых известных артистов театра, кино и эстрады, поставили выступления Утесова в образе матроса Лени в финале как «ударный номер». И не ошиблись. Успех превзошел все ожидания, хотя нужно отметить, что в титрах не указывались авторы произведений. А через полгода джаз-оркестр под управлением Л. Утесова выпустил пластинку «Одессит Мишка», музыка Воловац (?!).

Таким образом, в то время, когда отец находился в действующей армии, оркестровку и аранжировку его песни «Одессит Мишка» для джаз-оркестра сделал дирижер М. Воловац, работавший с Л. Утесовым, присвоив себе авторство песни. Вскоре после того,

как вышел тираж грампластинки, Воловац без скандала покинул оркестр, получив в 1943 году место дирижера в Театре музыкальной комедии, где он в дальнейшем и сотрудничал. Впоследствии композиторы и музыковеды открыто говорили, что это произведение не Воловаца: он сделал множество аранжировок и иногда даже ставил свое имя на пластинку, как, например, для песни «Пара гнедых» для джаз-оркестра Утесова, где он тоже поставил свое имя, но, слава Богу, не как автора романса, а только как аранжировщика. В его таланте дирижера и джазового аранжировщика никто не сомневался, но поставить свое имя в качестве композитора на чужую вещь было, бесспорно, непорядочно.

«Одессит Мишка» – произведение об обороне Одессы, в которой ни Воловац, ни Утесов не принимали участия, а отец там сражался, пройдя весь путь отступления 1941-1942 годов.

Хочу процитировать запись конферансье, режиссера и администратора театра «Веселый десант» Л. Гарфельда «Из фронтового дневника»:

«21 сентября 1942 года. К морякам-пехотинцам. Забираемся в горное ущелье. Дороги нет. Село Большое Псеушхо. Матросы держат оборону в горах. Прикрывают с севера Сухуми и Сочи… Это они, эти моряки, последними уходили из Севастополя. Табачников поет своего «Одессита Мишку». Повально плачут».

В книге «Подвиг актера» (М., 1970) В. Поляков пишет об отце: «Этот рыжий Моня, беззаветно влюбленный в свою родную Одессу, за которую мы сражались на Южном фронте, человек огромнейшей смелости и большого таланта, создал с нашими поэтами немало песен… «Одессит Мишка», «Давай закурим», «Песня о Севастополе», «Ястребки», «Дон мой, Кубань ты моя»… Он сам замечательно исполнял свои песни, восполняя отсутствие вокальных данных глубиной чувств, волнением, вкладывая в исполнение свое трепетное сердце, всю свою душу».

Справедливость в уточнении авторства была восстановлена только спустя годы, так как была борьба с «безродными космополитами». (Лёдик просил Модика не придавать истории излишнего шума. Они написали письмо только в семидесятых годах в тогдашний ВААП.)

В кабинете отца на стене висели фотографии друзей, среди которых почетное место занимал Л. Утесов. На одной из фото-

графий можно было прочитать посвящение, определяющее многолетние дружеские отношения между людьми: «Моему Модику от его Лёдика». Утесов за весь период их творческого содружества исполнил 21 песню, написанную специально для него композитором. Некоторые из них, такие как «Одессит Мишка», «Нет, не забудет солдат», «Одесский порт» и «У Черного моря», стали визитной карточкой исполнителя.

Приходя к нам домой, он первым делом шел к роялю, Модест Табачников садился за инструмент – и начинался импровизированный концерт. И только потом они садились, за накрытый мамой стол с рыбой по-еврейски и фаршированными яйцами.

Отец всегда исполнял «Мишку» в своих авторских концертах. В «Музыкальной энциклопедии», том 6, «Советская энциклопедия», 1982 год, в сборниках и на пластинках стоит фамилия отца. Авторское право подтверждено и в ВААП/РАО, и в Первом музыкальном издательстве. Исполнители, такие как А. Скляр, «Хор Турецкого» и другие, придерживаются закона об охране авторских прав.

Но и сегодня бывают конфликтные ситуации. Так, Петр Налич выпускает альбом «Утесов» с песнями моего отца «У Черного моря» и «Одесский порт», а у песни Модеста Табачникова «Одессит Мишка» стоит имя присвоившего песню аранжировщика. Но нужно отдать П. Наличу должное: когда мы поговорили, и я показал документы, он извинился и исправил весь тираж! Кстати, должен еще отметить, что в моем архиве «Журнал-дневник» отца, датируемый 1946 годом, где под номером 14 его рукой в списке произведений обозначена песня «Мишка-одессит» на слова В. Дыховичного.

Справедливость должна побеждать. Всегда.

Феликс Кохрихт

Танго Алексея Ботвинова

Odessa Classics 7

Речь идет не о том, что президент нашего фестиваля пригласил на танец свою супругу – генерального директора Елену Зазулю, и не о том, что они пополнили ряды поклонников этого танца. Танго. Его суть, его философия (!) показалась мне самым лаконичным и точным символом, когда я задумал по традиции рассказать в сентябрьском номере альманаха об июньском фестивале.

Возвращаясь к публикациям минувших лет, обнаружил, что рассказывал в них о разных составляющих сути личности Алексея. С его юности знал о его таланте инструменталиста – он сполна

реализовался на конкурсах, фестивалях, сольных и оркестровых концертах. Знал о его глубокой убежденности в том, что Одесса не только удержит приобретенные великими предшественниками позиции в мире высокой музыки, но и преумножит их. В этом Ботвинов, уже приобретший международную известность как выдающийся пианист, музыкальный деятель и надежный партнер, убедил не только нас – друзей и единомышленников, но, образно говоря, все сегменты гражданского общества. Ему поверили городские и областные власти, просвещенные деловые круги, общественные формации и, наконец, публика – отечественная и зарубежная.

Помню, как семь лет назад, перед первым фестивалем, отговаривал его от слишком дерзких, по моему разумению, планов. Признаюсь, что после окончания шестого фестиваля, а он, вопреки обстоятельствам карантина и пандемии, оказался единственным в Европе событием подобного толка, убеждал Алексея, что лишь чудо и везение спасло ситуацию, и что в следующий раз это может не повториться…

Евгений Кисин

Эти строки пишутся через несколько дней после триумфального завершения седьмого фестиваля. Собственно говоря, финалов этого многодневного и увлекательного действа было два.

Первый – 11 июня в филармонии, где о высоком духе и смысле фестиваля говорили городские и областные руководители, министр культуры Украины, посол Швейцарии, – и 24 июня. Это был, если вспомнить музыковедческую терминологию, отложенный финал, когда сочинители симфоний приберегают самые сильные средства выражения для полного апофеоза.

Таковым стал концерт в оперном театре пианиста Евгения Кисина – все характеристики его превосходны, я лишь добавлю, что спустя 34 года после нашей первой встречи в Одессе талантливый подросток стал властителем дум и чувств ныне живущего поколения.

Сегодня, когда в штабе фестиваля идет подготовка к восьмому, уже известно, что в нынешнем сентябре в Одессе выступит Литовский национальный симфонический оркестр. Через два дня после окончания фестиваля Алексей Ботвинов и Даниель Хоуп отправились в Германию, где дали восемь концертов и встретились в турне с важными и компетентными лицами. Выяснилось, что в будущем году нас ожидает многое, о чем сегодня я, близкий к Алексею, ничего не подозреваю…

Вот на этом месте, после упоминания фамилии Хоуп, я возвращаюсь к началу этих заметок.

Даниель Хоуп – один из самых известных в мире скрипачей, руководитель нескольких первоклассных оркестров, фестивалей. Он друг Алексея и Одессы. В нынешнем году Хоуп и Цюрихский камерный оркестр трижды выступали на наших фестивальных сценах, и дважды Алексей и Даниель составили дуэт. Дуэт – особый жанр, особый способ и стиль взаимодействия музыкантов. На первый взгляд, если речь идет о, скажем, скрипаче и пианисте, то первый солирует, а второй аккомпанирует, но только не в сонатах и специально созданных произведениях, где обе партии – равные и главные. Игра взаимодействия. Как правило, в полную меру это возможно, если музыканты связаны не только мастерством и привычкой, но и общими помыслами и особым доверием.

Так случается и в мире танго – разумеется, не эстрадно-кабацкого, а высокого, овеянного традициями и кодексом поведения. Сегодня – о тех партнерах Алексея Ботвинова в дуэтах, запомнившихся нам и, уверен, исполнителям.

1. Танго в сумасшедшем доме

В нынешнем году дуэт Даниель Хоуп и Алексей Ботвинов записал в легендарной студии грамзаписи DG диск с произведениями Альфреда Шнитке, ставший одним из топов мирового сезона – 2021. Его долгожданная одесская премьера стала одним из самых ярких событий фестиваля.

Среди произведений Шнитке, которые мы услышали в тот вечер, наиболее значимыми считаются Сюита в старинном стиле и Соната № 1. В первой отразились уникальные

Данель Хоуп и Алексей Ботвинов

возможности композитора, сумевшего органично свести в одном повествовании романтические грезы и восприятие их современным слушателем.

За свою первую сонату молодой Шнитке немало претерпел в далеком нынче 1963 году – в ней тогда увидели (услышали) вопиющие противоречия с соцреализмом. Удивительно, что и сегодня, когда тогдашние новации стали чуть ли не анахронизмами, сочинение Шнитке ничуть не устарело и звучит вполне новаторски.

Ботвинов и Хоуп, вынырнув из гармоничного мира необарокко, апологетом которого был Шнитке, тут же погрузились в его молодую музыку, полную диссонансов и не всегда разрешаемых конфликтов.

Что до меня, то я с нетерпением ожидал, когда же зазвучит шедевр Шнитке – «Танго в сумасшедшем доме». За этим эпатажным названием – томительная и пряная музыка обреченных людей, у которых осталась лишь мимолетная надежда на то, что «счастье было так близко, так возможно…».

И Алексей, и Даниель в расцвете таланта и успеха, сумели это не только почувствовать, но и передать нам и пафос, и иронию танго. А я был готов вернуться в молодость, в годы, когда, только выпустившийся из расформированного Военно-морского медицинского училища, вместо службы на малой подлодке стал фельдшером в неспокойном 4 отделении одесской психбольницы на Слободке. К вечеру затихали обуянные галлюцинациями, затихали, убаюканные уколами, а вот солдатики, проходившие медкомиссию, и молоденькие медсестры, да и матерые санитарки, случалось, затевали танцы…

Включали радиолу и плясали под танго «В парке Чаир», и было это похоже на обычную танцплощадку, куда звали и меня, но я стеснялся, да и побаивался…

Однажды, много лет спустя, навещая заболевшего родича, встретил на больничной аллее одну из тех сестричек, некогда прехорошенькую слободскую барышню. Она ничуть не удивилась, увидев меня лет через тридцать после последней встречи, и деловито спросила: «Ты, Рыженький, сегодня – в ночную смену?». Я покачал головой, но ее и не интересовал мой ответ…

Танго в сумасшедшем доме – он у каждого свой. Ботвинов и Хоуп, которых судьба хранит, а талант оберегает, каким-то образом услышали в музыке Шнитке (а он-то знавал разное) то, что я пережил много лет назад и вспомнил сейчас…

Хоуп и Ботвинов играли в дуэте и в другой вечер, когда состоялась еще одна европейская премьера специально написанного для нашего фестиваля Концерта для скрипки и фортепиано с оркестром.

Автор – увенчанный «Грэмми» и «Оскаром» американец китайского происхождения Тан Дун – дал нашим солистам возможность явить все грани своего дарования и навыки смены ритмов и стилей. Захватывающая музыкальная история, сродни голливудскому фильму хорошего толка, заслужила аплодисменты.

Но я и сегодня жду приглашения на танго…

2. Девиз Рахманинова

Уже во второй раз Ботвинов пригласил к участию в фестивале своего многолетнего друга – писателя Михаила Шишкина. Автор романов, переведенных на многие языки, обладатель главных литературных премий – «Русский Букер», «Большая книга», «Национальный бестселлер» – несколько лет назад вдохновил Алексея на создание спектакля по роману «Письмовник», который он и поставил в Одессе, и был участником сценического действия, играя на рояле музыку Рахманинова.

Судьба и творчество великого композитора легли в основу диалога, который состоялся в Зеленом театре, в фестивальный вечер, счастливо избежавший дождя. Впервые этот спектакль на двоих, этот дуэт был сыгран в Швейцарии, где много лет жил Сергей Рахманинов. И вот еще одна премьера – в нашем городе.

В этот день, 7 июня, музыка и содержание романса Рахманинова на слова Пушкина «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной…» наполнились особым смыслом: ушел из жизни Резо Габриадзе, любимый и в своей стране, и в Одессе…

Вот сейчас, собираясь передать нашим читателям мысли и чувства, владевшие слушателями в это вечер, испытываю вполне естественную трудность. Даже не стану пытаться передавать прозу Михаила Шишкина, оживлявшего радостные, триумфальные, горестные, отчаянные чувства, которые испытал великий композитор за жизнь, пришедшуюся на XX век, «век-волкодав», по горькому определению поэта Мандельштама.

В полную меру величие и трагедию Рахманинова может понять лишь тот, кто способен не только повторить, но и прочувствовать сакральный смысл его девиза: «Сначала – смерть. Потом – жизнь». К пониманию этого трагического парадокса подводит нас писатель.

Многое – главное, важное, исповедальное и тайное – содержится в музыке, которую вдохновенно передавал нам Алексей

Михаил Шишкин и Алексей Ботвинов

Ботвинов. Его творческая судьба с юности связана с Рахманиновым особым, пожалуй, и мистическим образом.

…С моря повеяло прохладой. Зрители покидали Зеленый театр.

После концерта Михаил Шишкин рассказал мне, что Одесса для него – родной город: здесь родилась его мама, здесь в старом доме на Канатной жили его дедушка и бабушка. На следующий день он повел жену и сына знакомиться с малой родиной одесских Шишкиных.

Уже из Швейцарии Михаил прислал мне фотографию, а я жду от него воспоминаний об одесской родне для нашего альманаха.

3. И сумрачный германский гений…

Так Александр Блок много лет назад определил свойства немецкого национального искусства – не фольклора, а высокого, сформировавшегося за века, прошедшего путь от саг и рун

Матиас Гёрне и Алексей Ботвинов

к романтизму – периоду, представленному поэзией раннего Гете, драматургией Шиллера, музыкой Бетховена, Шумана, Шуберта, а позднее – Вагнера и Рихарда Штрауса.

Сила чувств, аффектация переживаний, невозможность быть если не счастливым, то удовлетворенным жизнью и судьбой, – таков пафос, которым проникнут вокальный цикл Франца Шуберта «Зимний путь», исполненный на фестивале Матиасом Гёрне и Алексеем Ботвиновым. Наш гость – выдающийся мастер немецкой вокальной школы. В 2016 году он уже был участником одесского фестиваля и тогда поразил нас эталонным (байройтским) стилем в концерте, состоящем из произведений Вагнера.

И вот – Шуберт, проникновенный и тонко чувствующий, создатель произведений, требующих и от певца, и от пианиста чуткости и понимания его противоречивых замыслов.

Выбрав для дуэта его труднейший цикл, Ботвинов и Гёрне дали пример того, как мастера, чье становление происходило в разных школах, объединяются для высокой цели – создания уникальной музыкальной реальности, и делают ее достоянием почитателей искусства. Исполнение 24 маленьких трагедий, которые переживает лирический герой смертельно больного композитора, требует от слушателей немалого труда, сосредоточенности, сочувствия, что нелегко нам, не привыкшим к столь аффектированной – на разрыв души – исповедальности.

Не легче приходится и музыкантам.

И все же повторим, пережив трагический финал, девиз первого монолога – в начале «Зимнего пути»: «Gute Nacht!» – «Доброй ночи!».

Тем более что она уже наступила.

Так завершил я свои заметки с этого июньского концерта, опубликованные в ФБ.

Этот номер альманаха выйдет в начале сентября – ко Дню города, когда в штабе фестиваля у Алексея и Елены уже будут верстаться планы концертов восьмого фестиваля, но мы узнаем об этом нескоро.

4. Дуэт с Одессой

Место силы – так определил Алексей Ботвинов локацию традиционного концерта опен-эйр, слушателями которого становятся сотни одесситов, собирающихся в этот вечер на Приморском бульваре – на площадке у Дюка, на Потемкинской лестнице. Разделяя это убеждение президента фестиваля, вижу носителя доброй силы в Гении места – древнем символе, предстающем в образе крылатого мифического существа, оберегающего избранный им ареал и поддерживающего его насельников в добрых начинаниях.

Вся Одесса становится в эти минуты союзником, партнером Алексея Ботвинова, образно говоря – участником самого знакового дуэта маэстро – дуэта с городом у моря.

Седьмой праздник под открытым небом был ознаменован исполнением Первого концерта Петра Ильича Чайковского. Единомышленником пианиста стал главный дирижер Национального симфонического оркестра Украины Владимир Сиренко, разделивший с ним триумф высокой музыки.

В этот вечер состоялся дебют в Одессе киевлянки Елизаветы Почебут, победившей в традиционном конкурсе юных пианистов Украины, который Алексей Ботвинов учредил в честь своего педагога профессора Серафимы Могилевской.

Евгений Деменок

Письма родителей к Соне Делоне*

Переписка с родителями становится интенсивнее после смерти Анны Сергеевны Терк (она умерла 11 августа 1911 года в Швейцарии и была кремирована в Берне). Письма из Одессы приходили Соне даже во время Первой мировой войны – благодаря тому, что они с Робером находились в то время в нейтральных Испании и Португалии. После 1918 года переписка прервалась на семь лет и активно возобновилась в 1925-м. О судьбе родителей Соня могла узнавать от многочисленных родственников со стороны тети, живущих в Европе, но в первую очередь – от присяжного поверенного Семена Ефимовича Вейсенберга, мужа еще одной Сониной родственницы, Фанни Сергеевны (Израилевны) Вейсенберг (в девичестве Зак), занимавшегося наследством, доставшимся от Генриха и Анны Терк. Он писал Соне в Париж 8 сентября 1921 года: «Из Одессы имею очень скудные данные. Знаю, что твоя мама была вместе с тетей Милей и дядей Альбертом в Феодосии, а теперь она опять в Одессе. Брат твой Сема, кажется, не очень скверно материально устроен, кажется, мама вместе с ним живет». Пятью годами ранее, 12/25 июля 1916 года, в очередном письме к Соне с подтверждением об отправке денег Вейсенберг писал: «Только что я написал это письмо, как явились ко мне твои, отец и брат. Первый здесь несколько дней по делам, а второй георгиевский кавалер, имеющий два креста, приехал сюда немножко развлечься, он теперь ввиду ранений отпущен на три месяца. Твой папа просил тебе переслать от бабушки Шарлику 50 р., которые я присоединю к следующему переводу». А 4/17 ноября

* Окончание. Начало в кн. 85.

1917 года Вейсенберг писал Соне о трудностях, с которыми столкнулся при осуществлении денежных переводов за границу в связи с «военным бунтом» и отправил ей копию письма, в котором отвечает ее отцу, беспокоящемуся о денежной поддержке для дочери. Ответ начинается так: «Многоуважаемый Илья Иосифович! Вчера вечером получил Ваше заказное письмо и по его содержанию, так как Вы беспокоитесь за Сонечку, спешу Вам ответить. Напрасно она Вас волнует такими письмами. Я ей каждый месяц посылаю деньги по телеграфу и одновременно с тем посылаю заказное письмо».

То есть в ноябре 1917-го Илья Иосифович Штерн был еще жив и принимал живое участие в делах дочери.

К сожалению, в нашем распоряжении нет ответных писем Сони родителям, которые должны были храниться в Одессе, но, скорее всего, пропали или были уничтожены.

Итак, письма родителей в Париж, Португалию и Испанию, о которых я хочу рассказать, были отправлены ей из Одессы в период с 1910-го по 1931-й год. И если в первые годы переписка была совершенно обычной, бытовой – отец отправлял ей метрическое свидетельство, мама писала о том, что послала печенье, и просила почаще присылать фотографии с внуком – то после октябрьского переворота она приобретает все более трагический характер. Илья Иосифович Штерн умер, мама осталась одна, а Соломон, после возвращения с фронта примкнувший к партии эсеров (хотя, возможно, это произошло и раньше, в 1908-м, на что намекают некоторые фразы из писем тети), почти семнадцать лет, до самой смерти, провел в лагерях и ссылках, вдалеке и от родного дома, и от матери, и от собственных жены и дочери. Оставшаяся без средств к существованию и тяжело болеющая мама все чаще просит Соню о помощи. Когда Соня называла маму «нытиком», она вряд ли могла себе представить реальные условия жизни советских людей. Тем не менее во второй половине 1920-х она активно помогала маме, за что та не уставала ее благодарить.

Последние письма из Одессы датированы маем 1931 года. Мама, регулярно попадавшая в клинику, где лечила сердце, сама уже не могла писать, и под ее диктовку писал врач (в связи с тем, что она плохо видела, почти половина ее писем были написаны под диктовку и ранее, она лишь делала приписки в конце).

Скорее всего, в том же году Хана Товиевна умерла. Хотя, возможно, она прожила еще несколько лет, однако продолжать переписку не могла. Это характерная для многих разъединенных семей история – до начала 1930-х переписка с Советским Союзом была возможной, так же, как и помощь родным; после этого она прерывалась, а письма из-за границы хранить у себя становилось опасным. Так что пока достоверно не известно, прервалась переписка со смертью матери или же по цензурным соображениям. Уже в письмах от 1931 года о том, что Сема-Соломон получил очередной срок, предпочитают не упоминать – вместо это пишут о его «болезни», которая неизвестно сколько продлится.

Письма от матери и дяди Марка производят поразительное впечатление. В то время, как Соня участвовала в выставках, открывала модные бутики, моделировала одежду для голливудских звезд, общалась с самыми интересными людьми эпохи, ее мама голодала, а брат, герой войны и кавалер четырех Георгиевских крестов и Георгиевской медали, гнил в ссылках и лагерях, закончил свою жизнь в тюремной больнице. А высланные Соней маме семейные фотографии, пересланные Соломону, скорее всего, были изъяты у него при очередном обыске.

Публикуемые ниже письма – лишь небольшой фрагмент, начало большого исследования, которое еще предстоит совершить.

* * *

Письма от отца Эли (Ильи) Штерна датированы периодом 1911-1917 годов. Все они написаны на бланке «Инженер М.Г. Левин. Завод белой жести и металлических изделий. Завод и контора: Куяльницкая дорога, собств. дом. № 17. Телефон № 30-25». На этом заводе, судя по словам матери, Ханы Товиевны, отец проработал двадцать семь лет (это не совсем вяжется с данными, указанными во время Всероссийской переписи населения). Вполне вероятно, что в первые годы завод располагался по другому адресу. Немногочисленные источники, в которых он упоминается, свидетельствуют, что завод белой жести и металлических изделий М.Г. Левина был основан в 1896 или 1898 году. Впервые он упоминается в адресном справочнике «Вся Одесса на 1904/5 год»; правда, принадлежавший М. Левину участок значится

„Инженеръ М. Г. ЛЕВИНЪ“

ЗАВОДЪ
БѢЛОЙ ЖЕСТИ
— и —
МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЗАВОДЪ и КОНТОРА:
Куяльницкая дорога, собств. домъ.
Телефонъ № 3025.

Адресъ для писемъ: „Инженеръ М. Г. Левинъ“, Одесса.
„ „ телеграммъ: Инженеръ-Левинъ.

Одесса. 30 Августа 1911 г.

Грузы для насъ отправлять на ст. Одесса-Портъ.

Дорогая Сонюша!

Наконецъ послѣ долгой возни я получилъ метрическое свидѣтельство и копію которою высылаю при семъ. Очень прошу тебя сберечь подлинникъ, такъ какъ онъ мнѣ понадобится, когда мнѣ нужно будетъ ходатайствовать при отбываніи Семей воинской повинности льготы для него по семейному положенію, а безъ оригинала метрическаго свидѣтельства ничего нельзя будетъ сдѣлать. О полученіи пожалуйста извѣстить.

Дома у насъ все благополучно всѣ здоровы. Сема понемногу поправляется какъ здоровьемъ такъ и морально. Наши намъ о своемъ и Шалышѣ также и мужа здоровьѣ и чаще.

Цѣлуемъ тебя и Шарля
и Кланяемся
жду твоему
Тебя [illegible]

Письмо от отца Сони на бланке завода

по расположенной рядом улице Филодорова, 19. 25 июня 1907 года инженер Левин был убит, и управление производством перешло к его жене, которую в одном из писем упоминает Илья Штерн.

Завод упоминается также в вышедшем в 1910 году в Москве справочнике Л.Б. Кафенгауза «Синдикаты в русской железной промышленности» (с. 100).

Предприятие располагалось на собственном участке, но несмотря на то, что было довольно крупным, на картах обозначено не было, поэтому точное расположение его не известно. Вполне возможно, что в «собственном доме» располагалась только контора. Тогдашняя Куяльницкая дорога – сегодня Известковая улица, и дом Левиных располагался ориентировочно рядом с сегодняшним 79-м номером. Я ездил туда, чтобы сделать фотографии, но ничего примечательного не обнаружил – лишь типичные для Известковой невзрачные одноэтажные дома за высокими заборами.

Достоверно не известно, что случилось с заводом после октябрьского переворота.

Привожу ниже несколько писем от Эли Штерна.

*

«Одесса

11/24 августа 1911 г.

Дорогая Сонюша!

О безвременной кончине Анны Сергеевны мы узнали до получения твоего письма из телеграммы Альберта Федоровича к Марку Тимофеевичу.*

Скорбим вместе с тобою об тяжелой утрате близкого и дорогого человека, которая особенно чувствительна для тебя».

*

«Одесса, 30 августа 1911 г.

Дорогая Сонюша!

Наконец после долгой возни я получил метрическое свидетельство, копию которого высылаю при сем. Очень прошу тебя

* Анна Сергеевна Терк, в девичестве Зак – тетя Сони, жена Генриха Терка. В их петербургском доме по адресу Басков переулок, 12, Соня выросла.

беречь подлинник, так как он мне понадобится, когда мне нужно будет ходатайствовать при отбывании Семой воинской повинности льготы для него по семейному положению, а без оригинала метрического свидетельства ничего нельзя будет сделать. О получении, пожалуйста, извести.

Дома у нас все благополучно, все здоровы. Сема понемногу поправляется как здоровьем, так и морально.

Пиши нам о своем и малыша также и мужа здоровье и чаще.

Целуем тебя и Шарля и кланяемся мужу твоему».

*

«Одесса, 16 ноября 1911 г.

Дорогая Сонюша!

Нас очень удивляет, отчего ты так долго нам ничего о себе не пишешь. Если мы иной раз не аккуратны в письмах, то нам ты должна простить. Вечно в погоне за рублем, неприятности, как спутники всякой, даже хорошей, службы до того измучат тебя, что не то что писать, но и думать ни о чем не хочется, поэтому ты никогда не должна обижаться на нас, если от нас своевременно не получаешь ответа, и не должна ждать, пока мы тебе напишем. Пожалуйста, напиши нам несколько слов о твоем здоровье, сыне и муже, и вышли нам обещанные фотографии.

У нас все благополучно, все здоровы. Сема уже 4-ую неделю работает в электротехнической мастерской и даже зарабатывает кое-что на свое содержание.

Мы очень довольны теперь его поведением. С тех пор, как он начал работать, он значительно переменился в лучшую сторону. Не нервничает, не хандрит (что раньше часто бывало с ним) и вообще стал спокойнее и уравновешеннее, что нас, конечно, очень радует.

<…> Желаем вам всем здоровья и всех благ. Ждем от тебя письма. Твои родители. <…> Адрес прежний Херсонская, 8».

*

В письме от 27 марта 1912 года папа пишет о том, что умер Григорий, сын дяди Марка: «*Гриша после четырехмесячной тяжелой болезни в феврале месяце приказал вам всем долго жить.*

„Инженеръ М. Г. ЛЕВИНЪ“

ЗАВОДЪ
БѢЛОЙ ЖЕСТИ
— и —
МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЗАВОДЪ и КОНТОРА:
Куяльницкая дорога, собств. домъ.
Телефонъ № 3025.

Адресъ для писемъ: „Инженеръ М. Г. Левинъ“, Одесса.
„ „ телеграммъ: Инженеръ-Левинъ.

Одесса. 30 Августа 1911 г.

Грузы для насъ отправлять на ст. Одесса-Портъ.

Дорогая Соня!

Наконецъ послѣ долгой возни я получилъ метрическое свидѣтельство и копію которое высылаю при семъ. Очень прошу тебя сберечь подлинникъ, такъ какъ онъ мнѣ понадобится, когда мнѣ нужно будетъ ходатайствовать при отбываніи Семей воинской повинности льготы для него по семейному положенію, а безъ оригинала метрическаго свидѣтельства ничего нельзя будетъ дѣлать. О полученіи посылки извѣстить.

Дома у насъ все благополучно всѣ здоровы. Дома понемногу поправляется какъ здоровьемъ такъ и морально. Наши намъ о своемъ и Шалышѣ также и мужа здоровьѣ и чаще.

Цѣлуемъ тебя и Шарля
и Кланяемся
жду твоему
Тебя [illegible]

Письмо от отца Сони, 11/24 августа 1911 г.

Ты можешь себе представить горе несчастных родителей. Нам тоже нелегко забыть его, ибо нам был очень близок и очень любили его за его добрый и мягкий характер». Пишет также о том, что они время от времени получают вести от Якова Тимофеевича: «*Он служит врачом на пароходе Русско-Вост. Общества и плавает между Ливадой и Нью-Йорком. Он большой оригинал и его очень трудно понять. С одной стороны Плюшкин, а с другой редко кому откажет в помощи, когда к нему обращаются*». Далее отец пишет, что Яков Тимофеевич обещает приехать к ним погостить, но никак не выберет время для отпуска, и что они мечтают о том, чтобы и Соня приехала к ним хоть на неделю.

*

«Одесса, 21 июля 1914 г.

Дорогая Сонюша!

Из твоего письма вижу, что ты не получила моего письма, которое я писал тебе 27 или 28 июня, числа эти мною помнятся потому, что сейчас по приезду из Петербурга я писал тебе. Твои письма я получил своевременно, также твою и Шарля фотографию, которая доставила нам большое удовольствие и за которую мама очень благодарна и жалеет, что обстоятельства так складываются, что вряд ли твои предположения относительно поездки твоей в Россию (сбудутся. – **Прим. автора**).

Мы теперь переживаем очень тревожное время, вчера у нас стало известно, что Германия объявила России войну, и также носятся слухи, что Германия перешла французскую границу. Кстати, каково положение Роберта по отношению воинской повинности, по частным сведениям, Франция вслед за Россией тотчас объявила мобилизацию.

От Семы мы последние 2 недели не получали писем. Где он в настоящее время находится, не знаю. Последние письма от него получили со станции Сеймы Моск. Нижегор. Ж. д., где расположен был их лагерь. Думаю, этими днями будет от него какое-нибудь известие. О петербургских впечатлениях откладываю до следующего письма.

Будь здорова, поцелуй от нас Шарля и Роберта. Пожалуйста, пиши чаще.

Твой отец Илия».

(Это письмо было отправлено в Париж, 3 rue des Grands Augustins, но переправлено в испанский город Фуэнтаррабия, где в то время отдыхали Соня, Робер и Шарль.)

*

В нескольких письмах отец отвечает на вопросы Сони о наследстве, оставшемся ей после смерти дяди и тети. Рассказ о судьбе этого наследства требует отдельной большой статьи, скажу только, что благодаря получению части арендных сумм от дома в Басковом переулке, 12, Соня с мужем и сыном вполне сносно жили до октября 1917-го года. Вопреки желанию Сони дом так и не был продан, как это предполагалось в завещании, и был в итоге национализирован. Ниже одно из таких писем.

«*Одесса, 15 ноября 1914 года.*

Дорогая Сонюша!

После долгого перерыва мы, наконец, получили от тебя весточку. Ты можешь себе представить, как она нас обрадовала, узнав, что у вас все благополучно. Твои письма получили как раз, когда и от Семы долго не получали известий, но после получения твоих писем мы и от него получили.

В своем письме к нам он извещает нас, что посланную ему посылку он получил, а о себе очень мало пишет, но и без слов понятно, что он переживает. В предыдущих письмах к нам он писал, что несколько дней участвовал в боях с австрийцами и награжден орденом кавалера Св. Георгия 4 степени.

В походе он уже с начала августа месяца. Был в 25 верстах за Ярославлем, а теперь он, как видно из последнего его письма, очутился в Петроковской губ. Бедный мальчик, сколько он перестрадал за это время и хоть бы одна жалобная нота прозвучала в его письмах. Я никогда не подозревал в нем столько стойкости, терпения и мужества. Дал бы бог ему благополучно домой возвратить, а с таким характером при его честности много хорошего может достичь.

Возможно, что мама поедет повидаться с ним, если ей удастся заручиться от властей надлежащим разрешением.

О своем свидании в Петербурге с г. Вейсенбергом я в свое время писал тебе и мне очень жалко, что письмо это ты не получила. Все разговоры с ним чисто практического свойства, он всегда

Конверт письма от отца

старается придать академический характер, – никаких данных, а о цифрах и говорить не приходится. Например, я хотел узнать, много ли может придется на ее долю и никак не мог добиться; ответ таков: имеются какие-то бумаги, которые теперь неудобно реализовать. Какие бумаги и сколько, так и не узнал. Такой же разговор шел и о доме. Он доказывал, время для продажи дома не благоприятное, на том-де основании, что биржевые бумаги очень низки, и когда я высказал противное мнение, так как в это время (в июне) цены на квартиры поднялись до небывалого уровня, он нашелся только сказать, что к этому дому неприменимо, что несмотря на то, что действительно во всем Петрограде цены на квартиры поднялись на 25-30%, он в этом доме не мог поднять цены, так как они (квартиры) и раньше дорого оплачивались. Но добавил он, что и тебе незачем торопиться с продажей, так как он высылает часть причитающихся тебе доходов, и если

тебе требуется несколько лишних денег, он делает возможное, чтобы удовлетворить твое требование.

Вот все, что у меня осталось в памяти от посещения его в Петрограде.

Пожалуйста, пиши нам чаще, как о себе, так и о Шарле и муже. В последнее время мы так удручены и так чувствуем себя одинокими, что письма от вас для нас необыкновенно ценны.

*О бомбардировке в Одессе не буду писать подробно, так как оно очень маленькое произвело впечатление; несколько тревожных минут, которые вскоре были забыты и не больше. По крайней мере на меня оно так подействовало».**

*

«Одесса, 12 июня 1915 г.

Дорогая Сонечка!

Из предыдущего письма к тебе ты уже достаточно ознакомилась с жизнью Семы за первый 5-ти месячный период его похода вплоть до его ранения, выздоровления и отправки в его полк. Прилагаю при сем его открытку, полученную нами от него с дороги. В этой открытке ты найдешь подтверждение тому, что писал тебе в прошлом письме о его мужестве и выносливости, какой мы и не подозревали в нем.

Пожалуйста, пиши нам, как вы живете, здоровы ли все и что Шарлик, и пожалуйста пиши чаще.

Целуем всех вас. Твои. Привет от семьи Марка Тимофеевича. Таня работает сестрой милосердия в земском отряде и до последнего времени была вблизи Львова, а ее муж только недавно уехал в армию зауряд врачом».

*

«Одесса, 4/IX/16 г.

Дорогая Сонюша!

Наконец-то после долгого перерыва могу сообщить тебе, что у нас нового. Из прежних моих писем тебе уже известно, что Сема

* Речь идет об обстреле Одессы турецкими кораблями утром 16/29 октября 1914 года.

пробыл почти 2 года на фронте, на позициях участвовал во многих боях, за что награжден Георгиевской медалью и 3-мя Георгиевскими крестами, 4, 3 и 2 степенями, но в конце апреля был ранен вторично в правую руку (раздроблена лучевая кость) и после краткого лечения отправлен был, по ходатайству мамы, из Москвы в Одессу для дальнейшего излечения. Затем он получил 3-х месячный отпуск, который кончился 26 июня, и затем в июне ему дали еще раз 2-х месячный отпуск, который кончается 26 сего месяца. Мы думаем, что в 3 раз при освидетельствовании его совсем освободят, так как рука в нормальное состояние не приходит; требуется сложная операция, которую сами врачи не советуют ему теперь делать. Пока на досуге стал посещать занятия для получения аттестата зрелости».

Далее отец пишет о том, что «*с мамой тоже в прошлом месяце случилась неприятность*», – когда она возвращалась из города на извозчике, лошадь понесла, извозчик был сброшен с козел, мама неудачно соскочила с дрожек и вывихнула правую руку. И далее: «*О себе ничего сообщать не имею, работаю по-прежнему в качестве сотрудника с М^me^ Левин* (*которая, кстати сказать, очень интересуется тобою и всегда просит кланяться тебе*), *часто приходится выезжать, недавно, как я уже писал, был в Петрограде, виделся с Сашей, тетей Верой и Альбертом Федоровичем и также посетил г-на Вейсенберга, который мне подробно рассказывал о твоих неприятностях, которые ты пережила. Будучи у него, я просил его исполнить просьбу мамы и выслать Шарлю на подарки 50 руб., которые я ему же вручил. Получила ли ты их уже?*

Вот все, что могу сообщить тебе. Что у тебя, как здоровье вас всех? Шарль на карточке уже совсем большой и такой ли он спокойный, как и раньше был? Пиши обо всем подробно, а меня уж, пожалуйста, извини, что так долго не писал.

Поцелуем тебя и Шарля и мужу передай сердечный привет».

В конце письма – приписка от Соломона:

«Дорогая Соничка!

Прости, что до сих пор я не писал тебе, теперь всего несколько дней как я опять начал писать своей правой (*раненой*) *рукой. Все, что можно было писать о себе, уже написал папа, самочувствие среднее. Целую всех вас Сема».*

*

«Дорогая Сонюша!

Только третьего дня получили твое последнее письмо из Valençо, очень рады были узнать, что ты и твоя семья здоровы и что, работая, вы находите полное удовлетворение в вашей работе. Португальскую газету, где были помещены твой портрет и статья о тебе, не получили, очень очень жалеем. Надеемся, что ожидаемую от тебя фотографию твоей работы получим, но для большей уверенности в получении постарайся выслать заказным письмом.

О доходности дома в Петрограде не могу знать, т. к. в бытность мою у Семена Еф. он очень мало и неохотно говорил о нем и о его доходе, но общее положение таково: согласно изданному закону на время войны, домовладельцы не вправе повышать цены на квартиры более чем на 10% той платы, которая была до начала войны, вследствие этого доходность дома могла увеличиться не больше 10%, но, принимая во внимание дороговизну содержания дома в надлежащем порядке, возможно, что чистый доход мог остаться тот же, что и до войны.

Но ликвидировать это дело, по моему мнению, теперь момент не подходящий, несмотря на то, что недвижимое имущество сильно повысилось в цене, но опытные люди говорят, что по окончании войны всякая недвижимость, в особенности в крупных центрах России, увеличится чуть ли не вдвое.

О нас ничего нового сообщить не имею. Мама от падения с дрожек оправилась, я работаю по-прежнему на том же заводе. Семе отпуск опять продлен до 6 марта текущего года, но о нем в его полку не забывают. Как раз под новый год он получил из полка Георгиевский крест I степени, таким образом он теперь полный Георгиевский кавалер всех степеней и в чине подпрапорщика, фотографическую карточку его прилагаю при письме.

На днях у нас гостили проездом из Кисловодска Альберт Федорович и Эмилия Тимофеевна, они остановились у нас дома и пробыли целую неделю. Мы очень рады были их приезду, тем более что он совпал с Рождеств. праздниками.

Пиши чаще и не жди наших писем, т. к. не знаю уже, почему они часто пропадают. Пусть Шарлик напишет пару слов; если

он успевает в рисовании, то в грамоте, наверное, не меньше успевает. Поцелуй его за нас, и скажи ему, что бабушка очень хотела бы повидать его.

Передаю сердечный привет твоему мужу, а тебя целуем, все твои.

6/I/1917 г.»

*

В октябре 1917-го Семен Ефимович Вейсенберг впервые не смог переслать Соне ежемесячный платеж, и она немедленно известила об этом отца, судя по всему, попросив у него денежной помощи. 3 октября 1917 Илья Иосифович ответил, что не может высылать Соне деньги, так как они сами при дороговизне еле сводят концы с концами и что-то высылают Семе на фронт, «*где он опять находится*». «*Обо всем этом я писал г. Вейсенбергу и, как выше писал тебе, просил немедленно ответить, чтобы я мог предпринять в этом направлении какие-нибудь меры для предотвращения возможности, чтобы ты теперь, когда муж твой нуждается в поправлении здоровья, не осталась беспомощной.*

Немедленно по получении от него ответа сообщу тебе.

О нас более подробно сообщу в следующем письме, так как я после перенесенной болезни (*карбункул*) *еще не совсем оправился и продолжаю ходить на перевязки через день*».

* * *

Это письмо от отца стало последним в архиве Жан-Клода Маркаде.

Дальнейшую переписку с дочерью продолжала Хана Товиевна. Основной массив писем от нее приходится на 1925-1931 годы, но первые письма от нее датированы 1910-11 годами. Самое первое было поздравлением со вступлением в брак с Робером Делоне.

*

«Одесса, 17-го ноября 1910 года

Поздравляем и желаем Вам быть счастливыми. Прошу тебя выслать свои фотографические карты, почаще пиши нам и не считайся с тем, что не так скоро мы отвечаем, папа всегда

приходит поздно и бывает утомлен, я также занята, поэтому мы не так скоро отвечаем».

11 марта 1911 года мама пишет о том, что «*Роза*[*] *дяди Марка*» ходила на почту и выслала ей посылку с печеньем, а для Семы – колбасу, и она переживает, не ошиблись ли они адресом.

*

Переписка возобновилась после долгого перерыва.

«Одесса, 5-ое октября 25 г.

Дорогая Соничка! Наконец я после долгого мучительного времени получила от тебя известие. Из Ленинграда я вчера получила от г-жи Барац 18 руб. или 250 франков. Я тебе очень благодарна за это, так как они улучшили на некоторое время мое положение. Вот уже три года после ареста Семы, во время обыска твое письмо было забрано, таким образом, я лишилась твоего адреса. Чтобы знать, куда писать, я обратилась к Кате Хмельницкой. Она мне выслала твой адрес, но по этому адресу нельзя было тебя найти, и потому я перестала писать. Три года, как Сема был выслан в Соловки, а теперь он переведен в Тобольск в каторжную тюрьму. 2-го декабря кончается срок его тюремного заключения как политического с-р.

Жена его до этих пор служит в Одессе библиотекаршей, и она содержит себя и девочку на средства хотя и скудные, но лучше, чем без всего. Девочка хорошая, но худенькая. Все те вещи детские, которые ты послала, мы получили, и они очень пригодились. По получении посылки Таня тебе тотчас ответила, но почему ты не получила, мы не знаем. Положение мое очень критическое и заставляет меня думать об очень плохом. Меня оставили в положении нищей, забрав у меня все, что у меня было. Я влачу очень жалкое существование, вынося то подушку, то стул, словом, последний скарб. Мои хлопоты о принятии меня в Соцстрах ни к чему не приводят, несмотря на то, что папа прослужил 27 лет на одном месте.

---

* Дочь Марка Товиевича Терка. У них также были дочери Татьяна и Маргарита.

Привет от меня твоему мужу и Шарлю, будьте здоровы. Целую вас крепко, твоя мама».

*

Следующее письмо – пронзительное признание мамы в бедственном положении. Не меньше трогают и слова «насколько я помню тебя».

«Одесса, 14-ое ноября 25 г.

Дорогая Соничка!

Я получила 11-го ноября твое первое письмо, а 12-го ваши фотографии. Можешь себе представить, как я была счастлива, когда увидела вас всех хотя бы на карточках. Шарль необыкновенно понравился всем его видевшим. По-моему, я у него нахожу с тобой большое сходство. Насколько я помню тебя, его улыбка очень напоминает твою. Я тебе очень благодарна, что ты мне оказала помощь тогда, когда я совсем потеряла всякую надежду, теперь я просто ожила. Эта сумма меня ободрила и мне теперь не приходится простаивать по целым дням на базарах, продавать остатки нашего имущества.

Теперь об одном деле. Папа был застрахован в обществе «Урбан» и в прошлом году они открыли здесь отделение под названием «кредитное бюро», где они извещали, что у кого есть полисы и квитанции об уплате, чтобы явиться туда. Я этому обрадовалась и явилась туда с этими бумагами. Мне сказали, что я должна внести сумму в 20 рублей и документы, где мне вся эта история обошлась в 30 рублей, нашлись такие, которые мне дали. С тех пор прошел почти год, и я прихожу туда осведомляться. Они отвечают, что должен произойти суд в Париже о взыскании всех сумм, которые были внесены. Если тебе не трудно, то разузнай, будет ли что-нибудь из этого или нас вводят в заблуждение. Что касается Семы, то его в течение этого месяца должны были освободить и сослать вольно неизвестно куда. В последнем письме он писал, что сообщит с дороги о месте высылки или же с места. Привет от дяди и тети. И мой привет вам всем, будьте здоровы, целую вас всех крепко.

Мама».

*

«Одесса, 24-ое марта 26 г.

Дорогая Соничка.

Получила твое заказное письмо, за что очень тебе благодарна, я была неспокойна, все время думаю, не болен ли кто из вас. Сема выслан на три года в г. Чимкент Сырь-Дарвинской (sic!) *губ. Как только приехал туда, и вскорости получил должность в Стат. бюро 55 руб. в месяц, он пишет, что по мере возможности будет помогать мне, пока мне очень трудно живу в нужде. Очень жаль, что не получила твою посылку, при мне вскрывали, видела эти вещи, а запросили такую сумму денег, что я не знала, как быть, но немного успокоилась и сказала, чтобы посылки отправить обратно; высылаю повестку и список вещей. Дорогая Соничка постарайся узнать есть ли надежда получить от страховки что-нибудь.*

Привет от дяди и тети привет от меня твоему мужу и крепко целую Шарля.

Будьте все здоровы, целую тебя,
твоя мама».

*

«Одесса, 17-ое апреля 26 г.

Дорогая Соничка

На днях получила деньги, которые ты выслала, за что я очень тебе благодарна, как Шарле учится хорошо, я мысленно думаю, что он должен быть добрый и хороший сын. Недавно получила от Семы письмо, пишет, что там где он служил многих уволили, в том числе и он уволен очень печально если ему придется долго быть без дела. Жена его выехала в Иркутск на службу где будет заведовать библиотекой; в мае месяце возьмет туда и девочку зовут ее Илина, когда бываю у нея мне больно слышать как она говорит все про своего папу что как долго и он не приезжает, как бы я хотела его увидеть, все дети своего папу видят а я не вижу его. Соничка прошу тебя постарайся узнать про страховой полис, есть ли надежда получить что-нибудь, только этой мыслью я живу потому что тебе приходится заботиться о моем материальном положении; мне очень тяжело зная что тебе не так легко деньги достаются, я могу себя назвать инвалидом не могу

ходить ноги больные и плохое зрение; а быть тебе и Семе в тяжесть мне не хотелось. Будьте все здоровы целую вас всех крепко.

Мама»

*

«Одесса, 12-ое июля 26 г.

Дорогая Соничка

Спасибо тебе, что не забываешь меня. Только и живу вами и Семой. Получила от Семы письмо, просил меня, чтобы выслать твои карточки, которые ты недавно прислала. Я их отправила ему, но с условием, чтобы обратно прислать. Получила ответ, он так восхищается, как выглядит Шарло и какой он большой. Прочла я в одном журнале, где описывают твою работу, какой ты хороший есть художник. Таких знакомых, что едут в Париж, теперь их нет, может, у Тани представится такой случай, я ей напишу. Ты не знаешь, где дядя Яков теперь и как он поживает?»

*

«Одесса, 17-ое августа 26 г.

Дорогая Соничка,

Получила твое письмо и карточки Шарло, на днях получила и деньги, за что я очень благодарна тебе. Все мои знакомые не могут налюбоваться личиком Шарло, а я и выразить мою радость, которую ты мне доставила, описать не в состоянии. Сема снял копию от твоих карточек, которые я получила зимою; мне он пишет в каждом письме, как ему нравится мордашечка Шарло; дай бог, чтобы он был у тебя счастливый и здоровый, и ты в своей жизни никакого горя не знала, пусть мои страдания, которые я испытывала и испытываю теперь, будет за вас всех. Твои и Семы письма, я этим и живу. <…> Высылаю отрывок того журнала тебе. Привет от дяди и тети».

*

«Одесса, 14-ое сентября 26 г.

Дорогая Соничка,

Получила твое письмо и в тот же день получила и от Семы письмо. Дорогие дети, не могу описать мою радость, когда получаю от вас письма часто и узнаю, что вы все здоровы. Сема очень

нежный и добрый ко мне; старается, по мере возможности, улучшить мое положение.

Он постарался выхлопотать там такую бумажку, где я могу получить совет и лекарства бесплатно; я в этом очень нуждаюсь. Жена его и дочь Илина живут в городе Иркутск, она там заведует библиотекой. Сема очень интересуется тобой и Шарлюшей и мужем твоим в каждом письме, шлет привет и наилучшие пожелания вам всем. Он очень рад, когда я пишу ему, что получаю часто от тебя письма и деньги. Таня живет с мужем на Кавказе, там он работает в больнице.*

Будьте все здоровы. Привет от дяди и тети. Целую вас крепко а Шарло целуй от меня много раз.

Твоя мама».

*

«Одесса, 14-ое декабря 26 г.

Дорогая Соничка,

Получила твое письмо, очень тебя благодарю, Шарлю большое спасибо за рисунки, присланные мне. Три дня тому, как получила от Семы письмо и 15 руб. Дорогие мои дети, не знаю, что бы я делала, если бы вы мне не помогали, что бы было со мной. Сама я слабая и плохо вижу. Всегда молю бога, чтобы вам жилось хорошо и никогда не знали плохой минуты. Я всей жизни переживала много плохого, и пусть хоть вы были здоровы и счастливые. Когда получаю письма от тебя и от Семы, я становлюсь такая бодрая. Жду с нетерпением твои снимки, я только живу, что каждый день рассматриваю твои и Семины карточки. Сема постоянно старается меня утешить; когда он получает от своей девочки письма, немедленно сообщает мне. Привет от дяди и тети. Будьте здоровы, вас всех целую. Ты Шарло за меня целуй много раз. Твоя мама».

*

«Одесса, 5-ое сентября 27 г.

Дорогая Соничка.

Получила твое письмо, и очень беспокоюсь, что ты должна еще пережить операцию, теперь только я уже волнуюсь и никак

* Вероятно, Элина.

не могу успокоиться, хотя мне один хирург сказал, что эта операция не опасна. Дорогой Шарло, вероятно, остался доволен своей поездкой.

Вот уже два месяца как Сема без дела, он очень волнуется, что не может теперь мне помогать. Девочка его живет на даче и немного поправилась. Привет от дяди и тети, будьте все здоровы и целую вас всех крепко.

Мама»

*

С конца 1920-х мама начала все чаще болеть. Денег на лечение у нее не было, и попасть в больницу было огромной удачей. Из больницы под ее диктовку Соне писали врачи. Вот одно из таких писем:

«Madam Delaunay!

*Пишу по поручению Вашей матери, которая уже 2 м[есяца] находится в клинике сердечных болезней пр. Дмитренко.** Состояние ее серьезное. К сожалению, в виду того, что заболевание ее неизлечимо, а материальные средства ее таковы, что платить за свое содержание она не может, ей придется в ближайшее время выписаться из клиники. Домашняя ее обстановка, которую я имела возможность наблюдать, весьма неподходящей является для больного человека, но переменить ее не представляется возможным.*

Сын ее в настоящее время окончил срок ссылки, но еще не получил бумаг из центра. И ближайшие 3 г[ода] жить в Одессе не сможет (это общее правило для бывш[их] ссыльных, ограничение в правах проживания в неск[ольких] больших городах, в том числе и в Одессе). Он последнее время посылает матери от 20-30 р. в месяц. Сама она, к сожалению, написать не может, но все же просила передать, что чувствует себя лучше. Письмо Ваше она получила 4 января. Писать можно по прежнему адресу.

Врач С. Т.

7-I 28 г.»

** Скорее всего, речь идет о Леониде Филипповиче Дмитренко (1875-1957), профессоре, заведующем диагностической (позднее пропедевтической) клиникой Одесского медицинского института.

*

К счастью, вскоре мама вернулась домой, и переписка продолжилась:

«Одесса, 26-ое января 28 г.

Дорогая Соничка,

Получила твое письмо, прости, что так долго не отвечала, я все время больна, твое письмо меня немного ободрило, что тебе лучше и не будут оперировать. Дорогая Соничка, в этом письме ты неверно написала номер дома, вместо восемь ты написала девять, когда будешь писать, так пиши дом номер восемь, квартира номер двадцать шесть. Ты писала, что выслала немного денег, до сих пор не получила. Он Семы имею часто письма, пишет, что немного имеет работу на дом. Шлет сердечный привет тебе и мужу и дорогому Шарло. Он находится в г. Чимкент Сыр-Дарьинской области. Будьте все здоровы, целую вас всех крепко. Привет от дяди Марка и тети.

Мама».

*

«Одесса, 14-ое февраля 28 г.

Дорогая Соничка.

Восьмого февраля получила двадцать руб., которые ты выслала мне, очень благодарна тебе за это. В тот же день я тяжко заболела, был у меня сердечный припадок, такой, что была долго без сознания. Был доктор, товарищ Семы, спасал меня, как родной сын. Дядя и тетя все время бывают у меня. Доктор велел лежать все время и не разговаривать. Вчера получила от Семы открытку, пишет, что достал немного письменную работу, беспокоится обо мне, что не может помочь, так, чтобы мне не жилось так трудно. Привет от Семы вам всем и от дяди и тети.

Будьте все здоровы, целую вас всех крепко.

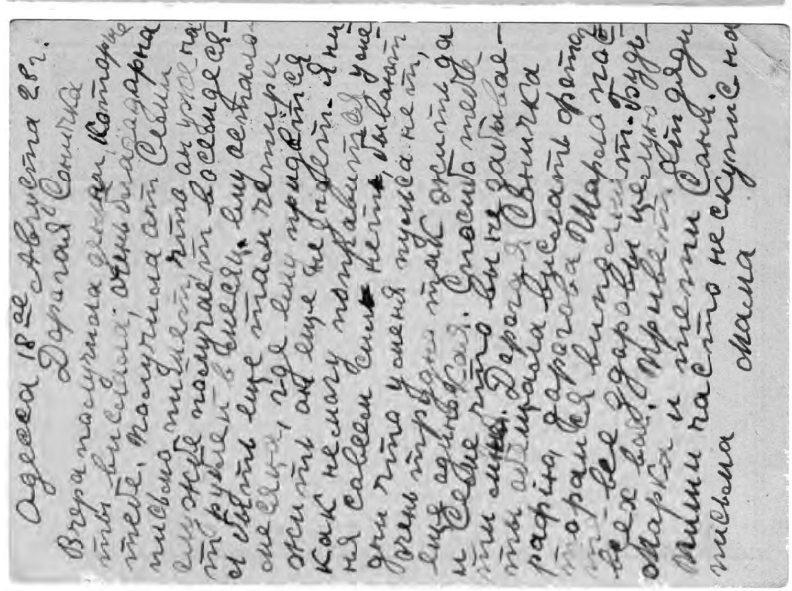
Мама»

*

«Одесса, 30-ое апреля 29 г.

Дорогая Соничка

Уже месяц как я дома, все время я находилась в клинике, благодаря профессору и врачам что поместили мне там все время



Письма от мамы

без платы. Здоровье мое не важно. Сема выехал в г. Ташкент, он должен быть там три года, семья его живет в г. Иркутск. Дочь учится, ей минуло восемь лет, ему не возможно повидаться с ней. Рада, что дорогой Шарло славный у тебя сын. Привет от дяди и тети Терк. Будьте все здоровы, целую крепко.

Мама»

*

«Одесса, 29 октября 29 г.

Дорогая Сонечка, сегодня я получила от тебя 10 долларов, за которые тебе очень благодарна. Я написала тебе письмо месяц назад, но еще не имею ответа. Если ты перешлешь деньги через банк или через какое-нибудь официальное учреждение, то адресуй Хане Товиевне Штерн, так как в этот раз я получила деньги с трудностями. На днях Таня с дочерью уехала к мужу на Кавказ, где он работает в больнице, как доктор. Дядя и тетя живут в одном доме со мной. От Семы я около месяца не имею сведений и уже немного беспокоюсь.

Привет мужу и Шарлю, будь здорова.

Мама».

*

Далеко не все, что отправляла из Парижа в Одессу Соня Делоне, было доставлено маме. Пошлины, которые установило советское государство, были столь высоки, что мама была не в состоянии их выплатить, и несколько посылок были отправлены обратно.

С конца 1920-х открытки из дома приходили все реже и реже. Писала их мама уже сама, округлым крупным почерком с большим количеством ошибок:

«27 марта 1930 г.

Дорогая Сонечка!

Вот уже прошел почти целый год, как я от тебя не получала писем, и я не знаю, как твое здоровье и твоей семьи, это меня весьма и весьма беспокоит. О Семе могу тебе сообщить, что он все таки еще там, и когда он прибудет ко мне, мне неизвестно. Я писала тебе несколько писем, но ответов от тебя не получала, а мне писать

трудно, так как у меня была сломана рука, которая теперь поправилась немного. Привет мужу и Шарло и всех вас целую крепко.

Мама»

*

«Одесса, 6-ое мая 1930 г.

Дорогая Соничка!

Наконец ты дала о себе знать, за что я тебе очень благодарна. Меня беспокоит, что на фотографии твое лицо худое, кажется мне, что ты была больна. Сема здоров, осталось ему еще два года там быть. Живет он в г. Ташкент, а семья его находится в Иркутске, дочь его учится, ей минуло недавно девять лет, она уже в третий класс переведена. С Петербурга мне никто не пишет, и я ничего не знаю о них.

Не имея от тебя так долго письма, я очень волновалась и не знала, у кого узнать причину твоего молчания. Теперь прошу тебя, дорогая Соничка, пиши чаще. О себе ничего не пишу, потому что мне больно тебя огорчить. Чем меньше ты будешь знать, как мне живется, так это будет для тебя здоровее. От дяди и семьи его шлю вам сердечный привет. Будьте все здоровы, целую вас крепко. А дорогому Шарлю целую бессчетно раз.

Твоя мама».

*

Последние письма датированы 1931 годом и тоже написаны другими людьми по просьбе мамы:

«*Mme Sonia Delaunay!*

Пишу Вам по порученью В[ашей] матери. Писем от Вас она не имела около года и очень беспокоится. Живется ей очень тяжело, т. к. брат Ваш снова заболел и не только не может оказать матери материальную поддержку, но сам в ней нуждается. Мать В[аша] месяц тому назад упала на улице и сломала себе руку, так что сама писать не может. Сердце ее тоже в плохом состоянии, бывают частые припадки, но, к сожалению, попасть в клинику она не может, т. к. там места платные. Она просит Вас если не часто, то хотя бы раз в 2-3 месяца писать ей. От сына она теперь получает письма 1 раз в месяц.

Больше, пожалуй, писать не о чем, т. к., может быть, письмо это Вас и не найдет, за год ведь многое могло измениться, и возможно, что я пишу по старому адресу.

Адрес матери В[ашей] тот же. Улица Пастера, 8.

8/II/1931»

*

«8/V/1931

Mme Делонэ, мать Ваша (пишу по ее поручению) снова лежит в клинике. Удалось устроить ее по удешевленной цене, т. к. болезнь ее представляет интерес для преподавания. Ходить она почти не может из-за одышки и ноги очень опухли. Брат Ваш ничем ей полезен быть не может, т. к. уже 8 м[есяцев] болен своей обычной болезнью, от которой его когда-то лечили поездкой в В[осточные?] края. Чем кончится и когда кончится этот приступ, не известно. От семьи его писем нет.

Матери желательно прислать посылку, состоящую из 3 кг сахара, 2 кг макарон, 1 кг манной, 1 кг рису, 1 кг топленого масла, 1 кг муки. Если она будет так составлена, то пошлина очень небольшая. Думаю, что на этот раз мать Ваша еще поднимется, особенно принимая во внимание летнее время, но все же с посылкой поторопитесь. Адресовать можно на прежний адрес, т. к. 1-го ию[ля?] клиника закрывается.

С. Т.»

* * *

Письмо это оказалось последним из писем от матери в папке, переданной мне Жан-Клодом Маркаде.

Читая письма мамы, понимаешь, как правы были те, кто любым способом стремился в начале 1920-х уехать из Одессы – либо в столицы, как Катаев с Олешей, либо за границу, как Сандро Фазини. Выжить в тех условиях было крайне непросто.

Чтобы картина была полной, хочу привести еще несколько писем из Одессы – от дяди Марка, его дочери Тани и Сониного брата Соломона.

Марк Товиевич Терк, живший в одном доме с мамой, тоже время от времени писал Соне.

«19/III/28 г.

Любезная Соня!

Вот уже три недели как мама больна, я ее поместил в клинику, она страдает сердечными припадками, сейчас ей уже лучше, просила написать тебе, когда будешь ей писать, то пиши ей на мой адрес: улица Пастера, д. № 8, кв. № 31. Мы от Семы имели письмо, в настоящее время он без службы, вообще дела у него неважны. У меня тоже неважно, чувствую себя больным и тоже без всякого дела. Если тебе известен адрес дяди Якова, напиши мне.

Твой дядя Марк.

Сердечный привет твоим, пиши почаще».

*

«8/V/1931

Любезная Соня!

Мы очень обрадовались, получив от тебя весточку, в особенности мама сильно беспокоилась, не имея так долго никаких сведений. Мама в последнее время стала болеть, вот уже месяц, как она находится в клинике, у нее часто повторяются сердечные припадки, а от Семы тоже редко получается письмо, от также болен и уже два месяца нет от него письма, положение мамы в настоящее время неутешительное, на днях она должна выйти из клиники, так как наступают каникулы. Постарайся чаще ей писать для того, чтобы не имела лишних волнений. У меня также ничего хорошего нет, жизнь так скверно сложилась, трудно передать.

Твой дядя Марк.

Адрес: тот же, Пастера, 8, кв. 26.

***P. S.** Если ты думаешь ей что-либо послать, советую ей послать:*

1) сахару, чаю, масла коровьего, макарон, муки, крупы и, если возможно, немного денег, так как Сема перестал ей высылать, если ты ей пошлешь что сможешь, облегчишь ее тяжелое положение.

Прости за беспокойство, дядя.

Мой адрес тоже: Пастера, 8, кв. 31.

М. Терк»

*

Видимо, как раз в начале 1931 года дочь Марка, Таня, написала Соне душераздирающее письмо:

«Одесса, 1/II

Дорогая Сонечка! Сейчас я в Одессе, у своих – не видела их лет 8. Застала печальную картину – старики, нужда, болезни и все прочее. Твоя мама все время лежит в клинике – по ее просьбе пишу тебе, хотя возможно и сама лично написала бы тебе. Уж очень безотрадно и жутко ее положение и одиночество. И никто, ни один человек в таком огромном мире – не вспомнит о ней, не поможет ей. Я читала твое письмо последнее, года полтора тому назад написанное. Ты сама предлагала ей помощь, спрашивала, что ей послать? Почему же ты замолкла? Все ли у тебя благополучно, все ли здоровы? Все же ты – ее единственная дочь, хотя, как мать, она ничего тебе не дала, и не она вырастила и воспитала тебя, но для нее – ты ее дитя.

Сема все время хворает, живет он на Урале. Послал ей недавно 25 р. Все что только можно, все у нее распродано. И я даже не представляю себе – что будет дальше, если ее сердце долго будет работать. Самое лучшее – это умереть.

Мои папа и мама сами еле влачат свое существование – и то если бы не я и Роза…

Вот тебе вкратце о твоей маме. Посылки продуктовые из-за границы как-то: рис, сахар, мука, масло, какао, здесь оплачиваются очень доступной пошлиной. Или же непосредственно на Торгсин можно посылать доллары и здесь выдают продукты. Если ты можешь это сделать, Сонечка, не откладывай это дело в долгий ящик и откликнись. Больше о помощи не к кому обращаться. Я еще попробую тете Миле написать, хотя знаю, что им скверно живется.

Напиши маме несколько слов. Ведь жить-то ей осталось очень и очень немного.

Буду рада, если ты напишешь несколько слов о себе, своем сыне, своей работе, муже.

Моя дочь работает – инструктор по физкультуре в одном из домов отдыха на Кавказе. Ее муж кончает музык. техникум. Мой муж врачует тоже на Кавказе. Я в театре, который сейчас

в гастрольной поездке – благодаря ему я попала в Одессу. Все работаем и очень работаем, – а жизни как будто не видим, всегда не хватает, всегда много дыр.

Надеюсь, ты ответишь мне и что-то сделаешь для мамы.

Все сердечно тебе кланяются и твоей семье, желают только хорошего.

Таня».

*

Несмотря на многочисленные просьбы матери о приезде, после лета 1908 года Соня не бывала в России. Да и до этого, после отъезда в 1904 году в Германию, а затем в Париж, бывала летом лишь в Санкт-Петербурге и на даче в Финляндии – о ее приездах в Одессу ничего не известно. И если во втором десятилетии XX века причина этого была очевидной – дальние путешествия с маленьким ребенком были затруднительны, а после начала Первой мировой войны и вовсе невозможны, то в 1920-х приезжать она, скорее всего, просто боялась. Свою роль сыграла и национализация дома в Петербурге, и рассказы уехавших после октябрьского переворота в Европу родственников. Кроме того, поездке препятствовали и чисто формальные причины, возникшие, по-видимому, в процессе заключения брака с Вильгельмом Уде (недаром свадьба состоялась не в Берлине, Париже или Санкт-Петербурге, а в Лондоне). 21 апреля 1910 года тетя Анна писала Соне из Ниццы: *«О России ты уже брось мечтать, так как вопрос о паспорте теперь для тебя сложнее, чем когда-либо»*.

Летом 1910-го Соломон, живший тогда во Франции, написал Соне: «*Мама хорошо себя чувствует, только… не достает ей тебя, хотя она сама этого не хочет, чтоб я писал тебе (черт возьми!) Пишу от себя. Приезжай, и это будет (думаю) единственное хорошее, что ты сделаешь из того, что я знаю за тобой*». Спустя несколько месяцев встреча мамы с дочерью состоялась.

Скорее всего, она была последней.

Леонид Авербух

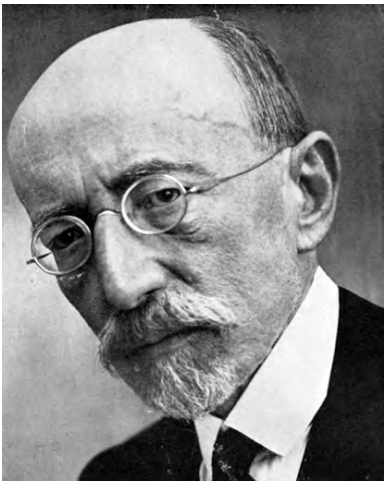
Одесские музы поэтов

М.А. Осоргин и Р.Г. Гинцберг

Рассказы о героине этого очерка авторы большинства публикуемых материалов начинают с эпизода, когда поздней осенью 1905 г. три девушки, близкие подруги, отправились из Одессы в неблизкий путь. Среди них были Нюня (Неха) Перельман – младшая дочь Фишеля Перельмана, 70-летнего старика, благочестивого хасида (см. ниже), известного в еврейской Одессе тем, что сам, не имея средств, приходил на помощь тем, кто в ней нуждался; Эстер Перельман, дочь старшего сына этого самого Фишеля – Моисея, скромного служащего одесской таможни, вращавшегося в палестинофильских, а затем в сионистских кругах, а также Роза (Рахиль) Гинцберг – дочь выдающегося еврейского философа-публициста Ашера-Гирша Исаевича Гинцберга, вошедшего в историю под псевдонимом Ахад-ха-Ам («Один из народа»), вариант – Ахад-га-Ам, который уже в начале 1900-х годов был широко известен в кругах интеллигентного еврейства. Он был человеком переходного времени, и оно наложило трагический отпечаток на его личность и судьбу. Родился он в правоверной хасидской* семье, и с отцовской, и с материнской стороны хасидское

* Хасидизм (от ивр. חסידות, или, в ашкеназийском произношении, хасидус, «праведность», буквально – «учение благочестия». «Хасид» – «благочестивый») – религиозное течение в иудаизме, которое в первой половине XVIII века за очень короткое время охватило еврейское население Речи Посполитой и прилегающих территорий. Особенное значение хасидизм придает эмоциональному постижению Бога.

миропонимание передавалось от дедов к внукам. Склонность к мистицизму и погружение в священные книги не мешали, однако, развитию деловых способностей у некоторых членов этих семейств. Отец Ашера Исай был наделен ими в достаточной мере, это помогало ему, сыну многодетной вдовы, энергичной и властной женщины, выбиться в люди: стать богатым торговцем, промышленником, арендатором большого имения в деревне Гопчице вблизи городка Сквиры – одного из хасидских центров Украины (неподалеку от Бердичева – «волынского Иерусалима», ныне – Белоцерковский район Киевской области), где в 1856 г. и родился Ашер.



Ахад-га-Ам

Несмотря на состоятельность родителей, детство Ашера, единственного сына в семье, было отнюдь не радостным. С трех лет он с раннего утра, часто голодный, дотемна просиживал в хедере, изучая Талмуд. Детских игр не знал, друзей не было. Очень рано в душе мальчика начал зреть протест против жестокого семейного уклада. Он самостоятельно выучил русский, а затем увлекся просветительской литературой (в частности – Писаревым) и отошел от религии, хотя и признавал ее этическую ценность. На рубеже 1884-85 годов произошел настоящий перелом в его жизни, сыгравший положительную роль. По новым российским законам, отец его лишился права арендовать имение, и всей семье пришлось из деревни уехать окончательно.

Ашер-Гирш с семьей прочно обосновался в Одессе. С женой и пятилетней девочкой Леей-Деборой он приехал в Одессу еще в 1894 г., а в 1885 г. в Киеве родилась вторая дочь Рахель (Роза). Он писал: «Так, наконец, я смог оставить тюрьму, где я провел 18 лет, лучших лет человеческой жизни, и которая грызла меня заживо

и разрушала те естественные дарования, которые у меня были. Я вошел туда 12-летним мальчиком, вышел 30-летним мужчиной с женой и детьми. Я вошел туда с чистой душой и полный надежд, вышел разочарованный, с болью в сердце». Разочарование, однако, не помешало ему не только продолжить свое образование (в Одессе он успешно изучал философию, французский и английский языки), но и проявить свой общественный темперамент, литературное дарование и глубину мысли. Скромный провинциал превратился в известного еврейского деятеля, публициста философского склада. Он сблизился с палестинофилами, во главе которых стоял одессит доктор Лео Пинскер – «предтеча» сионизма, был в дружеских отношениях с Клаузнером, Лилиенблюмом. Равницким, Бяликом и вскоре начал играть в этом движении руководящую роль. В 1889 г. основал общество «Бней Моше», («Сыновья Моисея», орден масонского типа), просуществовавшее восемь лет. С 1896 г. стал издавать журнал «Ха-Шиллоах» («Послание»), поставивший задачу возродить еврейскую культуру и духовную сущность еврейства.

В 1889 г. он выпустил свою первую статью «Не тем путем» и вслед за ней опубликовал целый ряд принципиально важных статей и заметок. Последующие семнадцать-восемнадцать лет оказались очень плодотворными для него. В эти годы полностью сформировалась и получила выражение его философско-политическая доктрина, подкрепленная знакомством с бытом колонистов Палестины, где он несколько раз побывал. На рубеже двух веков, когда Теодор Герцль провозгласил идею создания еврейского государства и начал бороться за претворение ее в жизнь, Ахад-ха-Ам, которому сама идея не была чужда, выдвинул в противовес политическому сионизму Герцля – духовный. История поставила этих двух людей рядом, хотя в те годы они являли собой разительный внешний и позиционный контраст.

К сожалению, установить, в какой из одесских гимназий училась Роза Гинцберг, которая к моменту «европейского старта», родившись в Киеве, прожила с семьей в нашем городе все детские и юношеские годы, не удалось. В период между гимназией и поступлением в университет Роза и Нюня были членами дружеского кружка – в него входили трое молодых людей и три девушки.

Кружок они называли коммуной: была общая касса на мелкие расходы, но главное – они вместе ходили в театр, обсуждали прочитанные книги, гуляли в парке, ели мороженое, невинно флиртовали… У Розы был жених Филипп Гурвич, живой, остроумный, хороший рассказчик, но он не был одесситом, в коммуну, естественно, не входил и встречался с Розой во время своих каникул и коротких наездов в Одессу.

По окончании гимназического курса подруги решили продолжить учебу. Получить высшее образование и стать независимыми – такой была мечта многих тогдашних интеллигентных девушек. Розу привлекала юриспруденция, Нюня, а вслед за ней и Эстер предпочли медицину. Розу и Эстер в их стремлении учиться поддерживали отцы, Нюню – брат Озиас, благодаря которому она, единственная из всей семьи, окончила гимназию. Но где учиться? В Одессе соответствующих женских курсов не было; Петербург и Москва, где они имелись, – за пределами черты оседлости, и въезд туда закрыт. Ехать надо за границу. Но куда? Во Францию, Германию, Швейцарию, где в университеты принимают мужчин и женщин всех национальностей и вероисповеданий? Одесситки Нюня и Роза избрали другую страну. Эстер, учившейся в маленьком заштатном городке Ананьеве, где жила семья Моисея, было все равно куда ехать.

Италия. Италия… Это слово не сходило с языка молодого корреспондента «Одесского листка» Владимира Жаботинского и, по мнению биографов, именно это сыграло решающую роль в выборе девушек. Роза, у которой в детстве были гувернантки, свободно владела французским и немецким языками, Нюня знала французский в пределах гимназического учебника, а Эстер ни одного языка не знала, в ананьевской гимназии этому предмету не обучали. Но для занятий в Неаполитанском университете и Розиных познаний было недостаточно. Необходим был итальянский язык. Срочно нашли этническую итальянку, которая, к сожалению, имела весьма смутное представление о том, как преподавать языки. Стали читать с ней вслух роман «Обрученные» Алессандро Мандзони – очевидно, надеясь на то, что в Италии это поможет сразу же заговорить с аборигенами. Как потом выяснилось, это была чистейшей воды иллюзия.

Вторым языком, необходимым для избранных факультетов, была латынь, которую в женских гимназиях не преподавали. И учителя нашел для своей дочери Ахад-ха-Ам. Вот так подготовившись, девушки собрались в дорогу. Одесские подруги в серых длинных до пола пальто, Роза в шляпе с полями, Нюня в большом черном бархатном берете, с одним белым кружевным зонтиком на двоих (а осень уже подступала), с внушительными чемоданами и коробками, с солидными ридикюлями, где денег, однако, было маловато (семьи не располагали в то время значительными средствами), подкатили к вокзалу на извозчике. Со слов матери об этих и последующих приключениях подруг подробно писала Н.Ф. Елина, дочь Нехи Перельман. Добрались до Неаполя проездом через Швейцарию. Сняли скромную комнатушку у старухи-горбуньи. Поступили в университет. (Удивило, что он носит имя Фридриха II (1212-1250) – германского короля, но, как оказалось, основателя этого учебного заведения и одновременно императора Священной Римской империи. – **Л. А.**)

Трудно было барышням слушать лекции на чужом, еле понятном языке Классик Мандзони не очень-то помог. Особенно если более сотни мужских голов поворачиваются в твою сторону. Да и профессора частенько поглядывают на новоявленных слушательниц. Ведь впервые за семь столетий существования Неаполитанского университета в его стенах появились студентки, к тому же чужестранки. Студентам очень хотелось познакомиться с этими странными девушками, которых не охраняли ни отцы, ни старшие братья. Но оказалось, что это непросто. Чужеземные студентки фотографировались со всеми в День первокурсника, поехали на общую загородную экскурсию, сидели на засохшей траве, ели бутерброды, но когда более предприимчивые коллеги пытались с ними заговорить, они вежливо и не очень уверенно отвечали: «Да», «Нет», «Спасибо», «Из Одессы», «Неаполь нравится». А дальше беседа не клеилась. Отгораживала хорошеньких «русских студенток» (вероисповедание здесь никого не интересовало) группа русских же (православных) студентов, исключенных из российских университетов после студенческих беспорядков. Они сопровождали девушек повсюду. Позднее, невзирая на предостережения, появились и иностранные друзья-ухажеры, а среди них – даже племянник эфиопского императора…

В 1907 Роза Гинцберг переезжает из Неаполя в Рим и поступает на юридический факультет в Римский университет. В круг итальянских студентов-однокурсников, отпрысков почтенной итальянской касты, она, дочь еврейского философа и публициста, конечно, не вписывается и проводит время в обществе русских эмигрантов. Вслед за Розой перевелась в Римский университет и Нюня. Там – утверждали – уровень занятий выше. Очень звала Роза.

Здесь, в Риме, и произошло знакомство Розы с бывшим юристом Михаилом Андреевичем Ильиным, который к тому времени перестал заниматься юридической практикой и был известен не только своими публицистическими произведениями (под псевдонимом Осоргин – фамилия бабушки), но и революционным прошлым. Он родился в Перми в семье потомственных столбовых дворян. Отец Андрей Федорович Ильин, выпускник юридического факультета Казанского университета, занимался проведением в жизнь на Урале крестьянских и судебных реформ Александра II; мать Елена Александровна Ильина (в девичестве Савина), выпускница Варшавского института благородных девиц, владела несколькими европейскими языками. Как все мальчики его круга, он окончил классическую гимназию.

Роза Гинцберг (слева), Нюня Перельман (сидит) и Эстер Перельман (справа). Рим, 1905-1906 гг.

В 1902 г. Осоргин успешно окончил юридический факультет Московского университета и получил должность помощника присяжного поверенного Московской судебной палаты, а также ряд степеней, особых доходов не дававших. Осоргин (Ильин) был членом партии эсеров. В его квартире устраивались собрания эсеров и эсдеков, заседал Московский комитет социалистов-

революционеров, хранилась агитационная литература, оружие, бомбы, скрывались организаторы терактов. Несмотря на то, что Осоргин, по его собственному замечанию, был в революции «взволнованным интеллигентом, больше зрителем, чем участником», его заключили в Таганскую тюрьму. Грозил смертный приговор, замененный пятилетней ссылкой, которую отбывать не пришлось, – по недосмотру следователя заключенного отпустили под залог. Через Финляндию Осоргин бежал в Италию.

«Лучшие годы молодости я прожил в Италии**.** Жил там вынужденно и томился по России, куда вернуться нельзя было. Томился, и все же – как теперь, с отдаленья, вижу – был счастлив» (Михаил Осоргин, «Липовый цвет»). В 1903 году он женился на дочери народовольца А.К. Маликова Екатерине, но о первой жене (впрочем, как и о второй… – **Л. А.**) ни в автобиографических произведениях, ни в «итальянских» рассказах он не упоминает. Писатель отказывается откровенничать даже с приятелями: «Жизнь моя в то время была слишком полна личных переживаний, делиться которыми с моим другом я не мог» (рассказ «Мой бедный Коко»). Но известно, что в 1909-1910 годах Екатерина Александровна Ильина жила в Италии, а Осоргин поддерживал с ней дружеские отношения. В 1914 году она поселилась в Дорнахе (Швейцария) – «столице» антропософов, и стала неофициальным главой русской антропософской колонии (в ее «Русском доме» будут останавливаться Андрей Белый, Маргарита Сабашникова), а также секретарем жены Р. Штейнера (Штайнера)* и переводчицей произведений Штейнера на русский язык. Людей совершенно разного склада из совершенно разной среды, людей, за которыми стоят поколения совершенно чуждых друг другу предков, нередко влечет к сближению. Биографы, не ссылаясь на источники, так описывают начало отношений студентки Розы Гинцберг и юриста Михаила Ильина (Осоргина):

---

* Рудольф Штейнер (27 февраля 1861 – 30 марта 1925) – австрийский доктор философии, педагог, лектор и социальный реформатор; эзотерик, оккультист, ясновидящий и мистик XX века, автор многих сочинений (1883-1925), прочитавший более 6000 лекций по всей Европе (1900-1924); основоположник антропософии и антропософского движения.

«…Сначала – в компании «третьих лиц», затем, очень скоро, он начал приглашать ее одну. Они бродили по улицам Рима, который он знал лучше, чем она.

Заходили в музей, в старинные церкви на малолюдных улицах, в маленькие траттории. Сначала днем, если было не очень жарко, а затем вечерами, когда луна ярко освещает руины древнего Рима и его барочные храмы, где рядом со стенами ложатся черные тени. И однажды, когда он провожал ее домой, на темной лестнице возле ее двери он не выдержал и поцеловал ее. А на другой день пришел и сказал, что любит и жить без нее не может. И она почувствовала, что больше притворяться перед собой нельзя и что пришел час, когда надо решать: принять или отвергнуть судьбу. Что она влюблена в него без памяти, она уже понимала. Да и немудрено. Она встретилась с талантливым, живым, одаренным человеком, привязанным к своему родному краю и народу и восприимчивым к жизни чужих краев и народов. Человека обаятельного, с широтой души, соединяющей насмешливость и мягкий юмор с глубокой лиричностью, озорное мальчишество с достаточной зрелостью мысли. Человека, не знающего ущемленности, горького скепсиса и одержимости. И к тому же еще – красивого, высокого, мужественного. Недостатков его, которые обнаружились позднее, она не замечала. Гораздо труднее понять, чем привлекла она его. Невысокая худенькая еврейка с довольно правильными чертами лица, которому, однако, недоставало ярких красок и девичьей свежести. Живой быстрый ум в сочетании с легкой склонностью к назидательности вызывал интерес собеседников, но не привлекал поклонников…»

По соображениям «экономического» характера Ахад-га-Ам в 1907 г. переехал в Лондон, где представлял интересы фирмы российского чайного магната Высоцкого, с которой сотрудничал еще в Одессе. Роза приезжала в это время в Лондон, где активно помогала в обустройстве семьи. Для Розы остро стоял «еврейский вопрос» – отец, которого она любила и уважала, был глубоко убежденным приверженцем национальной идеи. Появление «гоя» в семье стало бы для него крушением системы нравственных ценностей. В свое время Ахад-га-Ам написал: «Не представляет ли смешанный брак в том состоянии рассеяния и разрозненности, в котором

Михаил Осоргин. Из ранних фотографий

мы теперь находимся, серьезную опасность для существования народа? А если так, то не лежит ли на националисте нравственный долг охранять существование своего народа и ради этой цели пожертвовать даже личным счастьем?» (Ахад-ха-Ам, «Национальная этика»). Роза знала, что если она останется с Осоргиным, то не только нанесет удар отцу, но и отречется от еврейского народа. Тем не менее в 1908 году Рахель Гинцберг фактически стала женой Михаила Осоргина.

Осоргин, безусловно, любил Розу. Он придумал ей новое имя – Рери. Они жили в Риме и ни в чем не нуждались: он получал приличные гонорары, она зарабатывала переводами. Но, по словам Н. Елиной, отношения в семье были непростыми: Рери всеми силами старалась нравиться Осоргину – напевала русские романсы, пыталась скрывать недовольство по поводу своего «незаконного» положения. Но чувство вины перед отцом, от которого приходилось утаивать сожительство с «гоем», не давало ей поддерживать нужную атмосферу в доме. Осоргин был недоволен: «Я люблю, чтобы в доме настроение было на пятерку, а у нас оно выше тройки не поднимается». Он писал: «Что такое любовь? Любовь – это когда любимый чихает в соседней комнате, и вся квартира, весь дом, вся страна и весь мир наполняются музыкой, из-за облаков выходит солнце, птицы голосят неугомонно, журчат ручейки, все кругом заляпано необыкновенными цветами, рот от улыбки растягивается до висков и хочется повизгивать от накатившего волною счастья. И еще любовь – это волны дыхания, сжатые плечи, мурашки по коже, прилив-отлив, низким облаком отраженный колокольный звон. И, наконец, любовь – это ты и я или даже только ты, всех прочих – долой, – и опускается железный занавес шелковым покровом» (Михаил Осоргин. «Что такое любовь?»).

В 1910 году Роза окончила университет – причин задерживаться в Риме больше не было. Оставался один выход: рассказать отцу об отношениях с русским. Первым узнал тайну младший брат Розы Сема. Он приехал в Рим из Парижа (учился в Сорбонне) и провел все каникулы в доме Осоргина. Сема не был националистом и не относился всерьез к принципам отца. Его насторожило только двусмысленное положение сестры – он категорически настоял на том, чтоб брак был оформлен официально. С мнением брата Роза считалась, принятие решения облегчалось тем, что хоть кто-то из близких поддерживает ее…

Р. Гинцберг и Н. Перельман

Осоргин – этот «веселый безбожник», как он себя называл, развелся с первой женой и даже согласился принять гиюр*. Брак заключили в 1912 году. Роза Гинцберг стала официальной женой эмигранта и приняла фамилию Осоргина. Мать Розы, несмотря на то что придерживалась ортодоксально религиозных взглядов, примирилась с выбором дочери. Отец, как и ожидалось, отнесся к браку с «гоем» иначе – он отрекся от Рахель, напомнив ей о том, что человек должен жертвовать личным счастьем для народа. Формальный гиюр, который принял Осоргин, для Ахад-ха-Ама не имел никакого значения.

* Слово «гиюр» означает принятие иудаизма. Оно включает в себя изучение основ иудаизма, соблюдение заповедей и ритуалов Торы, для мужчин – прохождение обряда обрезания (брит-милы). Конечной стадией гиюра является собеседование в раввинском суде, который должен решить, может ли данный человек быть признан евреем. Такого человека называют «гер». Выполнил ли Осоргин все эти требования – неизвестно.

Когда началась Первая мировая война, Осоргин принял решение вернуться в Россию. Он сознавал, что это возвращение опасно не только для него, но и для Розы (судимость не сняли, без официального разрешения бывшему революционеру грозил арест, ссылка или расстрел), но желание быть со своим народом в непростое время пересиливало страх. Через Францию, Англию, Норвегию, Швецию, Финляндию Осоргины прибыли в Россию. Благодаря заступничеству одного из депутатов Государственной думы и неустойчивой обстановке в стране Осоргина не арестовали. В России он вел активную деятельность – ездил по волжским городам, присутствовал на открытии университета в Перми, побывал на Западном фронте, печатался в периодических изданиях. Позже он рассказывал о своей насыщенной жизни в автобиографических произведениях, правда, ни разу не упомянув имени Розы.

В тот период Осоргин был избран председателем Всероссийского союза журналистов, товарищем председателя Московского отделения Союза писателей: первый устав союза был написан совместно Осоргиным и М.О. Гершензоном. Когда в августе 1918 г. частная периодическая печать была ликвидирована, группа писателей, сплоченная узами давнего сотрудничества, решила основать небольшую книжную лавку и «вести ее исключительно своими силами, чтобы быть около книги и, не закабаляя себя службой, иметь лишний шанс не погибнуть от голода». «Книжная лавка писателей» открылась для творческих личностей, но спасала «от перспективы плясать под казенную дудочку» (М. Осоргин, «Листки», 1925 г.). Для независимого Осоргина это соображение было решающим. Возникла группа пайщиков, в которую вошли искусствовед П.П. Муратов, поэт В.Ф. Ходасевич, молодой прозаик А.С. Яковлев, историк литературы, переводчик и исследователь творчества Бальзака Б.А. Грифцов.

Позже к ним присоединились В.К. Зайцев, который «отвратительно упаковывал книги и очаровательно беседовал с покупателями» (М. Осоргин. «О Борисе Зайцеве». 1926.), философ Н.А. Бердяев, историк А.К. Дживелегов. Однако главным лицом в лавке, по свидетельству современников, был Осоргин (Н. Бердяев. «Самопознание». 1946). Лавка числилась при Союзе писателей, все пайщики были членами союза, трое входили в президиум,

а Б.К. Зайцев был его председателем. Это обстоятельство потому имело значение, что охраняло лавку от грозившей частным магазинам и библиотекам «муниципализации», а на самом деле – ликвидации. Осоргин вспоминал: «Осложнившаяся жизнь выбрасывала на рынок целый ряд старых библиотек, которые мы скупали, стараясь давать своему брату-писателю и ученым максимальную плату» (М. Осоргин. «Книжная лавка писателей». 1923). «Книжная лавка писателей» имела, конечно, не коммерческое значение, она была важным живым литературным общественным центром. «За прилавками у нас велись философские и литературные споры, в которых принимали участие и клиенты завсегдатаи, – писал Осоргин. – Было тесно, дымно от печурки, тепло от валенок, холодно пальцам от книг, весело от присутствия живых людей и приятно от сознания, что дело наше и любопытно, и полезно, и единственно не казенное, живое, свое…»

Основанная в сентябре 1918 года, лавка просуществовала до 1922-го, когда смысл ее дальнейшего существования в значительной степени исчерпался, налоговая же тяжесть в связи с расцветшим нэпом стала невыносимой. В самые тяжкие годы она была, по словам Михаила Андреевича, «…не только якорем личного нашего спасения, но и маленьким культурным центром Москвы, отдыхом и прибежищем писателей, профессоров, книголюбов, артистов, учащихся, всех, кто не хотел и в годы безвременья порвать с культурой, подавить в себе последние духовные устремления». Возникло при лавке характерное для тех лет, когда не было возможности печататься, рукописно-автографическое издательство: писатели сами переписывали, иллюстрировали и сшивали свои книги. Рассказывая об уникальной коллекции рукописных книг, изготовленных в лавке (их было около двухсот), В.Г. Лидин вспоминал, в частности, о книге Осоргина «Похвала березовым дровам», написанной автором на бересте (В. Лидин. «Друзья мои – книги: рассказы книголюба». 1976). В лавке собирались также члены Религиозно-философского общества, проводились заседания италофильского кружка «Студио Италиано», на которых, как вспоминал Осоргин, «холод не мешал возрождать любимые образы и делиться тем, что дала нам близость общей любовницы – Италии»… Сюда, в студию при лавке, за несколько месяцев до смерти приезжал читать свои стихи А. Блок.

Работая в лавке, Осоргин собрал исключительную по ценности библиотеку русских книг об Италии. А Роза, любя мужа, отдалялась от него, живя в уже чужой для нее, холодной страшной России. Она, еврейка, получившая светское образование, знающая несколько языков, проведшая юность в Англии и Италии, жила бытом простых русских женщин – ходила на Сухаревку, меняла платья на мерзлую картошку, которую затем варила на буржуйке. Когда в 1919 г. Осоргина арестовали «по недоразумению» и держали месяц на Лубянке, она носила ему передачи. «О любви написано так много, что, пожалуй, ничего нового не скажешь. Но, так как про нее пишут обычно гадости оттенка собачьего, и это считается особенно важным и занимательным, то остается область менее исследованная, а именно любовная простота и беззаветность, когда самого себя человек берет за скобку и больше не видит, а весь мир, и вся радость, и вся красота, и все благородство воплощается в другом человеке, который стоит перед ним денно и нощно, в необыкновенном сиянии, лучезарный без пятнышка, милый до сладости и душевного таянья, всех на свете лучше и единственно необходимый, и во всех поступках оправданный, и святой, так что хочется зажечь перед ним лампадку и бить земные поклоны» (М. Осоргин. «Что такое любовь?»).

Мемориальная доска на доме в Москве, где М. Осоргин жил в 1922 г.

В 1921 году закончилась Гражданская война. В Поволжье свирепствовал голод. В конце июля был образован Комитет помощи голодающим («Помгол»), куда вошли представители московской интеллигенции – в том числе и Осоргин. Но в конце августа коми-

тет был распущен, а большинство его членов арестованы и обвинены в контрреволюции. Осоргин провел на Лубянке около двух месяцев, пока его, больного, не отправили в ссылку в Краснококшайск (до 1919 г. Царевококшайск, ныне Йошкар-Ола); затем по состоянию здоровья ему было разрешено жить в Казани.

В Казани писатель стал выздоравливать и продолжил заниматься общественной деятельностью – помогал устраивать книжный магазин, посещал Казанский университет. Влюбился в поэтессу Веру Клюеву, которая работала в книжной лавке. Роза смиренно тянула на себе всю домашнюю работу. «Я пробыл в казанской ссылке всего полгода, и не считаю это время в жизни потерянным; везде есть люди, и хорошие люди, всюду – общения, о которых остается благодарная память. Комната с самодельной мебелью, поленница березовых дров в передней, сносное питание (я получал обильный «кооперативный» паек на своей службе), своя кулинария, великолепные казанские морозы, литературные беседы в малой университетской аудитории, новогодние пельмени в кругу актеров местного театра, мирные вечера в семье соседа по квартире, ласка моих молодых литературных друзей, сотрудников по газете и по устройству в Казани книжной лавки – мне решительно не на что жаловаться» (М. Осоргин. «Времена»).

Весной 1922 года Осоргину разрешили вернуться в Москву. Роза получила письмо от отца, который просил ее о примирении. Она наладила переписку с родителями и не поехала в Барвиху, где Осоргин позже жил вместе с семьей своего друга Бердяева. Однажды, возвращаясь из леса, Осоргин увидел около дома грузовик с чекистами – и ушел в соседнюю деревню, где провел несколько дней. Вскоре вернулся в Москву – скрывался теперь в клинике своего давнего знакомца А. Бакунина, на Остоженке. Там он и познакомился с дочерью Бакунина, восемнадцатилетней Татьяной.

В клинике Осоргин находился несколько дней, а затем не выдержал – позвонил в ГПУ. Следователь вызвал литератора на допрос. На Лубянке Осоргин заполнил анкету. На вопрос «Как вы относитесь к советской власти?» он ответил: «С удивлением»… После чего следователь огласил вину: «Нежелание примириться и работать с советской властью». И Осоргину сообщили приговор: высылка из России на три года под угрозой «ликвидации».

М.А. Осоргин в разные годы

Инициатором высылки идеологических противников был В.И. Ленин, который в письме к Сталину от 16 июля 1922 г. призывал: «Арестовать несколько сот и без объявления мотивов – выезжайте, господа!».

Через несколько дней Осоргины вместе с другими представителями московской и петроградской интеллигенции отплыли на одном из пяти достославных «философских пароходов» в Германию. В одном из своих интервью Троцкий объяснил причину высылки: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно». До осени 1923 года Осоргины находились в Берлине. Михаил неоднократно ездил в Италию читать лекции, писал очерки, работал над прозаическими произведениями. Особое место в жизни М. Осоргина занимала его бурная и многообразная масонская деятельность, начавшаяся еще 1914 году в ложе «Venti Settembre» Великой ложи Италии, а в 1925 г. он присоединился к ложе «Северная звезда», где занимал ряд высоких «офицерских» амплуа, считаясь одним из ее основателей – «Великий эксперт (исполнитель)» – 1927-1929 годы; «Оратор» – 1930-1932 и 1935-1937 годы. «1-й

страж» – 1931-1934 и 1937-1938 годы, и, наконец, «Досточтимый мастер» (наивысший статус) – с 1938 по 1940 год. С 1925 по 1940 год он активно участвовал в деятельности нескольких лож, работавших под эгидой «Великого востока Франции» – в том числе «Свободная Россия» и «Северные братья». В нашем предыдущем очерке этого цикла подчеркнута значительная роль, которую сыграл М. Осоргин в писательском становлении и масонской деятельности замечательного писателя-эмигранта Гайто Газданова.

Столь значительное место отведено подробностям биографии М. Осоргина в связи с тем, что подавляющее число весьма компетентных читателей абсолютно незнакомы с этим выдающимся литератором.

Не раз, и далеко не только нами отмечалась выраженная склонность творческих людей, скажем так, к разнообразию в личной жизни… В эти годы наш герой переписывался сразу с двумя женщинами, к которым испытывал в то время нежные чувства, – Татьяной Бакуниной и Верой Клюевой. Характер его отношений с женщинами становится понятным при ознакомлении с его письмом к Вере Клюевой: «Ты любишь меня полным сердцем, я – маленьким трепетным чувством, памятью прекрасного прошлого. Так же я люблю еще многих женщин. Ты для меня пойдешь на все – я для тебя пальцем не двину. Как каждый мужчина, я склонен грешить, – но на жертву я не способен». Неудивительно, что отношения между мужем и женой были натянутыми. Ничего, однако, не изменилось и после того, как Роза встретилась с родителями, приезжавшими в Германию из Тель-Авива. Из Берлина Роза и Михаил переехали в Париж. Спустя некоторое время туда эмигрировали Бакунины. Для Осоргина, влюбленного теперь в Татьяну, дочь своего друга, врача, депутата Госдумы 2-го созыва Алексея Ильича Бакунина, брак с Розой, длившийся официально одиннадцать, а фактически уже пятнадцать лет, становился обузой, и в 1923 году был оформлен развод.

В своем последнем, посмертно изданном сочинении «Времена» Осоргин (он из публициста превратился в писателя довольно поздно, уже после революции. – **Л. А.**) пишет: «В моей зрелой жизни я умышленно пропускаю целую большую область чувств, обманчивых или значительных, не раз эту жизнь осложнявших.

Она изжита и зачеркнута одним, поздним чувством, с которым я закрою глаза. В кольцах цепи осталось и останется только одно грошовое колечко с каплей красного сургуча вместо драгоценного камня; всему остальному почтительный поклон; его я не потревожу напрасными строками». Вот этим «почтительным поклоном», адресованным неясному безликому «остальному», от которого совсем ничего не осталось, закончился брачный союз Розы Гинцберг с Михаилом Осоргиным.

Осенью 1926 года Осоргин официально оформил брак с Татьяной Бакуниной. Несмотря на то, что семья Розы жила в Палестине, где еще в 1924 г. умер ее отец, она осталась в Париже. Работала юристом и изредка общалась со знакомыми эмигрантами. Входила в Дамский комитет Союза русских писателей и журналистов в Париже. В РГАЛИ хранится письмо, адресованное Н.А. Бердяеву, написанное ею в 1924 году. Биографический очерк М. Климова о Розе Гинцберг завершает так: «Роза не вышла замуж и не родила детей – пожертвовала «личным счастьем» для блага народа, как когда-то требовал ее отец». Ему вторит и Н. Елина, дочь Розиной подруги Нехи Перельман: «Юридическая профессия давала Розе заработок, от Осоргина материально она не зависела. В эмигрантских кругах у нее были знакомые, и здесь чужой она себя не чувствовала, вернее – в Париже все они были чужими… Были ли у нее увлечения? Одно, как будто, было, только, вероятно, не увлечение, а попытка заглушить душевную боль и успокоить уязвленную гордость…». Тем не менее статья в Википедии однозначно утверждает: «Р.Г. Осоргина-Гинцберг повторно вышла замуж за художника и журналиста Н.В. Макеева». Год не указан…

Ознакомившись позже с материалами биографии и дневников известной русской писательницы-эмигрантки, поэтессы, педагога, автора документально-биографических исследований и мемуаров Н.Н. Берберовой, удалось установить, что после ухода ее, Берберовой, от мужа – не менее известного русского поэта, переводчика Владислава Фелициановича Ходасевича (выступал также как критик, мемуарист и историк литературы, пушкинист. – **Л. А.**), в 1936 году в Париже, она официально выходит замуж за не слишком популярного журналиста, художника, члена партии социалистов-революционеров Николая Васильевича Ма-

кеева (1889-1975), с которым была знакома с 1925 г., фактически еще с 1933 г. разлучив предварительно его с первой женой Рахилью Григорьевной Гинцберг, с которой он состоял в официальном браке. Этот брак также распался через десять лет, и в своей автобиографической книге «Курсив мой» Берберова так красноречиво отозвалась о бывшем супруге: «Для меня он был и остался одним из тех русских людей, которые, как некий герой народной сказки, решительно все умеют делать и решительно ко всему способны. Но почему-то так выходит, что в конце концов ничего не остается от этих способностей, вода льется у них между пальцев, слова уносит ветер, дело разваливается. И вот уже никто ничего от них не ждет. И чем меньше верят им, тем больше они теряют веру в себя, чем меньше ждут от них, тем бессмысленнее тратят они себя и остаются в конце концов с тем, с чего начали: с возможностями, которые не осуществились, и с очарованием личным, которое дано им было со дня рождения как благодать»… Неудивительно, что «остаться в истории» Берберова предпочитала как жена Ходасевича…

В 1932 Роза Гинцберг уехала в Эрец-Исраэль и поселилась в Тель-Авиве. Занималась активной деятельностью: работала в юридической конторе своей невестки Розы Гиносар, позже – возглавила эту фирму, помогала еврейской репатриации в Палестину. Кроме профессиональных проявились у нее и другие способности, в частности – лидерские качества: она стала председателем еврейской женской организации ВИЦО. Привлекала окружающих светлым умом, остроумием, красноречием и настойчивостью. Работала много и с увлечением, как когда-то ее отец. О прошлом не вспоминала, оно осталось далеко… А она жила сегодняшней напряженной жизнью своей молодой страны. До тех пор, пока тяжелая болезнь не свалила ее с ног, чтобы больше не подняться…

В 1957 г. Роза Гинцберг, дочь Ахад-ха-Ама, скончалась. В одной из публикаций о Розе Н.Ф. Елина пишет: «Я ее не знала, но фотография барельефа, где она запечатлена вместе с моей матерью Нюней Перельман (см. фото, автор неизвестен. – **Л. А.**), висит у меня на стене в старом доме на узкой улочке в центре Иерусалима. И глядя на эту фотографию, я думаю о странной судьбе женщины, оторвавшейся, казалось, от своего народа, с которым

крепкими корнями был связан ее отец, и вернувшейся уже в зрелом возрасте обратно, к истокам, давшим ей некогда жизнь».

Как писатель М.А. Осоргин стал известен еще в России, но слава пришла к нему в эмиграции, где были опубликованы его лучшие книги. «Сивцев Вражек» (1928, отмечен международной премией, в той ситуации – почти Нобелевской),«Повесть о сестре» (1931), «Свидетель истории» (1932), «Книга о концах» (1935), «Вольный каменщик» (1937), «Повесть о некоей девице» (1938); сборники рассказов «Там, где был счастлив» (1928), «Чудо на озере» (1931), «Происшествия Зеленого мира» (1938); воспоминания «Времена» (1955). Многочисленные прозаические вещи Осоргина в последние годы пробивают себе дорогу на родину. Стихов Осоргина сохранилось не много. Он много переводил с итальянского: пьесы Л. Пиранделло, Л. Кьярелли и др. Приведенное ниже оригинальное стихотворение Осоргина вполне соответствует почти умершему у нас жанру политсатиры, отражающему взаимоотношения социал-демократов («С.-Д.») и эсеров («С. Р.»), которое воспринимается ярче в первозданном виде…

Молитва соціалъ-демократа

Раннимъ утромъ встаетъ соціалъ-демократъ,
Членъ великой, россійской, единой, –
Пролетарскую плоть въ буржуазный халатъ
Облекаетъ съ суровою миной.
Поплескавши небрежно на личность водой
И объ массѣ подумавъ при этомъ,
На колѣни онъ палъ предъ иконой святой, –
Предъ великаго Маркса портретомъ.
«О, великій учитель, воскликнулъ С.-Д.

«Ты, чья догма всегда непреложна,
«Ты, чья схема навѣкъ приложима вездѣ,
«Чьи слова измѣнять невозможно, –
«Повели, чтобъ С. Р-ы не знали побѣдъ.
«Чтобъ С. Р-овъ разрушили козни,
«Чтобы даже младенцы смотрѣли на свѣтъ
«Съ точки зрѣнія классовой розни.
«Повели, чтобы шли мы всегда впереди,
«Чтобы пала общинная Троя,
«И деревни, учитель, скорѣй поведи
«По пути буржуазнаго строя, –
«Чтобъ скорѣе создалъ капиталъ батрака,
«Чтобы крупныя ввелъ производства,
«Чтобъ скорѣй, оторвавъ отъ земли мужика,
«Далъ ему съ пролетаріемъ сходство;
«Повели, чтобъ проклятый аграрный вопросъ
«Сталъ скорѣе аграрнымъ отвѣтомъ,
«И устрой это такъ, чтобъ еще длинный носъ
«Получили С. Р-ы при этомъ»...
Такъ молился С. Д. К., возставъ ото сна,
Но въ отвѣтъ на мольбу соціала
Марксъ изрекъ: «Отойди отъ меня, сатана,
И прочти третій томъ Капитала!»

Выполненный им еще в 1921 г. по просьбе Е.Б. Вахтангова перевод пьесы Карло Гоцци «Принцесса Турандот» (белый стих) до сих пор звучит на сцене Вахтанговского театра. Истинной поэзии в рассказах Осоргина исполнены описания уральской природы, ставшей его непреходящей любовью.: «Я тебя люблю, земля, меня родившая, и признаю тебя моей величайшей святыней». Он ощущает себя коренным русским человеком, потомком давних варягов, осевших на востоке, на границе с Сибирью, и радуется, и гордится, «что родился в глубокой провинции, в деревянном доме, окруженном несчитанными десятинами, никогда не знавшими крепостного права», и что голубая кровь его отцов окислилась независимыми просторами, очистилась речной и родниковой водой, окрасилась заново в дыхании хвойных лесов

и позволила во всех скитаниях остаться простым срединным провинциальным русским человеком, не извращенным ни сословным, ни расовым сознанием, сыном земли и братом любого двуногого».

Осоргин сохранял советское гражданство до 1937 года, после чего был апатридом, жил без паспорта, французского гражданства не получил. С начала Второй мировой войны жизнь Осоргина круто изменилась. В июне 1940 года, после наступления немцев и оккупации части французской территории, Осоргин с женой бежали из Парижа. Они поселились в Шабри, на том берегу реки Шер, который не был занят немцами. Там Осоргин написал книгу «В тихом местечке Франции» (1940) и «Письма о незначительном» (опубл. в 1952). Осудив войну, писатель размышлял о гибели культуры, предупреждал об опасности возвращения человечества в средневековье, скорбел о непоправимом ущербе, который может быть нанесен духовным ценностям. Вместе с тем он твердо стоял за право человека на свободу личности. В «Письмах о незначительном» писатель провидел новую катастрофу: «Когда война закончится, – писал Осоргин, – весь мир будет готовиться к новой войне». Там же, в Шабри, писатель скончался и был похоронен в конце 1942 г.

Памятник М.А. Осоргину на кладбище в Шабри, Франция

Ирина Озёрная

Цирк навсегда*

Фрагмент из книги «Юрий Олеша»

Кстати, и в самой идее создания образа девочки-куклы Суок не обошлось без детских цирковых впечатлений писателя. «Я видел как-то в цирке номер, который тогда назывался «Мото-фозо»**, – вспоминал Ю. К. приблизительно в 1955 году. И добавлял, что если бы он напомнил об этой очень популярной в его детстве и юности репризе своему близкому товарищу, прославленному цирковому режиссеру Арнольду Григорьевичу Арнольду, в то время главрежу Московского цирка на Цветном бульваре, тот бы рассказал о «Мотофозо» гораздо подробнее. Думается, что и сам Арнольд, с которым Ю. К. связывала их общая страсть к цирку, неоднократно использовал этот популярный фокус в своих постановках.

Само название циркового номера «Мотофозо», в котором артист изображает куклу, оживающую в процессе, образовано от сочетания двух латинизмов: *mot (o)* – движение, и *fasa* – фаза, синонимичное – *poza, pausa*. То есть – движение и остановка, жизнь и смерть, замирание в позе. Ю. К. был хорошо известен смысл сочетания двух понятий, созвучных и родственных слову *metamorphosa*. Оно пришло в латинский язык, как и многие другие слова, из греческого – *metamorphōsis*: приобретение новой формы, или превращение.

«Мото-фозо, – описывал покоривший его в детстве цирковой номер Ю. К., – это человек-кукла <…> молодой человек во фраке и в цилиндре, просто юный франт с голубо-розовым, как у куклы, лицом

* Окончание. Начало в кн. 85.

** Устаревшее написание через дефис.

Толстяки. Рисунок Ю.К. Олеши. 1950-е

и с синими, нарисованными почти до щек ресницами. Ну, и конечно, как у кукол же, неподвижные, хотя и лучащиеся глаза.

Его, этого франта, выносили на арену. Он был кукла. Это все видели. Настолько кукла, что, когда униформа, вдруг забыв, что это кукла, переставал ее поддерживать и отходил, она падала. Причем под общий панический возглас цирка падала назад, навзничь. Ее, сокрушенно покачав головой, опять поднимали.

Проделывался целый ряд конфликтов, рассчитанных как раз на то, чтобы создавалось впечатление куклы, и номер заканчивался тем <…> что куклу несли по кругу партера, останавливаясь то перед одним мальчиком, то перед другим, то перед отшатнувшейся в застенчивости девочкой, – и мы могли чуть ли не целовать его в щеки, этого старшего мальчика в белом жилете; его ресницы не дрожали, не дрожали ноздри, но все же прелестная душа улыбки, маска смеха дружески общалась с нами, на миг как бы появляясь на застывшей маске <…>

Вдруг под звуки галопа он срывал с головы цилиндр и высоко поднимал его над головой, и от радости, что ожил, вздымались кверху цилиндр, перчатка, еще что-то (плащ?), – он убегал с арены, прямо-таки весь засыпанный детскими ладошками – мало того, даже пятками, потому что некоторые малыши от восторга валились на спину!»

А вот как этот запомнившийся Ю. К. на всю жизнь номер был преобразован в романе «Три Толстяка», где роль «Мотофозо» блистательно сыграла юная циркачка Суок. Причем сыграла по команде гимнаста Тибула «Алле!» так же, как и в прежних их воскресных представлениях:

«Ты стояла на полосатом мостике. Я говорил: “Алле”! – и ты сходила на проволоку и шла ко мне. Я ожидал тебя посередине, очень высоко над толпой. Я выдвигал одно колено, опять говорил тебе: “Алле!” – и ты, став на мое колено, поднималась ко мне на плечи... Тебе было страшно?

– Нет. Ты говорил мне: “Алле!” – значит, надо было быть спокойной и ничего не бояться.

– Ну вот, – сказал Тибул, – теперь я тебе тоже говорю: “Алле!” Ты будешь куклой».

И Суок блистательно исполнила номер «Мотофозо» во дворце Трех Толстяков:

«Кукла шла без посторонней помощи.

О, Суок прекрасно играла свою роль! Если бы она попала в общество самых настоящих кукол, то, без всякого сомнения, они приняли бы ее за такую же куклу.

Она была спокойна. Она чувствовала, что роль ей удается.

“Бывают более трудные вещи, – думала она, – например, жонглировать зажженной лампой или делать двойное сальто-мортале...”

А Суок случалось в цирке проделывать и то и другое.

Словом, Суок не боялась. Ей даже нравилась эта игра <...> она ступала маленькими шажками, подобно балерине, идущей на носках. Платье ее шевелилось, дрожало и шелестело...»

Но Ю. К. значительно усовершенствовал в романе номер «Мотофозо». Ожившая кукла Суок умела еще и говорить, и многое другое:

«– Это ты, кукла? – спросил наследник Тутти, протягивая руку.

“Что же мне делать? – испугалась Суок. – Разве куклы говорят? Ах, меня не предупредили! <...>”

Но на помощь пришел доктор Гаспар.

– Господин наследник, – сказал он торжественно, – я вылечил вашу куклу! Как видите, я не только вернул ей жизнь, но и сделал эту жизнь более замечательной. Кукла, несомненно, похорошела, затем она получила новое, великолепное платье, и самое главное – я научил вашу куклу говорить, сочинять песенки и танцевать.

– Какое счастье! – тихо сказал наследник.

“Пора действовать”, – решила Суок».

И, благодаря дарованному ей автором выдающемуся таланту, пределы традиционного номера «Мотофозо» значительно расширились в этой, можно смело сказать, цирковой репризе, сочиненной Ю. К.

«И вот Суок начала разыгрывать свою роль куклы по-настоящему.

Она сдвинула носки, потом приподнялась на них, подняла к лицу руки, согнутые в локтях, и, шевеля обоими мизинцами на манер китайского мандарина, начала петь песенку. При этом она покачивала головой в такт мотиву направо и налево.

Улыбалась она кокетливо и лукаво. Но все время она старалась, чтобы глаза ее были круглые и широкие, как у всех кукол.

Она пела так:

Вот наукой неизвестной,
Раздувая в тиглях жар,
Воскресил меня чудесно
Добрый доктор наш Гаспар.
Посмотри: я улыбнулась.
Слышишь ли: вздохнула я...
Так опять ко мне вернулась
Жизнь веселая моя <…>

Действительно <…> голос звучал такой прелестью, что казалось – исходил из серебряного или стеклянного горла».

После того как кукла окончила песенку и сделала реверанс, она была осыпана восторженными аплодисментами и зрительскими комплиментами, не меньшими, чем «Мотофозо» из детства Ю. К. Глаза Тутти были полны слез. «Зал восхищенно вздохнул. Все зашевелились, закивали головами, защелкали языками». И уже после этого, воодушевленная первой победой, Суок получила решающую оценку своему актерскому мастерству, по поводу которой тревожилась больше всего. В зал вошли Три Толстяка и стали внимательно разглядывать ее:

«– Она чудесна! – воскликнул Тутти.

Толстяки никогда не видели его таким оживленным.

– Вот и отлично! Она действительно выглядит хорошо…

Первый Толстяк <…> сказал:

Доктор Гаспар. Рисунок Ю.К. Олеши. 1950-е

– Доктор Гаспар, вы исполнили наше приказание. Теперь вы имеете право требовать награды <…>

Доктор начал излагать свою просьбу:

– Вчера на Площади Суда построили десять плах для казни восставших <...> Я прошу даровать всем пленникам жизнь и свободу. Я прошу отменить казнь вовсе и сжечь эти плахи <...>

В ответ затрещали крики Толстяков <...>

– Нет! Нет! Нет! Ни за что! Они будут казнены!»

И вот тут Ю. К. приказывает Суок совершить действие прямо противоположное тому, что проделывал в его детстве Мотофозо:

«– Умрите, – шепнул доктор кукле.

Суок сообразила, в чем дело. Она снова встала на носки, пискнула и покачнулась. Платье ее затрепетало, точно крылья у пойманной бабочки, голова опустилась, – каждую секунду кукла готова была упасть.

Наследник бросился к ней.

– Ах! Ах! – закричал он.

Суок пискнула еще печальнее.

– Вот, – сказал доктор Гаспар, – вы видите? Кукла снова потеряет свою жизнь. Механизм, заключенный в ней, слишком чувствителен. Она окончательно испортится, если вы не исполните моей просьбы <…>

Гнев охватил наследника. Он затопал ногами, как слоненок. Он зажмурил глаза и замахал головой.

– Ни за что! Слышите, ни за что! – кричал он. – Исполните просьбу доктора! Я не отдам моей куклы! Суок! Суок! – разрыдался он.

Конечно, Толстяки сдались. Приказ был дан. Помилование было объявлено. Счастливый доктор Гаспар отправился домой».

А далее автор превращает уже весь дворец Трех Толстяков в цирк своих детских воспоминаний и ассоциаций, в котором его знаменитая «чудо-девочка» Суок находится в центре увлекательнейшего представления. Продолжая играть роль ожившей куклы, она не перестает удивлять Тутти своим новыми умениями. Теперь его кукла может есть пирожные, причем с большим аппетитом; смеяться «веселым, звонким смехом», которого наследник, лишенный общества детей, никогда раньше не слышал; способна делиться множеством невероятных, якобы приснившихся ей, историй про жизнь за воротами дворца. Но, главное, она потрясающе рассказывает ему о цирке:

«...Постепенно она увлеклась и забыла о том, что рассказывает сон.

– Я очень давно живу в балаганчике дядюшки Бризака. Я даже не помню, с каких пор я умею танцевать, и ездить верхом, и крутиться на трапеции. Ах, каким я научилась чудесным штукам! – она всплеснула руками. – Вот, например, в прошлое воскресенье мы представляли в гавани. Я играла вальс на абрикосовых косточках...

– Как – на абрикосовых косточках?

– Ах, ты не знаешь? Разве ты не видел свистка, сделанного из абрикосовой косточки? <...> Можно свистеть вальс и не только на двенадцати косточках. Я умею свистеть и ключиком...»

Тетушка Ганимед. Рисунок Ю.К. Олеши. 1950-е

И вот тут резидентка-мотофозо Суок выполняет задание другого циркача – гимнаста Тибула. Потрясенный ее рассказа-

ми, Тутти вручает ей хранившийся у него ключ от клетки оружейника Просперо, томившегося в цирково-дворцовом зверинце.

Ну а дальше, читая роман, мы оказываемся на втором отделении циркового шоу: животные. На арене – зверинец. В качестве дрессировщика с визжащей и вьющейся под его рукой дикой пантерой выступает Просперо, несущий в свободной руке «девочку в сияющем розовом платье». Ну чем не цирк?! А номер с поиском в дворцовой кухне кастрюли, под крышкой которой оказывался спасительный подземный ход, ведущий из дворца не куда-нибудь, а на капустные грядки?! А говорящий попугай в качестве свидетеля на суде?! А комичные танцы учеников Раздватриса:

«На большом паркете медового цвета в круглом (как арена! – **И. О.**) зале Раздватрис преподавал свое искусство.

Он сам играл на черной флейте, которая каким-то чудом держалась у его губ, потому что он все время размахивал руками в кружевных манжетах и белых лайковых перчатках. Он изгибался, принимал позы, закатывал глазки, отбивал каблуком такт и каждую минуту подбегал к зеркалу посмотреть, красив ли он, хорошо ли сидят его бантики, блестит ли напомаженная голова... Пары вертелись. Их было так много и они так потели, что можно было подумать следующее: варится какой-то пестрый и, должно быть, невкусный суп.

То кавалер, то дама, завертевшись в общей сутолоке, становились похожими либо на хвостатую репу, либо на лист капусты, или еще на что-нибудь непонятное, цветное и причудливое, что можно найти в тарелке супа.

А Раздватрис исполнял в этом супе должность ложки. Тем более что он был очень длинный, тонкий и изогнутый».

Ну и под конец – вынесенный Тремя Толстяками приговор Суок: «Ее растерзают звери». Вот как абсолютно по-цирковому выписана в романе сцена этой неслучившейся казни, ведь Мотофозо-Суок, подмененную ее спасителем-гвардейцем на настоящую куклу наследника Тутти, было невозможно казнить.

«Все взоры устремились на розовый жалкий комок, лежавший в кругу между клеток.

Тогда вошел укротитель (очередное авторское напоминание, что действие происходит именно в цирке, так как в зверинцах укротителей не бывает. – **И. О.**), хлопая бичом и сверкая

пистолетом. Музыканты заиграли марш. Так Суок в последний раз выступала перед публикой.

– Алле! – крикнул укротитель.

Железная дверь клетки загремела. Из клетки, тяжело и бесшумно кидая лапами, выбежали тигры.

Толстяки захохотали. Советники захихикали и затрясли париками. Хлопал бич.

Три тигра подбежали к Суок.

Она лежала неподвижно, глядя в небо неподвижными серыми глазами. Все приподнялись. Все готовы были закричать от удовольствия, увидев расправу зверей с маленьким другом народа...

Но... тигры подошли, один нагнул лобастую голову, понюхал, другой тронул кошачьей лапой девочку, третий, даже не обратив внимания, пробежал мимо и, став перед трибуной, начал рычать на Толстяков.

Тогда все увидели, что это была не живая девочка, а кукла – рваная, старая, никуда не годная кукла».

В романе действуют и другие персонажи, вылупившиеся из детских цирковых впечатлений Ю. К.: клоун Август и большая белая лошадь Аира, на которой Суок ездила и «жонглировала, стоя на широком седле, покрытом рваным желтым атласом». Целую труппу фокусников, укротителей, клоунов, наездниц, чревовещателей, танцоров наняли Три Толстяка для восхваления их и отвлечения народа в день казни мятежников. Среди циркачей в представлении на рыночной площади был объявлен и номер силача Лапитупа. Прозвище его, подобно имени Раздватриса, сразу же давало знать читателю, кто сейчас появится перед ним. Расшифровывается оно просто – ЛАПИщи ТУПые, что сродни поговорке: сила есть – ума не надо:

«Действительно, этот огромный детина в розовом трико казался очень сильным.

Он сопел и нагибал голову по-бычьи. Мускулы у него ходили под кожей, точно кролики, проглоченные удавом.

Прислужники принесли гири и бросили их на подмостки. Доски чуть не проломились <...>

Силач начал показывать свое искусство. Он взял в каждую руку по гире, подкинул гири, как мячики, поймал и потом с раз-

маху ударил одну о другую... Посыпались искры.

– Вот! – сказал он. – Так Три Толстяка разобьют лбы оружейнику Просперо и гимнасту Тибулу».

Но ум, благородство и доброта, – был уверен Ю. К., – непременно должны побеждать тупую силу, и на арене нашего внимания появляется главный циркач романа – гимнаст Тибул. Причем в образе негра, будучи загримированным для безопасности доктором Гаспаром Арнери, что, конечно же, усилило цирковую экзотику этой сцены.

Кот на нотах. Рисунок Ю.К. Олеши

«Негр поднялся на подмостки:

– Ты очень силен, но подл ты не менее. Ответь лучше, кто ты? Кто тебе дал право издеваться над народом? <…>

– Уходи вон! – крикнул негр <…>

Толпа замерла. Негр был на голову ниже Лапитупа и втрое тоньше его, однако никто не сомневался, что в случае драки победит негр, – такой решительный, строгий и уверенный был у него вид <…>

Силач исчез <…>

– Вот так прогонит народ Трех Толстяков! – весело сказал негр, поднимая руки».

Очевидно, что освободителя народа гимнаста Тибула Ю. К. не случайно сделал канатоходцем. С детства увлеченный историей древнего мира, а в юности «начитавшийся Ницше», писатель знал, что канат, натянутый над бездною, символизировал у древних путь спасения, а канатоходец, переходивший на другую сторону пропасти, объявлялся спасателем мира. Пропастью в романе «Три Толстяка» во время восстания народа оказывалась круглая – как арена! –

Площадь Звезды. Очередная переводная картинка Ю. К. – цирк его детства, освещенный гигантским софитом памяти писателя.

«Называли эту площадь Площадью Звезды по следующей причине. Она была окружена огромными, одинаковой высоты и формы домами и покрыта стеклянным куполом, что делало ее похожей на колоссальный цирк. В середине купола, на страшной высоте, горел самый большой в мире фонарь. Это был удивительной величины шар. Охваченный поперек железным кольцом, висящий на мощных тросах, он напоминал планету Сатурн. Свет его был так прекрасен и так не похож на какой бы то ни было земной свет, что люди дали этому фонарю чудесное имя – Звезда. Так стали называть и всю площадь».

Но на этот раз номер Тибула был значительно опаснее всех предыдущих. Он был уже не в роли «канатного плясуна», развлекавшего зевак на ярмарочных аренах наподобие канатоходца из «Заратустры» Ницше. Теперь он, одержимый высокой идеей, пересекал свою «бездну» – Площадь Звезды, – на которой вместо праздных зрителей толпился восставший народ, а пистолеты гвардейцев были вовсе не из циркового реквизита.

«На площади было большое волнение. По огромному круглому пространству, рассыпаясь разноцветными горстями, бегали люди. Казалось, что круг площади вращается, как карусель. Люди перекатывались с одного места на другое, чтобы лучше увидеть то, что делалось наверху.

Чудовищный фонарь, пылавший на высоте, ослеплял глаза, как солнце. Люди задирали головы кверху и прикрывали глаза ладонями <…>

Там по крыше двигалась маленькая фигурка. Она медленно, осторожно и уверенно спускалась по наклону треугольной верхушки дома. Железо гремело под ее ногами.

Она размахивала плащом, ловя равновесие, подобно тому как канатоходец в цирке находит равновесие при помощи желтого китайского зонта.

Это был гимнаст Тибул.

Народ кричал:

– Браво, Тибул! Браво, Тибул!

– Держись! Вспомни, как ты ходил по канату на ярмарке <…>

Тибул продолжал свой страшный путь».

Но воспоминания о цирке детства у Ю. К. тут явно перемешивались с его знаниями о древнеримском жестоком цирке, на арене которого люди не понарошку убивали друг друга:

«На площади появились гвардейцы. Зеваки бежали к боковым улицам. Тибул перешагнул через барьер и стал на карнизе. Он вытянул руку, обмотанную плащом. Зеленый плащ развевался, как знамя.

С этим же плащом, в этом же трико, сшитом из желтых и черных треугольников, народ привык его видеть во время представлений на ярмарках и воскресных гуляньях.

Теперь высоко, под стеклянным куполом, маленький, тоненький и полосатый, он был похож на осу, ползающую по белой стене дома. Когда плащ раздувался, казалось, что оса раскрывает зеленые блестящие крылья <…>

Гвардейцы выбрали удобную позицию. Офицер бегал крайне озабоченный. В руках он держал пистолет. Шпоры у него были длинные, как полозья.

Наступила полная тишина. Доктор схватился за сердце, которое прыгало, как яйцо в кипятке.

Тибул задержался секунду на карнизе. Ему нужно было пробраться на противоположную сторону площади. Тогда он мог бы бежать с Площади Звезды в сторону рабочих кварталов».

И вот наступил всем хорошо известный с детства кульминационный момент опасного циркового воздушного трюка, когда под звук барабанной дроби все зрители – от мала до велика – замирают на трибунах в общем напряжении, и сердце уже у каждого прыгает «яйцом в кипятке», как у доктора Гаспара:

«– Стойте! – сказал офицер солдатам. – Я его сам подстрелю. Я лучший стрелок в полку. Учитесь, как нужно стрелять.

От девяти домов, со всех сторон, к середине купола, к Звезде, тянулось девять стальных тросов, таких толстых, как морской канат, проволок. Казалось, что от фонаря, от пылающей великолепной Звезды, разлеталось над площадью девять черных длиннейших лучей <…>

Офицер поднял пистолет и стал прицеливаться. Тибул дошел по карнизу до того места, где начиналась проволока, отделился от стены и двинулся по проволоке к фонарю.

Толпа ахнула.

Он шел то очень медленно, то вдруг пускался почти бегом, быстро и осторожно переступая, покачиваясь, распрямив руки. Каждую минуту казалось, что он упадет. Теперь появилась его тень на стене. Чем более он приближался к фонарю, тем ниже опускалась тень по стене и тем она становилась больше и бледнее.

Внизу была пропасть.

И когда он был на середине пути до фонаря, в полной тишине раздался голос офицера:

– Сейчас я выстрелю. Он полетит прямо в бассейн. Раз, два, три!

Выстрел грохнул».

И тут представление с кульминационной вершины влетает с цирковой стремительностью в развязку:

«Тибул продолжал идти, а офицер почему-то свалился прямо в бассейн. Он был убит.

Один из гвардейцев держал пистолет, из которого шел голубой дымок. Он застрелил офицера».

Да, в гладиаторском цирке, как нам известно, случались восстания. Так и тут гвардеец, перешедший на сторону народа, защитил его спасателя канатоходца, застрелив офицера.

«– Да здравствует народ! – поддержали его другие гвардейцы.

– Да здравствуют Три Толстяка! – закричали их противники.

Они рассыпались во все стороны и открыли пальбу в человека, который шел по проволоке.

Он был уже в двух шагах от фонаря. Взмахами плаща Тибул защищал глаза от блеска. Пули летели мимо. Толпа ревела в восторге <…>

Тибул взобрался на кольцо, окружавшее фонарь.

– Ничего! – кричали гвардейцы. – Он перейдет на ту сторону... Он пойдет по другой проволоке. Оттуда мы и снимем его!

Тут произошло такое, чего никто не ожидал. Полосатая фигурка, в блеске фонаря ставшая черной, присела на зеленом кольце, повернула какой-то рычаг, что-то щелкнуло, звякнуло – и фонарь мгновенно потух.

Никто не успел сказать ни слова. Сделалось страшно темно и страшно тихо, как в сундуке.

А в следующую минуту высоко-высоко что-то снова стукнуло и зазвенело. В темном куполе открылся бледный квадрат. Все увидели кусочек неба с двумя маленькими звездочками. Потом в этот квадрат, на фоне неба, пролезла черная фигурка, и было слышно, как кто-то быстро побежал по стеклянному куполу.

Гимнаст Тибул спасся с Площади Звезды через люк».

Ю.К. Олеша. Автопортрет. Конец 1950-х

Философский смысл этого перехода через пропасть здесь очевиден. Тибул не просто спасал себя. Он бесстрашно рисковал, надеясь на свой профессионализм и ловкость, так как ему необходимо было во что бы то ни стало преодолеть опасность, перейти через пропасть и выжить ради высокой идеи. Он тут – не просто спасшийся, он – спасатель. Ю. К., увлеченный тогда Ницше, был солидарен с его Заратустрой, говорившим: «Я люблю тех, кто не ищет за звездами причины, чтобы погибнуть и стать жертвою; но которые отдают себя в жертву земле, чтобы она когда-нибудь сделалась землею сверхчеловека»*.

* Ницше Ф. Собр. соч.: в 2 т. – М.: Сирин, 1990. Т. 1, с. 9.

Сергей Луговцев

Вся власть – сонетам!

Однажды в 2006 или 2007 г., незадолго до незаслуженного вывода на вполне заслуженный «отдых»-пенсию, ко мне заглянул сотрудник с приватным вопросом. Зная, что в моей семье существует культ книги, задал мне неординарный вопрос, который несколько удивил и порадовал меня.

– Есть ли в вашей библиотеке венки сонетов?

– Конечно же, есть!

Вопрос порадовал тем, что есть еще любители столь сложной формы поэзии, хотя и по сей день среди поэтов, любителей поэзии и профессионалов-литературоведов не прекращаются споры, перекатывающиеся время от времени, как океанские цунами, – о поэтической значимости твердой формы поэзии, сонета, и алгебраичности не менее твердой формы поэзии – венка сонетов.

А ведь сложность создания венка сонетов чертырнадцатикратно повышает сложность создание сонета! Действительно, требования к форме сонета весьма жестки и зачастую отпугивают не только и не столько начинающих поэтов, но и поэтов со стажем и опытом.

По прочтении сотрудником нескольких наиболее ярких примеров венков сонетов, от которых он пришел в восторг, мне были заданы два вопроса, поставивших меня в весьма затруднительное положение, а затем и введших в состояние полного ступора из-за отсутствия сколь-нибудь вразумительного ответа.

– А сколько известно авторов венков сонетов? И сколько же вообще было создано произведений в этой весьма сложной, удивительной и блестящей форме поэзии?

Ответа на эти вопросы у меня не было даже в первом приближении, как нет, впрочем, и сейчас, с учетом удивительной текучести, изменчивости числа произведений во времени: еже-дневно, еже-часно, еже-секундно…

Но эти вопросы у меня как у человека более технического, чем гуманитарного, засели в голове этакими занозами. И когда мой мозг освободился от привычных, весьма серьезных и важных проблем взрывоопасного производства, эти занозы всплыли в памяти…

А действительно – сколько? И почему бы не украсить нашу библиотеку достойной подборкой столь изысканных произведений… как мне показалось, числом не великим…

Какая же опрометчивость была у меня водительницей? Но решение принято – за дело!

Во-первых, была досконально изучена собственная библиотека, получилась небольшая подборка, которая произвела на меня столь сильное впечатление, что известная птичка, увязнув коготком, а затем пропала полностью и навсегда. Столь резкий слом моральных ориентиров поразил меня самого, хотя бы из тех соображений, что я по образованию, профессии и, что особенно важно, по призванию – строитель, «каменщик». Изменение направления интересов, его радикальность и глубина были просто невероятны настолько, что в первых числах января 2021 г. пошел уже тринадцатый год беспредельного увлечения этой удивительно яркой формой поэзии: с одной стороны – вполне зрелой, а вместе с тем весьма молодой. Сонет и венок сонетов, неразрывно связанные между собой.

Вторым этапом моей венкосонетной эпопеи можно считать январь-апрель 2009 года, когда поиски по Интернету позволили собрать более 300 образцов венкосонетного творчества, произведений и авторов, разбросанных в разные части света, разных по поэтическому уровню.

Учитывая мой опыт коллекционера с 5-летнего возраста и некоторые навыки общения с компьютером (на этот момент уже создана библиотечная база данных, около 8000 томов), я пришел к твердому убеждению, что без электронной базы данных

не обойтись: в дальнейшем это сослужило добрую службу для учета накопленного материала.

В мае 2009 г. произошло заочное знакомство, а в мае 2010-го состоялась и первая встреча с питерскими коллекционерами, которая обозначила верстовые знаки в направлении поисков, квалификации и форм хранения найденных текстов венков сонетов, что сыграло серьезную роль в дальнейшем.

Начался период бурного накопления информации об авторах и их произведениях, о критиках, литературоведах и людях, пораженных таким же недугом собирательства. География знакомств охватила весь мир, образно говоря, от Востока Дальнего до Запада Дикого, от полуострова Кольского до полуострова Аравийского, а иной раз захватывалось и Южное полушарие, где проживали и проживают русскоязычные поэты. Иной месяц улов превышал двести и более текстов венков сонетов. В тот период состоялось, на мой взгляд, интереснейшее знакомство с наследием патриарха венкосонетного движения, создавшего Музей имени Франце Прешерна, музей венка сонетов, – Георгия Васильевича Мелентьева. В 1988 г. его усилиями был издан единственный до настоящего времени каталог, включающий библиографию немногим более 500 произведений, созданных не только на русском языке. В моем собрании хранится подборка его писем, поясняющих некоторые моменты его увлечения. Посмертная публикация писем была осуществлена в Екатеринбурге в 2001 году стараниями И.И. Еренбург.

Смерть Георгия Васильевича Мелентьева наступила 10.04.1997 в г. Саранске, – к сожалению, задолго до начала моего увлечения венками сонетов.

2011, февраль-март. Мой уже давний знакомый питерский поэт Ростислав Борисович Евдокимов-Вогак настоятельно предлагает познакомиться с его другом, выдающимся ученым, филологом, стиховедом, доктором, профессором, организатором Международной школы сонета Олегом Ивановичем Федотовым, который косвенно выступил «крестным отцом» моей работы над каталогом «Русский венок сонетов 1889-2019». Можно сказать, мне и здесь повезло необыкновенно – первая встреча с Олегом Ивановичем, произошедшая в Москве в апреле 2011, пришлась

на время выхода из печати его уникальной монографии «Сонет». Он подарил мне ее с весьма лестной дарственной надписью: «Сергею Александровичу Луговцеву, энтузиасту сонетных венков, с восхищением от автора 28.04.2011 (Подпись)».

И у меня тут же искрой промелькнула вполне авантюрная мысль: а не попытаться ли мне осуществить давнюю мечту – познакомиться с гением Юрия Владимировича Линника? Прошу у Олега Ивановича разрешения позвонить, а заодно сделать дарственную на томе «Сонета» для Линника (лучшего подарка придумать просто невозможно). Набираю петрозаводский номер и буквально после второго сигнала вызова телефон отвечает мужским голосом. Было впечатление, что человек ждал этого звонка. И после двух минут разговора я мчусь ночным поездом в Петрозаводск.

Здесь уместно сделать отступление. В конце 2009 г. я узнаю о существовании уникального поэта, создавшего более 500 венков сонетов. Мое впечатление было весьма скептическое: невозможно поверить, чтобы один человек мог создать такое количество произведений столь сложной формы. Питерские коллеги наотрез отказались дать петрозаводские координаты, ссылаясь на невероятную занятость автора. Мои же одесские друзья подсказали мне, что координаты Юрия Владимировича могут быть в Музее Рерихов, где в свое время Юрий Владимирович читал блестящие лекции.

Так состоялось мое знакомство с гениальным философом и поэтом. Дружба и сотрудничество длились ровно семь лет, с 29.04.2011, и прервались 05.05.2018 в связи со скоропостижной кончиной Юрия Владимировича. Вершина творчества Юрия Владимировича была отмечена в 2014 г. шедевром сборника «Стефаноσ». С гордостью могу сказать, что весной 2014 г. Юрий Владимирович пригласил меня принять участие в подготовке книги в качестве составителя полной библиографии венков сонетов. Я с радостью и благоговением принял это предложение. В дальнейшем, вплоть до его кончины, все вновь созданные венки сонетов Юрий Владимирович, даже не публикуя, присылал на хранение в мое собрание. С 1984 по 2018 гг. Юрий Владимирович создал 652 венка высочайшего поэтического уровня.

Доктор филологических наук, почетный работник высшей профессиональной школы Российской Федерации, профессор университета в Банска-Бистрица, Словакия, Лариса Анатольевна Сугай открывает книгу «Στεφανοσ» такими словами: «Венок сонетов – божественное явление». Эти слова – не пустая фраза, не риторический прием, но четко сформулированная автором тема его сочинения, его творческая установка. Лариса Анатольевна называет Линника самым поэтичным философом и самым философичным поэтом среди ныне живущих.

Следующим этапом поиска текстов венков сонетов явилась работа в крупнейших библиотеках России – РГБ (Библиотека им. Ленина – Библиотека Румянцевского музея), Петербургской РНБ (бывшая Щедринка), Одесской национальной научной библиотеке, одной из старейших – библиотеке Одесского национального университета. Список библиотек, союзов писателей, литературных музеев, литературных обществ составит не одну сотню адресов. Особо следует отметить одну из самых уникальных частных библиотек русской поэзии XX в. им. Виктора Соломоновича Сербского – переданную в дар г. Братска. Фонды этой библиотеки превышают 50 000 томов, из которых без малого 10 000 томов значатся подаренными В.С. Сербскому и библиотеке величайшими поэтами, писателями, политическими и общественными деятелями XX в., посещавшими строительство Братской ГЭС.

Дружба и переписка с сотрудниками библиотеки Братска и ее нынешней заведующей, дочерью легендарного основателя библиотеки Виктора Соломоновича Сербского Екатериной Викторовной не прерывается многие годы. Их помощь в поиске авторов и текстов венков сонетов с учетом поэтической направленности библиотеки – неоценима.

В 2015 году меня пригласили прочитать лекцию в Российском университете дружбы народов (РУДН) и Московском институте открытого образования (МИОО) в рамках конференции «800 лет сонету», приуроченную к 75-летнему юбилею одного из крупнейших стиховедов России Олега Ивановича Федотова. Результатом этой конференции явилась публикация альманаха с участием представителей многих стран: в нем среди других были опубликованы материалы моих лекций.

На конференции посчастливилось познакомиться со многими ведущими поэтами мировой венкосонетной элиты – Алексеем Аркадьевичем Бердниковым, Марком Семеновичем Луцким, Ириной Васильевной Михайловой, Евгением Владимировичем Рудаковым-Рудаком, Еленой Ивановной Зейферт, с крупнейшими литературоведами Олегом Ивановичем Федотовым, Сергеем Ивановичем Кормиловым, Людмилой Николаевной Корнеевой. Перечень участников вряд ли поместится на странице.

В настоящее время в собрании хранится информация о 3179 авторах, создавших 9116 произведений, в той или иной степени соответствующих итальянскому канону и не только, с теми или иными преднамеренными искажениями канона – французским, шекспировским, пушкинским (онегинская строфа). В результате творчества поэтов, экспериментирующих с канонической формой сонета, появляются произведения коломенской, киммерийской строфой, в форме японского сонета и многими другими… Они несколько отличаются от канона, но, согласно классификации «Сонетного атласа» исследователя сонета Валентины Осень, входят в зону влияния сонета. Приживутся эти условно новые виды или нет – покажет время.

За последние 35-40 лет творчество в поэтической зоне венка сонетов достигло небывалого размаха. Резко возросло количество поэтов, использующих различные формы неканонических сонетов, возникают и произведения коллективного творчества.

Современные авторы, используя фрактальное развитие сонета, создают и более сложные произведения – короны венков сонетов, кольца корон венков сонетов и подобные циклы.

Не так давно из жизни ушел одесский поэт Владимир Евгеньевич Замыслов, автор полного перевода сонетов Шекспира, создавший полный корпус венков сонетов, взяв собственные переводы сонетов в качестве магистралов.

В какой-то момент своих поисков и систематизации материалов по регионам я создал и практически подготовил к изданию подборку венков сонетов одесских авторов. 48 авторов, создавших 253 венка сонетов. И смею заметить: наш родной город является третьим регионом по плотности авторов венков сонетов в бывшей Российской империи.

В настоящее время практически готовы к изданию материалы по истории «Русский венок сонетов 1889-2019», что в свою очередь должно стать стартовой площадкой для создания всеобъемлющей библиографии русского венка сонетов.

Завершить статью мне хотелось бы словами первого создателя каталога венков сонетов Георгия Владимировича Мелентьева –

Вся власть сонетам!
Вся власть венкам сонетов!

От редакции. В этом номере альманаха в разделе «Поэзия» мы публикуем венок сонетов Семена Вайнблата.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Публикации

272 **Олег Губарь, Ирина Хургина**
«Маленький Париж», или Одесский контекст

306 **Ефим Ярошевский**
«Из прочно забытых рукописей»
Публикация Татьяны Ярошевской

Олег Губарь, Ирина Хургина

«Маленький Париж», или Одесский контекст

Первая серия

На заставку идут одесские «фишки» вперемешку с анимированными 12-ю стульями. Стулья совершают всякие пируэты, выстраиваются в шеренгу, на них в ряд высаживаются разные мультипликационные силуэты – белый контур на черном поле. Обивка стульев лопается, оттуда выскакивают пружины, как бы выталкивая одесские знаковые сюжеты – памятник Дюку, Потемкинская лестница, оперный театр, Дума, пушка, Лаокоон, Привоз, Староконный рынок на Молдаванке, дворик с галереями, дом с атлантами, порт, маяк, «Гамбринус».

На экране возникает картина, знакомая нам по хрестоматийным американским вестернам. Степь. Пустошь. Дикое поле. По степи тащатся обозы, понурые лошади с не менее понурыми седоками, кто-то, волоча свой нехитрый скарб, ковыляет в отдалении. Физиономии первопоселенцев являют собой достойное и весьма многоплановое зрелище. Здесь собраны все типажи, коими была столь богата Россия конца XVIII века – и беглые крепостные, и бандиты с большой дороги, и ремесленники, и отставные офицеры, и беглые солдаты, и маркитантки, и обедневшие дворяне. Это те, кто решил попытать счастья и начать жизнь заново – на южной окраине империи, в неведомом доселе месте.

На экране уже разворачиваются батальные сцены – в ход идут пистолеты, ружья, которые долго и нудно перезаряжают, шпаги, ножи. Среди этих физиономий возникает выхваченный ка-

мерой лик Ведущего, который здесь сродни остальному сброду. Он как бы принимает участие в этом действе.

Затем он меняет облик; на фоне чудовищного безобразия появляется его фигура. На этот раз Ведущий одет как истинный денди конца XVIII – начала XIX века. Опершись на трость, лихо подкрутив ус и указав рукой на то, что происходит у него за спиной, Ведущий говорит:

СТЕНДАП. Если вы думаете, что это покорение Дикого Запада, то, как говорят в Одессе, вы таки да правы. Именно так осуществлялось в самом конце XVIII века освоение земель Северного Причерноморья. В 1794 году это великое переселение народов переросло просто в эпидемию – тогда в захолустном месте, где раньше располагалась турецкая крепость Хаджибей, стали бесплатно раздавать земли под застройку. И именно тогда императрица Екатерина II издала указ об основании Одессы. С этого все и началось.

ЗАКАДР. Существуют привычные и растиражированные представления об Одессе, знакомые каждому с детства. (Идут кадры из «Броненосца «Потемкина» с лестницей и коляской, кадры с Петей и Гавриком из «Белеет парус…», кадры празднования Юморины, Марк Бернес поет «Шаланды, полные кефали…».)

СТЕНДАП. (Около акаций на бульваре с видом на море.) Все это правда. Но не вся… Как в том старом анекдоте, где портретист, раздосадованный претензиями немолодой отцветшей красавицы, восклицает: «Так вы все-таки хотите быть красивой или похожей?!».

Поэтому я и приглашаю вас на поиски разгадки тайны Одессы. «Да, что-то есть в этой нервной почве, рождающей музыкантов, шахматистов, художников, певцов, жуликов и бандитов, так ярко живущих по обе стороны среднего образования!» Так сказал о своем родном городе Жванецкий.

ЗАКАДР. (Камера выхватывает «кусочки» города, дома, береговую линию со стороны моря.) Так что же на самом деле есть в этой нервной почве? Как так получилось, что за какие-то несколько лет на отшибе Российской империи возник цветущий город европейского масштаба? То, что обычно складывалось столетиями, здесь спрессовалось в считанные годы. Что заставило Леонида Утесова воскликнуть: «Одесса – лучший город в мире!»?

СТЕНДАП. (Под цветущей акацией.) Портретируя Одессу, мы пройдем вместе по самым удивительным, занимательным и аппетитным эпизодам одесской жизни за прошедшие 210 лет. Единственное, чем не смогу поделиться с вами, так это неповторимым одесским весенним ароматом. Хотя, может, Куприн поможет? «Какая-то щекочущая радость заключена в этом пряном благоухании, заставляющем раздуваться ноздри и губы улыбаться. Так пахнет белая акация».

ЗАКАДР. Охота за разгадкой тайны Одессы на самом деле, по жанру, то же дело, которым с таким тщанием и оголтелостью занимались Остап Бендер и Киса Воробьянинов. Что ж, в поисках истинных бриллиантов приступим к осмотру содержимого 12 стульев из гостиного гарнитура мадам Петуховой.

(Мультипликация – вспарывание обшивки стульев, пух, перья, пружины. Появляется голова Ведущего. Почтительно приподняв цилиндр, он произносит: «Итак, лед тронулся, господа присяжные заседатели!».)

На экране – Бронзовый стул в Одесском горсаду. Деловой походкой к нему приближается и усаживается костюмированный Де Рибас. Гордо и независимо смотрит в камеру с видом «чего вам, товарищ?». С разных сторон к нему подходят приодетые к случаю Де Волан, Ришелье, Ланжерон, Кобле. Они встают, как на старинной литографии, постепенно переходящей в фотографию. Начинают говорить между собой по-французски.

ЗАКАДР. (По ходу дела камера выхватывает сохранившиеся фрагменты памятника Екатерине II: бюст, скульптуры Де Рибаса, Де Волана и др.)

Вообще, это довольно темная история – существовал ли действительно указ Екатерины об основании Одессы. Во всяком случае, появление Одессы – результат головокружительной авантюры, в которой приняли участие, как сказали бы сейчас, «представители Евросоюза»: испанец, адмирал Иосиф Де Рибас; голландский военный инженер Франц Де Волан; французы, герцог Арман Де Ришелье и граф Луи Де Ланжерон; шотландец, офицер Томас Кобле.

(Старинная литография-фотография постепенно преображается в тантамареску. На мгновение на экране появляется зна-

менитая одесская пушка, которая выстреливает стулом из гарнитура мастера Гамбса с № 1… И тут же в тантамареске на месте головы Де Рибаса возникает дырка, а сам он, отряхивая камзол, выходит из-за фотографии и обращается к зрителям.)

ДЕ РИБАС. СНХР. Адмирал Иосиф де Рибас не только принудил к капитуляции Измаил и взял штурмом турецкую крепость Хаджибей. Этот человек, что особенно приятно одесситам, использовал в весьма меркантильных целях свои, как смеют утверждать, вполне сентиментальные отношения со всесильной императрицей Екатериной. Де Рибас служил в Неаполитанской армии, откуда по протекции фаворита Екатерины графа Орлова перешел в русский флот. Это был истинный искатель приключений, эдакий «техасский рейнджер», картежник и вертопрах. Сам Байрон воспел непобедимого адмирала в своем «Дон-Жуане», говоря о штурме Измаила:

Де Рибас, морской герой,
настаивал на штурме, но ему-то
все возражали; спор кипел большой…
…Тем временем секретного курьера
Светлейшему отправил Де Рибас;
Тот рассмотрел предложенные меры
И подписал желаемый приказ.

ЗАКАДР. (Кадры с романтической иронической «подливой»: Жаном Рено в доспехах; бал у императрицы Екатерины; различные греческие амфоры; страницы французской энциклопедии.)

Основание Одессы было осуществлением романтических юношеских мечтаний Де Рибаса – о рыцарских подвигах и о Даме сердца. Этой Дамой стала для него Одесса. И на балу в Санкт-Петербурге Де Рибас, этот «одесский гасконец», добился у Екатерины, как указывают мемуаристы, устного распоряжения, – официального указа по этому поводу так и не обнаружено. Там же он сообщил императрице, что при закладке зданий города находят древнегреческие сосуды и остатки построек, поскольку рядом располагался древний город Одесс. Екатерине пришлось по вкусу это название, только в женском роде. Таким образом,

на карте мира появилась Одесса, город, который благодаря невероятному стечению обстоятельств, благодаря остроумию и дальновидности своих отцов-основателей уже через несколько лет значился во всех мировых энциклопедиях, – о нем знала не только Европа, но и ходили легенды по ту сторону океана.

(Из тантамарески тем же манером появляется интеллектуал и педант Де Волан.)

ДЕ ВОЛАН. СНХР. Ближайший сподвижник Де Рибаса, голландский военный инженер Франц Де Волан взялся за проектирование и строительство Одессы. Вообще, сама возможность осуществления этой фантастической идеи казалась им дерзким сном. Где-то на отшибе, на южной окраине империи, вдалеке от российской «казармы» эти безумные европейцы, находящиеся на российской военной службе, строили свободный город, Город Солнца. Эта ситуация очень напоминала ту, что сложилась в романтическую эпоху «Дикого Запада» на Американском континенте. Люди, пришедшие сюда, сталкивались с теми же трудностями, что и их заокеанские собратья, – засуха, отсутствие пресной воды, топлива и строительных материалов, постоянная военная угроза, смертоносные инфекции. Все это разбивалось о то, что зовется жизнестойкостью покорителей новых земель, тех, кого именуют «волевой накипью народов».

ЗАКАДР. (С панорамой Одессы сверху, в плане.) Франц Де Волан строил Одессу по разработанному им генеральному плану. План этот был превосходен, поскольку гениально прост. Это были прямые, четко параллельные и перпендикулярные друг другу улицы, направление которых выбиралось в соответствии с глубокими естественными балками.

Таким образом, эти балки становились спусками с высокого берега в порт, и все улицы в конце концов приводили к морю. Проще говоря, Одесса уселась на это плато и свесила ноги в Черное море!

(Возникает пушка, которая выстреливает гамбсовским стулом под № 2.)

ЗАКАДР. (Несколько видов порта; старинные литографии с теми же видами; утомленный жизнью и солнцем вол тащит нечто, напоминающее плуг, делающее глубокую кривую борозду; литографии с домом Волконского; портрет Волконского при па-

раде; камера выхватывает дома с табличками «Дерибасовская», затем «Ланжероновская» и «Ришельевская».)

2 сентября 1794 года были забиты первые причальные сваи в порту, проведена символическая борозда на городской земле. И, как свидетельствуют проведенные в 1995 году раскопки, день этот сопровождался ритуалом основания города. На пересечении будущих улиц Ланжероновской и Ришельевской состоялась закладка самого первого одесского жилого дома, который принадлежал главному военному начальнику региона князю Волконскому, отцу знаменитого декабриста.

СТЕНДАП. (На пустыре Де Рибас, Де Волан и Волконский опорожняют бокалы с вином, разбивают их оземь и закладывают под будущий фундамент дома. Крадучись, к ним приближается Ведущий, который на «пионерском расстоянии», стараясь не мешать, все же откровенно любопытствует и пытается объяснить зрителю, что к чему.)

Де Рибас, Де Волан и Волконский распили праздничную бутылку вина, а затем разбили о закладные камни эту бутылку, а также дорогие, изящной работы хрустальные кубки на высоких ножках. Первый одесский дом простоял три четверти века. Чего и кого он только ни повидал… В его стенах бывали Александр I и Николай I, Ришелье и Ланжерон, Пушкин и Воронцов, Вяземский и Раевский. Наверху собирались бильярдисты, а в цокольном этаже – картежники, поощряемые к азартным играм… городовым полицмейстером Шостаком, большим любителем «пестрого фараона». Случалось, заезжие гастролеры-шулера за вечер брали здесь состояние. Нашелся «артист», рискнувший облапошить самого полицмейстера, но тот быстро вычислил наглеца, какового по традиции изрядно отметелили канделябрами.

ЗАКАДР. (В скверике около оперного театра «лайв» с «группой четырех».) Фрагменты ритуальных сосудов, хрустального подноса, бутылки и даже пробки были обнаружены археологами в закладной траншее. Здесь же оказалась и монета с вензелем императрицы, по традиции заложенная под угол здания. В обряде этом присутствуют элементы масонства; тогда-то оно еще не было под запретом, и многие вельможи и офицеры состояли в масонских ложах.

Почти десять лет минуло, с тех пор как компания одержимых одесситов под предводительством профессора археологии Андрея Добролюбского и краеведа Олега Губаря начали здесь раскопки. И они таки нашли и подтвердили свою сенсационную догадку! Отсюда пошла Одесса!

АНДРЕЙ ДОБРОЛЮБСКИЙ. СНХР.

ВЛАДИМИР НОСЫРЕВ. СНХР.

СЕРГЕЙ МАЕВСКИЙ. СНХР.

ОЛЕГ ГУБАРЬ. СНХР.

(Синхроны перемежаются хроникой раскопок 1995 г.)

(Из пушки вылетает вещь типа табуретки с надписью «Приставной стул».)

ЗАКАДР. (Пыльные улочки, двухэтажные неказистые домишки. Затем возникнет зимнее поле, обоз в сопровождении конных офицеров. По ходу дела появятся два варианта памятника Апельсину в Одессе – скульпторов Князика и Токарева.)

С момента основания Одессы прошло чуть больше пяти лет. При таинственных обстоятельствах в расцвете лет погибает отозванный в Петербург Де Рибас, умирает Екатерина II. Юная Одесса, как и все екатерининские проекты при Павле, практически брошена на произвол судьбы. Нет обещанных инвестиций, не продвигается строительство. Но тихая и безвременная кончина не в характере этого города.

Именитые купцы, посовещавшись, принимают решение: отправить в Петербург в подарок императору Павлу обоз с тремя тысячами померанцев, как говорили тогда. А попросту – дать ему взятку диковинными по тем временам апельсинами. Была зима, одесские негоцианты умели хранить фрукты. Укутав хорошенько свое драгоценное подношение, они отправляют в Петербург обоз в сопровождении греческого офицера Роксомати. И что же? Не в первый и не в последний раз в России испытанный механизм сработал! Павел обратил благосклонный взгляд в сторону далекой южной окраины, и денежный поток устремился к берегам Черного моря. А с 1803 года начался «золотой век» Одессы, когда ее градоначальником был назначен герцог Арман Де Ришелье, оказавшийся, как и многие французские аристократы, на русской службе в годы Французской революции.

(Пушка выстреливает стулом с цифрой 3.)

СТЕНДАП. (Идя по Екатерининской; Дюк, бульвар, море, порт в перспективе. Из кармана камзола достает и показывает на ладони маленькую фигурку Дюка.) Герцог де Ришелье – «домашний» герцог одесситов, которого они запросто и любовно именуют Дюк. Никто не сделал для Одессы столько, сколько Ришелье за одиннадцать лет своего губернаторства. Он был близок к Александру I и мог получить любое престижное назначение, но сам выбрал «занюханную» Одессу. Он просто прорубил окно в Европу с юга. Ришелье был удивительным человеком, соединявшим в себе редкие для высокопоставленного чиновника качества – гуманность и культурность. Основной лозунг Дюка: «Не будем слишком регулировать». Его рабочий день продолжался 17 часов, всю деловую переписку на разных языках он вел сам и за свой счет содержал канцелярию. Дюк отдал все свои деньги на создание в Одессе лицея, второго в России после Царскосельского, который стал впоследствии знаменитым Ришельевским лицеем.

ЗАКАДР. (Портреты Ришелье, старинные литографии, в том числе, с лавками, базарами, кадры Привоза.) Герцог Де Ришелье подарил Одессе славу ведущего мирового хлебного экспортера, превратил степной городишко в цветущий средиземноморский мегаполис. Это он помог обустроиться в Одессе колонистам-аграриям из Германии, Франции, Швейцарии. И именно благодаря ему мы теперь, приходя на Привоз, можем отведать вкуснейшую домашнюю колбаску, кровянку, копченое мясо, брынзочку, равных которым вы не встретите ни в одном супермаркете мира. Потому что это все настоящее, как говорят в Одессе, «базарное». Дюк, в отличие от своих предшественников, не был авантюристом. Но он был мудрым монархистом. Он поддерживал все, что льет воду на мельницу государственной машины. Он не выдумал порто-франко – он просто «подобрал» его в беседах с местными коммерсантами и придал этому надлежащую форму, воплощенную в жизнь его преемником, Ланжероном. В течение 40 лет эпохи порто-франко, иными словами, «свободного порта», Одесса была самым дешевым городом в империи.

СТЕНДАП. (В Дюковском саду среди райских кущ. В отдалении, как бы пунктиром, проходит юная «пейзанка» со снопом.) Ришелье

был очень озабочен озеленением города и специально выписывал саженцы из Европы, трогательно следил буквально за каждым деревом. На своей даче, которая теперь носит название Дюковский сад, разводил разнообразные деревья, кустарники, цветы. Однажды чуть свет он повстречал там прелестную «пейзанку», которая «уже успела нажать значительную кучу клевера». Градоначальник умилился настолько, что одарил трудолюбивую красотку серебряным рублем. На что управляющий его хутором в сердцах заметил: «Я все лето стараюсь изловить эту мерзавку, которая каждую ночь что-нибудь тащит с поля, а вы ей за это приплачиваете!».

(На экране снова возникает тантамареска. Из-за нее выходит Ришелье, облаченный в тогу и со свитком в руке. Подходит к стулу и примащивается на уголочке.)

ДЕ РИШЕЛЬЕ. СНХР. Приехав в Одессу, герцог Ришелье не нашел и полудюжины стульев для своего дома, ему пришлось выписать их из Херсона. Он сразу пригласил в Одессу столяров, французского булочника, оптиков и часовщиков из Германии, для одесских дам француз Пишон открыл фабрику пудры, швейцарец Тардан наладил виноделие, – история знаменитых одесских шабских вин началась еще тогда. Он поддерживал любое начинание, которое могло быть полезным торговому городу, – создание коммерческих банков, страховых обществ, морских транспортных контор. Конечно, Дюк был истинным французским аристократом. Поэтому он не сразу смог освоиться с некоторыми местными привычками. Приехав в Одессу, он собрал у себя представителей магистрата, купцов, именитых людей. И как человек пунктуальный выставил на стол часы. Через некоторое время погасла свеча, а когда ее снова зажгли, часов на столе не оказалось. Ришелье как воспитанный человек сказал: «Я думаю, кто-то пошутил или совершил ошибку. Сейчас мы снова погасим свечу, и я думаю, часы окажутся на прежнем месте». Свечу погасили. Но часы не появились. Более того, невозможно было зажечь свечу, потому что украли еще и серебряный канделябр.

СТЕНДАП. (У памятника Дюку; осмотр со всех сторон.) Да, характер города выковывался в непростых условиях. И именно поэтому первым памятником в Одессе стал памятник Дюку. Соору-

жен он был при губернаторстве графа Воронцова и, как всякое любимое детище, оброс разными легендами и анекдотами. Общественность всегда интересовал сакраментальный вопрос о том, что же конкретно наблюдается «у Дюка с люка». (Демонстрируется соответствующий ракурс.) Но что более всего занимало умы, так это: почему пускай и французский аристократ, но вполне цивилизованный человек вдруг бродит по городу в одежде городского сумасшедшего? Лев Славин и вовсе утверждал, что герцог Ришелье «стоит на бульваре в нижнем белье древнеримского образца». Существует мнение, что граф Воронцов просто ревновал к славе своего предшественника. Вот и вырядил его эдаким франтом.

ЗАКАДР. (Панорама дворика Литмузея, место ночлежки.) Пытливые одесситы все-таки не могут оставить эту загадку неразрешенной. Дворик Одесского литературного музея знаменит не только тем, что здесь находилась та самая ночлежка, столь романтически воспетая главным «орнитологом» революции, буревестником Максимом Горьким в пьесе «На дне». Именно здесь располагается единственная в своем роде экспозиция современной иронической скульптуры, и каждый год 1 апреля, на Юморину, благодаря создателю этого сада скульптур Леониду Липтуге во дворике Литмузея появляется новый памятник. Началось все почти десять лет назад, когда Резо Габриадзе открыл здесь памятник герою одесских анекдотов Рабиновичу. В этом году Леонид Липтуга и Олег Губарь презентовали Джинсового Дюка под лозунгом «Торжественное закрытие Америки».

ОЛЕГ ГУБАРЬ. СНХР.

ЛЕОНИД ЛИПТУГА. СНХР.

(Синхроны перемежаются съемками с открытия памятника Джинсовому Дюку.)

(Из пушки выскакивает стул № 4.)

ЗАКАДР. (На экране – памятник Воронцову, виды города, каким он был при нем; пушкинские профили на страницах рукописей.)

Если исключить дворик Литмузея, в Одессе вообще очень мало памятников. Одесса очень избирательна. Она сама по себе памятник, так считают одесситы. В городе, который называли Южной Пальмирой, до 1863 года был только один монумент,

не считая кладбищенских. Вторым стал памятник графу Воронцову, который более чем за двадцать лет правления Одессой успел реализовать все то, что было заложено его европейскими предшественниками. Он попросту был на своем месте. Раненный под Бородино и воспетый Жуковским «храбрый Воронцов». Много ли мы о нем знаем?.. Вся его многолетняя самоотверженная деятельность на благо молодого удивительного города, мягко говоря, пошла коту под хвост из-за одной-единственной ядовитой пушкинской эпиграммы. Что до Пушкина, так он был для генерал-губернатора просто-напросто пятым колесом в телеге, приписанным к его парафии диссидентом, компрометирующим фактором, от которого он, подобно партийному секретарю областного масштаба, стремился вполне гуманно и легально избавиться. Только и всего. Как написал знаменитый одесский поэт Юрий Михайлик:

Есть в городе моем среди диковин
одна, которой я обеспокоен:
в Одессе конных памятников нет.
…Незанятое лошадьми пространство –
места, где бродят тени вольтерьянства…

СТЕНДАП. (Около арки Ланжерона.) Вообще, до эпохи исторического материализма, как говаривал незабвенный Остап Бендер, Одесса была везучим городом. У нее были очень хорошие правители, и притом большие оригиналы. Например, граф Ланжерон славился своей выдающейся рассеянностью. Когда Александр I впервые посетил Одессу, он остановился у Ланжерона, а тот по хронической забывчивости запер его на ключ, отправившись утром на службу. Таким образом, бедный император просидел под домашним арестом чуть ли не весь день. Такие истории гораздо больше ласкают слух общественности, нежели эпизоды блестящей военной биографии графа Ланжерона, участника войны за независимость Соединенных Штатов.

ЗАКАДР. (По ходу камера движется вдоль улиц Ланжероновской и Коблевской, на экране – таблички с названиями, Строгановский мост, литография с соответствующей надписью, портреты Ланжерона, Кобле, Строганова, Зонтага.)

Американец Георг Зонтаг, начальник Одесского порта, по сути, был «джентльменом удачи» – близкий друг известного англомана и одесского генерал-губернатора графа Воронцова, он во время англо-американской войны был подлинным капером и топил английские суда. Живя в Одессе, Зонтаг женился на племяннице Василия Андреевича Жуковского и собрал единственную в городе библиотеку американской литературы. Когда вошедшее в одесскую гавань судно «Успех» село на мель, и «консилиум» специалистов не дал никакого результата, Зонтаг лично встал к штурвалу и, уложив судно на бок, стащил его с мели и привел к причалу. «Да, были люди в наше время…» Как принято говорить, таких уже не делают. Например, военный комендант Одессы шотландец Томас Кобле влюбился с первого взгляда в молодую казачку. Не владея «великим и могучим», Кобле все же сумел найти общий язык с предметом своей страсти. Он попросту украл невесту, посадил ее впереди себя на коня и скакал до первой попавшейся церкви, где они и обвенчались.

(Из пушки влетает стул № 5.)

СТЕНДАП. (В кафе «Фанкони».) Как парадоксально сочетаются в одесском характере энергичность и авантюризм, напористость и авантажность, смелость и нахальство. Возьмем того же графа Строганова, одесского генерал-губернатора. Этот хам-аристократ, проживший в Одессе четыре десятилетия, являл собой то, что классики марксизма назвали бы «единством и борьбой противоположностей». Через Одессу, прямиком из Лондона, ввозили в Россию «Колокол» Герцена, а Строганов делал вид, что этого не замечает, и более того, втайне собрал полную подшивку запрещенного журнала, которая теперь хранится в Научной библиотеке Одесского госуниверситета, к созданию которого он, кстати, тоже приложил руку. Но в историю он вошел вовсе не потому. А из-за своего поистине исключительного самодурства. Это ведь он, Строганов, как-то потребовал, чтобы повара приготовили ему расчлененный ростбиф, и по этому недоразумению в кулинарии объявилось невиданное до той поры блюдо – бефстроганов. Потакая кулинарной фантазии высокородного сумасброда, одесские элитарные кафе-рестораны издавна научились готовить феноменальный бефстроганов. Лучше всего это блюдо

получалось в знаменитом кафе Робинà, каковая традиция на долгие годы сохранилась в наследовавшем этому заведению советском ресторане «Украина».

ЗАКАДР. (Портреты Строганова, Ческини, виды немощеных одесских улиц на литографиях; затем «американские горки» наших дней, мощеные старые улицы; каменные цистерны во дворах, современные одесситы, отягощенные ведрами, канистрами, бутылками, осаждают гидрогеологические бюветы.) Строганов был влюблен в некую графиню Ческини, светскую красавицу, жену итальянского консула. В Одессе той поры мощение улиц, мягко говоря, оставляло желать лучшего, и как-то раз графиня Ческини прилюдно высказала свое недовольство: мол, ночью, когда возвращаешься с какого-нибудь журфикса, обязательно попадешь в непролазную грязь. Строптивый губернатор тут же парировал: «Порядочные дамы по ночам сидят дома!». С тех пор минуло полтора столетия, но проблема дорог, вернее, их отсутствия, в Южной Пальмире стойко охраняется государством. Единственные дороги, по которым можно перемещаться, не чувствуя себя коктейлем в шейкере, это те булыжные и лавовые мостовые, что были уложены еще в конце позапрошлого столетия. Лавовые плиты завозились в Одессу предприимчивыми итальянскими негоциантами в качестве балласта судов и наряду с одесским ракушечником, добываемым в катакомбах, стали одним из основных строительных материалов. Не лучше во все времена, включая нынешние, обстояло и дело с водой. Когда-то в одесских дворах устраивались цистерны, куда собирали мягкую дождевую воду, чтобы было чем помыться. Сегодня город наводнился бюветами, где горожане бесплатно зачерпывают подземные воды. И эти обстоятельства некоторым образом отличают овеществление американской мечты от мечты одесской. Хотя и не только они…

СТЕНДАП. (На Дерибасовской, со старинной книгой в руках.) Такой наблюдательный писатель, как Марк Твен, не мог обойти вниманием столь любопытный факт. В 1867 году он писал: «Я давно не чувствовал себя так дома, как в Одессе. Она имеет вид совершенно американского города; прекрасные широкие прямые улицы; низкие дома (в два или три этажа), просторные, чистые, свободные от всяких архитектурных украшений; горохо-

вые деревья (их называют здесь акацией) окаймляют тротуары; улицы и магазины имеют суетливый и деловитый вид… Тут ничего не напоминало нам, что мы в России. Но когда мы, пройдя немного дальше по улице, увидели странной архитектуры церковь, а потом извозчика в какой-то длинной юбке – иллюзия исчезла!». Смешение всего и вся – такой была Одесса середины XIX века. Польский романист Юзеф Крашевский утверждал, что многоязыкий гомон на одесских улицах «подобен разговорам у подножия башни Вавилонской». Ну что, попробуем? (Вступает в беседу с тетечкой, торгующей на углу цветами, с дядечкой, который взвешивает проходящий люд, в общем, общается с народом.) Да, это уже потомки тех, кого живописал побывавший в Одессе «польский Вальтер Скотт».

ЗАКАДР. (Возникают кадры красочной разноплеменной костюмированной толпы; затем камера выхватывает какие-то городские «кусочки» – дворики, входы во дворы, общающихся горожан, двор Заменгофа с его мраморной головой.) «Здесь можно увидеть представителей всяких народов, начиная от неопрятного турка до итальянца с длинными черными волосами, грека в пунцовой феске, караима, в татарском своем наряде прохаживающегося по улице, и до европейца, которому скроили платье наимоднейшие портные в Одессе… Тут видишь русского с длинной темной бородой и в сарафане допетровских времен, далее – грека албанского в белой юбке…»

Еще задолго до того, как Одессу возвели в ранг «маленького Парижа», она говорила не столько по-французски, сколько по-итальянски. Язык Петрарки и Данте в то время служил утилитарному общению коммерческих людей всего Средиземноморья. Но постепенно Одесса заговорила по-иному. Вобрав самые сочные, звучные, вкусные слова дюжины языков, она внедрила их в русский, руководствуясь собственными представлениями о грамматических нормах, и создала эдакий винегрет – неповторимый одесский язык. Как писал Влас Дорошевич: «Одесский язык, начиненный языками всего мира, приготовленный по-гречески, с польским соусом». И может быть, поэтому именно в Одессе родился изобретатель языка эсперанто Заменгоф.

М. ЖВАНЕЦКИЙ. СНХР. (Об одесском языке и способе мышления.)

(Из пушки выскакивает стул № 6.)

СТЕНДАП. (С балкона дома, где раньше был дом с отелем Рено.) В начале своей жизни Одесса была и, как ни странно, остается и сейчас типичным средиземноморским городом – меркантильным, пряным, этнически пестрым. Такой увидел и бескорыстно полюбил ее Пушкин:

…Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

А кто же будет этот самый «корсар в отставке»? В мемуарах близкого друга Пушкина можно отыскать один прелюбопытный эпизод. Зайдя как-то в отель Рено, он застал Пушкина сидящим на коленях у Морали. При этом они довольно хихикали и щекотали друг друга. Пушкин говорил об этом мавре-великане: «У меня лежит к нему душа. Кто знает, может быть, наши предки были близкой родней?».

ЗАКАДР. (На фоне изобразительной одесской пушкинианы. Рисунки Пушкина одесской поры, живопись, портрет Морали; экспозиция Одесского музея А.С. Пушкина.)

Любимец Пушкина, Морали, идеально вписывался в одесский контекст, аккумулируя в себе характерные черты, присущие юному городу, – прежде всего, экзотичность и здоровый авантюризм. Как говорят, он был благородным пиратом, наподобие героев Рафаэля Сабатини, и даже помогал греческим инсургентам в их борьбе за освобождение от османского владычества. Пиратство и каперство на Черном и Средиземном морях процветало тогда точно так же, как в Карибском море во времена Фрэнсиса Дрейка. Некоторым одесским судовладельцам волей-неволей приходилось по совместительству исполнять обязанности контрабандистов и морских разбойников, хотя бы в порядке самообороны. Однако смежная эта специальность не повредила отношениям

Пушкина и Морали, который, судя по всему, предлагал поэту планы бегства из России, когда было получено предписание спровадить Александра Сергеевича в Псковскую губернию под надзор родителей и полиции.

СТЕНДАП. (На Ришельевской улице.) Пушкин, как и многие его собратья по перу, совершенно замечательно проводил время в Одессе. Даже когда его по службе отправили на борьбу с саранчой, он все это время прокутил в ближайшем имении, а вернувшись, как теперь бы сказали, из командировки, написал вместо отчета: «Саранча летела, села, все съела и опять улетела». Живя в отеле Рено, он часто ездил с дамами на дачу барона Рено, которая располагалась на теперешнем Французском бульваре, и одесские извозчики нередко возили его в долг. Барон Жан Рено был одним из ближайших сподвижников Ришелье.

ЗАКАДР. (Французский бульвар, особняк Рено; фамильные портреты семьи Рено.) Особняк баронов Рено, откуда в 1920 году его потомки были вынуждены бежать в Константинополь, как ни странно, сохранился. До сих пор баронесса Елена Швахгейм-Рено, праправнучка знаменитого пушкинского знакомца, помнит виденные в глубоком детстве страшные картины тех «окаянных дней». Больше 80 лет она прожила за границей, в основном в Соединенных Штатах. Год назад Елена Сергеевна вернулась в Одессу и поселилась в маленьком домике, который снимает на 11 станции Большого Фонтана, в легендарном одесском дачном месте.

ЕЛЕНА ШВАХГЕЙМ-РЕНО. СНХР.

ЗАКАДР. (Жанровые литографии, «обмен валют», затем здание Биржи (филармонии).) Барон Жан Рено, деловой человек и меценат, устроил первую в Одессе огромную залу для балов и собраний. Здесь собиралась биржа, которая сначала состояла из менял, восседающих за столиками возле казино. В юном городе был острый дефицит разменной монеты – здесь менялы и приходили на выручку горожанам, принимая у разношерстной и разноплеменной толпы франки и фунты, лиры и пиастры, выдавая взамен российские рубли. В общем, настоящий прообраз наших обменников. Они, собственно, и начинали в Одессе банковское дело, обросшее затем знаменитыми на весь мир банкирскими домами Ашкенази, Рафаловичей, Ротшильдов. Настоящая биржа в Одессе открылась

еще в 1796 году, даже раньше нью-йоркской! Новое же здание одесской биржи, построенное в мавританском стиле, было специально спроектировано акустически так, чтобы тушить звук, – биржевые маклеры, ведущие секретные разговоры, не слышали бесед коллег в двух шагах от себя. Теперь здесь располагается Одесская филармония… Слушайте сюда, как говорят в Одессе!

СТЕНДАП. (Сначала в оперном театре, в зале, в фойе.) Акустика филармонии и акустика Одесского оперного театра – это, как сказали бы одесситы, две большие разницы. Торговая элита юной Одессы – выходцы из Италии, Франции, Греции – строили город, что называется, «под себя», а это предполагало наличие не только биржи, коммерческого суда и кофеен, но и, конечно, оперы. Первое здание оперы, где, выражаясь сегодняшним языком, бывали все «звезды» одесской истории начала XIX века, все наши герои, сгорело в ночь на 2 января 1873 года, и лишь 15 лет спустя была отстроена новая, знаменитая на весь мир, прекрасная и совершенная в своей эклектичности «бонбоньерка» одесской оперы.

Что же сейчас? Уж который год здание на реставрации, и по городу ходят страшные слухи о том, что опера вместе с Приморским бульваром, бронзовым Дюком и Потемкинской лестницей элегантно сползает в море. Слухи эти сильно преувеличены, но одновременно оправданны, поскольку одесситы безумно любят свой оперный театр, трогательно заботятся о его судьбе, это для них что-то очень домашнее и родное, без чего нельзя, – наподобие Дюка, Большого Фонтана или Привоза.

(Выходит из оперы, садится на извозчика.) Вообще, музыка в жизни Одессы играет абсолютно особую роль, и об этом мы еще обязательно поговорим. Но все начиналось именно с оперы, которая в быту такого типично средиземноморского города, как Одесса, стала просто незаменимым средством коммуникации. И поэтому даже темпераментные одесские извозчики назубок знали кантилены Россини и Чимарозы и по ходу поездки развлекали своих седоков ариями из популярных опер!

(Уезжает на извозчике, они вместе поют арию Фигаро.)

Конец первой серии

Вторая серия

На заставку идут те же одесские «фишки», кувыркающиеся стулья, пружины, пух, перья, мультипликационные силуэты, в общем, тот же «компот», что и в начале Первой серии. Затем на экране возникает экипаж, который умчал Ведущего «в даль светлую» в конце Первой серии. Они возвращаются, но в режиме «обратной съемки». На бешеных скоростях пролетают мимо оперного театра и резко притормаживают у бульвара, около памятника Пушкину. Ведущий выскакивает из коляски, дружески похлопывает извозчика по плечу и оборачивается к зрителю. Теперь он одет иначе – это костюм франта начала XX века. Он в полосатых брюках, сюртуке, штиблетах; жилет с цепочкой от часов туго обтягивает животик; на голове – канотье, под мышкой – легкая тросточка. Он одергивает жилетку, приглаживает усы и с достоинством дефилирует мимо памятника Пушкину к пушке, напевая себе под нос арию Фигаро, которую «не допел» в конце Первой серии. Обрывает себя на полуслове и, словно продолжая начатый разговор, указав рукой с тросточкой на то, что видно вокруг – море, классическая аллея бульвара, колоннада мэрии, особняки, – несколько ворчливо произносит:

СТЕНДАП. Одесса, этот «маленький Париж», всегда вызывала раздражение имперской власти своим космополитизмом. И к тому были весьма серьезные основания. Как говорят в Одессе, «что мы имеем на этой интересной картинке?». Это знаменитая пушка, около которой обязательно отмечаются все одесские молодожены. А почему? Потому что существует поверье, будто пушка непременно выстрелит, если к ней прикоснется целомудренная девушка. Юные создания все ходят, а пушка-то все молчит… А какого происхождения этот знаменитый одесский символ? Мало того, что в самом центре города вместо милого сердцу монумента с кепкой у них тут стоит французский герцог с каким-то подозрительным свитком в руке. У них еще и мерилом добродетели стала пушка, как бы сейчас сказали, «английской национальности»!

(Возникает пушка, которая выстреливает стулом под № 7.)

ЗАКАДР. (Кадры из фильмов, рассказывающих о Крымской войне; английская морская эскадра из старого фильма «Леди Гамильтон»; старые карты Крыма, черноморского побережья,

Одессы; литографии Одессы времен Крымской войны, усатые канониры батареи Щеголева. Памятник Дюку – застрявшее ядро. Пушки палят, ядра летают. Затем – хроника оккупации Одессы; страницы из альбома М. Пойзнера «Одесса: 1941-1944 гг.».)

10 апреля 1854 года. Разгар Крымской войны. Англо-французский союзный флот подошел к Одессе. На самом деле никто не собирался на нее нападать – это был просто отвлекающий маневр перед главной операцией в Крыму. Но темпераментные одесситы панически бросились собирать вещи. Война, кому это надо?! А вся война, собственно говоря, длилась один день.

Объединенному союзному флоту из тридцати новейших судов, по сути, противостоял двадцатилетний прапорщик Щеголев со своей инвалидной командой и четырьмя старыми пушками, лет двадцать прослужившими причальными тумбами в порту. Бомбардировка продолжалась до вечера, ядра сыпались, как горох, – в одном из домов упавшая бомба закрутилась на кровати в простыню и была сохранена потом как реликвия; снаряды попали во дворцы Воронцовых и Нарышкиных. Одно из ядер застряло в памятнике Дюку. Но, в общем, никаких серьезных разрушений в Одессе не было. Как странно все перекрещивается и повторяется в истории. Ровно через девяносто лет, 10 апреля 1944 года Одесса была освобождена от немецкой оккупации. Пройдя через гестапо, румынскую сигуранцу, гетто, жесточайший геноцид и подполье в катакомбах, одесситы выстояли. И снова бомбардировки мало изменили неповторимый облик Одессы.

МИХАИЛ ПОЙЗНЕР. СНХР. (Об оккупации, катакомбах, мифе о «подземной» Одессе, Пете и Гаврике из «Белеет парус одинокий…».)

СТЕНДАП. (На Фонтане, на обрыве, у моря.)

В составе союзного флота, который сто пятьдесят лет тому назад выписывал разные фортели в одесской гавани и так напугал мирных и веселых одесситов, был пароход-фрегат английских гардемаринов «Тигр». Совершая очередной маневр в районе Большого Фонтана, как раз напротив дачи городского головы Джеймса Кортацци, по иронии судьбы, известного англомана, фрегат сел на камни. А надо сказать, что на его борту был весь юный цвет британской аристократии, дети всяческих лордов, пэ-

ров и сэров. Туман, в котором заблудился «Тигр», оказался отнюдь не лондонским. Это был настоящий одесский гоголь-моголь, который в наши дни парализует уже воздушные суда. В общем, благодаря во все времена непредсказуемым погодным условиям, эти английские молодцы попали в плен. Их путь в город лежал мимо Крепостного, впоследствии Александровского, сада, где устраивались пасхальные гуляния и где как раз устанавливали столбы для качелей. Решив, что это виселицы, молодые пленники разрыдались и трогательно взмолились о пощаде. А сердобольные одесситы, сдерживая смех, бросились их утешать.

ЗАКАДР. (Кадры с балами, раутами; галантные кавалеры – офицеры церемонно беседуют с дамами; затем сувенирные лавочки, мелкие лотошники на улицах.)

Неповешенные гардемарины очень скоро ощутили, как замечательно находиться в плену в таком свободном экзотическом городе. Одесса уже тогда была начисто лишена предрассудков. Англичан наперебой приглашали во все лучшие и не лучшие дома, сватали за них аппетитных одесских невест, кормили и поили до отвала, как здесь было принято всегда. В Одессе ведь не выходят из-за стола, а отползают в гастроэнтерологических конвульсиях под крики хозяйки: «Ну что вы так мало кушали! Или тут было что кушать!». Гардемарины попросту отказались уезжать из Одессы и возвращаться к своей овсянке, строгим поджарым леди и тонкому английскому юмору. Дело кончилось тем, что их пришлось интернировать как военнопленных. А предприимчивые одесские торговцы еще долго продавали сувениры – портсигары, шкатулки, – сделанные из досок погибшего фрегата «Тигр». Спустя пятьдесят лет, в начале XX века, надумали поднять с затонувшего корабля пушку и установить ее на бульваре «на страх гостям». А почему бы и нет?

(Пушка выстреливает стулом под № 8.)

ЗАКАДР. (Торговые суда в порту; кадры из старых фильмов с военными кораблями на рейде, с расчехленными орудиями – блокада, одним словом; наши негоцианты в Европе второй половины XIX века.)

Но одно из следствий Крымской войны оказалось для Одессы подлинно драматическим. Буквально в одночасье она лишилась

короны мирового хлебного экспортера. В течение трех лет были блокированы все проливы, а соответственно, и вывоз зерна. Свято место пусто не бывает. Европа обратила свой взгляд в другую сторону и в очередной раз открыла Америку, которая быстро «обогнала по мясу и молоку» изолированную Одессу. А крупные одесские хлеботорговцы оказались на грани разорения. Впрочем, они не стали дожидаться тихой смерти в своем «вишневом саду», но как люди действия ринулись в Европу – на розыски кредитов и новых, как теперь принято говорить, бизнес-партнеров.

СТЕНДАП. (На Соборной площади; затем пересекает площадь, идет к дому Папудова; останавливается около футбольных фанатов.)

Это Соборная площадь. У нее есть три основные приметы: здесь стоит недавно воссозданный Преображенский собор, здесь в любую погоду и при любой политической ситуации собираются одесские футбольные фанаты – современные «пикейные жилеты» – и здесь стоит дом знаменитого одесского негоцианта Константина Папудова. По одесским масштабам строение колоссальное: здесь помещались хлебные амбары, затем – роскошные апартаменты самих Папудовых, а другая часть здания сдавалась в аренду как доходный дом – и именно здесь жила и умерла звезда немого кино Вера Холодная. Интересно, что обо всем этом думают завсегдатаи Соборки? (Подходит к плотной кучке футбольных фанатов и вступает с ними в беседу.)

ЗАКАДР. (Фасад дома Папудова, старые фотографии дома, двери этого дома, портреты Папудова, его жены Ариадны, барона Ротшильда; кадры старого Парижа, Елисейские Поля, особняки, двери с росписями Ватто; хлебные амбары, мельница, зерно золотым ручьем течет сквозь пальцы.)

У Константина Папудова была молодая жена, гречанка Ариадна Севастопуло, слывшая первой одесской красавицей. С нею вместе он и отправился в Париж. И было это весьма дальновидным поступком. Во-первых, Папудову удалось получить кредиты и восстановить капитал, как утверждают, благодаря красоте и обаянию своей юной жены. Во-вторых, всему этому сопутствовала одна дивная романтическая история с ощутимым одесским акцентом. В Париже несравненная мадам Папудова, кроме всего прочего, давала сольные вокальные концерты в светских сало-

нах. И вот тогда ее увидел, услышал и без памяти влюбился молодой, но уже весьма небедный барон Эдуард Ротшильд. В качестве свидетельства неподдельной страсти он преподнес ей в подарок особняк де Саганов на Елисейских Полях, который приобрел по случаю. Случаем была революция, которая может разорить даже французских аристократов. Радует истинно одесская предприимчивость наших героев: подарок был не только с радостью принят, но и частично отправился следом за новой хозяйкой.

СТЕНДАП. (Около дома Папудова.)

Возвращаясь из Парижа в Одессу, Папудовы прихватили с собой девять дверей из особняка Саганов, расписанных Антуаном Ватто и представляющих невероятную ценность. Не французам же их оставлять, в самом деле, они еще какую-нибудь революцию затеют… Спустя годы, когда дочь Папудовых вышла замуж, она решила увезти двери Ватто в качестве приданого с собой в Петербург. Из Южной Пальмиры – в Северную. И установили их в особняке на Каменном острове. В 1910-е годы в Петербург приехали парижские антиквары. За бешеные деньги они выкупили двери Ватто и вернули на «историческую родину». И прямо скажем, очень своевременно. Эти двери с изысканными красочными миниатюрами распахивались перед напудренными париками французских вельмож, затем перед напыщенным одесским купечеством, потом перед высшим светом Петербурга… Кто хлопает ими теперь?

ЗАКАДР. (Кадры маскарадов, балов; камера проезжает по особнякам одесской знати, дому Фальц-Фейнов с атлантами; портрет Маразли, портреты Папудовой, супруги Наполеона III, Сары Бернар; затем аллеи дачи Маразли (санаторий Чкалова), античные статуи.)

Во все времена Одесса умела развлекаться с размахом. На балы и маскарады, которые устраивались в огромном доме Папудовых, приглашалось до 600 человек. Подобные увеселения устраивались и другими представителями местной элиты – графинями Ланжерон, Нарышкиными, семействами Абаза и Исленьевых, бароном Фальц-Фейном, чей дом с атлантами стал одним из символов Одессы, знаменитейшим городским головой Григорием Маразли. Маразли известен не только тем, что на его личные средства в городе построены лечебницы, приюты, библиотеки,

учебные заведения, храмы, музеи. Он обладал тропическим темпераментом и был известным волокитой, о его любовных похождениях ходили легенды. В числе дам его сердца были и Ариадна Папудова, и супруга Наполеона III Евгения-Мария де Монтихо, и Сара Бернар, которая, как говаривали злые языки, состоялась как актриса только благодаря покровительству Маразли. На даче Маразли на Французском бульваре был устроен первый в Одессе регулярный парк с аллеей, где располагалось множество копий античных памятников. Сделаны они были итальянскими мраморщиками, жителями Одессы.

СТЕНДАП. (Около памятника Лаокоону. Сначала на скульптуре, как перед открытием, белое покрывало; затем Ведущий театральным жестом сорвет его, и Лаокоон предстанет перед зрителями во всей нагой красе.)

Как-то раз Маразли прогуливался по «античной» аллее своей дачи с одним из городских чинов и, обращаясь к собеседнику, сказал: «Мы должны не только накормить одесситов, но и одеть». Тот мгновенно нашелся: «Я вижу, вы своих уже приодели», – язвительно произнес он, указав на беломраморные изваяния. (Сдергивает покрывало.) Одним из тех, кого «одел» Маразли, был знаменитый Лаокоон. Под лозунгом всеобщей экспроприации после 1920 года памятники с дачи Маразли растащили, и не совсем одетый Лаокоон застыл аккурат у дома Папудовых, и лишь спустя много лет перекочевал к Археологическому музею. Стремление городского головы Маразли накормить одесситов было встречено горожанами с пониманием. Одесситы не гурманы, но и не тривиальные обжоры. Они истинные эпикурейцы. Статистика знаменитого рынка «Привоз» свидетельствует о том, что в конце XIX века в Одессе каждая «живая душа» поедала 100 килограммов мяса в год! Это не говоря уже об одесской рыбке – знаменитых бычках, скумбрии, камбале, ставриде, кефали – той, которой «шаланды полные в Одессу Костя приводил»… А колбасы, овощи, фрукты, вертуты, бабки? А великолепные «синенькие», то бишь баклажаны? А форшмак из анчоуса, сардельки и глосиков? А знаменитая фаршированная рыба? А царственные торты наполеон?.. Да, что ни говори, умеют в Одессе радоваться жизни!

(Пушка выстреливает стулом под № 9.)

ЗАКАДР. (Мешанина из упитанных одесских деток и мамаш – старые фотографии, современные съемки на пляже, на улице; персонажи, жующие и уплетающие разную вкуснятину; улочки, ведущие к Старому и Новому базарам; литографии старого Привоза, Привозной площади, здание Фруктового пассажа; камера ловит покупающих и пробующих на Привозе.)

Одесские дети по определению должны быть розовыми, пухлыми, тугими – такими, что не ущипнешь. Худосочный и бледный отрок одесским ребенком не считается – так, несчастье на курьих ножках. Как сказал один испуганный еврейский юноша своей предполагаемой невесте: «Мадам, в вас слишком много тела!». Откуда вообще взялось это слово – Привоз? Все очень просто. Главные одесские дореволюционные базары – Старый, Новый и Греческий – были капитальными, с каменными павильонами и лавками. А Привоз долгие годы представлял собой просто площадь, на которой торговали прямо с колес, то есть с возов, телег, немецких фур. Постепенно он стал настолько популярным, что начал обустраиваться, здесь даже появился истинный памятник архитектуры, Фруктовый пассаж. Открытый же, темпераментный и даже импульсивный характер Привоза остается прежним.

СТЕНДАП. (Подходит к Привозу со стороны арки с надписью «Привоз». Потом ныряет в молочно-колбасный корпус.) В Одессе не ходят на рынок, а «делают базар». «Делая базар» на Привозе, можно весьма сытно, весело и питательно позавтракать. Это, как говорят в Одессе, излюбленная воскресная аттракция – не просто попробовать разных вкусностей и прикупить чего-то к столу, но и пообщаться, послушать, кто, что и – главное – как говорит. Что ж, попробуем и мы приобщиться! (Заходит в молочно-колбасный корпус, потом в рыбные ряды.)

ЗАКАДР. (Мелькают таблички с названиями улиц: Болгарская, Французский бульвар, Греческая, Малая Арнаутская, Еврейская, Мясоедовская, Пушкинская… Камера заглядывает во дворы. Затем Потемкинская лестница из «Броненосца…», но другой эпизод, не тот, что в Первой серии.) Возникновение названия «Привоз» типично для Одессы. Точно так же появились и названия улиц: Итальянская, ныне Пушкинская, – там жили итальянцы, Малая и Большая Арнаутские – там жили арнауты, то есть албанцы,

Греческая площадь, Еврейская улица, где по иронии судьбы сейчас в СБУ живут местные чекисты, Малороссийская улица, Немецкая улица; на Пушкинской жил Пушкин, на улице Гоголя – Гоголь, а на Мясоедовской – купец Мясоедов… Из топонимических курьезов: была в советской Одессе улица Зоопарковая, на которой собирались построить зверинец, да так и не сподобились. А еще был переулок с экзотическим наименованием Академический тупик – там, понятное дело, находились дачи передовых вузовских и академических работников… Свободный город – как есть, так и называют! После «Броненосца «Потемкина» Эйзенштейна и хрестоматийной сцены расстрела горожан на портовой лестнице, которая называлась Гигантской, ее стали именовать Потемкинской. На самом деле никакого расстрела и в помине не было, но что значит великая сила искусства! Правда, ни Роза Люксембург, ни Клара Цеткин, ни их друг Карл Либкнехт, ни Август Бебель, ни тем более их общий идейный вдохновитель Карл Маркс в Одессе не бывали. Оно и понятно. Идеи их прививались здесь с большим скрипом и, в общем, прошли как-то по касательной, пожалуй, благодаря тому, что одесситы смотрят на все через призму оздоровляющей иронии и ничего не воспринимают «один к одному». Зато в названиях одесских улиц отразился непомерный интерес во все времена любознательных горожан к этим людям совершенно иной породы – немецким социалистам.

СТЕНДАП. (Идя по Екатерининской по направлению к Греческой; затем подходит к «Двум Карлам», спускается в подвальчик.)

Вот здесь, на углу Екатерининской и Греческой улиц, которые в связи с известными обстоятельствами были некогда переименованы в улицы Карла Маркса и Карла Либкнехта, находится старинный винный подвальчик, который возник здесь уже в 1796 году, через два года после основания города. Во второй половине XX столетия местная алкоголическая общественность дала ему название «Два Карла», что вполне естественно. И вполне естественно, что сейчас это название стало официальным. (Спускается в подвальчик, наливает себе вина из бутылки пушкинских времен в такой же стакан; сидя за столиком, разглядывает рубиновое вино в старинном стакане.) В Одессе всегда любили не только вкусно поесть, но и выпить хорошего молодого вина. В этой,

как здесь говорят, винарке, до сих пор подают те же бессарабские и шабские вина, что и во времена Ришелье и Ланжерона.

Но мы, ребята без печали,
Среди заботливых купцов,
Мы только устриц ожидали
От цареградскик берегов.
Что устрицы? пришли! О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать из раковин морских
Затворниц жирных и живых,
Слегка обрызнутых лимоном.
Шум, споры – легкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отоном…

ОЛЕГ ГУБАРЬ. СНХР. (О географии и характере одесских винарок, о Большом и Малом круге. Синхрон можно перекрыть снятым лайвом из винарки.)

СТЕНДАП. (Прогуливаясь по Дерибасовской; затем усаживается на открытой террасе кафе «Воронцов» и поглощает принесенное мороженое в вазочке.) Отведав ароматных одесских вин, вальяжная фигура выходила на Дерибасовскую и начинала прогуливаться. «По Дерибасовской гуляют постепенно», как сказал Жванецкий. Еще бы. Надо же и себя показать, и на людей посмотреть. Вы устраивались на скамейке в Городском саду, который раньше звался Дерибасовским, и миловидная итальянка подавала вам мороженое в граненом стакане. А мимо фланировала пестрая и нарядная толпа. Воистину, «Одесса – жемчужина у моря». Да-а-а, таких девушек, как в Одессе, больше нет нигде, если, конечно, они не командируются в ближнее и дальнее зарубежье. (Камера вместе с Ведущим следит за прогуливающимися девицами.) Сто лет назад здесь все было строго регламентировано. По четной стороне Дерибасовской дефилировали «погибшие, но милые создания», а по почетной нечетной – иные прочие создания, которых караулили прилипчивые светские «саврасы». И вот как-то раз одна милая особа заявила своей подруге: «Знаешь,

а нравы у нас все же меняются к лучшему. Лет двадцать назад мне там просто проходу не было. А теперь можно спокойно бродить по улице – никто не пристает!..».

ЗАКАДР. (Старые фото с амурчиками, купидончиками, розовыми альковными рюшами; кадры из черно-белого кино с обителью «ночных бабочек».)

Барышням-комильфо в одиночку по Дерибасовской бродить воспрещалось категорически. Когда некая сердобольная маменька принялась убеждать в этом свою дочь, та объяснила ей, что добродетель, конечно, *ценят,* но *оплачивают* все-таки пороки. «Оплаченный порок» цвел в Одессе, как и во всяком портовом городе, пышным цветом. Но даже здесь сказался типично одесский небанальный подход к любому вопросу.

В доме терпимости на Дегтярной улице на стене висела «карта поцелуев». Поцелуи здесь подразделялись на 15 категорий: 1) пристойные, или скромные; 2) диагностические; 3) политические; 4) антиалкоголические; 5) подневольные; 6) покаянные; 7) туфельно-ботиночные, или подкаблучные; 8) санкционированные; 9) оплаченные; 10) благочестивые; 11) академические, или корпоративные; 12) иудины; 13) терапевтические; 14) этикетные; 15) экспериментальные. Последние, как было отмечено в сем документе, отпускаются безвозмездно.

(Пушка выстреливает стулом под № 10.)

ЗАКАДР. (Кадры из фильма «Опасные гастроли»: Высоцкий поет об открытии в Одессе театра-варьете, а подтанцовка выплясывает канкан; литографии арфянок, цитра из Литмузея; кадры из фильма «В джазе только девушки»; кадры с летними театрами, оркестрами; фейерверки над морем в Аркадии.)

Слава Одессы как свободного города с легким характером была настолько велика, что уже во второй половине XIX века в городских ресторациях, пивных, трактирах появились небольшие женские оркестры. Так что фильм «В джазе только девушки» можно считать очередным заимствованием из одесского быта. Оркестры эти состояли из так называемых арфянок. То были, в основном, немки, которые приезжали в Одессу, как теперь говорят, «на заработки». Вы, конечно же, не думаете, что музыкантши таскали по подвалам арфы. Арфами в данном случае служили тирольские

цитры. Одна цитра вышла даже из мастерской Страдивари. Кстати, в Одессе когда-то утверждали, что из 600 скрипок Страдивари 800 было продано именно здесь. Арфянки идеально вписались в облик музыкальной Одессы. Здесь даже народные гулянья сопровождались, как правило, классической музыкой, а в качестве приправы – венскими вальсами да тирольскими песнями.

СТЕНДАП. (Идя к «Гамбринусу» от Греческой площади.)

Летом, когда в Одессе начиналась нестерпимая жара, горожане перемещались на дачи. В знаменитых дачных местах – в Аркадии, на Ланжероне, на Большом Фонтане, на знаменитых одесских лиманах – по вечерам над темными садами рассыпались огни фейерверков, которые и сейчас очень любят одесситы, уютно светились летние театры, отовсюду раздавались звуки оркестров. И считалось абсолютно естественным, что на «кабацкой эстраде», даже в самой занюханной пивной, можно встретить скрипачей и пианистов экстра-класса вроде Александра Певзнера, которого так сочно описал Александр Куприн в рассказе «Гамбринус». Послушать любимца простонародья Сашку-музыканта приходили портовые грузчики и биндюжники, бедные еврейские ремесленники и налетчики с Молдаванки, иностранные матросы и даже творческая интеллигенция. Музыкальная Одесса начала XX века осталась не только в городском фольклоре, но и в ностальгических куплетах Осика Бровера. Вот уже четверть века он выступает в знаменитом «Гамбринусе». Давайте же и мы приобщимся к «уходящей натуре». (Спускается в «Гамбринус», слушает Бровера, пьет пиво, вступает с ним в беседу, а возможно, и поет вместе с ним.)

ЗАКАДР. (Фото музыкантов-клезмеров, Сашки-музыканта (А. Певзнера), рисунок Леонида Пастернака «Еврейские музыканты», затем кадры с Утесовым.)

Большинство одесских фольклорных песен, вроде «На Молдаванке музыка играет» или «На Дерибасовской открылася пивная», родились на основе клезмерских мелодий. В ансамблях клезмеров – еврейских народных музыкантов – обычно не было двух одинаковых инструментов, каждый играл как бы свою сольную партию, свободно импровизируя. Кстати, эту манеру исполнения затем переняли небольшие негритянские оркестры Нью-Орлеана, из которых родился знаменитый американский джаз.

Что тут скажешь, действительно, «Одесса – родина слонов»! Недаром один из «слонов», на которых стоит Одесса, Леонид Утесов, утверждал, что его любимый город – родина джаза, а родоначальники – маленькие клезмерские «капеллы».

Легендой джаз-оркестра Утесова был знаменитый степист, одессит Эмиль Глед. А джаз, как известно, глубоко противоречил интересам мирового пролетариата.

ЭМИЛЬ ГЛЕД. СНХР.

ЗАКАДР. (Утесов поет «Ты одессит, Мишка, а это значит…».)

Лейб Вайсбейн, которого потом весь мир узнал как Леонида Утесова, навсегда остался для одесситов их любимым Лёдей. Вообще, одесские уменьшительные имена – это отдельная песня. Если вы услышите мужские имена Нолик, Тосик, Светик, Лёдик, – знайте, их обладатели оттуда, где поют о «гроздьях душистых акации белой».

М.В. МОЛОДЕЦКАЯ, ПЛЕМЯННИЦА Л. УТЕСОВА. СНХР.

ЗАКАДР. (Кадры и фотографии с Утесовым, фото его джаз-оркестра; памятник Утесову на Дерибасовской; кадры, где участники джаз-карнавала играют около него, потом на Привозе.)

Леонид Утесов начинал свою карьеру в Одессе в начале 20-х годов XX века. На подмостках небольших театриков и кафешантанов он исполнял сатирические куплеты, одесские фольклорные и стилизованные песенки, например «Ужасно шумно в доме Шнеерсона». Это было задолго до «Веселых ребят» и джаз-оркестра Утесова. Одесситы не забыли своего кумира. Они не только усадили бронзового Утесова на скамейку на Дерибасовской. Вот уже четыре года, как одессит Михаил Фрейдлин проводит в сентябре в Одессе международный джаз-карнавал, куда съезжаются все звезды мирового джаза.

ИГОРЬ КНЕЛЛЕР. СНХР. (История про концерт Утесова в Одессе.)

СТЕНДАП. (Около школы Столярского; из окон доносится музыка.) Постойте на любой одесской улице. Прислушайтесь. Мелодия этого города доносится из окон. Скрипка, альт, фортепиано, кларнет, виолончель… Это одесские дети в принудительном порядке занимаются музыкальной наукой. Самые способные из них учатся здесь, в знаменитой школе Столярского. Бывший клезмер из местечка неподалеку от Одессы, профессор Пейсах Столяр-

ский, создал уникальный метод обучения музыкально одаренных детей и основал школу, которую называл «школа имени мене». «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает; но и любовь мелодия», – написал Пушкин в альбом пианистке Марии Шимановской, и строки эти вошли в текст «Каменного гостя».

ЗАКАДР. (Портреты Ойстраха, Гилельса, Неждановой; кирха в плане; портреты Рихтера в молодости, его письма.) Отсюда вышли мировые знаменитости Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс, Буся Гольдштейн. В Одессу из предместья приехала учиться Антонина Нежданова, здесь она окончила консерваторию, которая теперь носит ее имя. В Одессе провел юность Святослав Рихтер. Его отец был органистом в легендарной одесской кирхе, и в первые же дни войны его расстреляли, совершенно безосновательно обвинив в шпионаже. К этому моменту Святослав Рихтер учился в Москве. Потрясение было настолько велико, что он уже никогда не смог вернуться в Одессу. Хотя музицирование в четыре руки и игры в шарады всегда помнили те, кто в годы одесской молодости называл его Светиком. Помнил об этом и Рихтер. И всю жизнь переписывался со своей первой юношеской любовью, одесской пианисткой Натальей Вербицкой. Ее дочь Татьяна Вербицкая хранит эти письма в старинной фамильной шкатулке.

ТАТЬЯНА ВЕРБИЦКАЯ. СНХР.

(Пушка выстреливает стулом № 11.)

СТЕНДАП. (В Пале-Рояле; затем спускается по лесенке на Екатерининскую улицу.)

В начале XX века Одесса переживала очередной расцвет. Здесь, в Пале-Рояле, располагались дорогие магазины и торговые ряды, куда обязательно заглядывали не только одесситы, но и приплывающие и приезжающие гости. Это сейчас изрядно затянувшаяся реставрация здесь граничит с разрухой, а раньше жизнь в Пале-Рояле кипела. Сходство с французской столицей придавали и знаменитые одесские кафе – нарядные, с легкими изящными верандами. На тенистых улицах под акациями и платанами, которые одесситы именуют «бесстыдницами», были расставлены маленькие «парижские» столики, за которыми пили кофе и чай, поглощали в невероятных количествах вкуснейшие пирожные. В кафе Робинà была, ко всему, и специальная комната для игры

в шахматы, в кафе немца Либмана – изолированный бильярдный зал, в кафе итальянца Замбрини объедались, в прямом смысле слова, до посинения, знаменитым одесским мороженым. (Вынимает из кармана салфетку из кафе Замбрини и зачитывает текст.)

АЛЕНА ЯВОРСКАЯ. СНХР. (О труппе Художественного театра в Одессе и Чехове, который «проел состояние» в кафе Замбрини. Несколько «анекдотов» из одесской художественной жизни тех лет.)

СТЕНДАП. (Как бы продолжение предыдущего стендапа. Ведущий подходит к кафе «Фанкони».)

Кафе швейцарца Фанкони постепенно стало чем-то вроде клуба, где собирались приезжие и местные литераторы, актеры, художники, спортсмены. Об этом кафе даже в песне поется: «Тут подошел маркер известный Моня, о чей хребет сломали кий в кафе Фанкони». Здесь, на открытой веранде, можно было увидеть Александра Куприна, Ивана Бунина, Николая Гумилева, молодого Исаака Бабеля, знаменитого борца Поддубного, авиатора и спортсмена Уточкина, приехавших для выступлений в Одессе Владимира Маяковского и «отца русского футуризма» Давида Бурлюка. А на весь этот пейзаж вкупе с натюрмортом взирал из окна родительского дома на углу Дерибасовской и Екатерининской молодой Василий Кандинский.

ВИТАЛИЙ АБРАМОВ. СНХР. (О семье Кандинских в Одессе и о Василии Кандинском; работы Кандинского из Одесского художественного музея и мемориальная доска Кандинского на доме.)

СТЕНДАП. (На Малой Арнаутской. Идет так, что видно название улицы и дом с мемориальной доской Ильфу.)

Если верить хорошо осведомленному Остапу Бендеру, то весь импортный товар сделан в Одессе на Малой Арнаутской. Великий комбинатор был, как всегда, прав. И это можно документально засвидетельствовать. Как оказалось, кинематограф был изобретен именно здесь, механиком Одесского университета Иосифом Тимченко. В 1893 году он создал прибор, который позволял проецировать на экран «стробоскопические иллюзии прерывистого движения». А в год столетия Одессы, в 1894 году, то есть за год до братьев Люмьер, Тимченко опубликовал свое открытие. Но то ли одесским коммерсантам изменило чутье, то ли Тимченко не умел делать то, что теперь именуется словом «промоушен», но финансовой поддержки он не получил.

ЗАКАДР. (Кадры немого кино; старая хроника; кадры с Верой Холодной.) Зато Одесса получила щелчок по своему задранному носу: первый фильм в Одессе показывал в 1896 году представитель братьев Люмьер – в Александровском парке, который теперь называется парком Шевченко, в специальном деревянном павильоне. Потом в Одессе возникли стационарные кинотеатры и несколько собственных киностудий. Уже после установления советской власти они были преобразованы в Одесскую киностудию, которую прославили затем Марлен Хуциев и Петр Тодоровский, Кира Муратова и Станислав Говорухин. Сюда, в Одессу, где до 1920 года советская власть никак не приживалась, стекался поток убегающей от «окаянных дней» интеллигенции. Появились здесь звезды российской эстрады, например Александр Вертинский, и звезды немого кино, которые продолжали сниматься в Одессе, и среди них – королева экрана Вера Холодная. Ходили слухи, что среди ее обожателей были Григорий Котовский и Мишка Япончик. А внезапная смерть актрисы в 1919 году от вирусного гриппа, от испанки, как тогда говорили, породила массу домыслов – утверждали, что ее отравили, что она была связана с большевиками…

АННА МИСЮК. СНХР. (Об Одессе 10-20-х годов XX века.)

СТЕНДАП. (В маленьком самолете типа «аэроплан» в небе над Одессой; одет как авиатор 10-х годов прошлого века – шлем, огромные очки, белый шарф.)

«Было время, когда я летал только от Фанкони к Робинà. Теперь я летаю даже над Хеопсовой пирамидой!» Это слова знаменитого велогонщика Сергея Уточкина, который в свое время съехал по Потемкинской лестнице на велосипеде. После того, как в Одессе ушел в небо аэроплан с первым русским летчиком Михаилом Ефимовым, Уточкин тоже решил стать, как говорили тогда, «пилотом-авиатором». И очень быстро добился того, что его стали именовать «Шаляпиным воздуха». А сам он называл себя «счастливейшим из одесситов». Вообще, популярность авиации, как и любого новшества, была в Одессе чрезвычайно высока. Здесь даже был свой завод аэропланов Анатра, который выпускал 50 машин в месяц. На этом-то заводе и начинал свой творческий путь будущий знаменитый писатель Илья Ильф. Между прочим,

этот Анатра увел у Уточкина жену, что впоследствии и довело «Шаляпина воздуха» до «палаты № 6»…

ЗАКАДР. (Кадры из хроники или фильмов об интервенции; кадры погрома из фильма «Гамбринус»; фотографии, кадры со всеми упомянутыми фигурантами-эмигрантами.)

До прихода советской власти в Одессе сменилось несметное количество режимов – и иностранных, и местного значения. Но никто из них не был столь долговечен и назойлив. То, что происходило в городе в 1919 году, Илья Ильф назвал «одесский Техас». В 20-м году уже начался массовый исход. Это не было первой волной эмиграции из Одессы. Эмиграция началась в 1821 году, сразу же после первого еврейского погрома. И потом на протяжении всей своей истории Одесса то приобретала, то отдавала. Был приход, сделался исход.

Одесситы Владимир Жаботинский и Меир Дизенгоф «сделали Израиль». Одесские корни имеют Зигмунд Фрейд, Ситроен и Гамов, знаменитый автор теории горячей Вселенной. Даже Кирк Дуглас и Стивен Спилберг имеют отношение к Одессе. Не говоря уже о Сильвестре Сталлоне и Дэвиде Копперфильде. Но это еще не все. Возможно, что в 20-е годы в одесских аптеках и цирюльнях продавали некий эликсир, созданный по особому рецепту на той же Малой Арнаутской. Ничем иным не объяснить того факта, что в одно время в одном месте возник такой сонм блестящих литературных талантов.

ЕВГЕНИЙ ГОЛУБОВСКИЙ. СНХР. (Об одесской литературной южнорусской школе, об исходе писателей из Одессы, о Бабеле, который говорил друзьям на похоронах Багрицкого: пора возвращаться.)

(Пушка выстреливает стулом под № 12.)

СТЕНДАП. (Идет по Дерибасовской по направлению к бронзовому стулу.)

Жванецкий говорит: «Нет специального одесского юмора, есть юмор, вызывающий смех, и есть шутки, вызывающие улыбку сострадания».

Трудно с этим спорить. Да и не нужно. Лучшие репризы одесского КВНа некогда не были «специальными». Как и Юморина – праздник, придуманный одесскими кавээнщиками. Главное в одесском

«неспециальном» юморе – это естественность. И вышедшая в этом году антология все-таки одесского юмора это подтверждает. Юморина – это такой театрализованный роман «Двенадцать стульев», проявление истинной раблезианской сущности Одессы.

ЗАКАДР. (Кадры с Юморины – шествие, люди, поливающие друг друга и себя краской; презентация «Антологии»; вручение стульев на «Мастере Гамбсе», в том числе и Ведущему, а затем в режиме «быстрой скорости».) Ну где еще 1 апреля бывает выходной день? Где еще весь город выходит на улицу, чтобы нарядиться черт знает во что и облить себя литром серебряной краски, оставшейся от недокрашенной ограды? Вот уже четыре года, как во время Юморины проходит театрализованное действо под названием «Мастер Гамбс». Лицам, наиболее отличившимся на ниве сатиры и юмора, здесь вручают по бронзовому по стулу, коих, естественно, 12 штук. Это такая попытка вытащить золотую нитку из прошлого. Вертинский говорил: «Можно пройти по всей России и не пройти в Одессе. Одессу боятся. Ее откладывают на конец, напоследок, после Парижа и Лондона». Те, кто приезжает в Одессу за бронзовыми стульями, судя по всему, «прошли» и в Париже, и в Лондоне.

СТЕНДАП. (Тантамареска, где изображены Остап Бендер, Киса Воробьянинов и отец Федор. Четвертая фигура – с головой Ведущего. Он выходит из-за тантамарески, подходит к бронзовому стулу и садится на него. На ладони у него маленький стульчик.)

На бриллианты, которые оказались в гостином гарнитуре мадам Петуховой, был, как известно, построен клуб. Бриллианты, которые мы с вами так старались отыскать, – здесь, вокруг. На них построен этот город. И все, кому повезло здесь оказаться, увозят с собой бриллиантовую одесскую пыль. «Я жил тогда в Одессе пыльной…» Не гарнитуры же увозить с собой, в самом деле!

(Из-за тантамарески выходят Остап Бендер, Киса Воробьянинов и отец Федор. Подходят к Ведущему и становятся рядом, как на старинной фотографии, которая постепенно переходит в литографию.)

Конец второй серии

2004 г.

Ефим Ярошевский

«Из прочно забытых рукописей»

Стенограмма одного происшествия (одесский эпос)

Авария

Действующим лицам с любовью.
Автор

Утром *оно* двинулось на город. Оно легко пролезло сквозь горячие пальцы города, минуя канализационные трубы – идеально отлаженные пути, – и выступило из щелей и решеток, плохо заделанных пазов и люков наружу. Солнце еще не встало, зловоние было легким, терпимым, почти нежным. Так попахивают отливы после ночи, отдавая квартирам запах слитой за ночь мочи. Так разят старенькие забытые помойки, тихо срыгивая зловоние, тут же уносимое ветром в сторону – в степь.

Никто ничего не понял. Дворничихи истово мели тротуары, готовые принять пешеходов. Через час город пойдет на работу.

В 7 утра началось… Дерьмо показалось на нашем квартале. Не обращая на него внимания, отрыгивая булькающие жидкой похлебкой люки, школьники неслись в школу. Только один мальчик, задумавшись, с большим интересом смотрел в люк, вспоминая неприличное сновидение, долго ковырял в носу, потом спохватился и пошел в класс.

В 8 утра зазвонили телефоны спасательных служб. В 9 утра была объявлена тревога. Дерьмо хлынуло на прекрасные одесские улицы и, оплывая почтамты и банки, двинулось в поход на окраины.

– Опять где-то лопнула труба, – задумчиво молвила соседка.

– Странное утро сегодня, – сказала вслух Соня Дерижабль, самая интеллигентная дама двора.

– Суля пришел с работы весь мокрый. Он куда-то упал.

– Ваше белье сегодня странно пахнет, – сказала мадам Цеппельштейн.

Дора Хромая и дворничиха Клава долго совещались.

– Вся Госпитальная в говне. Что это значит?

– Надо узнать! Вы звонили по телефону? Надо позвонить по телефону, звоните в службу быта и газа.

– Поздно. Поздно звонить. Вам же сказали – вся Госпитальная в этом… в говне.

– Действительно. Просто дышать невозможно. Вот это номер!

– Давайте закроем ворота. Вы знаете, в уборную уже нельзя зайти: там все буквально поднялось… Мама моя, такого я еще не видела!

– Геня, вы слышите, кругом говно. Что вы смеетесь? Хорошенький смех! Говорят, в тридцать третьем двое уже утонули.

– По-моему, это из вашего люка. Вы всегда его плохо закрывали. Все свидетели, что вы плохо закрывали ваш люк. Нет? Я вас давно предупреждала.

– Через час мы все погибнем. Я знала, что так будет.

– Что вы валяете дурака? Какой люк? Просто в Беляевке лопнула водонапорная башня, и вся канализация пошла обратно. Только что мне сказала Дора.

– Только без паники. Я, на минуточку, позвонила куда надо. Уже принимаются меры. Мне сказали, что кал остановят. И до обеденного перерыва все будет очищено.

– Ну-ну. Вашими устами…

– А я вам говорю, что через полчаса говно будет здесь.

Я не мог больше оставаться дома. Я решил оббежать всех знакомых. Но дальше Павлова я не пошел. Многие там уже были. Игорек встретил меня в кальсонах, умирая от смеха.

– Я так и знал, что ты придешь. А как же иначе? По-моему, через полчаса все будут здесь. Как это ни странно, но наш квартал пострадал меньше всего. Заходи. Юра уже тут.

Я вошел.

– Привет. Послушай, по-моему, страшно воняет. Ты не находишь?

– Фимочка, ты – прелесть! Ну конечно же, воняет. *Все* это находят.

– И уже давно.

– Нет, в самом деле. Черт знает что. Просто удивительно: кругом говно. Откуда?!

– Ты меня доконаешь. Я знал об этом еще вчера. Но не хотел говорить. Этого следовало ожидать. Неужели ты ничего не понимаешь?

– Откуда же ты знал? Брось, откуда ты мог знать?

– Милый мой, я знал об этом еще в десятом классе! Знал, что так будет. И почти не ошибся в сроках. А ноги, пожалуйста, вытри. Все-таки… нечистоты. Вот так. Теперь заходи. Все уже почти в сборе.

– Ребята, что же будет?

– Ничего не будет. Силами населения все образуется. И говнецо потечет обратно своим путем.

– Ну, знаешь… Это уж чересчур.

– Чудак. Шучу.

У окошка сидел, давясь от смеха, Юра.

– Юрочка, это же ужасно! Чему тут радоваться? Если на улице, извините, говно?

– Это как посмотреть. Тут мы многого не знаем. Это всё – сюрреализм. И все такое. По-моему, это остроумно. Давайте лучше писать пьесу. И сценарий. Одновременно. Про то, как все, как ни странно, остались живы. И умываются нефтью. Представляешь? И прочее.

Юрочка веселился.

Вошел Толя. Очки его запотели. Лицо было свежим, но озабоченным.

– Ребята, мне не до шуток. На углу я снял очки и понял, что это – настоящее говно. Как тебе это нравится? Мне – совсем нет. Это чья-то дурная шутка в чуждой мне манере. Но пока это пройдет, надо покушать. Я еще не завтракал. Дерьмо – это еще не причина, чтобы не кушать. По-моему.

– Ты прав. Самое время.

– А что? По дороге я купил колбасу. По твердой цене. Ты знаешь, она чайная. Я взял ее без очереди. Я взял ее, однако, с трудом. Но мне дали. Я сказал им, что я – спасатель-аквалангист. И показал удостоверение личности наладчика. Ну как? Сила. Меня на руках вынесли из магазина. Уже с колбасой. Ребята, надо покушать. Чему быть, тому не миновать. Не надо думать о том, о чем не надо думать.

Выйти нам было уже невозможно. Дерьмо прибывало, Павлов двор был запружен. Как писал поэт, «дом-хлебок сединой укрыло», «выпеченных щадев» было предостаточно. Кто-то предложил забраться на крышу. Это показалось нам интересным. Сверху мы увидели много любопытного…

На крышах было уже много народу. Друзья-художники сидели на деревьях. Зажав нос, выше всех сидел Нуревич и помутившимися глазами смотрел на медленный поток, огибающий улицу. «Боже мой, боже мой! – роптал он. – Это топь. Цветное болото… Вонь… Ужас. Мы погибли. Рихтер был прав. Боже мой. Боже!» Потом его стошнило.

Внизу многие тонули. Но никто не кричал. Поразительная тишина стояла вокруг. И божий дух носился над водою…

На соседней ветке меланхолически сидел Миша.

– Мальчики, все это – фигня. Происшествие в стиле Рабле. Все это уже было, было. Ну хорошо, ну говно, ну нет говна. Какая разница? Конечно, смердит. Но ведь всегда смердело. Все это скоро пройдет. А дальше что?

На нижнем сучке нервно смеялся Валик.

– Вот не вовремя... Мне надо плакетки сдать, а тут какая-то фигня, наводнение. В жизни столько говна не видал! Я представляю себе, какая в фонде суматоха – там с утра совещание, а все слиняли на деревья. Обхохочешься!

На верхушке тополя веселился Люсик, обозревая застрявших.

– Бенемунес, мальчики, этот идиёт на соседской ветке меня морочит: откуда ты взял, что Дофиновка тоже в дерьме?! Ты хочешь меня лишить иллюзий, да? Ты – мудак. Я вижу отсюда больше и дальше, и мне Дофиновка открывается сверху чистой, как слеза. Вся в утреннем тумане и дымке. А какие там сейчас помидоры? Хочешь посмотреть? Лезь ко мне. Тут воздуха махай! Слушай, тут

просто санаторий. Мальчики, ни у кого не найдется бутылочки боржоми? Она была бы очень кстати. Нет? Ну нет, так нет. Посидим – увидим. Плюньте на это дерьмо и поднимитесь ко мне. Тут просто фламандские виды!.. И потом, тут девочки в соседнем окне. Просто сильфиды!

На крыше у самого бордюра стоял, расставя руки, Петя Рэй и тихо хихикал.

– О, вы тоже тут. Это так интересно. Все в сборе. А я измазался. И теперь никто не поймет, какого я цвета. Ой, я умру от смеха. Аркаша опять надел свои любимые туфли. Я тут уже давно стою. Мне интересно! Смотрю на то, как вы боитесь. Я приглашаю вас помолиться. Мы никогда так в жизни не воняли. Самое время молиться. Вы все отсталые люди. Не понимаете… Или лучше давайте читать стихи. За плату! Представляете? Я читаю, а вы мне платите по рублю за стих.

«Что это за штымп там размахивает руками?» – подумал Дюльфик и крикнул:

– Послушайте, вы случайно не ударник из ансамбля Дворца студентов «Молодые голоса»? Это не вас я видел вчера загорать на Большом Фонтане? Прыгайте сюда, у меня для вас есть одно сухое место! За один анекдот из загробной жизни. Ну что же вы размышляете?

– Да-а… А дерьмо все прибывает, – заметил Павлов. – Надо готовиться к худшему. По радио еще утром сообщили, что начали работать все насосы города и области. Что же это – опять обман?! По-моему, человечество вырождается на глазах. Надо же спасать людей! Хотя… надо ли? Все-таки надо. Посмотри, кто это плывет. Очень знакомые контуры. Это же Хайм! Вот растяпа, не мог забраться чуть повыше. Дурак!

Игорь прицелился и тут же бросился вниз. Раздался нехороший шлепок.

Энергично разгребая дерьмо, Игорек приближался к тонущему. Хаим размазывал цветные слезы, всхлипывал и шептал: «Зачем, зачем ты это сделал? Все равно… все равно…». Игорь нырнул и подплыл еще ближе. Стиснув зубы, он думал: «Надо же спасти этого идиотика. Вечно он меня находит. Вечно он держит меня в напряжении. Вечно я за него в ответе», – и с трудом вытащил Хайма на ближний сук.

Мимо в самодельной гондоле проплыл Гирш. «О! Гриша! Куда же ты?» – спросил с ветки Миша. «Извини, Миша, – на работу! – крикнул Гирш и поплыл дальше. – Звони».

Между тем время шло. Как видно, насосы все-таки не работали. Спускаться было рано. А спуститься хотелось.

– Как видишь, Фимочка, все мы сидим глубоко в дерьме, – сказал Лангер. – Я не удивляюсь, я просто констатирую. К этому следует отнестись философски. Перспектива сдохнуть именно в дерьме, по-моему, очень явно вырисовывается. Говоря шахматным языком Хосе Рауля Капабланки, все мы в глубоком цейтноте. И все же я не отчаиваюсь. Все можно поправить. Как ты думаешь, нас не могут спасти с воздуха? Подобные случаи уже бывали в мировой практике. Не будем отчаиваться. Хотя случившееся оставит неизгладимый, я бы сказал, несмываемый след в нашей памяти. Во всяком случае, скумбрии в Одессе еще долго не будет. Лет семьдесят. По моим скромным подсчетам, увы, в прибрежных водах слишком много дерьма. Я правильно развиваю свою мысль? Я доходчиво объясняю? Но я еще не кончил. Я квалифицирую случившееся как ненастье. И всех нас это должно, по-моему, объединить. Извини, если я тебя задержал.

– Ну что ты, Саша, ты меня не задержал.

– Все-таки нельзя так много болтать в таком положении.

– Почему? – искренне удивился Люсик. – Послушай, а где наш маленький ингермончик Аркадий? Погиб одним из первых? Нет? Тогда я за него рад. Клянусь честью. Он мне симпатичен. Ты посмотри, что делается, а? Идет большая стирка. Мне надоела эта высота. И потом, мне пора в мастерскую. Дульфан не может так долго бездельничать. Какой-то кошмар! Что они себе думают? Я не Христос, чтобы идти пешком по водам. Я пожалуюсь. Другие как хотят. Ты посмотри, какие девули тонут ни за что и без любви! Какой шарман! Надо им протянуть руку. Обратите внимание на этого коца – ему мало окружающего дерьма, он еще нырнул в люк! Представляю, какой он там ловит кайф! Нет, что делается? Лучшие люди гибнут. Аристократы пера и кисти. Но вот этому, справа, – ты видишь? – с таким идьётским выражением лица – ему я руки не подам. И не потому, что он должен мне 3 рубля

и год не отдает. Я не мелочный. Но только потому, что он – коц. А та фондовская падла пусть тонет. Это будет только справедливо. Меньше вони…

На ветках шли разговорчики.

– Ты посмотри, какие цвета! Какой цвет! Какая абстракция! Миро и Моранди тут делать нечего. Какие пласты цвета… Надо уметь абстрагироваться. Если ты художник, а не…

– А не дерьмо? Ты это хотел сказать?

– Вот именно. Нет, в самом деле – это надо рисовать тут же, не откладывая. Жаль кистей нет. Правда?

– Брось, брось! Все это – пижонство. В такой ситуации. Именно в такой ситуации! Нет, ты посмотри – это же Фальк, Раушенберг! Дульфан, наконец! Сколько алого и коричневого. А предметность… Просто здорово. А эти прожилки зеленого и желтого. Нет? Согласитесь, что я прав. И потом…

– Берегись! – крикнул Гаус и сделал резкий вираж в сторону: подмытый дерьмом старенький домик на Чижикова стал медленно оседать и грозил завалить перенаселенное дерево. Посыпались кирпичики. К счастью , никого не задело.

– Вот это уже нехорошо! – произнес Миша и протянул Шуревичу руку помощи.

Но Шуня слезть отказался. Он надежно привязал себя ремнем к верхушке и повис в пространстве.

– Дело твое, – молвил Миша. – Но я советую. Если есть шанс. Хотя не вижу разницы.

«Вот пугливый народ», – подумал Хрущик и прочно закрепился на сучке.

Время перевалило за полдень. Ясное одесское небо слегка посуровело. Над Привозом показались тучки. Неожиданно пошел дождь. На деревьях возникло движение.

– Я говорил, что все правильно. Наконец мы очистимся, – сказал Петя и подставил под дождик рыжую спутанную бороду.

С суперфосфатного завода несся живительный запах серы. Вспыхнула молния. Над Бугаевкой глухо заворчал гром. Дождь припустил сильнее.

– Это класс, ребята! – крикнул Толик, заплясал по крыше и стал бурно умываться под дождем. – Этот дождь мне на пользу.

Витя хладнокровно смотрел на улицу из чердачного окна и задумчиво курил «Беломор». Внизу по пояс в дерьме уже час стоял Витя Павлов, отрешенный от всех, и сосредоточенно что-то писал на картоне. Диким вдохновением горели глаза. Он работал. С завистью смотрели мы на него.

– Бенемунес, мальчики. Я весь промок… – пожаловался Дульфик. – Но я не из тех, кто смиряется. Девочка, вас случайно не Соня зовут? Дайте вашу руку…

И через мгновение он исчез в проеме окна.

Высоко над городом, на церковном куполе Преображенского собора, держась могучей рукой за крест, стоял Сыч. Дождь не щадил его. С ужасом глядя вниз на тонущий город, отдавая ветру и ливню седую голову, королем Лиром казался он. «Как жить? Как теперь жить?» – вопрошал он, и слезы текли по его лицу. И вода текла по голой татарской спине (свитер он отдал кому-то из пострадавших).

– Ты видишь, что делается! *Оно* снова пришло в движение. По-моему, это конец. Хотя это и несправедливо. А может быть, это – возмездие? – говорил Павлов, и пугающая правда была в его словах.

– Но за что?! За что возмездие?

– Как! Ты еще спрашиваешь, за что? Тогда ты достоин этой участи. Как, впрочем, и все мы. Все! (Все виновато молчали.) Но с другой стороны, было бы обидно не досмотреть все до конца. Другого случая может не представиться. Закурить есть?

Нас было семеро под ветхой чердачной крышей ковчега, заливаемого водой и дерьмом, и случившееся еще больше сплотило нас. Всех нас объединила эта сочная, богатая витаминами *среда*. Все мы сидели в теплой, позолоченной лучами заката медленно убывающей жиже и ждали конца потопа. Где-то далеко за линией крыш в закатной воде грозно накренился оперный. Часть центра провалилась в преисподнюю катакомб.

Толя Морозов оживленно комментировал события:

– Вы понимаете, ребята, тут не просто поломка или нехватка труб – тут перст Божий! Большевики потеряли чувство меры. Вы понимаете? Давно надо было отказаться и уйти. Так нет же! Такого не было со времен Римской империи, со времен Тиберия

и Нерона, понимаете? Когда весь Рим чуть не захлебнулся, понимаете, в первобытном дерьме. Сенат (это их обком партии) пожалел денег, несколько миллионов награбленных сестерций, для ремонта акведуков – и в результате вся канализация Рима была парализована. Вы понимаете, какая подлость? Они поступили, точно как поступили бы наши: нет денег – и всё. Пусть все летит… Пусть пол-Рима накроется, лишь бы их виноградники на холмах были в порядке. Точно как наши. Только у древних были хоть какие-то понятия о морали, совести. Корнелий Сулла, правда, сильно испугался, когда стал тонуть его дворец, но несколько сот рабов и солдат на руках вынесли его семью, добро и рухлядь из пламени и потопленной провинции. Наводнение тогда было не из слабых. И водопровод, сработанный еще рабами Рима, работал исправно. Не чета нашему. Кстати, он спас себя тем, что объявил войну соседней Испании и отвлек народ от вони и налогов.

А подводная лодка на Дерибасовской? Так это тоже на случай полной катастрофы. Чтобы можно было удрать, как в ковчеге. Задраить люки и сквозь свежее дерьмо уйти (без нас) в Средиземное море. Подонки!.. Извините, если я громко говорю. Но я слегка оглох после Ватерлоо. Вы понимаете, пушки так палили, что Бонапарт затыкал себе уши вытными тампонами. Генералы просто диву давались, как это так глубоко в расположение войск проник штатский. Да еще еврей.

– Толя, опомнись, что ты говоришь?..

– И все-таки еще не все потеряно, – бормотал я. – Вот увидите. Все как-то выправится.

Павлов выразительно посмотрел на меня.

– По-моему, ты на что-то еще надеешься, на что-то уповаешь без всяких на то оснований.

– Вообще-то, ребята, давно пора умереть, – сказал Юра, который все это время молчал. – Я вам удивляюсь. Надо умирать, а вы не хотите. Смешно.

– Заткнись, Юрочка. У тебя давно была такая возможность. Но ты ею не воспользовался. Почему-то.

– Это все неинтересно. Вот если бы стреляли, и у всех нас были бы красные банты, тогда другое дело. А так– скучно. Не остроумно.

– Болтун ты, как я посмотрю. Ну ладно. Кажется, дождь-то кончился?

Мы выглянули. Дождь действительно пошел на убыль. Потом вдруг перестал.

На деревьях никого не было. Странно…

– Странно, правда? Куда все подевались?

– Ничего странного. Дождь кончился, и все уже давно в баре.

– В баре?! Ну, знаешь… А дерьмо?

– А что дерьмо? Именно к дерьму-то и легче всего привыкают. Очень даже естественно. Кончился дождь, и *это* надо было отметить.

– По-моему, все правильно. Пора выходить.

– Интересно, что сейчас все делают? – назидательно сказал кто-то.

– Хочешь, расскажу? Хрущик в бар не пошел. Дома, наверное, что-то строгает. Вика вообще не выходила из комнаты. Она уже давно никуда не выходит. Стоит, наверное, у окна, горбится, исступленно курит и говорит кому-то: «Ты знаешь, я просто ожила от всего случившегося. Нарушено, наконец, однообразие жизни. На меня хлынули воспоминания детства. И теснятся стихи. Я давно себя так хорошо не чувствовала».

Хрущик ищет что-то и злится. «Любят, падла, чужое и хорошее!» Потом находит фломастер. Оказывается, он лежал в ботинке.

– Брось, все ты выдумываешь. Но это интересно, – сказал Павлов.

– Наоборот. Это неинтересно.

Вечерело.

– Все достается людям… – задумчиво молвил Игорек. – Странно, что многие живы. Я рассчитывал на другое…

– А что делает Гриша? Представь себе, что он сейчас делает.

– Очень даже просто. Гриша уже дома. Брезгливо разделся и принимает ванну. Читает Рильке. Сочиняет Шурику письмо. «А у нас тут был великий рухл…» – напишет, наверное, он. Потом расскажет ему о дуальной экзогамме, имплицитно выражающей пафос превращения хаоса в космос. Что-то в этом духе. Потом выпьет рюмашечку и позвонит Мише... И рано ляжет спать.

– Да-а… Красиво. Однако пора идти. Пора спускаться.

Город отряхивался от воды, полной грудью вдыхал облагороженный ливнем сложный запах.

Надо написать Матизену в Новосибирск, он должен это оценить. Наверное, скажет, что все это живо написано и напомнило его счастливые годы в Махачкале…

Город уже зажигал свои фонари. Прохожих было мало. Трамваи не шли.

…Вспомнилось нам также незабвенное холерное лето, когда о дерьме только и говорили, и думали. Мы тихо приходили друг к другу в гости и долго молчали, искупая грех многоговорения. Зашел как-то к Шурику, был там, по обыкновению, и Гирш. Собирались обедать. Тщательно мыли руки, кипятили мыло, посуду. Подали борщ. Я мучительно отказывался. «Напрасно, Фима, – сказал Шурик. – Может быть, это последний борщ в твоей жизни». «Шурочка, нельзя так шутить», – укоризненно молвил Гриша, но от борща не отказался. Жизнь продолжалась…

Лето было в разгаре…

Публикация Татьяны Ярошевской

Сокровища из сокровищницы

318 Татьяна Щурова
«...И роскошь, и красота, и польза...»

Татьяна Щурова

«...И роскошь, и красота, и польза...»

Осенний выпуск альманаха традиционно посвящен дню рождения Одессы. Современная история города наполняется новыми значимыми страницами, но при этом неизменно сохраняется интерес к прошлому.

Например, к такому уникальному событию как появление театра в «юной Одессе», когда городу исполнилось всего пятнадцать лет! Об этом много написано. Мы в свое время знакомили вас с брошюрой Аполлона Скальковского «Биографический очерк Одесского театра» (1858), насыщенной информацией книжкой «Краткая историческая записка о положении театрального дела в Одессе с начала постройки сгоревшего театра…», составленной товарищем городского головы бар. Витте (1886), историей постройки нового Городского театра на месте сгоревшего в январе 1873 года, изложенной в одесском издании 1912 г. «Двадцатипятилетие Одесского городского театра».

Постоянно востребованы книги Валентина Максименко, много лет изучавшего вопросы музыкальной жизни Одессы по старой периодике, а небольшая книжка Олега Губаря «Пушкин. Театр. Одесса» (О., 1993) прочитана в отделе искусств ОННБ уже не одним поколением любите-

лей истории и театра. Автор, правда, критически относился к этому популярному изданию. Конечно, если вы сравните ее с фундаментальным исследованием О.И. Губаря «Топография пушкинской Одессы», в частности, с главой, посвященной одесскому театру пушкинской поры, то убедитесь, что за последние десятилетия краеведу удалось пополнить эту тему массой новых фактов и документов. Однако его первый опус сделал свое благородное дело.

Отличное научное исследование провела музыковед Наталья Остроухова, выпустившая три тома под названием «Одесский оперный театр в историческом пространстве и времени» (О., 2013-2018), охватившем период с 1804 по 1926 гг. Здесь можно найти малоизвестные факты о деятельности театра, это книги-помощники

с превосходным справочным аппаратом. И совсем другого рода издание – книга Ирины Кузнецовой «Одесса. Театр. Балет» (О., 2011). Это воспоминания автора, балерины и театроведа, расшифровка личного архива, собиравшегося несколько десятилетий, включившего уникальные исторические реликвии и редкие иллюстративные материалы.

Вернемся к книжным раритетам. В 1913 году в Петербурге вышла небольшим тиражом первая и единственная часть из задуманного капитального труда Георгия Крескентьевича Лукомского (1884-1928) книга «Старинные театры». В библиотеку это издание попало вместе с престижной коллекцией и имеет штамп «Даръ графа М.М. Толстого». Автор – русский и украинский историк, краевед, живописец, поставивший

перед собой задачу собрать сведения об античных театральных зданиях и проследить затем традиции возрождения подобных приемов в новых театрах. Подробно и добросовестно им было собрано бесчисленное количество рисунков, чертежей, планов, фотографий. В поле зрения Лукомского, естественно, попало и первое здание одесского театра, отвечавшего критериям античных построек. Напомним, что старый Одесский оперный театр (1804-1809 гг.) возводился по проекту французского архитектора Тома де Томона (1760-1813), хотя в процессе строительства внешний облик здания (по свидетельствам современников) менялся, и оно неоднократно перестраивалось.

МАСТЕРА РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Г. Д. ОЩЕПКОВ

АРХИТЕКТОР

ТОМОН

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ СССР

МОСКВА

1950

Старый Городской театр

Много и подробно написано об истории нового Городского театра, открывшегося 1 октября 1887 года. Иначе быть не могло. Одесситы не мыслили своей жизни без театра, без музыки. Они страдали: «…Не стало прежнего, излюбленного одесситами, созданного герцогом Ришелье, воспетого Пушкиным, старого Городского театра. Осиротели одесские театралы. Гибель театра сильно взволновала городское общественное управление, которое тотчас же стало говорить о необходимости сооружения нового театра…» – свидетельствовала местная пресса. Газеты «Новороссийский телеграф», «Одесский вестник», журнал «Пчелка» и др. давали подробные материалы о необходимости сооружения нового здания театра, о прохождении конкурса проектов, о ходе постройки, когда были выбраны известные венские архитекторы Ф. Фельнер и Г. Гельмер, и, конечно, о торжествах по случаю открытия театра.

В самом начале двадцатого столетия в Петербурге увидело свет грандиозное многотомное издание «Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века». Автор его – Гавриил Васильевич Барановский

Фасад Городского театра. проект Ф. Фельнера и Г. Гельмера

Г. В. БАРАНОВСКІЙ.

АРХИТЕКТУРНАЯ

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

XIX ВѢКА.

ТОМЪ III.

ВЫСТАВКИ, ЗРѢЛИЩА, СПОРТЪ

И Т. П.

EXPOSITIONS, THÉATRES, ETABLISSEMENTS SPORTIFS ETC.

AUSSTELLUNGEN, SCHAUSPIEL-HÄUSER, SPORT ETC.

(1860-1920), уроженец Одессы, архитектор, гражданский инженер, искусствовед и издатель. Этот фундаментальный труд включил лучшие на тот период образцы построенных по всему миру сооружений и большое количество проектов зданий разнообразного назначения. Многочисленные полностраничные иллюстрации представляют графические таблицы, подробные изображения фасадов зданий, их фрагментов и деталей, планы, различные проекции. Считается, что ничего подобного ни до, ни после этого издания не было ни в России, ни в мире. В третий том энциклопедии –

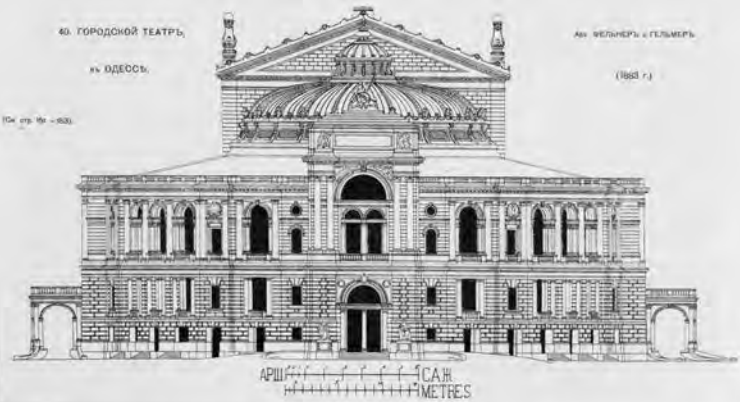
40. ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ,

въ ОДЕССѢ.

(См. стр. 19г – 19д).

Авт. ФЕЛЬНЕРЪ и ГЕЛЬМЕРЪ

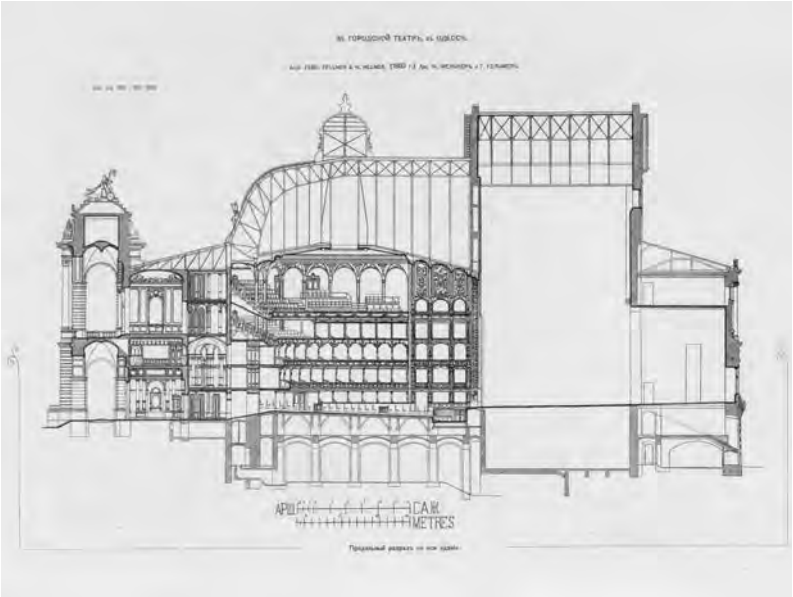
(1883 г.)



Главный фасадъ.

Перспективный видъ.

Боковой фасадъ.



«Выставки, зрелища и спорт» – включено среди 132 проектов здание Одесского оперного театра.

Вспоминая публикации по истории нашего театра, нельзя обойти вниманием очерки Александра Михайловича Дерибаса. Собирая материалы в старой одесской периодике, чтобы издать его вторую книгу под названием «Старая Одесса. Забытые страницы»: исторические очерки и воспоминания» (К., 2004), мы нашли немало рассказов, где этот истинный театрал и человек, безмерно влюбленный в свой город, не мог не пропеть гимн его жемчужине и не заразить нас своей страстной любовью к чуду по имени театр.

Два театра

Два театра – два мира. Новый – на развалинах старого. Один сгорел еще в 1873 г., тот, «который посещал Пушкин». Другой, построенный в 1887 г., пылал (как это написано по-латыни на его фронтоне) в 1925 году, а теперь возрожден и заново сияет во всем своем блеске и роскоши. Я бывал в детстве в старом театре, а ныне, на склоне лет, пошел полюбоваться новым. Поистине – два мира. Совсем различные впечатления, совсем иные переживания. Сегодня Чайковский, а тогда Россини. Сегодня – поэзия и мудрость, а тогда – изящество и беззаботность. Тогда – чистая мелодия, а ныне – сложная гармония. И публика совсем другая: прежняя просто радовалась музыке, не задумываясь и не мудрствуя. А нынешняя тоже радуется, но критикуя и боясь отдаться своему настроению. Певцы. О, конечно, прежние певцы были ближе к природе. Нынешние с прекрасными голосами больше придерживаются школы. Что особенно хорошо сейчас – это новые хоры: сильные, молодые, бодрые. А прежде, при итальянцах, хористы набирались из вышедших в отставку артистов: женщины с усами, а мужчины с трясущимися головами.

Но и с внешней стороны два совершенно различных театра. Старый – простой в древнегреческом стиле со свободными колоннами и примитивным внутренним устройством; а новый – в стиле европейском, с замысловатыми скульптурами и с великолепным оборудованием по последнему слову науки и техники. Старый ничем не поражал и просто нравился, а новый вызывает изумление и восхищение. В особенности теперь, в своем преобразившемся виде. Как далеки старинные сценические эффекты от современного искусства постановок. Прежде освещение сальными свечами, потом керосином, потом газом; на всем однотонный свет. А ныне – электричество с многоцветными лучами, эффекты утренней зари и вечернего заката, звездной ночи, ослепительного солнца!..

А декорации. Прежние были недурные. Художники Пиетро Белло и Сарти, а потом Реджио и др. были большие мастера своего дела. Они знали, чем обманывать зрителя. Они никогда не писали чистую натуру, а широкими смелыми мазками давали нечто, лишь напоминающее действительность, имевшее яркую оперную

Пчелка
1887
Воскресенье, 4 Октября 1887 г.
№ 39
ПРІЕМЪ
ПОДПИСКИ И ОБЪЯВЛЕНІЙ
въ Одессѣ.
Условія подписки:
За годъ съ перес. 6 р. — к.
Съ дост. въ годъ. 5 р. — к.
За полъ года . . 3 р. 50 к.
За 3 мѣс. . . . 2 р. — к.
Выходитъ еженедѣльно. — Годъ 4-й.
Въ добрый часъ!
Привѣтъ тебѣ, храмъ Мельпомены,
У Черноморскихъ береговъ!
Служи — призванью русской сцены
И просвѣщенію умовъ!
Гордись безсмертными трудами
Родныхъ сподвижниковъ пера,
Да возрастутъ у насъ, съ годами,
Идеи Правды и Добра!
Живымъ примѣромъ честной жизни,
Карая злобу и поровъ,
Неси въ грядущемъ ты Отчизнѣ —
Неувядаемый вѣнокъ!
Главный фасадъ театра.

Электрический фонарь

декоративность. Современные же декорации (я сужу только по «Евгению Онегину») – ближе к правде. Заузе, Крайнев, Волокидин, Кальнинг, Покорный – не декораторы. Они чистейшей воды художники, художники-реалисты. У них сад так сад, комната так комната, зима так зима, стиль, если он должен быть александровский, так александровский. Все это изящно, красиво, сделано мастерами и не обманывает никого. Лучше ли эта правда, чем прежний обман? Как бы это сказать? Я думаю, что в опере, со всеми ее условностями, допустима и некоторая зрительная иллюзия.

Впечатление от новой боголюбовной постановки «Евгения Онегина» прекрасное. Смотришь и слушаешь с одинаковым удовольствием. Пестрота картин не мешает интересности действия. Много новых тонких деталей. Сцена ссоры великолепна. Трогательно и красиво скомпоновано прощание Ленского со старушкой Лариной. Группировка артистов, хора и статистов выполнена мастерски. Всюду жизнь. Но если бы меня спросили, хотел бы я, чтобы все оперы в нашем театре ставились так, как «Евгений Онегин», т. е. в триптихах и с просцениумом, то я сказал бы: нет! Хорошо то, что удается. Но не всегда все удается. Разделение на триптихи уменьшает второе пространство сцены. А опера нуждается в просторе. Интимность Чайковского в «Онегине» отлично укладывается в медальоне, но интимных опер мало. Игра оперных

Вестибюль.

артистов нуждается в свободе, а их пение – в резонансе. Теряет свою самостоятельность при триптихах и балет. Мазурка так мазурка, черт возьми! В старом сгоревшем театре триптихи были бы невозможны. Итальянцы при своей экспансивной жестикуляции быстро разрушили бы все стесняющие их перегородки…

Что сказать о новом главном занавесе Головина? Его недостаток в том, что он слишком хорош. Он слишком ослепительно ярок. И когда посмотришь вначале на него, а потом на зрительный зал, то видишь только пятна. Я слышал, что предполагается

воспроизвести на железном занавесе старую декорацию «Руслана и Людмилы». Чередование этого занавеса с роскошным головинским, безусловно, необходимо. От лефлеровского венского стиля выиграла бы парадность и свежесть всего зала, и мы тогда без всякого чувства досадливости любовались бы в антрактах дивным произведением Головина.

Я переношусь воспоминаниями в старый театр и сопоставляю его с новым. В таком театре, как нынешний, все возможно: и простота, и роскошь, и красота, и польза. В особенности хорошо, что его легче можно сделать доступным для широких масс, не загоняя, как прежде, трудовых людей и молодежь на пресловутую галерку.

Я удивляюсь необыкновенной энергии, проявленной при возобновлении театра. В несколько месяцев было сделано то, что в прежнее время потребовало бы много лет. Достижения огромны. Они не были бы возможны, если бы дирекция театра, его строители и режиссура отнеслись к возрождению театра только как к техническому делу, имеющему исключительно утилитарные цели. Сквозь их энергию чувствуется любовь к нашему старому городу, который без театра потерял бы свою светлость и жизнерадостность, и глубокое уважение к искусству, которое, чем он будет лучше, тем станет более народным.

1926

Гвельфы и гибеллины

Исчезает моя жизнерадостность. Что-то сильно теснит грудь, и я чувствую, как мое сердце с каждым днем слабеет… А все же я верю, что скоро вновь наступит то время, когда мы будем безмятежно слушать оперу в нашем прекрасном Городском театре, итальянскую или русскую – все равно, лишь бы оперу. Когда мы будем по-прежнему искренне восхищаться одними певцами и глубоко возмущаться другими; от одной музыки приходить в восторг, а от другой – впадать в отчаяние. И когда, по выходе из театра, мы будем вновь свободно размахивать руками и громко, никого не боясь, высказывать наши впечатления. Горе тогда тому, кто с нашим мнением не согласится! Мы споем ему прямо в уши спорную арию, а если и это его не убедит, то не остановимся перед потасовкой с ним тут же на месте, на театральной площади. Как бывало прежде. Да. Ах, какие страстные споры возникали прежде между одесскими меломанами! Музыкальных рецензентов в те времена, слава Богу, не было, а если иногда появлялись в газетах любительские театральные заметки, то никто на них не обращал внимания. Единственным судьей оперы и артистов была публика. Публика чуткая, горячая, экспансивная. Публика требовательная, строгая; но зато за минуты эстетического наслаждения платившая артистам, не скупясь, неподдельными знаками восторга.

Прежняя одесская публика, и в опере, и в драме, состояла вся из искренне любящих искусство людей. Каждый из посетителей

театра имел свое самостоятельное верование, никто не прислушивался к голосу другого и никто не следовал общей моде. Прежнего любителя нельзя было никакими рассудочными доводами заставить изменить своим симпатиям или убеждениям. Зато в силу своей непреодолимой экспансивности он сам постоянно навязывал свои впечатления другим, со страстною горячностью и почти всегда с полнейшей безрезультатностью.

Эти споры не всегда заканчивались мирно. Они приводили иногда к дракам. А однажды, из-за несогласия во мнениях относительно одной примадонны, произошло в Одессе всенародное побоище.

Это было в средние века истории нашего города, в ту эпоху, когда Одесса еще освещалась керосиновыми лампами, и лишь кое-где светились газовые фонари, когда водостоками служили открытые канавы и вместо водопровода были колодцы и мраморные цистерны, в ту, словом, эпоху, когда наши переулки назывались страделями, а городовые – будочниками.

Блаженные времена будочников! На углах больших улиц красовались каменные будки самого грязного вида, с вечно закопченною трубою (они были построены в Одессе еще во времена графа Ланжерона). В открытую дверь можно было видеть жену будочника, варящую для него обед, детей в люльках, развешенное белье. Сам будочник в часы, свободные от дежурства, без мундира сидел у очага, кушал кашу с борщом или курил трубку. И напрасно было бы тогда обращаться к нему, даже если бы по соседству случилось какое-нибудь несчастье. На отчаянный крик обывателя: «Караул!» – будочник спокойно отвечал: «Подождите моего дежурства».

В те времена одесситы любили ночь, любили луну, любили звезды. По окончании дневной сутолоки они любили дышать полною грудью вечерним воздухом. Их тянуло к бульвару, к Ланжерону, к Малому Фонтану, к морю. И, Боже, какими они чувствовали себя несчастными, если луна надолго пряталась за облака!

Опера в Городском, впоследствии сгоревшем, театре была тогда для одесситов не забавой и не пустым времяпрепровождением, а самым настоящим и серьезным делом. Как итальянцы считают важным делом приготовление и еду штуфата с макаронами,

точно так же одесситы относились к опере, как к необходимому элементу их жизни. Ради чего они целый день, по жаре или на морозе, на улицах города, на бирже или в порту продавали, покупали, торговали, обогащались? Ради оперы, ради музыки, ради душевной радости и эстетических восторгов.

С нашей нынешней точки зрения, прежние меломаны довольствовались как будто малым. Но это малое было для них большим, и они, во всяком случае, больше ценили свое малое, нежели мы свое большое. У них была тогда одна лишь итальянская опера с весьма ограниченным репертуаром, но зато все знали на память каждую музыкальную фразу из произведений Россини, Беллини, Доницетти…

Боже, какой переворот в одесском музыкальном мире произвел Верди! Поклонники Россини, воспитанные на его вдохновенной музыке, то нежно трогательной, то вздорной и искрометной, как шампанское, никак не могли примириться со скучностью, шумностью и крикливостью произведений Верди.

Никакие «Балы в масках», «Риголетто» и «Травиаты» не могли заменить им Ченерентолу, Семирамиду, Танкреда, Цирюльника или Сомнамбулу и Фаворитку. На финал из «Эрнани» они отвечали им септетом из «Лючии»; на бессмертное Miserere из «Трубадура» они отвечали не менее бессмертною Casta div'ою из «Нормы».

Истинные меломаны прежнего времени любили оставаться детьми, а поклонники Верди хотели, чтобы они стали взрослыми. Отсюда бесконечные споры и столкновения, как между людьми различных поколений.

Но в шестидесятые годы в Городском театре уже играли безразлично все: и Россини, и Верди, и Мейербера. Изнеженные сердца старых одесситов попривыкли понемногу к ученой музыке нового времени.

Но куда же было девать им свою экспансивность? Вместо споров о музыке стали разгораться споры о певцах. Все одесситы разделились на партии, устраивая чуть ли не каждый вечер то овации, то скандалы тому или другому артисту или артистке, смотря по своим к ним симпатиям или антипатиям. К антрепренерам оперы, Фолетти и Сермаптен, предъявлялись самые капризные требования. Тот, кто в старину слышал Морико и Басседжио, ни-

как не хотел удовлетвориться пением даже такой прекрасной артистки, как Де-Джулия Бореи. Певцы и певицы менялись одни за другими, не дослуживая до конца сезона, не имея возможности удовлетворить раскапризничавшихся одесситов.

Дошло до того, что некоторое время наш мирный город стал совершенно подобен Флоренции в эпоху кровавых распрей между гвельфами и гибеллинами.

Скандал разыгрался из-за Понти.

Понти, Понти дель Арми – бедная Понти! Primadonna absoluta старой итальянской школы. Прекрасное сопрано di forra, с большим темпераментом, но… немножко пожилая женщина. Она пела у нас два сезона подряд, что было совершенно необычно для непостоянной Одессы. Старые одесситы радовались ей как воплощению своих старых традиций (она была прекрасна в «Норме»). Молодые же невзлюбили ее за ее решительность. Когда же антрепренер Фолетти вздумал оставить ее в Одессе еще на третий сезон, то это вызвало всеобщее возмущение. Публика объявила Фолетти, что она не допустит дальнейших представлений с участием Понти; но тот упорствовал, и катастрофа разыгралась.

Буквально вся Одесса пришла в волнение. Во всех домах, во всех кофейнях, на всех перекрестках только и было разговоров, что о Понти. Золотая молодежь, среди которой были представители всех национальностей (братья Катронео, Бернетта, Рандичи, Сепичи, Росси, Вучина, Минчиаки, Зусманы, Трамботти, Буро, Чиприяни, Зарила, Пащенко, Маня и многие другие), готовила скандальную встречу Понти при первом ее появлении в опере. Штаб-квартира главных заговорщиков была в фехтовальном зале Панчи.

Так как противники Понти предлагали Фолетти пригласить вместо нее певицу Бианки, то весь город разделился на понтистов и бианкистов.

Любопытно, что в распре приняла участие и высшая администрация Одессы. Генерал-губернатор граф Коцебу стоял на стороне Бианки, а градоначальник Бухарин и полицмейстер Минчиаки явно покровительствовали Понти.

Весть о готовящемся скандале распространилась далеко за пределы Одессы, и в редакцию «Одесского вестника» стали

поступать телеграфные запросы о нем из Николаева, Кишинева, Бердянска и других городов.

Предводители обеих партий стали закупать во всех железных магазинах ключи и свистки, которыми они снабжали своих приверженцев. По всему городу пошла вербовка армии понтистов, с одной стороны, и бианкистов – с другой. Были забыты на время всякие другие вопросы: профессора и студенты забыли про свою науку; негоцианты – про свою торговлю.

Предчувствуя беду, Понти не хотела выступать, но ее приверженцы во главе с Бухариным убедили ее, что полиция не допустит до публичного скандала.

Наступила осень 1868 года. На один из октябрьских вечеров было назначено в театре представление оперы «Гугеноты» с участием в партии Валентины Понти-дель-Арми. Луны не было. Театр освещался газовыми фонарями. Вся театральная площадь была запружена народом. Катронео и Бернетта, предводительствуя толпой молодежи, раздавали свистки и даровые билеты публике, спрашивая наперед, кто к какой партии принадлежит. Партии резко разбились. Страсти разгорались. Но не обошлось и без недоразумений. На грозный вопрос: «Ты понтист или бианкист?» – один мальчишка, перепуганный, вскрикнул: «Оставьте меня, я сапожник!».

На здании театра со стороны Ришельевской улицы были часы, освещавшиеся газом. Когда стрелки приблизились к половине восьмого, весь театр уже был сверху донизу переполнен. В партере сидели друг на друге, в ложах поместилось по десяти человек и более, с галерки свешивались головы, как гроздья винограда. Все это шумело, кричало. А на площади не попавшая в театр публика бушевала, как Черное море во время бури.

Чтобы предупредить скандал, Бухарин распорядился отобрать у публики свистки. Пошли обыски во всех ложах, но это ни к чему не привело.

Взвился занавес, и началось второе действие «Гугенотов». Едва Понти-Валентина появилась на площадке лестницы, спускавшейся в сад Маргариты Наваррской, как ее встретил сначала взрыв аплодисментов и туча разноцветных листков с надписями: «Eviva Ponti» – а затем такой оглушительный свист, что задрожа-

ли хрустальные висюльки на театральной люстре. Лишенные инструментов манифестанты-бианкисты свистали ртом, шикали, стучали, кричали, заглушая рукоплескания понтистов. И это продолжалось около получаса.

Ошеломленная Понти не знала, что ей делать. Ободренная из-за кулис, она медленно сходила по ступеням, ожидая момента, чтобы начать пение.

Тем временем полиция, вся стоявшая на стороне Понти, как и ее начальник Бухарин, и Минчиаки, бросилась в театр, чтобы выводить из него бианкистов. В ложах, на галерее, в партере произошли рукопашные схватки. Выводимые из театра манифестанты апеллировали к публике, оставшейся на площади. Бианкисты стали освобождать арестованных, понтисты бросились на помощь полиции, и произошло всенародное побоище.

На площади не было еще тогда нынешних всем мешающих газонов. Был для всех простор. А со стороны театрального переулка была окаймлявшая площадь открытая водосточная канава. В пылу рукопашной, тесня друг друга, манифестанты один за другим летели кубарем в эту канаву. По счастью, в этот вечер она была суха.

Кончилось побоище все-таки победою полиции. Победою на площади, но не в театре. Там бедная Понти никак не могла начать пение. Она долго стояла у рампы в ожидании затишья. Но общий шум продолжался. Чтобы обмануть полицию, бианкисты переменили тактику и вместо свиста и шиканья присоединяли свои бурные рукоплескания к понтистам. И так как эти рукоплескания ни на секунду не умолкали, то Понти петь не могла. Она не выдержала, расплакалась и сошла со сцены.

Результатом скандала было то, что Фолетти должен был отказаться от дальнейшего участия Понти в опере. Вместо нее была приглашена на некоторое время Бианки, а после нее Берини.

Вышеозначенные события произошли ровно пятьдесят лет тому назад – в 1868 году, но и до сих пор еще живы в Одессе многие (а может быть, уже немногие) свидетели их и участники в историческом скандале. Есть и теперь еще завзятые понтисты и бианкисты. Но – вот что значит целительное время! – они не только не испытывают уже теперь прежней озлобленности

Открытка начала XX века

друг против друга, но, напротив, при встрече радостно вспоминают о своем соперничестве.

Многим из них хотелось бы вернуться к временам старой Одессы и, на почве любви к итальянской опере или симпатии к той или другой примадонне, померяться еще раз своими всегда бодрствующими у истинных старых меломанов юношескими силами. И с каким бы наслаждением они вновь полетели бы кубарем вместе в театральную канаву, если бы она не была давно засыпана!

1919

Путешествие

340 **Влада Дизик**
Египет двадцать лет спустя

Влада Дизик

Египет двадцать лет спустя

Заметки бывалой путешественницы

И вот мы в отеле. Они все разные и такие одинаковые!..

Мальчик весом 60+ прыгает в бассейн, вдоль которого написано, нет, выбито в камне и наведено красным «1,2 m», «no diving». Бодрые холодные брызги распугивают всех окружающих. Мальчик повторяет прыжок. Мама:

– Ты что, дурак?

– Да, – мысленно отвечаю я за него, а потом понимаю, что толстяк просто отпружинил от дна, как мяч.

Попы… Это – отдельная история. Их обладательницы – разные дамы, принадлежащие разным народам, живущие в разных странах, говорящие на разных языках. Но то одно, что их всех объединяет: два огромных полушария, распущенно откликающихся на каждый шаг дрожащим пиццикато и удушающих между собой скромную полоску затерявшихся плавок. Последним тесно и страшно…

А им в ответ – животы, так сказать, для баланса, без гендерных различий. Они убегают вперед высокими гористыми рельефами на зависть альпинистам.

Женские вызывают наивный вопрос: «А может, там теплится жизнь?». И все – в раздельных купальниках. Почему? Видимо, стремятся выкатить на простор это необъятное счастье.

Мужские – огорчение. Местный гид Амур говорит о них с юмором – «арбузы».

И чем больше живот, тем полнее и чаще тарелка чего-нибудь.

Завтрак – снеки – пицца – мороженое – обед – снеки – пицца – мороженое – ужин – снеки – пицца – мороженое – … И этот поезд бесконечного бесплатного счастья неугомонно и беспрерывно курсирует по отелю санкционированно в тарелках и тайком (а значит, еще ценнее) – в салфетках, одноразовых стаканчиках, невзирая на запрет, мигрирующих из ресторана в номера. Зачем?! А шара! А она круглая – может укатиться, значит, надо ловить. И ловят-таки!..

От гида Махмуда:

«Был у меня турист – слава богу, отправил его на днях домой! Шесть дней отправлял. Он так напился, что проспал самолет. Потом каждый день выяснял у меня, есть ли место на очередной рейс.

– Пока нет.

– Тогда я пошел пить.

Наконец надели ему детский браслет, чтоб не наливали».

Я вот слушала и думала: «Сколько же он потратил extracharge на отель, новый билет? Может, дешевле было пить дома, чем такая шара? Наверное, надо понимать, что шара круглая и повернуться может любым боком.

– Ирочка, сфотографируй меня! – женщина принимает художественную позу. – Ирочка, я так хотела фото: вот здесь, на фоне бассейна! Ирочка, сфотографируй меня!

Мы оглядываемся по сторонам – нас трое: я, муж и шезлонг. И кто из нас Ирочка?

Появляются три феи – соседки по бассейну. Возраст 40++, или я не разбираюсь. Заняли ближайшие к нам шезлонги. Две – просто тетеньки. Третья – щедрая компенсация! Яркая звезда! Яркая и большая! Прямые формы – никаких изгибов. От короткой шеи – да ее, в общем-то, и нет, – горизонт плеч.

В центре композиции маяком голова – на отдельное повествование. Правильная окружность. Выбритый затылок заканчивается недалеко от макушки. Остатки волос угнетенным недобритком зиждутся гулькой – такая ось этого глобуса. Абсолютно самурайскому образу мешает дикий суржик: соотечественницы.

Вернусь к телу: его вполне можно повертеть на 180 градусов без ущерба для общего восприятия. Лицо-спина-лицо… запуталась – на визуальную подсказку надеяться не приходится. На широком просторе мощного левого предплечья зеленеет тату. Оно огромно, как и сама база. Изображение настолько сакрально, что не поддается описанию и даже распознаванию.

Под правой лопаткой – еще один след искусства. Остальное туго упаковано в парео: очень щадяще для окружающих взглядов. Хороша. В динамике неподражаема: образец женственности – монолит изящества. Тонкая сигарета, молниеносно сменяющая свою истлевшую соратницу, довершает образ. Она неповторима.

Под соседним зонтиком снова меняется картинка. Пара неоригинальной комплекции обживает шезлонги. Она укладывается на дальний и накрывает полотенцем все тело с головой – загорает. Он копошится в телефоне, найдя нужное, сосредоточенно слушает. Безжизненный женский голос роботообразно доносит какую-то информацию. Очень похоже на гипноз. Слов не слышно, но общий ритм текста гвоздями вбивает в голову каждое. У слушателя – недовольное лицо, впрочем, таким же оно было и до начала тренинга. Текст продолжает стрелять дробью из телефона, прорываясь

сквозь орущую у бассейна всепоглощающую музыку. Долетает до меня отдельными пулями. Очень раздражает. На шее у мужчины бесполезно свисают вялые провода наушников… Но ведь пытался!

Характерная пара. Он сам по себе – в нормальных шортах: маленькие акулы, похоже, катраны, плывут стаями на синих сверху и белых снизу волнах. Неспортивен, но природно сзади еще ничего. Идет с ластами в руке из Taf Taf – внутриотельного автобуса.

Она за ним следом – престарелая утка в халате-сарафане, просто тетка. Почему женщины позволяют себе состариваться раньше своих мужей лет на десять? И к кому потом претензии?!

Еще одна пара – молодая, наверняка без официальных обязательств. Он – симпатичный, смуглый, чернявый, но слабо воспроизводится памятью. Потому что есть *она*. Она идет впереди порциями: сперва – ресницы. Густые черные опахала в несколько сантиметров длиной – они томно (а как иначе можно носить такие тяжести?) бросают тень на остальное, уже неважно какое лицо. Интересно, на фото в паспорте она уже успела отрастить такое чудо? И как только справляются пограничники?! Еще интересно, *он* узнает свою спутницу, если вдруг исчезнет такая густая растительность с ее верхних век? Наверное, по груди. Грудь появляется второй, синхронно следуя под тенью опахал. К ней сложно подобрать эпитеты: она просто есть, ее нельзя не заметить.

Формулирую одной фразой: «Он такой симпатичный, а у нее *такие* ресницы!».

Она, конечно же, не купается, не погружается и, безусловно, не ходит в сауну. Бережет нажитое непосильным трудом.

Любопытно, в самолет это все пропускают как ручную кладь?

Громкое общение – перекрикивание – привлекает внимание всех посетителей бассейна. Голос принадлежит неординарной даме. Она обтянута, по ее мнению, платьем. Оно, похоже, одолжено у сильно худой ее приятельницы. Профиль дамы фактурен: совершенно пупсообразный живот, с трудом поместившийся в тесноте платье, пытается перетянуть на себя внимание. Но взгляд непослушно соскальзывает. И ему благодарно предстает невиданное доселе

зрелище: ноги. Нарядно украшенные, они гордо несут на себе тату, вернее сказать, таты! Это поразительно: резинки чулок – полинялозеленоватые, с предпосылкой кружев. Сзади – сюрприз: два банта выстирано-красного цвета. Ощущение, что тату достались ей по наследству или приобретены по случаю на блошином рынке. И притом совсем недавно: осознавая всю их прелесть, обладательница подчеркивает это каждым нарядом (мы живем по соседству), не позволяя ни одному платью опускаться ниже пяти сантиметров от начала ягодиц. Но главное – впереди, подарок для любознательного зрителя: на левой ляжке из-под резинки, поддерживающей невидимый чулок, решительно вытарчивает… пистолет типа револьвер, так же детально татуированный мастером-затейником. Сколькие погибли от этой «русской рулетки»?! Один точно: ее супруг!

Позже у бассейна открывается вся картина, вернее, картинная галерея, которой позавидовал бы любой зек. Спина дамы благодарно разместила на себе все возможности художника. За просмотр впору брать плату. И лишь теперь стала до конца понятна осанка (если можно применить это слово к животу): спереди вокруг пупка изящно притаился бантик. Видимо, им и перевязывали пуповину нашей героине после появления на свет!

Она идет с высоко поднятой головой, а рядом – он, гордо следует со своей дамой, убежденный в ее прелестях.

Будьте счастливы!

Долгожданное погружение. На катере – обязательное заполнение анкет. Гид подсказывает: «На этой страничке на все вопросы отвечаем «No»…»

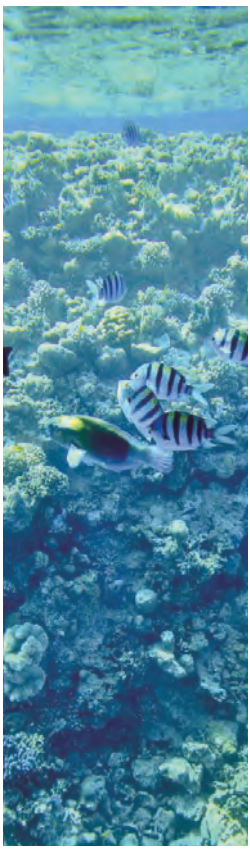
Читаем вопросы: «Превышает ли ваш возраст 45 лет?». Отвечаем, как учил гид: «No».

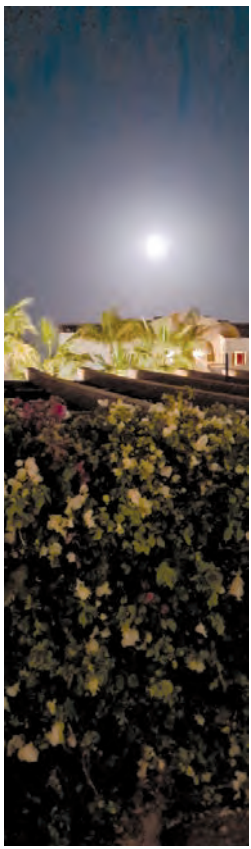
Предпоследний пункт анкеты: «Дата рождения».

Возвращаемся к вопросу о возрасте. С соответствующим недоумением вопрошаем гида. Тот смотрит на нас, на анкету, задумывается: «Пишите «Yes».

А как они женятся, эти египтяне! Попался красноречивый гид.

У бедуинов невесту выбирает мать жениха. Вернее, сын делится с матерью предпочтениями. Она имеет возможность видеть





невесту, то есть лицезреть в буквальном смысле: видеть ее лицо! (Бедуинские девушки с 13 лет надевают паранджу.) Дальше она доносит до сына ее прелести. Сын готов жениться. Отец жениха – парламентер, он договаривается. Калым – верблюды: от двух до пятидесяти в зависимости от качеств невесты.

Саму невесту, а соответственно, ее лица, жених не видит. Так как под паранджу заглянуть может только после свадьбы, то есть перед ним она предстает уже в обличии жены. И вот, представьте себе: рос мальчик, иногда был непослушен, мог надерзить матери в рамках Корана: переходный возраст религия не отменяет. Шли годы, дошло дело до женитьбы. И тут начинается самое интересное: мама эта бедуинская оказывается злопамятной – ну засело в ней занозой грубое слово сына… И поднимает он паранджу после свадьбы… А раскаиваться поздно! Раньше надо было думать! И жить потом с этим счастьем, поживать и детей наживать. Но паранджу по жизни можно и не поднимать. А вот детей придется любить такими, какие получатся. Они же, кстати, и внуки той злопамятной бабушке.

Для справки: бедуины – это коренные египтяне, как наши цыгане. Никакого национализма с моей стороны. Они просто другие, другая жизнь. Государство позаботилось о них: выдало квартиры. Они пожили в них недолго и продали. Государство не отчаивается, рук не опускает: построило школы в местах оседлости. 50% бедуинов отдали туда детей. Учат до восьмого класса, а потом – на верблюдов, зарабатывать и жениться.

У остальных египтян все еще интересней: у женщин лица открыты, да и головы зачастую. Выбирает себе жених невесту сам, как правило, из круга знакомых: их должны представить друг другу. И вот они испытывают обоюдную симпатию (любовь – не очень принятое понятие для этой культуры). Итак, прогресс: они видят друг друга до свадьбы. Все по накатанной: отец жениха отправляется на переговоры в семью невесты. К этому моменту жених должен иметь – *внимание*! – 50 граммов золота и… квартиру. Таким образом, жених делает невесте предложения руки, сердца и жилья. Самостоятельная квартира – обязательный атрибут в этом обряде. И каким бы большим, просторным и богатым ни был родительский дом, в него не приводят жену.

Теперь о золотой составляющей: 50 граммов – это если невеста некрасивая, но хромая. То есть – стартовая. А если девушка хороша собой и, не дай Господь, вернее, Аллах, еще и образованная в придачу, то такой ничтожной массой драгоценного металла не отделаешься – копить это самое рыжье юноше и копить.

Для справки: средняя зарплата египтянина – $200. Квартиры стартуют от $17000 самые скромные. А нормальные в новострое (который на вид ничем не отличается от старостроя), в пустыне такие себе грибочки: $1000-2000 за квадратный метр. И собирать на собственное жилье мальчики начинают лет с тринадцати: подрабатывают, как могут. Так что теперь, давая выклянченный доллар смуглому египетскому пацану, знайте: вы помогаете африканской стране решать демографическую проблему.

Удивительно, что эта страна до сих пор существует! Как-то же накапливают эти мальчики на своих девочек. Вывод? Неправильно поставлена задача в нашей с вами Украине. Оттого и не живут все молодожены в собственных квартирах! Шутки шутками, а зерно в этом феодальном строе все-таки есть.

Рассказала в компании и предложила, чтоб у нас такие условия юношам ставили – хотя бы квартира. Золото не так важно – не так нас воспитывали! Отец тридцатилетнего мальчика парировал: «Так они и так жениться не хотят!».

Кстати, как и принято у феодалов, женщины в Египте не сильно-то и работают. Так что образование барышень – это зачастую повышение качества товара, такой себе вклад в будущее… золото.

«А как же любовь?» – спросите вы.

Это редко возникающее под тем палящим солнцем чувство дает право на совместное существование только после официального брака: сперва религиозного, потом закрепленного в органах власти. А брак, в свою очередь, только с отцовского благословения! Так что если не накопил жених все вышеперечисленное, то продолжает копить дальше, а невеста ждет (если дождется!). Остальные формы проявления любви (без брака) возможны только в бегстве, например в нашу демократическую страну.

Логичный вопрос возникает из вышесказанного: «А как у них обстоят дела с разводами?». К большому удивлению, разводы возможны. Всего три причины предполагают расторжение бра-

ка. Причем что еще более странно, инициатива может исходить с обеих сторон.

– Бездетность одного из супругов. При этом если проблемы со стороны жены, любящий муж может предложить ей остаться первой женой, а сам, естественно, женится на следующей, и так до четырех раз.

– Если один из супругов испортился после свадьбы: стал капризным, вредным и т. д. – все, как у нас, у европейцев. Тогда жена уже не может остаться в семье.

– Измена! Это третья причина развода, которая также не дает права женщине остаться в числе жен.

В качестве утешительного приза разведенная женщина получает свободу выбора, вернее, право самостоятельного решения при вступлении в следующий брак. Ей уже не требуется отцовское благословение как женщине с опытом. Вопрос: кто возьмет в жены бездетную капризную изменницу?!

(Записано со слов египтянина.)

Экскурсия по вечернему Шарм-эль-Шейху.

Наивные надежды на пополнение багажа исторических знаний.

– Ребята!.. – девушка-гид неугомонно красноречива. Каждой фразой обещает, что сегодня познакомит нас с историей города. Мы в нетерпении. А пока она несет какую-то неинтересную бессмысленную бытовую чушь. Программа сегодняшнего вечера, с которой мы заведомо ознакомлены во время приобретения экскурсии у отельного гида, звучит нескончаемо. Наверное, рассчитано на группу слаборазвитых или слабослышащих туристов.

А тем временем короткими переездами мы достигаем поочередно запланированных мест посещения. Пока не исторических.

Фабрика масел! Самая большая в Египте! Это интересно! Я никогда не видела, как давят масло! Разжигая нетерпение, предвосхищает зрелище двадцатиминутная лекция о маслах. В тесной обшарпанной комнатке, плотно забитой рядами стульев, вопреки пандемии (какой вирус может выжить в такой промасленной атмосфере?!), плечом к плечу рассажены туристы. Мест едва хватает всем любопытным.

– Ребята!.. – небольшого роста девушка вещает ценную информацию о каждом из производимых здесь масел. Ее отвратительного тембра голос бьет по ушам назойливо, без пауз. Что-то неприятно-ностальгическое всплывает в сознании.

Туристы покорно, как под гипнозом, протягивают руки для тестирования очередного шедевра.

«Учительница, безразличная к своему делу, формально выучившая тему урока учительница», – подбираю ассоциацию образа в своей памяти.

Туристы покорно обнажают носы, снимая спасительные маски. Воздух наполняется невыносимо тяжелой смесью арабских ароматов.

И тут вспыхивает яркая картинка: «Пионервожатая, председатель совета отряда как минимум. Нет, слабо: комсорг школы! Докладывает на отчетном слете о достижениях комсомольской организации за прошедший год!».

– Я сама из Белоруссии…

Вот! Точный образ. Сначала думала: из России. Недотягивает. Белоруссия! Конечно! Где еще могла так сохраниться эта культура?! Где еще могла так натренировать советский голос эта молодая девушка, не слышавшая по утрам «Пионерской зорьки»?!

Лекция окончена. Стадо туристов перемещается в магазин на втором этаже. Там встречает гораздо менее численное многонациональное стадо русскоязычных консультантов. Каждый выбирает свою группу жертв и сопровождает, вернее, преследует, вдоль витрин с продуктами производства самой крупной государственной фабрики масел в Египте «Нефертити». Над огромными стендами – большие стационарные светящиеся вывески с названиями масел, конечно же, заботливо на русском языке. А кого еще из иностранных туристов позволят себе затянуть на такой лоходром, еще и за их же деньги?!

Я никогда не видела, как давят масло! Не увидела и в этот раз.

Экскурсия продолжается! Еще не все потеряно. Следующий пункт – местный базар, как обещано в описании. И наш гид ему не противоречит.

Класс! Как я люблю местные базары, особенно в таких экзотических странах! Именно тут можно прикоснуться к быту страны,

посмотреть на аутентичные экспонаты, включая самих торговцев. Надышаться истинным духом, колоритом Египта.

По дороге наша «пионервожатая» (она тоже оказалась из Белоруссии – как я сразу не поняла?! Вот откуда это знакомое с детства «Ребята!», не «Господа!», даже не «Товарищи!», а «Ребята! В эфире «Пионерская зорька») снова обещает, что сегодня познакомит нас с историей города. Надежды начинают слабеть.

– А пока мы едем на базар, но это не совсем базар под открытым небом. Для вашего удобства все местные красоты сконцентрированы в павильонах, собраны по смыслу: папирусы, серебро и, конечно же, местные сувениры. И именно здесь вы получите лучшие цены, – врет наша гидша, – и самые качественные настоящие вещи.

Туристы снова толпой покидают автобус и следуют всем пионеротрядом в по очереди назначенные принимающей стороной магазины, без права свободного шатания. Каждый получает талон с номером автобуса, якобы заветный билет на суперскидку, «по блату», так сказать. Мы нарушаем отработанный план, вызывая нескрываемое негодование аборигенов.

Отдел сувениров: ужас ужасный, одинаковый во всех туристических местах.

Мой папа с иронией отмечает, что все Нефертити имеют абсолютно разные лица, такая разнонациональная «главная супруга» древнеегипетского фараона – покупатель может выбрать свой вариант образа. Я спрашиваю, почему они все разные, ведь она реальный персонаж истории.

– Ручная работа, – отвечает мне сопровождающий продавец, – мрамор, – нагло врет он, повышая в звании композит с примесями мраморной крошки.

Спорить бесполезно.

Мы снова в пути. По дороге получаем пару справок из истории: возраст города, история возникновения – египетско-советская версия, диаметрально оспаривающая реальность и Википедию. Пару слов о районах города, которые проезжаем. Правда, их сейчас в темноте не видно – экскурсия же по вечернему городу, так и написано. Наконец мы доезжаем до основного места посещения – музея. Гид сообщает, что там, внутри, сопровождать нас не будет,

да и местного музейного гида не предусмотрено, все написано на табличках возле каждого экспоната. Все грамотные, читать умеют. На музей нам выделяется… 30 минут (для справки: на «фабрику» масел после лекции – 35 минут). Голодное до достопримечательностей стадо туристов галопом мчится от артефакта к артефакту. К счастью, советский интерес к знаниям еще не убит до конца!

После неплохого ужина, уставшие, мы возвращаемся по отелям. По пути наша кураторша раздает анкеты для оценки экскурсии. И хватает же наглости!

Ну я и написала с обеих сторон листка…

Check out. Четвертый час утра. Безлюдная территория утопает в тишине, набираясь сил терпеть очередные стайки неугомонных туристов. Теплая ночь. Полная луна щедро освещает африканский пейзаж, соревнуясь с фонарями, стилизованными под египетские обелиски. Слегка шевелятся листья пальм, перешептываясь друг с другом сплетнями прошедшего дня. Немного жаль покидать этот чудесный оазис, приютивший нас на неделю.

Сбоку стойки ресепшн стоит молодой человек, интеллигентно по-английски просящий ключ от номера у ночного портье. Тот, в свою очередь, занимается нашей выпиской, почему-то совершенно не обращая внимания на постояльца. Молодой человек снова терпеливо повторяет просьбу, снова на хорошем английском, абсолютно не выдавая своего происхождения. И тут же молниеносно змеиным броском выплескивает тираду отборным русским матом, поворачиваясь к выходу на террасу. По тексту понятно, что главная героиня сказанного – женского пола, не очень положительная дама, видимо, слишком навязчива к нашему герою. Он просит ее оставить его в покое, и, видимо, уже не в первый раз. А она назойливо продолжает преследование. Отборная мужская брань снова разрывает умиротворенную атмосферу пафосного лобби.

– Прошу прощения, – обращается к нам «оратор», – извините, семейные разборки, – и громогласно извергает очередную изысканную фразу из абсолютно матерных слов. Аккуратная, как теперь уже понятно, жена робко стоит в белом платьице в противоположном конце холла.

Ее выбор!

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Ах, Одесса

352 **Елена Палашек**
Рассказы обо мне

360 **Александр Мардань**
Мы пьем за сбычу мечт

365 **Григорий Барац**
Йойлик

Елена Палашек

Рассказы обо мне

Экзамен по философии

Моя память – сторожевая собака, стерегущая пустую будку, пока чужие люди копаются в доме. Однажды я прочитала, что Джордано Бруно предложил идею нового человека на основе сильной памяти. Осознав, что эта теория не обо мне, я, как положено оптимисту, начала заменять воспоминания воображением. Хотя не все так печально – иногда получается обнаружить среди бело-черных пятен разноцветные: взять тот же кандидатский минимум по философии…

* * *

У профессора Донецкого университета забарахлила машина, а ехать ему сто километров из Донецка в Краматорск на автобусе было западло (чисто донбасское выражение, которое использовала даже профессура). Экзаменационная комиссия по протоколу обязана включать в себя хоть одно научное светило. Поэтому все летело в тартарары. Кровь из носу, мне нужно было сдать этот экзамен сегодня: назавтра ожидал Ленинград (ныне Петербург) – вторая культурная столица мира после Одессы, если мыслить в масштабах совка, к чему нас приучали в то время.

Для меня любое препятствие – это камень поперек дороги. А любые камни, даже в мой огород, я люблю превращать в ступеньки. Воодушевленная своей наглостью и ничем более, я вломилась в кабинет ректора. Уже через минуту он понял, что мы все на подводной лодке, и разрешил взять служебную «Волгу» вместе с водителем.

В Донецк мчались, догоняя потерянное время, а вот назад профессор попросил ехать осторожно, пытаясь убедить меня словами Евтушенко:

– Проклятье века – это спешка, и человек, стирая пот, по жизни мечется, как пешка, попав затравленно в цейтнот.

Я многозначительно улыбнулась человеку, от которого зависело в тот момент все, в том числе оценка:

– Это вы о том, что тот, кто выжидает и медлит, достигает всего, а тому, кто торопится, достается остальное?

Мое неуклюжее философствование было фатальной ошибкой: профессор то ли обиделся, то ли решил сэкономить время и начал экзамен прямо в машине. Почти сто километров философских вопросов, хотя экзаменатор старательно делал вид, что мы просто беседуем. Именно это меня спасло – я не волновалась.

Наконец доехали! Мы вошли в аудиторию под аплодисменты ждущих аспирантов.

Я первая подошла к столу, на котором лежали тасованные не одними руками билеты. И тут профессор очень удивил комиссию, а еще больше, естественно, меня:

– Надеюсь, все знают эту очаровательную девушку?

Остальные, менее титулованные, скромно кивнули.

Сердце разогнало кровь до скорости света, я раскраснелась, а профессор продолжил:

– Всю дорогу я экзаменовал эту леди и не возражаю поставить ей «отлично».

– Да! – взвизгнула я и сделала пируэт.

Аудитория наполнилась хохотом.

Отмечали мы до утра дома у одного из аспирантов, и я бесконечно хвасталась, как было трудно сдавать экзамен целых сто километров.

* * *

В доме, что я построила в Одессе у самого моря, мне принадлежит всего одна квартира. Однако я могу смело утверждать, что каждый кирпич мои мысли клали вместе со строителями. И вот теперь на последнем этаже я могу стоять хоть сутками и впитывать в себя самые красивые на свете одесские рассветы и закаты.

* * *

Многие годы спустя меня неожиданно пригласили в гости. Перелетев океан, я оказалась в Калифорнии. Через несколько дней мне стало нравиться шумное месиво пряного воздуха, бесконечной мечтательности, шулерства и прохиндейства со вкусом оптимизма. Где еще простой английский акробат по имени Арчибальд Лич мог превратиться в любимого мною Кэри Гранта? Или австрийский культурист (да-да, я про Арнольда) пройти свой путь от простого трудяги до губернатора? Попав в этот волшебный мир, я терялась среди мерцающих аллей, непонятных музеев и потока нагловатых автомобилей. Надпись «Hollywood» подарила кучу фотографий для друзей в Фейсбуке.

Пытаясь вспомнить, зачем сюда полетела, я искала поводы побыть одной. Благо дело приглашающая сторона, похлопав меня по спине, широко распахнула руки, давая полную свободу.

Насладившись достопримечательностями и пестрой толпой, которую объединяли любовь к длиннотелым пальмам, шум океана и чемоданчик на случай землетрясения, я наконец позволила себе порыбачить и заодно посмотреть, как этим занимаются лосанджелосяне.

Неуклюжий, на первый взгляд, рыболовный кораблик оказался достаточно устойчивым, рыбаки и команда – приветливыми, а вот удача от меня отвернулась – долго не могла ничего поймать. Во время очередного перехода в поисках рыбного места ко мне подошел симпатичный мужчина, который показался знакомым.

– Вы меня не помните? – неожиданно спросил он по-русски.

– А должна? – разулыбалась я.

– Я тот самый профессор, которого вы похитили из института и привезли в Краматорск.

– Oh, my God! Как вы тут? Почему?

– Уточните, что вы имеете в виду: тут – это на рыбалке или в Америке?

– Ой, и там, и там.

Профессор посмотрел на меня, как на студентку, не знающую его предмет:

– Сейчас я хочу вам помочь ловить рыбу, а вечером за ужином готов ответить на все вопросы.

О чудо! Тут же начался клев и у меня.

Вечером по дороге в ресторан профессор снова цитировал Евтушенко:

– Людей неинтересных в мире нет. Их судьбы – как истории планет. У каждой все особое, свое, и нет планет, похожих на нее.

– Можно я буду называть вас «мой профессор», чтобы нас не заподозрили в чем-то другом? – я пыталась шуткой скрыть свою плохую память: процитировать в ответ ничего не могла. – Вы счастливы здесь?

– Очень счастлив! В отличие от украинских коллег, ощущаю свою нужность. Здесь наука все еще в фаворе. У меня обеспеченная старость.

– Можете поднять верх?

Ветер, огибая лобовое стекло кабриолета, больно хлестал по щекам.

– Уже приехали, – машина резко затормозила у ресторана. – Что же вы раньше не сказали?

– Знаете, профессор, в вашем возрасте у нас кабриолеты не водят, да и я в них не каталась, вот и не опытна в таких просьбах.

Мы рассмеялись.

– И вам не стыдно напоминать мне о возрасте в тот момент, когда я решил за вами поухаживать?

– Простите, – сказала я, пряча боль в улыбке, – как могло случиться так, что умные и талантливые стали ненужными у нас, в Украине?

– Мы часто ищем ненужные вещи в ненужных местах. Вы помните, что все относительно? – мой профессор обошел машину, открыл дверцу, протянув руку. – Не откажите в любезности разделить ужин с грешным профессором, которого вы неосторожно назвали вашим.

– Знаете, как я вас ненавидела, когда сдавала экзамен целых сто километров?

– Помнится, вы по многим темам плавали.

– Вранье! – эмоционально возмутилось мое самомнение. – Вы и тогда уже не были молоды, и, наверное, забыли.

– Вы так упорно напоминаете мне о возрасте, но унывать что-то не хочется. «Так как смерть все равно мне пощады не даст –

пусть мне чашу вина виночерпий подаст! Так как жизнь коротка в этом временном мире, скорбь для смертного сердца – ненужный балласт». Вы согласны с Омаром Хайямом?

Я взяла профессора под руку и прижалась к его плечу:

– Мне так спокойно с вами. Так приятно наслаждаться обществом счастливого человека, пусть даже в преклонном возрасте. Вы мудрый, галантный и красивый. Но… меня не отпускает чувство вины! Многие профессора на моей родине, в Одессе, не могут иметь такой уверенности и достойной жизни. Ну не уезжать же им всем, в конце концов!

Профессор погладил мою руку:

– А почему бы и нет? Перефразирую Эпикура: мудрая природа нужное сделала легким, а тяжелое – ненужным.

– Чувствую, что мне тяжело будет расстаться с вами.

Я перестала ощущать разницу в возрасте, и захотелось вернуть сто километров экзамена, чтобы ехать и ехать вместе так долго, пока не окажутся в Калифорнии все профессора.

Ленивая работяга

Я мечтаю организовать международный конкурс «Лень имени Лены». Силовое переворачивание с бока на бок – я бы сделала основным лежачим видом спорта. Хотя нет, основным была бы скоростная попытка сдвинуть себя с места. Но лень искать участников. И самое сложное в будущем соревновании – это представить, как наградить победителей: уверена, им даже взобраться на пьедестал будет влом.

Я – самая обычная ленивая работяга. Обожаю писать, хотя лень. Обожаю читать, хотя лень. Обожаю учиться, хотя лень. Обожаю кушать, хотя даже это лень. Когда неделю плющит приготовить ленивые голубцы, хотя дико хочется, – это мелочь. Обычно мысленно я составляю огромный список дел и ищу, кто бы их сделал. Недавно поняла, что мне лениво даже лениться.

Я не стесняюсь объявить любому, что самая ленивая на свете, но мне не верят. И главный довод весьма смешной: типа, я даже по лестнице спешно несусь наверх, несмотря на одышку. И никто

не понимает, что я действительно несусь, чтобы быстрее лечь и ничего не делать. Хотя мечтать – это тоже труд. А вдруг меня внесут в «Книгу рекордов Гиннесса» как самого ленивого человека на свете? А потом для прикола одесситы переименуют переулок Дунаева, в котором я живу, в переулок Палашек, ведь никто никогда не чествовал ленивых.

Но хватит лить воду на ветряную мельницу – пора рассказать о главном.

Вчера я безучастно и сонливо наслаждалась весенним солнцем во дворе на лавочке, пытаясь впитать весь свет – и прямой, и отраженный морем. Ближайшее незакрытое окно подарило запах жареной картошки. Мои флегматичные мысли тут же его впитали, и голодное неудовлетворение окутало, как плед. Из подземного гаража выехали несколько машин с противным, но благодушным рычанием. И вдруг пропитанные табаком мужские руки закрыли мне глаза. Определять, кто это, было лень. Но меня воодушевил странный шепот:

– За спиной философ…

Впервые чувство неразгаданной тайны перебороло осоловелость и включилось желание подыграть:

– Аристотель, Сократ, Платон, Готфрид, Жан-Жак, Аврелий, Конфуций, Анаксимандр или Анаксимен?

Меня перебил глуховатый басовитый голос:

– А проще имена в голову не приходят?

– Зигмунд? – флегматично улыбнулась я.

Уже через секунду рядом сел симпатичный бородатый мужчина и снисходительно улыбнулся:

– Обычно мое имя называют первым…

– Вы? – я незаметно округлила глаза.

Мужчина раскурил сигару и, не обращая на меня внимания, продолжил:

– Как говорят у вас в Одессе, таки передо мной славный экземпляр для моих научных тутосторонних изысканий. Хотя я, первый объект эвтаназии, выбрал спокойствие тут, ну, для вас это там, проблемы человеческого сознания меня беспокоят до сих пор. И тут и там беспокоиться не о чем, просто захотелось помочь вам отыскать момент, когда родилась ваша уникальная лень.

– Мне мешает дым…

– Не перебивайте. Я никогда не вступаю в дискуссии насчет дыма, тем более вы столько лет курили. Ответьте только на один вопрос: почему вы идете на поводу у лени?

– Я не иду на поводу у лени. На поводу у лени я лежу.

– Тогда второй вопрос: если любовь женщины к себе сравнима с любовью, которую испытывает к ней мужчина, почему вам лень себя любить?

– По-разному бывает. Когда мои пальцы бегают по клавишам, я могу позволить чувства даже к себе.

– Это как раз закономерно. Воплощая свои фантазии в книгах, вы избегаете напряжения, способного привести к болезни. Но вернемся к вопросу: почему вы не любите себя?

– Я привыкла отдыхать до того, как устала. Любить – это напряженная работа, а мой мозг постоянно ищет способы от нее увильнуть. Я научилась откладывать любые дела, как курица яйца. Но представьте, что мне, например, нужно покрасить лавочку, а на ней лежит чужой кошелек, так вот я его покрашу тоже, потому что лень поднять. Я – самый всеЛенский человек. Мне лень абсолютно все.

– А вы задумывались, что лень сама по себе – трудяга? Она постоянно работает над тем, чтобы сделать из человека овощ.

– Но потом она трудится, чтобы овощ превратить в человека.

– Какой по-детски наивный ответ. А вас часто захлестывают детские эмоции? Я заметил, что ваши пережитые радости и потрясения льются ручейками в ваши рассказы. Правда, они натыкаются на пороги лени, и вы становитесь самым пассивным участником всего происходящего. Хотя облако иллюзий вашей радостной активности так поглощает остальных, что вы иногда сами верите в нее. Вы прекрасны в своей лени, однако генезис прекрасного остается все еще открытым вопросом. Категории «прекрасное» и «возбуждающее» взаимосвязаны. Ваша лень родилась в тот момент, когда вы решили, что половые органы, вид которых вызывает возбуждение, вовсе не являются прекрасными.

Я втянула в себя сигарный дым и поняла, что никогда не начну снова курить, потому что мне лень нести окурок в урну. Мой собеседник пыхтел сигарой с нескрываемым удовольствием. Хоте-

лось спросить его, а помнит он ту боль, что принес ему рак нёба и все тридцать с лишним операций, но я постеснялась. Моя неуверенность вылилась в бессмысленные слова:

– Поэт с помощью созданного им мифа способен выйти из любого положения.

– Когда вы рассказываете людям о выдуманном герое, предоставляя возможность вживаться в образ сексуально озабоченной женщины, вы сами себя подставляете. Так на что же опирается ваша лень?

– На ничегонеделанье, наверное.

– Ошибаетесь, на ваше детство, на желание творить и на запреты это делать. Большую часть жизни вы делали не то, что хочется, а то, что нужно. Изумительная среда для развития лени. Запомните главное: труднoприручаемое либидо часто берет верх над принципом реальности вопреки инстинкту самосохранения. Лень – это потеря данного инстинкта. Разрешите откланяться. Надеюсь, открыв природу ваших проблем, я вам помог. И последний вопрос: что вам нравится в сексе?

Я, не задумываясь, брякнула:

– Команда *лежать*!

Бородатый мужчина глубоко затянулся сигарой, улыбнулся и… просто исчез. А я не удержалась и крикнула вдогонку:

– Я, самый обычный пожиратель времени, причем с детства, хочу… Короче, будет желание – заглядывайте. Когда приходят гости, я забываю о лени.

Ответа не последовало, и мне захотелось начать бороться с невозмутимой умиротворенностью.

– Устала ничего не делать, пойду полежу, – подумала я вслух и добавила совсем тихо: – и знаете, когда я планирую ничего не делать, точно все успеваю.

Александр Мардань

Мы пьем за сбычу мечт

* * *

Сейчастье – вот единственное счастье,
А остальное выдумки и ерунда…
Когда рука притронулась к запястью,
И пульс считает иногда до ста…

Счастливый миг – спокойным не бывает,
И длится он не больше дня.
А если больше, значит, Бог скрывает
Какие-то нюансы от тебя…

Здесь и сейчас – вот адрес счастья
И время, что с ним можно провести,
Забыть про все проблемы и напасти,
И самого себя в себе найти…

* * *

Мы пьем за сбычу мечт, а не прогнозов,
Но, как назло, сбываются они.
Мечты в сознанье нашем, как занозы,
И их не смоют вещие дожди…

Их не иссушит солнце в синем небе
И ветер ураганный не снесет,
Они готовы ждать, пусть на воде и хлебе,
Когда заветное всерьез произойдет…

День рождения

Рассветная заря виднее с корабля,
Стоящего на якоре, на рейде.
Так происходит на планете, что зовут Земля,
Неважно где, в Одессе иль в Ходейде…

Увы, я старше стал отца и деда,
Хотя в сознанье много младше их,
Мне нравится, что мое кредо
Мне разрешает этот стих…

В жизнь после смерти я не верю,
Коль ошибусь, приятней будет жить.
Без тела радости я все проверю,
И после обещаю вам не ныть…

Сорок пятый год

Постарели мамы, повзрослели дети,
Просыпаться стали сами на рассвете,
Стали кушать меньше, кто-то бросил пить.
В зеркале загадка: сколько еще жить?

Все юней солдаты, все верней жена
И все чаще снится бывшая страна.
Что-то позабылось, что-то не дает
Память или совесть, кто их разберет.

Хоть себя не знаем, но себе верны,
Ведь живем, «не чуя под собой страны»,
Сорок пять не возраст, сорок пять порог,
За которым мудрость и, надеюсь, Бог.

…Двадцать лет спустя

Как там у старика Дюма про «Двадцать лет спустя»,
Его объемные тома стоят, слегка грустя,
Что не листают их давно, предпочитая им кино,
Вино, футбол и домино…

Промчались быстро двадцать лет,
И стал постарше белый свет,
Но нам же это все равно,
Коль есть Кино, Футбол, Вино…
И Домино!

* * *

Голубь и Чайка – какой мезальянс,
Воркуют на крыше, но тут есть нюанс.
Крыша на доме, а дом от воды
Стоит очень близко, минута ходьбы…

Он ей про Пикассо, про символ борьбы
За мир во всем мире и против войны,
Про веточку с пальмы, с горы Арарат,
Где после потопа снега лишь лежат.

Про службу на почте, про быт площадей,
Где люди приходят кормить голубей, –
Соборки, Сан-Марко, Святого Петра
Где можно наесться с утра до утра…

Ей сизому тоже есть что рассказать –
Про мачты на рейде, как в театре играть,
Про занавес МХАТа, где символ она,
И как при прибое качает волна.

Про то, что рыбешка полезней зерна
(За ней приходилось нырять ей до дна).

Про то, как встречала на море рассвет,
И что на деревьях для чаек мест нет.

Но время все делу, беседе лишь час,
В залив по ошибке заплыл пеленгас.
И Чайка сорвалась удачу искать,
А Голубь на площадь – крупу поклевать…

* * *

Если хотите писать стихи, и чтоб многим они были мѝлы,
Нужно ездить к поэтам, ну хотя бы на их могилы…
В Москву на Ваганьковское к Высоцкому,
В Венецию на Сан-Микеле к Бродскому,
В Тбилиси к Грибоедову, на Горку,
В Испанию – туда, где хоронили Гарсиа Лорку,
В Переделкино на деревенский погост к Пастернаку,
В Грецию, где по легенде лежит Гомер, на Итаку…

А приехав, сначала молчите и внешне скорбите,
А потом, помолчав, все вокруг осмотрите,
А затем уж читайте, кто громко, кто только губами
Их стихи, что так долго живут, неразрывно, с вами.
И когда вам покажется, что они вас слышат,
Попросите их тихо-тихо, как дети дышат,
Чтоб талантом своим они чуть поделились с нами,
А вернувшись, пишите, пишите, пишите талантливо сами.

* * *

От Луны – серебро, а от Солнца – золото
На поверхности с солью морской перемолото,
Как украшение ко дню рождения,
Потому что освобождение – это и есть рождение…

В Одессу вернулась советская власть,
Не самая легкая в мире напасть,
Но те, кого она силой прогнала,
Были страшнее чертей с инфернала…

Серебро на медали, золото на ордена,
Соль морская для тех, чьи тела опустились до дна.
Вечная память Одессы – кто дал ей второе рожденье.
Выпьем за них, не чокаясь, в день Освобожденья!

* * *

C'est la vie, ты моя c'est la vie.
Говорят, говорил так Дали…
Обнимая свою визави
Галю, женщину с русской земли…

C'est la vie, ты моя c'est la vie.
Я твой лик, как себя, наблюдаю.
Хорошо, что пока изнутри,
Когда долго не сплю – изучаю…

Есть хорошая песня про жизнь,
Там про утро весеннего гимна,
Только быстро ты, жизнь, не несись
И желай мне того же взаимно.

C'est la vie, ты моя c'est la vie.
Ты антракт меж рожденьем и смертью,
Ты продукт и пространство любви
Поглощенное, жаль, круговертью.

C'est la vie, ты моя c'est la vie.
Та, которую вижу вдали
Некрасивей тебя в тыщу раз,
Не хочу быть с ней рядом сейчас.

Но придется и ей послужить,
Чтобы место свое уступить,
Но прощаться меня не зови,
Мы еще поживем, c'est la vie…

Григорий Барац

Йойлик

Кто и когда посадил во дворе на Троицкой абрикосовые деревья, помнили только старые Темногороды: маленькая полная, седая Лывша – родная сестра моей бабушки Ханы, и ее муж – лысый чахоточный сморчок Йойлик. По неписаным дворовым понятиям именно они распоряжаются урожаем этой фрукты-вкуснятины. Только с их разрешения начинается сбор спелых абрикосов.

Ухватиться за толстый ствол дерева, высаженного, вероятно, между двумя мировыми войнами, мне, семилетнему пацану, было не по силенкам. Йойлик подставил к дереву сколоченную им стремянку. Надел мне на шею авоську. Сунул в карман моих «семейных» трусов бельевую веревку. И шлепком отправил меня наверх, приговаривая:

– Шмаркетынык, лазай не выше неба, падай не ниже земли.

Ветер раскачивает карабкающееся по тонким ветвям мое воздушное семилетнее тельце послевоенного болезненного пацана. И только когда голова показывается над верхушкой дерева, застываю наедине с прозрачной Вселенной. Утреннее июльское солнце ласкает теплыми лучами маковки Преображенского собора и мою стриженную под бокс макушку. Дневной морской бриз нежно обдувает меня и уносит соленую прохладу в степь за Дюковским садом. Мечтательная душа моя замирает над покоем мироздания.

Стук сторожевой колотушкой по дереву и скрипучий голос Йойлика возвращает меня к абрикосам. Оранжевые шарики с красноватым односторонним загаром ложатся мне в ладошку, как только я подставляю ее. Оттуда без промедления – в рот. И тут же снизу доносится голос Йойлика:

– У тебя попа не слипнется?

Сверху вниз прицельно летит абрикосовая косточка.

Наполненная авоська спускается к Йойлику. Он пересыпает абрикосы в жестяное ведро и дергает за веревочку. С ловкостью кошки я перелезаю на ветку пониже. Отсюда сквозь балясины галереи второго этажа видна Лывша, восседающая на двух рядом стоящих табуретках. Перед ней в оцинкованном корыте плавают добытые мной абрикосы. Рядом стопка старых газет.

Кряхтя, она нагибается за каждым абрикосом и, обтерев кухонным полотенцем, кладет в подол, приговаривая:

– Оно мине надо?

И сама себе отвечает:

– Эти засранцы сожрут их немытыми. А евреи будут, как всегда, виноватые потом за их дизентерию.

Отсчитав с полсотни абрикос, она ловким движением сворачивает из газет здоровенный куль и, пересыпая в него абрикосы, кричит на весь двор:

– Задорожный, квартира один. Приготовиться Цукерману, квартира два.

Урожай – десять-пятнадцать кульков с одного дерева – снят, но слезать не хочется. Усевшись на разлапистых ветвях и раскинув руки, я взлетаю в бездонную прозрачность неба, обгоняя стрижей и огибая облака.

– Нет, он таки да хочет шмякнуться на землю, – запрокинув плешивую голову, обращается вверх Йойлик, прерывая мой полет, и кричит: – Слезай, шибэник!

Просто спускаться было скучно. Перепрыгивая с ветки на ветку, которые почти не гнутся подо мной, я раскачиваюсь, как на качелях. Прислонившись к стволу дерева, меня терпеливо ждет Йойлик. В его руках два кулька – расчет за мое же удовольствие.

– Оглянись, – командует он. – Хвост видишь? Нет? Отрастет. Человек возвращается в обезьяну, если волындаться без дела. Приходи ко мне в подвал. Научу тебя не абрикосы, а деньги зарабатывать.

Когда-то весь дом принадлежал богатому семейству Темногородов. Отец Йойлика, купец первой гильдии, торговал орловскими рысаками. Мама держала шинок и магазин винного уксуса.

По всему периметру двора на первом этаже были устроены добротные утепленные конюшни. Над ними – квартиры. Шестикомнатную занимали хозяева. Двухкомнатные сдавались работникам, без оплаты. Пришедший к власти гегемон «уплотнил» бывших хозяев до двух комнат. Конюшни превратились в крохотные коммунальные квартирки.

Из эвакуации Темногороды вернулись в Одессу одними из первых, к концу лета. Семья уменьшилась на двух погибших на фронте сыновей – младшего Гришу и старшего Изю. Покалеченным вернулся лишь средний – Миша. Отбить удалось лишь часть квартиры, в которой жили до войны. Зато на подвал рядом с подъездом не претендовал никто.

О подвалы! Темные укрыватели светлых идей деловых людей в мрачные времена советской экономики. Покинутые, захламленные и замусоренные, вас вычищали и выскабливали ради верстака, станка, инструмента. Скольких людей вы приютили, спасли и накормили! Сколько идей помогли материализовать, превратить в то, что можно съесть, надеть, чем согреться!

Несколько протоптанных посредине ступеней, на которых проступает мраморной крошкой выложенная надпись «SALVE», ведут к дубовым двустворчатым воротам. Над ними художественное творчество самого Йойлика – с трудом узнаваемые тазики, чайники, самовары, секачки, мясорубки, ножи, прочая домашняя утварь. И им же сочиненная надпись: «Чиним, паяем, лудим починяем все. Точим ножи, ножницы, бритвы правим. Мелкий ремонт примусов с запчастями заказчика».

Волшебный мир йойликовского подвала был неожиданно светлым. Выскобленный дочиста ракушняк мерцает перламутровыми включениями. Освещение – несколько керосинок, стоящих в небольших полукруглых нишах, выдолбленных в стенах. Над их стеклянными колбами поток теплого воздуха вращает разноцветные бумажные крыльчатки. Смолистый лесной запах канифоли сизым дымком курится над кудесником, возвращавшим жизнь убитым и искалеченным посудинам.

– Вот так и люди, – вещает Йойлик, – ты их сколько ни мни, ни калечь, они все одно – от тепла и заботы выпрямляются.

Он бросает смешливый взгляд поверх рамки очков и спрашивает:

– Ты кем хочешь быть? – и сам за меня отвечает: – Конечно, летчиком, танкистом, в крайнем случае автоматчиком. Нет, это таки да нужно. Таки да главное, чтобы не было войны. А каким грустным бывает мир, ты не знаешь – ты пацан.

Йойлик редко бывает один. Не отказывает никому, кроме тех, кто не умеет его слушать. Усаживает на допотопное кресло, перетянутое черным дерматином, и, колдуя над очередной рухлядью, бормочет, как бы сам себе под нос, незаметно поглядывая на посетителя. Диапазон тем его вещания начинается с цен на Привозе и не заканчивается международной обстановкой. Кое-что у него в запасе, когда мы остаемся вдвоем.

То, что он говорит, я понял, и не только понял, но и убедился в его мудрости и прозорливости много лет спустя. Вероятно, он и рассчитывает именно на такой пролонгированный эффект.

– Понимаешь, малек, мишпуха наша гегемонская, она же до сей поры на Олимпе себя не чувствует. Победитель – он к побежденным милосердие имеет. А они гнут нас и в бога, и в душу. Гнобят праведных и неискушенных и, того не ведая, тем себе яму роют. Боятся они нас, «побежденных». Потому и держат круговую оборону: менты, гебисты, вояки, политпрос. На штыках и дуриловке держатся. Убери эти подпорки – и рассыплется диктатура ихняя, как колосс на глиняных ногах. Мне не дожить, а ты это увидишь.

Шабашит Йойлик, когда до захода солнца остается не более получаса, будь то зимой или летом. Аккуратно пересчитывает дневную выручку, поплевывая на пальцы. Записывает в амбарную книгу доход-расход. Разрезает газетный лист на несколько частей и заворачивает в них мятые купюры. Запирает ворота на железный засов с пудовым замком. Бредет к остановке двадцать восьмого трамвая на Старапортофранковской. Едет до конечной у Пересыпского моста, под которым сиротливо ютится рядом с пивной единственная в Одессе синагога. Топчется, переминаясь с ноги на ногу, в маленьком вестибюле, пытаясь, как он говорил, выбросить из головы житейскую чепуху. Подходит к пушке́ – шкатулке для пожертвований. Опускает в нее один из пакетиков и лишь тогда заходит в молитвенный зал.

Домой мы идем пешком, с одной небольшой остановкой. На Тираспольской Йойлик заходит в неосвещенную подворотню,

где его ждет похожий на тень тип в шляпе. Сквозь решетку ворот в сгущающейся темноте я замечаю, как еще один пакетик денег перекочевывает из кармана Йойлика в руки незнакомцу.

– Понимаешь, шкиля-макарона, – обращался он ко мне, выйдя на улицу. – Если ты запустил руку в бочку с медом, дай четыре пальца облизать всем стоящим вокруг. Тогда ты спокойно сможешь облизывать свой пятый палец. А иначе тебе руку по локоть откусят. И спасибо скажешь, если без головы.

Как в промокашку, впитались в мою память побасенки старого еврейского ремесленника. Хотя значение их стало понятно много лет спустя.

– Открой уши, слушай сюда и запоминай. Потом расшифруешь. Нет никаких социализмов, капитализмов, империализмов и других измов. Есть работа и деньги за работу. Они должны идти навстречу друг другу, они должны встречаться. Если между ними появляется начальник, ни работы толковой не будет, ни заработка. Это не я, это другой еврей сказал. А измы придумали те, кто делает все, чтобы ничего не делать и деньги на шару получать. У проклятых буржуинов каждый должен сам себе прибыль добывать. А наши бездельники ложечку зарплаты ждут, а за добавку начальникам задницы вылизывают.

Пожар в подвале начался, когда Лывша подала на стол куриный бульон с кнедликами. Йойлик встал из-за стола. Поцеловал Лывшу. Он всегда целовал ее после обеда. Он не торопился. Отодвинул тарелку. Многоголосье криков «пожар!» становилось все громче. Бежать не мог. Переваливаясь с ноги на ногу и тяжело дыша, подошел к толпе, окружившей вход в подвал. Соседи расступились. Черный дым вылизывали острые язычки пламени. Не сошел, не сбежал – Йойлик скатился в подвал. И только после того, как он исчез, толпа выдохнула изумленное «о-о-о-й».

Произошло это в июле, в самый разгар абрикосового сезона года, ознаменованного окончанием правления самого кровавого коммунистического вождя. Расследование с заведомо известным результатом проводил участковый милиционер: «Сам виноват – пожалел денег на электричество, керосинка опрокинулась и подпалила». Никто не ответил на мой вопрос, почему ворота были открыты, если, уходя на обед, Йойлик запер их на замок. И что

за необычные посетители в выглаженных брюках поверх сапог, с напомаженными волосами под фетровыми шляпами с черной лентой над полями зачастили к нему незадолго до пожара.

Понадобилось всего несколько десятилетий, чтобы предсказания кустаря-единоличника сбылись. Империя треснула и раскололась. Рулевые, правда, остались при власти и собственности. И все же обратный отсчет перехода к нормальной жизни начался.

В подвале обосновалась фирма «Рембыттехника», которая преобразовалась в кооператив. Во дворе все так же растут йойликовские абрикосы. И мальчишки все так же лазят по деревьям, чтобы сменять абрикосы на рыбацкие снасти.

Издано...

372 **Евгений Голубовский**
Книжный развал

379 **Феликс Кохрихт**
Среди загадочного мира

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

ИвОстРаШев
Почти полное собрание юмористических сочинений
1974-2021
Одесса, изд. Бондаренко М.А., 2021

Под этим псевдонимом объединились с конца 1970-х годов четыре одесских писателя – Ирина Ратушинская, Игорь Шевченко, Алексей Коздоба и Сергей Осташко. Под этим псевдонимом они писали тексты для команд КВН, скетчи, стихи, фельетоны. Из четырех соавторов трех уже нет. И в память о них Сергей Осташко собрал и издал эту книгу.

Чаще других мы вспоминаем замечательного поэта Ирину Ратушинскую. Ее судьба привлекла к ней внимание всего мира. Но талантливыми были и ее друзья. И вышедшая книга убедительно показывает, что в Одессе умели смеяться и в самые трудные годы.

Книга не только составлена с любовью, она и сверстана с любовью. Есть возможность прочесть общие тексты, но и ощутить манеру каждого из авторов.

Спасибо, Сережа Осташко! Жизнь ИвОстРаШев в литературе продолжается.

Игорь Чацкин
Последние стихотворения
Музей современного искусства
Одессы, 2021

Многие одесские художники писали и пишут стихи. Когда-то, договорившись с коллекционером Михаилом Кнобелем, я собрал, а он издал стихи почти пятидесяти одесских художников «Стихи на мольберте». И это было далеко не все. В этом убеждает сборник стихов Игоря Чацкина, собранных и прокомментированных художником Юрием Лейдерманом и поэтом Майей Димерли.

Игорь Чацкин принадлежит к той группе авангардистов, чьи перформансы, объекты, картины рождались в Одессе, показывались в Москве, прорывались за рубеж, становясь частью одесского концептуализма. Но параллельно громкой художнической жизни текла тихая жизнь поэта, не стремившегося публиковать свои стихи. Особенно плодотворным для поэзии был последний период жизни Игоря Чацкина (1963-2016), завершившийся в Иерусалиме.

Вот эти последние, исповедальные стихи и собраны в книге, изданной МСИО.

Василий Бетаки, Елена Кассель
Овальный стол
Одесса, Черноморье, 2021

Два автора. Одного, известного русского поэта и прозаика Василия Бетаки, уже нет в этом мире, его вдова Елена Кассель живет во Франции, а книга их мемуарных заметок вышла в Одессе. И это заслуга их друга писателя Александра Бирштейна. Он озабочен не только своим творчеством, но и издает книги своих друзей. Так благодаря Бирштейну был переиздан последний том прозы Валерия Барановского, собрание сочинений Ивана Пузанова, а сейчас и вот эта книга о многих замечательных людях.

Почему «Овальный стол»? Да потому что за этим овальным столом в квартире Василия Бетаки собирались Александр Галич и Булат Окуджава, Виктор Некрасов и Ефим Эткинд, Синявские, Максимовы…

Книга авторами не замышлялась как воспоминательная. Это уже сейчас Елена Кассель из дневников, писем, статей мужа выбрала рассказы о людях их круга. Их и дополнила своими заметками. Мне особенно интересно было читать те главы, где и я хорошо знал участников застолий. К примеру, Алика Гинзбурга, начинавшего когда-то в Москве с издания неподцензурного журнала поэзии «Синтаксис».

Т.Н. Попова
Петр Михайлович Бицилли.
Портрет в манере «сфумато»
Одесса, изд. Бондаренко М.А.,
2021

Не буду объяснять, что такое манера сфумато. Это раз навсегда определил Леонардо да Винчи. Правда, из монографии Татьяны Николаевны Поповой я узнал, что и Юрий Лотман толковал о манере сфумато в объяснении того, как нужно работать над историческим портретом.

А эта монография в 550 страниц и есть портрет великого ученого Петра Бицилли (1879-1953), вначале профессора Новороссийского, а потом Софийского университета.

Почти полвека изучает Татьяна Попова как печатные, так и рукописные труды Бицилли. Это уже не первая ее книга в осмыслении феномена вклада ученного в науку. По сути, Т.Н. Попова стояла у истоков того, что сегодня с гордостью называют «бицилловеденьем», но продолжает ставить вопросы, нащупывать пути их осмысления.

Самый страшный грех многих наших монографий – их скучность. Вот уж чего нет в книге Поповой. Это диалог с читателем, это заинтересованный разговор, когда автору интересно то, что она находит, а поэтому это интересно читателю. Я бы сказал, что это литература.

Пока я лишь в начале пути освоения этой книги. Но уверен: она будет интересна не только профессиональным историкам, но всем тем, кого интересует жизнь одесской интеллигенции на сломе эпох.

Наталья Ленская-Бедрицкая
Калейдоскоп моей памяти
Одесса, Политехпериодика, 2021

Еще сохранились в нашем городе семьи, в которых есть альбомы фотографий за многие годы. Но как часто их нынешние владельцы уже не знают своих давних сородичей!

В этом случае все наоборот. Именно семейный альбом фотографий за 150 лет позволил Наталье Константиновне Бедрицкой и вспомнить рассказы дедушек и бабушек, и рассказать о людях Одессы, ставших частью ее истории.

Фамилия Бедрицкие в нашем городе известная. Это фамилия известных футболистов братьев Бедрицких. Но альбом начинается, естественно, не с них. Самое старое фото сделано в 1882 году. И воскресают для читателя удивительные люди – священник Клопотов (его сыновья стали артистами), авиатор Сергей Уточкин, моряки императорской яхты «Штандарт», бильярдисты, автомобилисты. Кстати, К.В. Бедрицкий был водителем автомобиля П.П. Мизикевича, чье имя носила улица Одессы.

А жила семья Бедрицких то на Молдаванке, то в Первом Куликовском переулке, и каждый адрес – это истории о людях их двора, их окружения.

Мне кажется, такие лирические семейные воспоминания очень нужны в наше время. И для того, чтобы мы осознавали, какими были одесситы, и для того, чтоб в кинематографе, в художественной литературе меньше было выдумок о нашем городе.

Книгу Натальи Ленской-Бедрицкой добрыми словами напутствовал в жизнь доктор исторических наук профессор Александр Пригарин.

Издано в Иерусалиме

«И жить, и памятью вернуться»
Крымчаки: история, этнография, культура
Иерусалим, 2021

Эту книгу мне прислала из Израиля одесситка, когда-то балерина нашего прославленного театра оперы и балета Наталья Коробач. На титульной страничке дарственная надпись: «Женя, я Вам очень благодарна за то, что Вы в свое время заинтересовались темой крымчаков. Доля участия в этой книге Ваша. Спасибо. Наталья Коробач».

Помню, как меня заинтересовал лет тридцать тому рассказ Наташи Коробач о ее дедушке, историке крымчаков И.С. Кае. Я попросил ее написать об этом, а потом опубликовал статью в «Вечерке». Кто бы мог подумать, что спустя годы получу в подарок книгу, посвященную исследователями ее деду… И произойдет это в дни, когда крымчаки, как и караимы, и крымские татары, будут признаны коренным народом Украины. Тут не место вступать в спор с законодателем – почему многие другие народы, живущие в Украине, не удостоены такой же чести. Порадуемся за крымских татар, караимов и крымчаков.

Сколько сегодня в мире крымчаков? Оказывается, всего 1500 человек, из них 700 проживают в Израиле, а 500 в государствах бывшего Советского Союза. Холокост, пощадивший караимов, своим катком прошел по евреям и крымчакам. После войны крымчаки практически исчезли из Крыма, где жили сотни лет. И лишь сейчас на исторической родине в Израиле начинает возрождаться жизнь крымчаков. Свидетельством этого стал выход книги.

Издано в Ridero

Янина Желток
Женско-мужской словарь
Издательские решения
по лицензии Ridero, 2021

Вот уже и книги, бумажные книги, отлично сверстанные на хорошей бумаге, выпускаются в сети. И Яна Желток не пионер в этом деле. Оказывается, с Ridero работают уже более 300 000 авторов со всего мира.

В этом издательстве Яна Желток решила переиздать свою книгу, тираж которой у нее закончился. Для нового издания предисловие написала Галя Маркелова, в книгу Яна включила ряд новых рассказов, в частности, «Через щелочку гляжу на Варанаси», ставший победителем конкурса рассказов в 192 слова «Зеленой лампы» при Всемирном клубе одесситов.

Каждая новелла – это случай из жизни. Нет, это не автобиография. Это случаи из жизни друзей автора. Это и позволяет описывать их трогательно и иронично, весело и грустно. Яной Желток написан уже большой роман, который она характеризует как эротический триллер. Ждем его выхода. Быть может, он приоткроет нам жизнь писателя, ее радости и сомнения.

Феликс Кохрихт

Среди загадочного мира

Издано в Кременчуге

Николай Решетняк
Среди загадочного мира
Кременчуг, 2020

Автор сборника со столь интригующим названием – не космонавт, высадившийся на иной планете, не вирусолог, открывший противоковидовирус, не путешественник по Амазонке, набредший на племя неизвестных доселе аборигенов.

Жизнь Николая Решетняка с рождения ограничена жестоким недугом – он, словно доктор Стивен Хокинг, прикован к коляске, а его возможности передавать мысли и чувства родным, близким и читателям его книг – его подвиг.

Николай инвалид первой группы с детства, сам набирает и верстает свои книги на компьютере, а его мама Лилия Иосифовна – автор художественного оформления. Она тоже пишет стихи, это у них фамильное.

Николай Решетняк с племянниками Ирой и Сашей

Большинство книг Николая адресованы детям. Загадочный мир – это когда все деревья большие, когда кошка, собака и даже мышка общаются с тобой на понятном только вам языке…

Сравнение с великим Хокингом только на первый взгляд может показаться не очень убедительным, но оба – наш соотечественник из Кременчуга и легендарный ученый из Оксфорда – люди одной породы и заслуживают (по крайней мере у меня) в равной мере уважения, и достойны подражания.

О Николае Решетняке и его матери я узнал от Юрия Работина, председателя Одесской межобластной организации Национального союза журналистов Украины. Кременчуг – город в Полтавской области и не входит в ареал нашего региона, но Юра (знаю его много лет) тем и отличается от многих из нас, что способен не только заинтересоваться судьбой незнакомого заслуживающего внимания человека, но и стать ему добрым другом и помощником на долгие годы.

Николай Решетняк с подачи Юрия Работина участвует и в наших региональных журналистских и литературных конкурсах, где занимает почетные места.

Вот одно из стихотворений Николая, в котором он, живущий в далеком от моря Кременчуге, предсказывает своему маленькому земляку: «Будешь капитаном».

Солнце лучиком своим разогнало тучи.
А под деревом большим Ветер спит могучий.
Вечер. Звездочки зажглись, и Луна большая.
Посмотри ты в неба высь, весело мечтая.
О ракетах, кораблях – строй свои все планы.
Засыпая, в сладких снах, будешь капитаном!

Содержание

От редакции 3

Михаил Жванецкий
Терпим, видим, понимаем 7
Простые вещи 9

Юрий Михайлик
Самое новое 11

История, краеведение

Олег Губарь
Путеводитель по пушкинской Одессе 16

Андрей Добролюбский
«Будь счастлив!» 36

Валерий Базаров
Запятая на дороге в бесконечность 51

Ирина Ковшарь
Одесско-тульские связи 64

Одесский календарь

Михаил Пойзнер
Напоминает мемориальная доска 70

Проза

Леонид Лейдерман
Как я стал инженером 76

Михаил Пойзнер
Опять расстаюсь я с тобою 87

Марина Линда
Биточки из тюлечки 91

Анна Коренева
Два рассказа. 95

Виталия Бабущак
Убийство 100

Алена Жукова
Пиросваня. 117

Поэзия

Ирина Беньковская
Дактиль, амфибрахий и анапест. 130

Татьяна Мартынова
Переводы с украинского 136

Семен Вайнблат
Время. 140

Первые шаги

Феликс Кохрихт
«А в Одесі акація цвіте…» 150

Анатолий Горбатюк
Памяти Аркадия Креймера посвящается… 157

Искусство – жизнь – искусство

Вадим Чирков
Мои одесситы 160

Павел Козленко
Судьба режиссера. 175

Евгений Табачников
Как рождались песни 186

Феликс Кохрихт
Танго Алексея Ботвинова 192

Евгений Деменок
Письма родителей к Соне Делоне 202

Леонид Авербух
Одесские музы поэтов 230

Ирина Озёрная
Цирк навсегда. 251

Сергей Луговцев
Вся власть – сонетам!. 264

Публикации

Олег Губарь, Ирина Хургина
«Маленький Париж», или Одесский контекст 272

Ефим Ярошевский
«Из прочно забытых рукописей» 306
Публикация Татьяны Ярошевской

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
«...И роскошь, и красота, и польза...» 318

Путешествие

Влада Дизик
Египет двадцать лет спустя 340

Ах, Одесса

Елена Палашек
Рассказы обо мне 352

Александр Мардань
Мы пьем за сбычу мечт 360

Григорий Барац
Йойлик 365

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал 372

Феликс Кохрихт
Среди загадочного мира 379

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 86

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 86

Издается с 2000 года

Координатор проекта «Одесская библиотека» Иван Липтуга

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 28.07.2021
Бумага офсетная PAMO SUPER 80 г/м

©

FSC
accredited
FSCTrademark©1996
ForestStewardshipCouncilA.C.
FCS-4CC-018

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Заказ № .... Тираж 100 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса, ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД № 121 от 20.01.2003 г.
E-mail: takibook.odessa@gmail.com. Тел.: +38 (067) 486-20-34
www.takibook.od.ua

Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Регистрационное свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010
а/я 299, 65001 Украина Одесса
Тел.: +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua